В.Архипов
Н.Дегтярёва
В.Рапацевич
С.Стахеев

Если в сердце родина малая

Повести
Рассказы

Красноярск
2013

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6
Е 84

Составители Н. Миронова, Л. Лебедева, Т. Гардагина
Рисунки М. Новика
Фотография на обложке В. Гацко

Если в сердце родина малая: повести, рассказы / В.П.Архипов, Н.П.Дегтярёва, В.И.Рапацевич, С.П.Стахеев. – Красноярск: Типография sitall, 2013. – 452 с.

Книга тайшетских авторов В.Архипова, Н.Дегтярёвой, В.Рапацевича, С.Стахеева «Если в сердце родина малая» – это сборник исторических повествований и житейских историй о простых людях.

Проза, большая и маленькая (две повести и рассказы), помогла авторам глубоко и лирично поведать об истории малой родины, житье-бытье друзей, родственников, знакомых или … просто речки.

В одной книге представлены четыре автора одного поколения.

К своему читателю они шли долгими, извилистыми путями, но всех их объединила любовь к литературе, к родному краю, желание донести до читателя свои мысли и переживания, свою боль, свою радость.

Думаем, что книга прозы, представит интерес для земляков-тайшетцев уже лишь потому, что заявленные авторы – старожилы города, знают людей и историю и могут интересно об этом рассказать!

Тайшет

литературный

Уважаемый читатель! Сборник прозы «Если в сердце родина малая», который ты держишь в руках – это подарок от объединения «Тайшет литературный» и творческой группы библиотекарей, принимавших участие в его составлении к 75-летию города Тайшета.

Тайшетская земля щедра на таланты. Но зачастую люди ищут и не находят способа донести своё слово широкой читательской аудитории.

Большую и важную миссию взяла на себя Центральная городская библиотека, поддерживая литературную жизнь в городе. Она, собственно, и стала тем местом, где на протяжении десяти лет работает объединение «Тайшет литературный», сплотившее людей творческих и увлечённых.

Библиотека предоставила местным авторам свою литературную площадку, благодарную аудиторию, необходимую моральную поддержку, профессиональную и организационную помощь.

Она стала собирателем и хранителем литературных материалов, которые передаются авторами в её фонды. Здесь они обрабатываются, формируются в специальные авторские папки, записываются на электронные носители.

За эти годы прошло множество встреч с читателями, желающими познакомиться с литературной деятельностью земляков: М.Новицкого, А.Радионова, Т.Литвиновой, Ю.Адамова, С.Стахеева, О.Морозовой, Н.Ильичёвой, Н.Дегтярёвой, В.Архипова и других.

Творческий коллектив литобъединения выглядит довольно солидно: это педагоги, представители железнодорожных профессий, нештатные корреспонденты газеты «Бирюсинская новь», члены

Союза журналистов России, представители управленческих структур, работники культуры и люди других профессий.

За последнее время среди авторов-земляков появились молодые и талантливые имена. Двое из них обучаются на факультете журналистики: Ксения Попова и Ксения Речитская. Есть и школьники. Самая юная среди них – Елизавета Оводнева.

Литературная деятельность местных авторов широко освещается на книжных выставках «Таланты на Бирюсе», «Тайшет литературный», оформленных в библиотеке. У выставок всегда посетители: они открывают для себя новые литературные имена, идёт постоянный диалог с читателем.

Отрадно отметить, что у нас появилась столь важная и неоценимая для местных прозаиков и поэтов возможность решения издательских проблем. За эти годы вышло шестнадцать сборников очерков, прозы и стихов наших земляков. Шесть из них подготовлены библиотекой и изданы благодаря её проектной деятельности, средств авторов, городской администрации и спонсоров.

И это ни в коем случае не подведение итогов. Работа продолжается. Сегодня произведения авторов объединения «Тайшет литературный» публикуются на страницах литературного журнала «Сибирские огни», а также в альманахе «Новый Енисейский литератор», в котором печатаются не только писатели России, но и дальнего зарубежья.

Выражаем благодарность главе Тайшетского городского поселения Заике А.М., Благотворительному фонду «Фонд развития города Тайшета», и предпринимателям города за финансовую поддержку в издании сборника прозы «Если в сердце родина малая».

Н. Миронова

Вячеслав Архипов

Архипов Вячеслав Павлович родился в 1959 году в деревне Камышлеевка Тайшетского района. В 1966 году семья переезжает в Тайшет. Служил в армии в войсках ПВО. Демобилизовавшись, работал в дистанции сигнализации и связи электромехаником, а с 1983 года – в Иркутске на заводах и стройках области.

В 1994 году по состоянию здоровья вернулся в Тайшет, на прежнее место работы.

В 2001 году уезжает на постоянное место жительства в Израиль на историческую родину жены. Прожив на чужбине пять с половиной лет, в полной мере ощутил тоску по родине. В 2007 году возвратился в Тайшет. Жена и двое детей остались за границей.

Литературным творчеством пробовал заниматься в армии, писал стихи. В 80-е годы входил в состав литклуба «Бирюса». Первый рассказ был напечатан в местной газете в 1981 году, потом ещё два. Затем более двадцати лет он не заявлял о себе. В 2009 году, осмыслив пережитое, снова взялся за перо.

За последние три года Вячеслав Архипов написал три повести: «Искры на воде», «Камышлеева деревня», «День Победы», более сорока рассказов, объединённых в циклы «Невыдуманные истории», «Беседы на завалинке», а также сатирическую сказку «О царе Лупаре, о делах при дворе, о народе и солдатах, ну и разных бюрократах» и целый цикл стихотворений.

Публиковался в сборнике «Литературный клуб «Бирюса». Тайшет, 2002, в литературном альманахе «Новый Енисейский литератор», № 5, 2012.

Член объединения «Тайшет литературный» с 2011 года.

О чём же пишет Вячеслав Архипов? Основные темы его повествований – история своего родного края, своей деревни. В них боль за безвозвратно ушедшее время, эта боль от большой любви к своей малой родине, к селу, родительскому дому, своим землякам.

Повести, напечатанные в этой книге, – это практически первые художественные произведения, в которых сделана попытка представить определённый период истории освоения земли Тайшетской в художественной форме.

А что из этого получилось, судить вам, дорогие читатели.

Искры на воде

Повесть

«Кеты (кет – «человек», остяки) – коренной народ Красноярского края. Живут в среднем и нижнем течении Енисея дисперсными группами. Общая численность в России не превышает две тысячи человек».

«…Южные группы кетов – котты расселились к востоку от Енисея, выше устья Ангары (рек Усолка, Она, (Бирюса) Кан). К этому времени XVII-XVIII века происходило растворение кетов в иноязычной среде, слияние их с соседними народами. Котты дольше других сохранили свой язык – до второй половины XVIII века».

«…Перечень коттовских улусов (аймаков): Иланская (Еланская), Таганаков и Именков. Улусы находились на р. Пойма, р. Тибишет, Пеленгутская волость располагалась на р. Туманшет, в районе ее устья, где кочевали в тайге карагасы (черные асы, или тофы иначе). Агашская и Инголотская волости располагались на реках Бирюса и Тагул».

(Из исторических документов)

1

Широкая лента водной глади огромной змеёй выползала из-за горы. Медленно и бесшумно проплывала мимо, завораживая своим величием. Только слегка всхлипывали ветки тальника, купаясь в набегающих струях, да солнце, распавшись на множество мелких искр, разлилось по всей прибрежной полосе на противоположной стороне реки. Искры, расшалившись, разлетались в разные стороны, снова собирались вместе и исчезали в прибрежной траве. Появлялись в другом месте, и всё повторялось до тех пор, пока солнце не коснулось макушек огромных сосен на вершине сопки, прислонившейся к реке. Когда уставшее за день светило стало прятаться за деревьями, искры вдруг превратились в огромное багровое пятно. Оно то расползалось, то собиралось в кучу, принимая невероятные формы. Солнце зашло. Ещё какое-то время зарево окрашивало небо, но тяжёлые сумерки поглотили все цвета. Несколько мгновений была абсолютная тишина, словно все одновременно затаили дыхание, но вдруг сразу громко зазвенел гнус, до сих пор таившийся в траве. И не только зазвенел, но и направился на поиски своих жертв.

Проказница Бирюса всей своей красотой представала перед очередным своим притоком. Туманшет был вполовину меньше. Он, шумный и своенравный в верховье, здесь успокаивался и тихо соединялся с более мощной сестрой. Две реки вытекали из гор, но после слияния левый берег становился равнинным, поросшим редким тальником. Простираясь вниз по течению, он всё больше уходил в сторону, расширяя равнинные просторы. В половодье река заливала эти места, образуя озерца и болота. Это были райские места для водоплавающей птицы. Разные виды уток выводили здесь своё потомство, гуси и лебеди пользовались озёрами и лугами для кормёжки и отдыха при своих сезонных перелётах. На правом берегу высокие холмы ещё долго тянулись вдоль реки, уходили в сторону, а потом опять прислонялись прямо к самой воде.

На сухом, ровном, как стол, месте, возле самого устья Туманшета, расположилась Пеленгутская волость. Одно из немногих поселений на берегу реки, в которых постоянно проживали котты, совсем немногочисленный народ, прижившийся в бассейне рек Бирюса и Кана. Теснимые южными соседями, кеты стали кочевать на север, в низовья Енисея. Небольшая часть пошла на восток по Ангаре, потом сверну-

ли на Ону и Кан. Поднимаясь вверх по течению Бирюсы (Она), не остановились, а пошли на реки Пойма, Тибишет, Туманшет и Тагул. Со временем они стали зваться коттами, или остяками (так звали их казаки, успешно осваивавшие Сибирские просторы). Котты – народ, не имевший мест постоянного проживания, летом ютился по берегам рек, а зимой уходил в тайгу на промысел. Добывали мясо и рыбу для своих нужд и пушнину для обмена на нужные товары. Только несколько постоянных поселений, среди которых были и Пеленгуты, стояли в устьях рек Туманшета, Тагула, Тибишета. Жители в них освоили несвойственные изначально ремёсла. Занимались шитьём разной одежды, кузнечным делом, шили обувь, изготавливали и разные поделки для себя и на продажу. Там и проходили торги в середине лета, когда все охотники спускались по рекам в поселение. С низовьев Бирюсы лодками и обозами прибывали купцы.

Посреди селения стояло жилье, наполовину срубленное из леса, верхняя часть которого, собранная жердями под конус, загорожена досками и укрыта землёй и дерном. Наполовину землянка, наполовину чум. А зимой утепляли шкурами лосей и оленей. Рядом находилось загороженное пространство, загон для скота, который разводили котты, постоянно проживавшие в поселении. Таких полудомов, получумов было немного – десятка два. Два дома были полностью срублены из дерева, покрыты двускатной тесовой крышей. Здесь жили торговые люди, здесь же приезжие купцы раскладывали свои товары.

Вокруг них стояли чумы, покрытые алатаем (берестяным покрытием). Здесь жили охотники, приплывшие сюда с верховья Туманшета, Тагула, Бирюсы на своих больших, собранных из кедровых досок лодках-илимках. Можно было жить прямо в них, приспособленных для этого, но и чум было поставить недолго, при этом находиться в гуще всех событий. В лодках обычно проживали подростки, сторожившие их от свободно слоняющегося вокруг скота. Воровство коттам было неизвестно. Они обменивали пушнину, шкуры лосей, оленей, камус, поделки из бересты на товары, которые нельзя добыть ни охотой, ни рыбалкой, брали медную посуду, котлы, чайники, для дорогих гостей приобретали и фарфоровые чашки. Покупали чай, табак, сахар, крупу, соль добывали сами на солёном озере, которое находилось недалеко от реки. Воду набирали в низкие специальные ёмкости из бересты, она испарялась, а соль собирали в кожаные мешочки. Загружали свои огромные лодки мукой, разными продуктами,

одеждой, материей, другими необходимыми предметами, украшениями, которые очень любили девушки.

Возле чумов уже горели костры, на них в больших медных котлах, начищенных по случаю, варили рыбу и чай. На гнус мало кто обращал внимание, потягивали трубки и обдавали себя облаком дыма, и мошкара не летела близко к костру.

Старый Шалгу уже много часов сидел молча. Сначала он наблюдал за игрой света на воде на закате солнца, теперь смотрел на искры над костром. На его изрезанном морщинами, изможднённом лице иногда появлялась едва заметная улыбка. Его длинные седые волосы космами торчали во все стороны, нечесаная бородка была взъерошенной. Очередной раз набив свою старенькую трубку, вырезанную из корня старого кедра, Шалгу раскурил её и снова стал разглядывать искры, порхающие над костром, вспоминая прошлое.

Самое раннее, что помнил Шалгу, это большую реку, да лодку-илимку, которую тащили всей семьёй за верёвку по берегу. В этой огромной лодке всё лето проживала его семья. В тот год несколько семей погрузили всё своё нехитрое имущество в лодки, отправились на новые земли. Начались притеснения от казаков, появившихся в этих местах. И тунгусы заходили с севера в охотничьи земли. Тесно стало на Бирюсе, и коттовские роды стали расходиться по южным притокам Бирюсы. Отец Шалгу, его братья с жёнами и детьми большой семьёй одними из первых тронулись в путь. Шалгу сидел в лодке и смотрел по сторонам.

Земли оказались свободными. По пути встретили охотника, кочующего на олене, расспросили его, где можно остановиться, не мешая другим. Охотник оказался из рода карагасов, кочевого народа, обитавшего далеко в верхах рек, редко спускавшегося в эти края. Тогда и пошли родичи Шалгу осваивать Туманшет и близлежащую тайгу. Добрая оказалась и река, и тайга, там и вырос Шалгу. Вспомнил старик, как потом, когда вырос, и сам таскал лодку по реке. Но ни отец, ни сам Шалгу не изменили этим местам, прижились. В тайге было много белок, лосей и изюбров, в реке много рыбы. Родились и выросли дети в этих местах, ставших им родными. Много воды утекло, несколько лодок пришлось сменить с тех пор.

Ещё несколько дней Шалгу вместе со своими сородичами останется здесь. Завтра начнёт делать маленькую лодку-ветку. Осина, из которой предстоит выдолбить лодку, уже лежит готовая на берегу,

осталось только приложить руки. Старик – один из немногих умельцев, у которых лодки получались лёгкими, крепкими и удобными. Казалось, чего там делать, выдолбил по форме, развёл борта и всё, так-то оно так, да только лодки получались разные. Шалгу делал лучшие во всём этом краю ветки. Только ему давали хорошую цену за работу, по всей округе знали, что он большой мастер. Лучше его никто не мог сделать и лук. Много секретов таил хороший лук: как выбрать берёзу, лиственницу, как высушить. Осетровый клей, которым склеивали детали лука, Шалгу варил сам, сам выбирал хрящи и воздушные пузыри, которые вываривал на медленном огне. У него были свои секреты, которые он хранил, не желая передавать их кому попало. Каждый охотник мечтал о таком оружии.

Старик ещё с утра приготовил тёсла и остальной инструмент, осмотрел дерево, приготовленное для лодки. Всё было готово. Вторую половину дня Шалгу сидел и настраивался на работу. Потом мысли улетели в прошлое, разбередили душу старика, таким мыслям только дай волю, они вывернут всё наизнанку. Вспоминается разное, но хорошего всё же было больше. Нечасто в жизни приходилось есть толчёную еловую кору с порсой, порошком из сушёной рыбы, обычно хватало мяса и юколы до нового сезона. Только два года помнит Шалгу, когда не было еды, и то это было давно.

Хорошие охотники в роду у Шалгу, умеют добыть лося и дикого оленя и по мелкому снегу, и по глубокому, и по насту. Есть чем порадовать живот длинными зимними вечерами. А когда все сыты, то можно и послушать разные истории, покуривая трубку. В чуме тепло, только вьюга подвывает за пологом, раскачивая сосны за макушки да сбрасывая шапки снега с еловых лап. Сам Шалгу один далеко не ходит за добычей, ноги стали подводить, не может старик угнаться за своими сыновьями. Старший Чалык уже имеет свой чум, у него есть жена и двое маленьких сыновей. Они ещё цепляются за материну юбку – вырастут. У Чалыка есть время ждать. Неплохой охотник получился, много добывает белки и соболя. И мясо всегда варится в котле. Его жена Кутега из рода карагасов (тофы) привезена из верховьев Бирюсы четыре года назад. Хорошая невестка. Всегда лучший кусок мяса получает Шалгу. На следующее лето надо выбрать жену для Нюнням. Всю зиму младший сын будет охотиться, чтобы приготовить хорошие подарки невесте и её родственникам. Шалгу хочет и вторую невестку взять из рода карагасов. Хорошие невесты из этого рода, умеют всё

делать, даже охотиться научены, не пропадут. Старик уже расспрашивал знакомых чёрных асов (тофов), в какой чум прийти с подарками, где есть лучшие невесты. Только бы добыча была хороша, а с хорошими подарками в любом чуме будут рады встретить, не выбросят подарки, не перевернут котёл. Подарки для невесты принято дарить в котле, если не перевернули котёл, значит, готовы принять и жениха.

– Нюнням, – сказал старик младшему сыну, – будешь помогать лодку делать.

– Хорошо, – Нюнням никогда не задавал лишних вопросов и говорил совсем мало. Больше слушал и смотрел, пытаясь всё запомнить. Он был выше отца, лицом в красавицу-мать, удачей и ловкостью в Шалгу. Нюнням был предметом незаметных девичьих взглядов и в стойбище, и в Пеленгутах, но не замечал их. Ходил Нюнням всегда в сопровождении своей собаки. Четыре года Нюнням растил Чура, так звали кобеля, таскал его по лесу, брал на рыбалку. Все охотничьи инстинкты со временем проснулись в собаке. Чур слушался только своего хозяина, даже старик Шалгу не мог заставить кобеля подчиниться себе, как всех остальных собак. Чур был выше своих сородичей, чёрный, с жёлтой подпалиной на широкой груди. Свою силу он давно показал всей своре и верховодил всеми собаками в стойбище. В драках не участвовал, но выходил из послушания и бегал со всеми кобелями в очередной сучьей свадьбе. Природа брала своё. Кобель был из редких охотничьих собак, работавших и по зверю, и по птице. Одинаково хорошо облаивал белку и брал соболя, гонял косуль, держал сохатого и медведя, даже доставал сбитую утку из воды, облаивал глухаря. Своим собачьим чутьём он всегда знал, что надо делать на охоте, никогда не ждал команд, просто делал своё дело и всё, жил охотой.

Два года назад отец сделал младшему сыну большой подарок, специально для него склеил лук. Радости не было предела. Не каждый охотник был достоин такого подарка, а он, совсем ещё мальчишка, имел такое сокровище. Нюнням спал с луком в обнимку.

– Не опозорь меня, – сказал отец, подавая оружие.

Прочные крепкие стрелы, выструганные из берёзы, всегда находили цель, словно лук сам выцеливал добычу. В первый же день к вечеру Нюнням принёс домой козу. Когда Чур вдруг сорвался с места и исчез в кустах, молодой охотник затаился у огромной сосны. Он приготовил лук и стал вслушиваться в однообразные звуки леса.

Вдруг где-то далеко раздался звонкий лай Чура. Вместе с собачьим лаем, быстро приближавшимся к охотнику, иногда раздавался и треск сучьев. Коза выскочила на полянку перед охотником, лук хлопнул тетивой, стрела пронзила шею добыче. По инерции коза сделала ещё несколько прыжков и рухнула. Нож доделал дело. Вечером в стойбище было весело. Вырос охотник, вырос кормилец и добытчик. Охотнику вручили лучший кусок мяса в знак признания, Чур тоже получил свою долю.

Длинный летний день подходил к концу. Шалгу и Нюнням сидели на бревне и разглядывали результат своего труда. Перед ними лежала ещё не лодка, но уже и не бревно, которое они начали обрабатывать с восходом солнца. С первыми лучами Шалгу вытащил из сумки своего божка, что-то пошептал, спрятал его и взялся за тёсла. Нюнням стал выдалбливать середину, а Шалгу делать форму будущей ветки. К концу дня всё лишнее отсечено, осталось только развести лодку, сделать её широкой. Поставить шпангоуты, сделать сиденья, просмолить, и лодка вызреет, словно кедровая шишка осенью, можно пробовать на воде. Целый день вокруг лодки на небольшом расстоянии сидели любопытные и наблюдали за работой, надеясь выведать секреты старика. Некоторые мастера не любят, когда за ними наблюдают, прогоняют всех, Шалгу скрывать нечего. Есть глаза – смотри. Не всё, что увидишь, можно сделать, да и секретов особых нет. Нужен острый глаз, твёрдая рука и много терпения. Одно неловкое движение – и можно всё испортить безвозвратно. Лодка получается тонкая и случайно прорубить насквозь можно очень просто. Шалгу сам заканчивал последнюю выборку. Знал, что Нюнням не испортит дело, но хотелось показать своё искусство. Отец с сыном раскурили трубки и, довольные выполненной работой, пускали дым и щурились от удовольствия. Любопытные подходили к лодке, смотрели, трогали руками, пробовали на вес и восторженно галдели. Пришёл и охотник, заказавший ветку. Осмотрев лодку, подошёл и молча присел рядом с мастером. В глазах теплела улыбка.

– Завтра приходи, будешь смотреть. Воду опробуем через день, – сказал Шалгу, не поворачивая головы.

Охотник кивнул и ушёл. Разошлись все по своим чумам, только Шалгу с сыном ещё сидели возле лодки.

– Пора готовить подарки, – сказал старик. – Много белок ловить. Хорошую невестку буду искать. Богатые подарки надо готовить.

Нюнням сразу всё понял, раскраснелись его смуглые щёки. Но он ничего не ответил, словно и не слышал слов отца. Шалгу поднялся и медленно побрёл к чуму. Большую работу сделал мастер, устал, но не показывал вида.

Много повидал старик, всё чаще стал задумываться о прошлой жизни, подводил какие-то итоги. Жизнь катилась ближе к вечеру, и хотелось достойно встретить закат. Осталось женить младшего сына, и он будет готов встретиться с Есь. Всё чаще всматривался в небо Шалгу, пытаясь поймать взгляд повелителя неба. Он точно знал, что бог Есь уже посматривает в сторону старика, хотя ещё и не зовёт его. Его жену Чннга забрала к себе злая Хоседэм. Пять лет уже прошло. Старуха на лодке переплывала на другой берег пособирать луковиц сараны, топляк, затонувшее бревно, едва видневшееся из воды, опрокинуло лодку. Чннга ударилась головой о дерево, и Хоседэм утащила её на дно. Похоронили Чннга на высоком берегу Туманшета. С тех пор старик стал понемногу сдавать, хотя крепился и старался выглядеть бодрым.

Утром Шалгу с сыном разложили длинный костёр, на котором можно было полностью прогревать лодку. Ждали, пока нагорят угли. Лодку лучше прогревать на углях, тепло равномерно расслабляет влажную податливую древесину. Прогретую лодку клинышками начинают разворачивать, с каждым разом увеличивая длину клиньев, снова и снова прогревая лодку, чем медленнее разводить дерево, тем меньше возможности порвать борта. Зрителей вокруг было ещё больше, не часто можно увидеть, как из куска дерева рождается лодка. Люди сидели молча, если и восхищались, то делали это бесшумно, не мешая мастерам. Нюнням и помогал отцу, и что-то делал самостоятельно. Шалгу удивлённо поглядывал на сына, но молчал, не мешал, видел, что сын делает всё правильно. «Хороший мастер будет, – думал старик. – Всё правильно видит. Острый глаз у Нюнням. Хороший охотник, хороший мастер. Есть кому отдать секреты».

К вечеру лодка была готова. Всё, что надо, стояло на месте. В последний раз её прогрели, чтобы все натянутые места ослабли, приняли форму. Лодка получилась ладной. Осталось просмолить, и можно спускать на воду. Завтра день уйдёт на последние доработки.

К концу следующего дня, когда ветка была готова окончательно, спускать её на воду собрались почти все жители Пеленгут. Люди с любопытством и с тревогой смотрели на последние приготовления. Ис-

пытывать лодку взялся молодой мастер Нюнням. Когда он сел в ветку и приготовился оттолкнуться от берега, в лодку запрыгнул Чур. Он быстро улёгся в носу лодки и стал поглядывать вперёд. У зрителей на берегу это вызвало смех. Люди улыбались и кивали головами. Это был добрый знак, хорошая собака в плохую лодку не прыгнет. Нюнням немного поплавал возле берега, покачал лодку и вернулся на берег. Теперь должен опробовать хозяин. Охотник с напускным равнодушием взялся за весло, долго пускал лодку туда-сюда, поворачивал, плыл задом. Потом, причалив лодку к берегу, вытащив на песок, подошёл к Шалгу, сидевшему на камне и равнодушно наблюдавшему за происходящим, протянул кожаный кисет с табаком, угощая мастера, стараясь быть серьёзным, сказал:

– Хорошая ветка, – но на лице блуждала довольная улыбка, выдавая восторг.

–Добрая, – кивнул старик, раскуривая трубку.

– Я доволен. Ты лучший мастер.

Старик кивнул, поднялся с камня и, не оглядываясь, отправился к себе. Люди ещё долго не расходились, обсуждая работу.

– Шалгу! – окликнул охотник. Старик остановился, не оборачиваясь.

– У меня ещё заказ есть.

– Приходи завтра, – старик скрылся среди чумов.

2

Вместе с восходом с реки поплыло молочное облако тумана, накрывая всё вокруг. Солнечные лучи только делали белое марево ещё более белым, но не проходили насквозь. Туман стал преобразовываться сначала в мелкие капли, рвался на куски, прилипал к траве и, наконец, осел большими прозрачными бусинками на траве и кустах. Воздух становился прозрачным, прохладным, освежающим. Всё на мгновение замерло, но вскоре солнце стало разогревать воздух и съедать росу. Поселение зашевелилось, ожило. Между жилищами сновали люди, уже горели костры, в котлах готовилась рыба, варился чай.

Шалгу курил уже вторую трубку, когда пришёл охотник, получивший вчера лодку. Он молча присел к костру, тоже раскурил трубку. Двое мужчин курили и думали о своём, наконец охотник выбил остатки табака из трубки, спрятал её за пазухой.

– Все знают, что лучше тебя никто не делает лук. Далеко вокруг идёт слава.

– Лук сам не стреляет, нужна крепкая рука охотника, острый глаз.

– Это верно. Всё верно. Я хочу такой лук. Постараюсь не опозорить твоё имя, Шалгу.

– Это будет не скоро.

– Я буду ждать сколько надо, – сказал охотник и пошёл прочь от костра.

Илимку, большую лодку, наполовину покрытую берестой поверх согнутых ивовых прутьев, приготовили к отплытию только после обеда. Никто не торопился. Лодку придётся тащить верёвкой всем, кто на это способен. Илимка, хоть и имела низкую осадку и хорошо скользила по воде, но на этот раз она была хорошо нагружена. Только муки нагрузили до следующей торговли, а это будет только через год. Много и других товаров, своих вещей. Хороша лодка, много можно погрузить, и ещё есть место для людей.

К вечеру ушли на хорошее расстояние. Шалгу, Чалык, Нюнням и другие мужчины тащили лодку, Кутега стояла на носу лодки и отталкивалась багром от камней. Только маленькие сыновья Чалыка сидели в лодке и вертели головами по сторонам. Женщины шли по берегу и собирали разные травы и листья, нужные и для чая, и для настоев. Сначала шли неохотно, но потом втянулись, и стало легче. Когда солнце зацепилось за макушки сосен, Шалгу остановил движение. Илимку привязали к дереву, сами стали готовить место для ночлега. Кутега быстро развела костёр и повесила два котла: один для чая, в другом варить рыбу, другие женщины помогали ей. Всё делалось легко и ловко. Старик сел на огромный валун и раскурил трубку. Нюнням на ветке быстро перегородил тихую заводь сетью, а Чалык прошёл по берегу и палкой похлопал по воде. Сеть затрепыхалась, несколько щук запутались в сети. Нюнням выбрал самых больших, а остальных разделил собакам. Любимец Чур получил лучший кусок. Вскоре от костра потянулся вкусный запах варёной рыбы. Пока готовилась еда, Нюнням повесил на кусты сеть сушиться, вытряхнув запутавшуюся траву и сучья.

– Закрой всё в лодке и привяжи её получше, завтра будет дождь, – тихо сказал Шалгу, не вынимая изо рта трубки. Нюнням ничего не спрашивал, просто сделал, что говорил отец, старик зря не скажет. Большими кусками бересты Нюнням прикрыл лодку и проверил ве-

рёвку. Чалык притащил несколько сухих валежин, будет чем поддержать костёр.

– Только завтра к вечеру закончится дождь, будем ждать здесь, – добавил Шалгу.

Кутега позвала на ужин. Ели молча, поглядывая на чернеющее небо. После еды верёвками и кольями стали укреплять шалаш.

Очень часто здесь дожди сопровождаются грозой, а гроза в лесу страшна. Ветром раскачивает макушки деревьев, высоченные сосны начинают сердито трещать и скрипеть, а берёзы сердито размахивать длинными ветками, скручивая их в верёвки. Если дерево находится недалеко от шалаша, то становится страшно, кажется, что оно вот-вот рухнет на голову. Грозы такие сильные, что редко обходится без последствий. Обычно молнией разбивало одно-два дерева, особенно высоченные лиственницы. Хорошо, если будет сильный дождь, а то не миновать лесного пожара. Когда Шалгу был ещё молод, ему приходилось убегать от пожара. Хорошо, что река была рядом, а там стояли лодки. Вместе со всеми сородичами попрыгали в лодки и отплыли на середину реки. Следом летели горящие головёшки, словно страшная Хоседэм швыряла вдогонку свои проклятия в виде горячих сучьев. Пожар бушевал много дней, продвигаясь вдоль берега, пока не пожрал всё. Шаманы выпросили дождь, только тогда огонь сник и погас, когда Есь залил всё новым дождём. Много забрала себе Хоседэм всего, только людей не тронула. Плохие времена наступили для Шалгу и его сородичей. Пришлось перебираться на другое место подальше от пожарища. Делать новые чумы, налаживать жизнь. В другом месте пришлось делать новые кулёмы, плашки, мастерить черканы, ловушки для ловли белки, соболя, горностая. Тогда-то и стал учиться Шалгу делать луки, мастерить лодки. Быстро освоил секреты искусства, потом только сам прибавлял к своему мастерству. Учился варить осетровый клей, выбирая нужные хрящи, воздушные пузыри, другие части рыбы. Научился выискивать нужные берёзы и лиственницы, из которых делали луки и черканы, подбирал ели для изготовления лыж, тонких, лёгких и очень прочных, искал толстые осины для лодок-веток. Не всякое дерево подходило для работы: то сучьев много, то гнилое внутри.

Шалгу долго сидел у костра. Разные мысли роились в голове, словно осы возле осиного пузыря. Все уже улеглись в большом шалаше, сделанном из больших веток, накрытом кусками бересты и све-

жим лапником. Нюнням тоже сидел поодаль и курил свою трубку, он не мог оставить отца одного. Нюнням заметил, что Шалгу всё чаще стал задумчиво сидеть в одиночестве. Что-то мучило старика в последнее время. А спросить было непозволительно для сына, молод ещё.

Только дождь заставил Шалгу пойти в шалаш, налетевший с первыми порывами ветра. Гроза началась не сразу. Ближе к ночи загрохотало и засверкало. В отблесках молний косые потоки воды просто лились с неба. Сильно сердился Есь, много шума сделал. Ближе к утру стихло, и только ровный и уже тихий шёпот дождя шелестел в листьях, нагоняя сон.

Утром третьего дня продолжили путь. Останавливались, отдыхали день-два и снова двигались вверх. Только через десяток дней показались чумы родного стойбища. Собаки встретили дружным лаем, а потом виноватым поскуливанием провожали до самого стойбища. Прибежали ребятишки. Стайкой птичек они порхали с места на место, громко гомонили. Помощи от них немного, только шум. Вышли встречать те, кто оставался в стойбище: женщины, подростки да старики немощные. У мужчин много дел и вдали от женских юбок. Кто ремонтировал котцы (ловушки для рыбы), кто готовился к охотничьему сезону и готовил снаряжение. Подростки рыбачили, охотились на птицу, набирающую силу. Женщины занимались домашними делами, шили одежду, выделывали рыбьи шкуры, смотрели за детьми, готовили еду. Скоро начнётся котцевый сезон. Нужно будет наловить, навялить и насушить много рыбы, перетереть сушёную рыбу на муку (порсу), натопить рыбьего жира – первейшее лекарство зимой, а она длинная. Ещё заготовить луковиц сараны, листьев брусники, шиповника да разных трав. Все эти припасы хранятся в мешочках из кожи рыб, мягких и непромокаемых, и в берестяных коробах, чуманах и туесках, которые тоже делают женщины.

К вечеру в стойбище пришли все. Собрались возле костра, приготовились слушать, хорошо ли удался торг. Когда Чалык стал вытаскивать товары и раздавать подарки, люди заулыбались, довольные хорошей торговлей. Хорошо, что есть много хлеба, табака, чая. Не скучно будет слушать разные истории в сезон холодов. С кружкой чая да с трубкой хорошего табака всегда легче пережидать суровые времена. Женщины разглядывали разные цветные материи, как белки цокали языками в знак одобрения. Будут у них новые красивые на-

ряды. Иголки, нитки, разноцветные бусы, другие украшения вскоре разошлись по рукам, обретая своих хозяев. Новые медные котлы да чайники стояли рядком. В каждом чуме будет своя посуда. Привезли войлока, который нужен был для утепления чума, а ещё из него шили зимнюю обувь, сукно для одежды, тоже понравилось. Всё было нужным и ко времени. Не скоро угомонилось стойбище, обсуждая приятные события. Не часто радовались люди в этой тяжёлой жизни, не часто бывали праздники в стойбище.

Утром следующего дня всё было как обычно. Мужчины занимались своими делами, у женщин и подростков были свои заботы. Женщины заготавливали ягоду, разные корешки, которые пригодятся потом, когда вьюга будет выть за пологом чума и выходить будет совсем неохота. Скоро созреет орех, потом заготовка рыбы. На каждый день свои заботы.

Шалгу некоторое время сидел у костра, курил, потом поднялся и позвал сына.

– Нюнням, собирайся, пойдём, – старик зашёл в чум, взял свою котомку, накинул на плечи и направился в лес. Младший сын, не спрашивая ни о чём, взял лук, стрелы, свой мешок и пошёл следом. Чур последовал за хозяином. Сначала он плёлся позади, но потом, словно стряхнув с себя лень, кобель обогнал отца с сыном и исчез в лесу. Охотники шли половину дня молча. Отец впереди, по одному ему ведомой тропе, сын позади на небольшом расстоянии, чтобы не мешать старику и не раздражать его. Шалгу неожиданно остановился, посмотрел по сторонам, присел на валежину.

– Ночевать будем здесь, – сказал старик. Нюнням стал готовить шалаш. Через некоторое время всё было готово. Стоял балаган, крытый лапником, горел костёр. Нюнням с котелком пошёл в распадок, набрать воды, когда вернулся, то увидел, что старик так и сидел, раздумывая о чём-то своём. В котелке заваривался чай из кореньев, листьев и ягод. Нюнням вытащил несколько сушеных рыбин и лепёшки. После обеда Нюнням собрался поохотиться возле стоянки, порадовать старика свежим мясом, но Шалгу неожиданно сказал:

– Не ходи. Сегодня не надо. Все дела утром, а пока отдыхай.

Сын улёгся на приготовленный лапник и стал смотреть на огонь, Чур рядом свернулся калачиком и спрятал нос от мошкары, которая подлетала и к костру. Нюнням впервые был здесь. Догадывался, куда они пришли. Священные места – мольбища находились далеко от

стойбища, чтобы лишний раз без дела не беспокоить духов. Только перед сезоном охоты приходили сюда охотники и просили у духов хорошей добычи и удачи. Ещё не время для охоты, но сейчас нужно было все здесь привести в порядок, очистить мольбище от травы и веток. На мольбищах было множество разных фигур духов, которые вырубались из частей дерева в виде человеческой фигуры. Это были грубо высеченные части головы и лица. Иногда бревно высотой в два-три человеческих роста имело на конце человеческую голову, вырубленную топором. Таких фигур на родовом мольбище могло быть несколько десятков. Чем больше, тем лучше. Каждую весну и осень их добавляли, делали и высокие, и маленькие. Аккуратно прислоняли их к специальным опорам.

Нюнням знал, что ему предстоит вырубить несколько фигур духов, которые будут помогать ему на охоте, на рыбной ловле, во всех его последующих делах. Они принесут ему удачу, хорошую добычу. Ещё Нюнням надеялся, что духи помогут Шалгу найти хорошую жену для него. Юноша знал, какую он будет делать самую главную фигуру, как он не только пальмой, но потом и ножом станет придавать красоту своим духам, и они отплатят ему добром. Размечтавшись, он и не заметил, как сон сморил его.

Утром Нюнням свалил сосёнку и стал разрубать её на части. Получилось три хороших заготовки для божков. Юношу никто не учил делать фигуры, но словно какая-то непонятная сила водила его рукой. Лезвие аккуратно выбирало лишнее дерево, оставляя только необходимое. Сколько прошло времени, Нюнням не помнил, но когда все три фигуры были готовы, солнце уже покатилось к макушкам сосен. Шалгу сидел у костра и курил свою старую, как и он сам, трубку. На костре в котле варился глухарь. Пока сын, словно заколдованный, делал своё дело, Шалгу походил вокруг и подстрелил птицу. Глухарь бродил вдоль ручья, выискивая камушки, и не услышал, как старик подошёл на полёт стрелы. Шалгу не потерял навыков, хватало ещё силы в руках. Пронзённую птицу старик принёс к костру, снял мешком шкуру вместе с перьями и отдал собаке. Все потроха, сердце, печень и желудок, самое вкусное, старик отнёс своим божкам, тем, которых делал сам, которые всю жизнь помогали ему. Шалгу нравилось, что его младший сын так старательно делает своих божков. Значит, есть в нём какая-то сила, которую приметили «хозяева леса, реки, животных и птиц». Значит, будет у него удача. Хорошим охотни-

ком станет Нюнням. Дух всех животных Койгусь будет помогать ему. В этом году Шалгу пойдёт на охоту вместе с младшим сыном. Пока нет у него жены, некому помочь ему, но летом найдёт Шалгу жену сыну, будет охотиться своим чумом, будет и отцу место в чуме сына, будет старик зимой греться у чувала и слушать рассказы охотников, а летом, как старый кобель, сидеть и греться на солнышке да, пока слушаются руки, мастерить луки и ловушки.

Утром отправились в обратный путь. Немного не доходя до стойбища, Шалгу свернул на закат солнца и пошёл по гребню скалы. Когда стемнело, Шалгу остановился, осмотрелся. Нашёл старый шалаш и стал поправлять его.

– Я делал его давно, ещё целый. Здесь у нас есть одно дело. Завтра закончим и пойдём в стойбище.

Старик улёгся в шалаше – устал. Нюнням сварил только чай, есть не хотелось.

– Ты думаешь, зачем старик привёл тебя сюда?

Сын кивнул головой.

– Здесь самое хорошее место для духа реки. Он помогает нам жить, надо сделать ему глаза, пусть смотрит на реку, пусть видит, когда людям трудно, когда нужна его помощь. Давно я присмотрел место, только не могу сделать всё как надо. Искал того, кто сможет. Вчера посмотрел, как ты делал духов, понял, ты тот, у кого всё получится.

– Я буду стараться, – кивнул сын.

Едва рассвело, Шалгу тронул сына за плечо и позвал с собой. Они немного поднялись по склону и оказались на самой вершине. Перед ними целый мир. Река извивалась вдоль горы и, резко повернув, уходила в сторону. Далеко видно блестящую водную дорогу. Она то прячется среди леса, то снова искрится в лучах восходящего солнца и уходит вдаль, где и теряется в зелени леса. Солнечные лучи, освещая всю излучину реки, раскрашивали её всё новыми яркими красками. Зрелище завораживало. Отец с сыном смотрели, не отрываясь, боясь упустить что-то важное.

– Пойдём, – сказал Шалгу. Он подвёл сына к огромной сосне, одиноко стоявшей на самой вершине. На этой сосне ты должен вырубить лик духа реки. Сделай это до вечера. Я пойду к шалашу, ты должен сделать это сам. Ты сможешь это сделать.

Нюнням взял пальму и размахнулся. Полетела щепа, словно жёлтые брызги. На срезах выступили капельки смолы. И стали прояв-

ляться черты лица «хозяина реки». Нюнням справился. Солнце ещё радовало теплом, когда последняя щепа упала на траву. Юноша, обессиленный, сел спиной к дереву, не решаясь посмотреть на своё творение. Так он и просидел, пока совсем не стемнело. Тогда он пошёл к костру, без сил опустился на приготовленный лапник и закрыл глаза.

– Ты хорошо сделал дело, – старик подал сыну кружку с горячим чаем. – Возьми, это тебе поможет.

– Я не знаю, достойно ли сделал. Посмотреть не решился.

– Завтра вместе посмотрим. Но я знаю, ты не испортил свою работу. Сейчас спи, завтра у тебя будут силы.

Шалгу опять закурил трубку. Он не ходил смотреть на то, что сделал сын, но по тому, каким сын пришёл к костру, Шалгу понял, что получилось как надо. Только хорошая работа забирает все силы. Теперь ещё меньше остаётся незаконченных дел, которые остались у старика. Давно Шалгу присмотрел это место, никому не говорил, хотел сам сделать лик, но каждый раз, когда он брал в руки пальму, силы покидали его. Несколько раз пытался, но потом понял, что это должен сделать не он. Долго искал достойного, но только через много лет таким человеком оказался его младший сын. Шалгу рад, что завтра он увидит то, о чём давно мечтал.

Они стояли рядом и смотрели на «хозяина реки». Казалось, что он улыбался им. Отец и сын оглянулись и увидели то, чему улыбался «хозяин реки». Там, далеко, всё расцвело новыми красками. Даже Чур, ничего не понимая, сел рядом с хозяином и тоже стал смотреть вдаль.

К вечеру охотники вернулись в стойбище. Никто не решался спросить, куда они ходили – было не принято.

3

Кутега вместе с другими женщинами стойбища делала печь для выпечки хлеба. Занятие не сложное, но требующее достаточно времени и терпения. Печь обычно делали на берегу реки, где много камней и глины. Дети, крутившиеся возле матерей, натаскали крупного галечника, из которого выложили основание печи. Крутой глиной выложили дно печи, чтобы оно было ровным, затем из деревянных веток и прутьев делали свод. Когда печь принимала нужную форму, приносили жидкую глину и набрасывали её на ветки, постепенно получался

глиняный свод, который аккуратно обмазывали и изнутри. Сооружение некоторое время просушивали на солнце, замазывали маленькие трещины и снова сушили. Кутега осмотрела печь и осталась довольна, к тому времени дети натаскали дров. Сначала женщина разожгла небольшое количество мелких веток, подождала, пока они прогорят, только затем наложила хороших дров и пошла заводить тесто. Вокруг печи расселись любопытные и смотрели на пламя. Огонь всегда завораживал не только детей, но и взрослых. Такая сила в нём, такая тайна, что только диву даёшься. В огне и жизнь, и еда, и страх, и погибель. Но без огня не проживёшь.

Тесто замешивали в больших берестяных чашах, которые были специально для этого и сделаны. Кутега вымешивала тесто, остальные женщины стойбища сидели рядом, готовые в любую минуту и помочь и, если нужно, заменить. Тяжёлая работа – вымешивать тесто на всё стойбище. Женщины работали молча, только изредка перекидываясь некоторыми замечаниями. Нельзя делать дело и заниматься пустыми разговорами. Для этого ещё будет время, впереди долгая зима, когда мужья уйдут на промысел, женщины будут вместе с малыми ребятишками коротать длинные, холодные вечера за рукоделием, вот тогда и наговорятся.

Готовое тесто разделили на лепёшки и поставили отдыхать, дожидаться, когда прогорят дрова. Когда печь прогрелась, Кутега выгребла угли, оставив только белый пепел, на который и будут выкладываться лепёшки. Хлеб в печь клали маленькими деревянными лопатками, выструганными из осины. Равномерно разложив лепёшки, Кутега закрыла отверстие специальной деревянной крышкой. Осталось только ждать. Это ожидание было особенно томительным, потому что печь была новой и никто не знал, что за хлеб из неё выйдет. Кутега осторожно вытащила первую лепёшку. Высокая, поджаристая, душистая, она околдовала всех. И женщины, и дети затихли. Постепенно лица расплывались в улыбках. Удалась печка, хороший хлеб выпекает. Нечаянная, мимолётная радость, но сколько ещё будет разговоров по вечерам. Каждый раз, выпекая хлеб, будут вспоминать этот самый первый опыт.

Нюнням, словно неприкаянный, слонялся по стойбищу. Другие мужчины ушли готовить котцы, загородки в реке для ловли рыбы. Осенью, когда начинает опадать листва, рыба с малых речек скатывается в Туманшет, на ямы. На устье речушек еловыми кольями

перегораживали русло, делая узкий лабиринт, по которому рыба выходила в загородки, откуда её черпали прямо саками. Котцы за лето портились, и перед сезоном мужчины из стойбища ремонтировали загородки, меняли сломанные и сгнившие прутья. Народу там хватало, и Нюнням не стал мешаться. К вечеру он взял Чура и пошёл посмотреть прошлогодние ловушки на белку и соболя. Белку ловили плашками, кулёмами и черканами. Плашки и кулёмы работали одинаково, только кулёмы были больше, и груз, которым придавливало зверька, был потяжелее. В кулёмы ловили соболей, белки попадались редко. Зато плашками ловили много. И шкурка не портилась. Черкан – это насторожённый лук, стрела в котором была своеобразная. Вместо острого наконечника у неё была рамка, которой и прижимало зверька к земле или к дереву. Черкан настраивался у дупла или норки, где обитали белки, горностаи, колонки.

Нюнням решил не болтаться без дела в стойбище, а проверить свои ловушки. На этом участке тайги раньше охотился Шалгу, но он стал старый и редко ходит на охоту один. Только когда Чалык с семьёй собирается на промысел, тогда и Шалгу с ними идёт, и Нюнням, у него нет ещё своего чума. Вот когда у него будет жена, тогда будет и свой чум. Шалгу сказал, что через год будет искать жену для Нюнням. У них в роду жён брали в других стойбищах, даже у других народов. У брата Чалыка жена из карагасов. Кутега хорошая хозяйка, всё умеет делать. Она лучше многих женщин из их стойбища. Шалгу будет искать жену Нюнням тоже из карагасов. Он хочет, чтобы и у младшего сына была хорошая жена. Нюнням будет хорошо стараться на охоте этой зимой. Много белок надо добыть, хорошие подарки надо дать. Пусть все знают, что Нюнням добрый охотник. Хорошему охотнику нужна и жена добрая.

Ровесников в стойбище у Нюнням не было. Были старшие, были младшие. Много охотничьих навыков он постиг сам. Старшие его не брали с собой, а с младшими самому нет желания ходить, вот и охотился один. Добывал уток, глухарей. Уток бил из лука, а на глухарей и косачей настраивал слопцы, специальные ловушки, ловил птицу на ямы. Всему этому научился сам, подглядывая за взрослыми. Но когда он совсем ещё мальцом притащил в стойбище глухаря с себя ростом, Шалгу сказал:

– Охотник. Будешь ходить со мной.

Многому научил сына Шалгу, но самое главное – научил понимать тайгу, слышать лес, каждый шорох, треск, различать звуки. Научил стрелять из лука, стрелять острой стрелой по птице, зверю и тупой по белке. А ещё научил Шалгу делать разные стрелы. Летят утки над водой и не думают садиться, так Нюнням пускает специальную стрелу, которая издаёт крик хищной птицы. Утки камнем падают на воду. Не каждый хищник может взять утку с воды. Она может нырнуть и появиться совсем в стороне. Пока утки на воде крутят головами, выискивая опасность, хороший стрелок уже подстрелит несколько штук, только доставай, а для этого есть собаки. Вот специальные стрелы – это уже секрет Шалгу. Берётся тупая стрела, а на конце высверливается небольшое отверстие. Секрет в том, какой величины отверстие и под каким углом оно просверлено. Старик знает много разных звуков, которые может испускать стрела в полёте.

Нюнням по пути настроил несколько ям на глухарей. Наложил тоненьких веточек на яму, посередине положил гроздь вызревшей рябины. Глухарь ходит по тропинке, выискивает камушки, увидев рябину, идёт за ней и проваливается в яму, из неё самостоятельно птица не выберется. Настроил несколько слопцов-ловушек для ловли птиц. Ловушка для глухаря похожа на кулёму, так же придавливает птицу, как и кулёма соболя.

Юноша успел ещё поправить несколько плашек, когда стало темнеть. Приготовив себе постель из лапника, Нюнням развёл костёр. Есть не хотелось. Можно было и не разжигать огонь, ночи были ещё тёплые, но у костра лучше думается. Мысли улетели в следующее лето. На лодке-илимке они опять спустятся в Пеленгуты, там будут искать невесту. Может, придётся ещё куда-нибудь ехать. Или возьмут лёгкую лодку-ветку, которая может служить и волокушей, в неё много можно положить подарков. А потом на лодке по реке и сплавляться. На лодке хорошо, рули понемногу и всё. Обо всём передумал Нюнням, только не мог представить себе, какая у него будет невеста. Каждый раз, когда он пытался представить себе девушку, перед глазами появлялось лицо вредной девчонки из стойбища, которую звали Тега. Она была немного младше, но всегда подсмеивалась над ним. Отлупить бы её, да только кто будет с девчонкой связываться? Приходилось терпеть. Незаметно Нюнням уснул. Всю ночь снилась Тега, которая показывала ему язык. Во сне он отмахивался от неё да так,

что преданный Чур, недоумённо разглядывая своего хозяина, отодвинулся от него.

Утром охотник направился дальше в обход своего участка. До вечера были проверены и поправлены ещё ловушки. По пути Нюнням добыл себе на ужин пару рябчиков. Ночёвку на этот раз устроил у ручья. Сварил чай, на углях зажарил рябчиков. Достал лепёшку, испечённую Кутегой, поделился с собакой. Сытому человеку и мысли приходят хорошие. Юноша опять размечтался о невесте. На этот раз сон сморил его быстрее и спал он спокойнее. В стойбище Нюнням вернулся через несколько дней, притащив связку пойманных глухарей, птиц было более десятка. Дома его встретили одобрительными возгласами. Особенно радовались мальчишки, будущие охотники. Вечером всё стойбище лакомилось мясом птицы, запивая бульоном. За лето надоела рыба, хотелось и мяса. Косточки бережно собрали и закопали в лесу. Люди верили, что кости пригодятся для новых птиц.

– Ловушки проверил? – спросил Шалгу сына.

– Да.

– Много сломанных?

– Нет, не много. Я подправил все, скоро надо будет ставить.

– Я так и подумал, что ты делом занялся. Я собрал тебе новый лук. Этот слабый для тебя. Ты уже совсем мужчина.

– Где лук? – улыбка расползлась по лицу охотника.

– Завтра покажу, потом и испытаем тебя.

Чалык сплавился на лодке-ветке вниз по течению. Полдня ушло на дорогу. Только там, куда он приплыл, находилось место, где ловился осётр. Здесь было самое удобное место для самоловов, это длинный шнур, на который привязывали поводки с большими, крепкими и очень острыми крючками, перетягивали через реку и чуть притапливали. Осётр натыкался на крючья, запутывался всё больше, собирая их на себя, крючья вонзались в тело, рыба была обречена. Самоловы нужно проверять часто, если рыба «уснёт» в воде, она становится ядовитой, её нельзя давать даже собакам. Осётр – редкая рыба в Туманшете, немного её заходит из Бирюсы, видно, маловата река для такой рыбы, нет ей простора. Только в низовье реки и бывает она временами. Мясо белое, вкусное, так и тает во рту. Но на еду специально не ловили, мало осетра в Туманшете. Ловили щуку, налима, окуня, было много хариуса, ленка, тайменя. Эти благородные рыбы не хуже осетра, только нет в них такой икры, как в осетре. Ловил Чалык осетра

по просьбе Шалгу. Старик варил из осетров клей для изготовления луков. Клей можно и купить летом на торгах, его привозили из низовья Бирюсы, да только Шалгу использовал клей, который делал сам. Даже Чалык, его старший сын, не знал секрета изготовления клея, ни к чему. Старик видел, что Чалык не интересуется этим ремесло, потому и не открывал секрета. Верил, придёт время и найдётся ученик, которому понадобятся его знания.

Чалык поставил самоловы, приготовил место для ночлега. Собрал удочку и стал ловить кузнечиков, стрекотавших в траве. Вечернее солнце плескалось в быстрой прибрежной струе воды, затем вместе с потоком влетало в омут и расползалось волнами на всю ширину реки. Насадка полетела в самый конец струи, и только коснулась воды, как большой чёрный хариус, с длинным широким крылом на всю спину, украшенным разноцветными точками, схватил её да так сильно, что Чалык едва не выронил гибкое черемуховое удилище из рук. Рыба взмыла в воздух, кувыркаясь, и упала на гальку, прямо у ног рыбака. Чалык откинул её ногой подальше от воды и сменил насадку. Скоро у него было с десяток крупных рыбин, больше ловить не стоило. Хариус – рыба вкусная, хорошая, но быстро портится. Её сразу надо вялить или морозить. Чалык вырезал несколько прутьев, насадил рыбу и поставил к углям. Рыба, приготовленная на рожне, так называется этот способ, сочная и нежная. Когда во время листопада хариус спускается с малых рек, наступает пора ловить его котцами. Тогда в стойбище праздник. Несколько дней подряд готовят хариуса на рожне, потом вялят, сушат.

Чалык стал жарить всю выловленную рыбу. Несколько штук он съест сейчас, а остальные оставит на завтра. Если будет удача и ночью попадутся осётры, то прямо с утра он отправится в стойбище, а если нет, тогда ещё придётся оставаться на ночь.

Крупные капли росы с прибрежных кустов звонко шлёпались в воду. Влажные листья блестели и искрились. Крупный песок сердито шуршал под ногами. Чалык попил свежего чая, сваренного из листьев смородины и малины. Веточки срывал вместе с перезрелыми ягодами, добавил и размельчённые ягоды шиповника. Речная вода, сдобренная утренней росой, делает чай особенно вкусным и полезным. После завтрака Чалык спустил ветку на воду и поплыл проверять самоловы. Ночью ему показалось, что он слышал всплески воды там, где стояли снасти. Сквозь сон снова слышал шлепки по воде, но

в темноте не поплывёшь проверять крючья, опасная штука самолов. Неосторожное обращение – и рыбак может оказаться на месте рыбы. Бывали случаи, что неопытные рыбаки и погибали, запутавшись в снастях. Четыре осетра попались на крючья, этого должно хватить Шалгу для приготовления клея. Переложив рыбу мокрой травой, Чалык сложил снасти в мешок и отправился в обратный путь. Там, где вода была быстрая, приходилось тащить ветку на верёвке, по тихой воде можно было плыть. Чалык торопился, чтобы не испортить рыбу да порадовать Шалгу. Старик затеял сделать несколько луков, он уже собрал детали, теперь ему нужен был клей. Можно было сварить клей из другой рыбы, но он был с запахом и не прозрачный, а из осетра клей выходил такой, какой требовался. Теперь старик будет доволен. Уже стемнело, когда Чалык увидел костры своего стойбища. Дружным лаем его встретили собаки.

Шалгу распотрошил осетров. Вырезал плавники, хрящи, забрал внутренности, мелко порубил и бросил в небольшой котёл. Налил немного воды. Вытащил воздушные пузыри, промыл их и тоже бросил в котёл. Когда вода в котле закипела, старик поставил котелок рядом с огнём, чтобы клей варился на малом огне. Уже давно съели приготовленную женщинами рыбу, все поделились впечатлениями, похвалили Чалыка за добычу. Уже затихло стойбище, а Шалгу всё «колдовал» над своим варевом. Он добавил какие-то порошки, хранившиеся в специальном кожаном мешочке, помешивая палочкой, посматривая, как тянется тонкая ниточка клея с палочки. Потом старик снял котелок с костра, поставил в сторону и накрыл старой шкурой. К утру клей будет готов. Завтра Шалгу склеит лук для Нюням. Хорошо, что его нет в стойбище. Младшему сыну нужен самый лучший лук, и Шалгу сделает такой. Старик видел, что Нюням интересуется всем, что делает Шалгу. Ничего не спрашивает, просто смотрит и запоминает, старается понять суть. Вот ему и передаст свои секреты старик, но не сейчас, а когда у сына будет свой чум. Только тогда можно показывать всё, что знает и умеет Шалгу. Ещё есть сезон охоты, ещё есть время подготовиться и лучше присмотреться к сыну. В этот сезон Шалгу сам пойдёт с сыном на промысел. Когда будет время, старик понемногу начнёт рассказывать всё, что знает. Много секретов знает Шалгу, да только молчит пока, не время.

Утром Шалгу склеил лук, связал в нужных местах полосками вымоченной сыромятной кожи, когда она высохнет, ничем её не

порвёшь, повесил лук сушиться в ветках старой берёзы, чтобы тот был в тени и никто его не видел. Разный глаз у людей. Лук ещё не набрал силу, чтобы противостоять дурному глазу. Для тетивы давно были приготовлены медвежьи жилы, только не было случая поставить их на лук. Много луков сделал Шалгу, но на них ставил жилы оленей, лосей, а медвежьи всё не решался, теперь пришло время. Завтра этот лук будет передан самому достойному в стойбище, его младшему сыну. Так решил он, как отец, а самое главное, как мастер.

Лук получился большим, больше, чем у любого охотника не только в стойбище, но и по всей реке. Такого больше Шалгу не будет делать, другие будут тоже хорошие, лучше многих, но не этого. Все мужчины стойбища вертели его в руках, разглядывали, примерялись. Оружие понравилось всем, но только один счастливчик будет владеть этим сокровищем. Нюнням сиял, как начищенный речным песком новый котёл. Ему не терпелось скорее опробовать лук. Да только разве может показать охотник своё нетерпение. Он рассмотрел лук и протянул его мастеру. Первым должен показать свою работу мастер. Шалгу взял лук, стал разглядывать, словно не он его делал. Выискивал изъяны. Потом взял стрелу и выпустил в одиноко стоявшую лиственницу. Лук фыркнул, стрела зашелестела и воткнулась в середину дерева. Нюнням взял лук и выпустил свою стрелу. Едва не задев стрелу мастера, она воткнулась рядом. Охотники одобрительно закивали головами. Острый глаз у юноши и крепкая рука. В хорошие руки попал лук, много добычи принесёт он владельцу. Шалгу подал сыну колчан со стрелами.

– Осторожно, стрелы пропитаны ядом. Можешь охотиться на зверя. Для белок дам другие, когда придёт время. Шалгу делал яд сам для всех охотников стойбища. Ему просто приносили стрелы, а старик пропитывал наконечники в яде, который делал из пропавшей рыбы.

– Спасибо, – только и вымолвил счастливый юноша. – Давно я мечтал о таком.

– Не опозорь мастера, – сказал Чалык.

– Не опозорю.

Шалгу зашёл в чум и до самого вечера не выходил, не было сил. Только вечером он вышел к костру, пил чай и бесконечно курил свою трубку.

4

Недолго до листопада осталось. Отсверкали звездопадами тёмные августовские ночи, пожелтели берёзы, разрумянились осины, потемнели ели и сосны, зазолотились лиственницы. Постоит так немного, порадует теплом, а потом налетит холодный ветер с дождём и снегом, размочит да сорвёт листву, обнажит деревья. Нечем будет прикрыться тоненьким стволам берёз и осин, и будут сгибаться они под порывами ветра, пока не укроет их снегом зима.

Пока не наступили эти дни, нужно сделать ещё много дел. Шалгу вытащил лыжи и стал осматривать камус. «Нужно сделать ещё пару новых, – решил старик, – пригодятся». Ещё весной по снегу Шалгу нашёл и спилил добрую елку, волокна ровные, без кривинки. Надрал дерёва (так называют заготовки для лыж), собирался раньше сделать, да не получалось всё, теперь есть время. Лыжи сделать недолго. Выстругать дерёва потоньше, разварить концы да загнуть, потом подобрать да поставить камус, чтобы легко было по снегу ходить. С хорошим камусом лыжи не катятся назад. Камус снимают с лосиных и оленьих ног, с оленьего шьют себе обувь, а лосиные годны для лыж. Нужны ещё и лыжи- голицы, бегать весной по насту. Надо торопиться. Незаметно пролетает время, словно журавлиный клин, не успел вовремя заметить, так только и останется провожать взглядом, торопится жизнь, торопится.

Наступило время, когда можно «лучить» налима и щуку. Перед листопадом вода в реке становится холодной и прозрачной. В это время можно добывать налима и щуку острогой. Правда, щука более пуглива и попадается редко, а вот ленивый и сонный налим – добыча хорошая. Для этого на нос к ветке прикрепляют шест с железной корзиной, в неё накладывают смолёвых щепок и поленьев, смольё горит ярко, без треска и лишнего дыма, просвечивая воду до самого дна. И видно, как возле камней стоят и отдыхают огромные рыбины, едва пошевеливая хвостами. Острога, закрепленная на длинном шесте, готова к работе.

Чалык поплыл лучить с братом, Нюнням сидел на вёслах, его задача была управлять лодкой, стараясь не плескать вёслами по воде и не пугать рыбу. Дело привычное, лучить все научены с ранних лет. Чалык взял острогу не потому, что не доверял брату, просто самому хотелось немного отличиться, показать брату, что он старший и тоже

хороший добытчик. Дело пошло сразу. Первым же ударом Чалык выхватил из воды здоровенного налима. Только пару раз промахнулся рыбак. Но к тому времени рыбы в лодке было уже много.

– Попробуешь? – предложил Чалык брату.

– Давай, – осторожно поменявшись местами, братья продолжили ловлю, пока ещё достаточно горело смольё. Нюнням так же уверенно стал выталкивать налимов. Младший брат был немного повыше старшего, но худой и жилистый. Единственное, что в нём было не такое, как у всех, так это его поведение. Охотники и так не сильны в красноречии, но Нюнням говорил совсем мало. Неделями мог не произнести ни одного слова. Чалык пытался иногда поговорить с братом, но тот только кивал головой и слушал, отвечая одним или парой слов. Вот и все разговоры. Такое поведение, конечно же, достойно мужчины, но не настолько же. Всё же Чалык любил брата, может и за то, что он такой молчаливый и самостоятельный. Жена Чалыка Кутега много раз пыталась разговорить Нюнням, но он только улыбался и кивал головой.

– Как ты будешь говорить со своей женой? – спрашивала Кутега. – Так и будешь кивать? От тебя жена сразу убежит, – Нюнням краснел, поднимался и уходил.

Огонь в корзине догорал.

– Поплыли домой, – сказал Чалык и стал разворачивать лодку к берегу.

Нюнням сел, перевернул корзину с догоравшим смольём. Угли на мгновение зашипели, словно гуси, а потом, едва дымясь, поплыли по течению, вскоре и дымить перестали. Нюнням окунул корзину в воду, остудил её и положил рядом с собой. Лодка, как привидение, не издавая ни звука, понеслась к берегу.

Пролетели первые утки. Скоро полетят основные силы. В этот период все мужчины собираются промышлять птицу не поодиночке, а всем стойбищем. Не много есть мест в округе, где садятся утки на отдых и кормёжку. Ниже по течению Туманшета есть заливные луга, на которых раскинулись небольшие озёрца да лужи, там и нужно ждать птицу. На реку утки редко садятся и то в тех местах, где тихая вода. И как искать по реке добычу, когда размеры реки необъятны?

На лодках-ветках охотники отправились на сезонный промысел. Несколько дней, пока не закончится пролёт, они буду жить и охотиться на озерцах. Вот здесь и понадобится умение пользоваться луком

и стрелами. Вот здесь и видно, кто какой охотник. В стойбище все мужчины достаточно хорошо владеют этим оружием, учатся с детства. Когда утки начинают кружить над озером, высматривая опасность, запускается стрела томбр, испускающая в полёте звук пернатого хищника, специальная стрела с утолщением на конце, просверленным особым образом. Тогда все утки падают на воду. Вот здесь и показывают своё умение обращаться с луком охотники. Когда пролёт уток закончится, скорее надо везти добычу в стойбище. Женщины уже ждут: нужно всё мясо переработать, чтобы ничего не пропало. А охотники уже готовятся к пролёту гусей. Эту птицу добывают на тех же озёрах и лужах. Высаживают чучела гусей, вблизи которых садятся настоящие, тут уж не зевай.

Наловили рыбы котцами, по всему стойбищу расставили вешала, на которых крупная рыба вялится, а мелкая сушится, потом сушёную перемелют на порсу (муку из сушёной рыбы). Много нужно муки, зима длинная. Неизвестно, будет ли мясо ещё. Даст бог Есь удачи, или старуха Хоседэм покажет свою силу и разгонит всю добычу, не разгневается Койгусь да не разгонит всех зверей по тайге, а с порсой можно коротать длинные зимние вечера, добавляя в муку или заваривая её с кашей. Старики помнят времена, когда порсу толкли вместе с корой, чтобы дожить до весны, было и такое. Вяленой рыбы тоже много надо, её едят не только сами, но кормят собак, когда лютые морозы не дают высунуться из чума. Бывает, что в котцы и зимой заходит рыба, тогда прорубают прорубь и саками вычерпывают её прямо на лёд. Рыба тут же замерзает, и её собирают в мешки. Хороша зимой похлёбка рыбная, которой запивают куски мяса, да хороши большие щучьи головы, сваренные в котле. Но до морозов ещё далеко, есть время подготовиться.

– Завтра пойдём на гору, – сказал Шалгу Чалыку, – передай всем. Пусть никуда не уходят.

– Я прямо сейчас и пойду, – сказал Чалык и вышел из чума.

Охота на зверя – дело общее. Здесь нужны загонщики, чтобы гнать зверя прямо в приготовленную яму, стрелки, которые не промахнутся. Работы много, а добыча не часто радует охотников. Неглупое животное олень, а лось может и постоять за себя. Если разозлится, тогда попробуй, останови его. Нужно много людей. Но самая главная помощь должна быть от бога Етя. Настало время просить его об этом.

– Где Нюнням? – спросил старик Кутегу.

– Он и так в чуме не бывал, а теперь с новым луком, я и забыла, как он выглядит. Женить его пора, – добавила она. – Может, и остепенится.

Шалгу не любил болтливых людей, и женщин в том числе. Но Кутеге он прощал всё, она одна заботилась обо всех в чуме, потому что у неё руки работали ещё быстрее, чем язык. А когда у женщины дела не стоят на месте, еда варится в котле, в чуме горит огонь, пусть болтает, раз язык такой у неё скользкий и плохо держится на месте.

В стойбище зашумели. Кутега выглянула из чума и сказала:

– Стоило вспомнить, и явился Нюнням.

Шалгу вышел из чума. Посреди стойбища стоял Нюнням, у ног его лежал олень. Рядом, высунув язык, расположился Чур, он поглядывал на добычу и на хозяина, знал, что и ему достанется вкусное мясо. Он тоже причастен к этой добыче.

– В яму загнал? – спросил Шалгу.

– Нет, Чур выгнал прямо на меня, едва успел стрелу пустить. Хороший лук. Это он принёс удачу.

Кусок ещё тёплой печени Нюнням вручил Шалгу. Старик был рад подношению, но вида не показал, ни к чему. Так и должно быть. В стойбище был праздник, первая хорошая добыча в этом сезоне. Не забыл Нюнням и своего друга Чура. Долго горели костры этим вечером, слышны были разные охотничьи истории. Хорошо начинался сезон охоты.

Пришёл месяц замерзания земли. Скоро все разойдутся в разные стороны от стойбища в поисках удачи. Шалгу тоже пойдёт вместе с сыновьями. Но прежде надо сделать ещё одно главное дело. Утром Шалгу повёл всех охотников туда, где ещё недавно был с сыном. Теперь каждый будет просить удачи себе, а Шалгу будет камлать и просить духов помогать всем охотникам его рода. У них в стойбище не было шамана, и Шалгу выполнял эти обязанности. Как самый старший и уважаемый охотник, он просил за всех и за каждого в отдельности. К вечеру добрались до места. Ночевать остановились в старом балагане. Попили чаю, выкурили по трубке табака и устроились на ночлег.

Утром каждый охотник стал обновлять и делать новых божков. Привязывали цветные тряпочки с пожеланиями на священное дерево, стоящее поодаль. Каждая тряпочка – сокровенное желание, про которое никто постороннему не расскажет. А вечером провели обряд кам-

лания. Развели большой костёр. Охотники расселись по кругу и стали смотреть, как старый Шалгу начал стучать в бубен и выкрикивать заклинания. Так продолжалось долго, пока Шалгу без сил не рухнул на землю. Старика не трогали, пока он сам не поднялся и не пошёл в балаган. Никто не проронил ни слова. Немногословны охотники. Только Нюнням в первый раз присутствовал при ритуале, для других это было не ново. И каждый верил в силу заклинания и в призывный голос бубна. Потом, если и случалась неудача, то каждый винил себя, веря, что высшие силы не могут ошибиться и если что-то пошло не так, то виноват только сам охотник. Сидя у костра, охотники думали о своём, у каждого свои дела. Уже скоро всё стойбище разойдётся по тайге, а чтобы было легче, теперь каждый просил удачи, совсем немного. Ещё день охотники были на мольбище, месте, где без надобности никто не может появляться. Но когда приходится бывать здесь, никто не торопится уходить, каждый старается попросить обо всём, ничего не забыть.

Назад охотники шли впереди. Шалгу с Нюнням отстали от них, сын не мог бросить отца, а тот или не мог, или не хотел идти вместе со всеми. Отставать он стал сразу. Когда охотников не стало слышно, Шалгу сказал:

– Зайдём ещё к хозяину реки, посмотрим, как он живёт.

Нюнням кивнул, соглашаясь.

Уставший осенний лес молчал. Ни птичьего щебета, ни шелеста ветра в кронах огромных сосен, стрелами взметнувшихся в небо. Огромные деревья нехотя расступались, давая место едва приметной тропинке. Хоть и сердит лес, но хорошо в нём, спокойно. Нет тревоги, и дышится легко. Много дней можно идти и не устать. Только Шалгу, видно, отходил своё, ему нужен был отдых. Не мог он, как молодые, подниматься и идти много дней. Старик пытался не показывать вида, но силы быстро покидали его, и разные недобрые мысли всё чаще лезли в его седую голову. Однако он решил твёрдо, что в этот сезон он не будет поддаваться слабости, проведёт его, как споёт последнюю песню. Надо. Много надо рассказать и показать сыну.

«Хозяин реки» встретил их улыбкой, словно насмехался над слабостью старика или был просто рад единственным своим знакомым, посетившим его. Хорошо стало на душе у Шалгу. Добрый сегодня «хозяин реки», ласково встретил, значит, всё будет по-доброму. Старик даже взбодрился.

– Хороший день сегодня, – сказал Шалгу. – Нам здесь рады.

Отец с сыном присели на валёжину и стали смотреть в ту сторону, куда смотрел «хозяин реки». Пытаясь впитать в себя увиденное и понять то, что заставляет улыбаться изваяние. Каждый из них поймал себя на мысли, что тоже рад разглядывать красоту и простор, расстилающийся перед ними. На сколько видят глаза, простираются разноцветные дали, обильно украшенные осенью, удаляясь и сливаясь с голубоватой дымкой на горизонте. Блестящая ленточка реки извивается, прячется в лесах и снова выбегает на простор редких лугов, раздваивается островами и снова соединяется и блестит, сияет серебром на разноцветной кайме тайги.

Утренняя изморозь каждое утро выбеливала росу. К полудню от инея оставались крупные прозрачные капли, искрившиеся на уже плохо греющем солнце. Лист упал, буро-жёлтым ковром устилая всё вокруг. Сосны и ели опустили ветви, смирившись с наступающим холодом. Наступило время для изюбриного рёва, брачных боёв быков. Изюбры, лесные красавцы, целый месяц будут биться за право произвести потомство. Потом их сменят лоси. Охотники мастерили специальные дудки, которыми подражали рёву зверя. Изюбр шёл на зов, выбегая на поляну, чтобы сразиться. В это время он опасен. Его острые ветвистые рога не знают пощады. На это время зверь теряет страх и может напасть на зазевавшегося охотника, как на соперника. Лось, кроме рогов, использует и копыта. Ударом передних копыт может переломить небольшую берёзу. Даже медведь боится лося и старается нападать из засады, боясь попасть под копыта.

Шалгу гудел в рожок, подзывая изюбра, он выводил замысловатые рулады изюбриного рёва. Где-то далеко отозвался бык. Шалгу ещё раз прогудел. Уже стал слышен треск сучьев, возбуждённый изюбр спешил на бой с соперником. Нюнням сжал лук, внимательно всматриваясь в заросли. Шалгу указал рукой место, куда должен выскочить бык, Нюнням согласно кивнул и приготовил ещё одну стрелу. Зверь выскочил на поляну и стал озираться, выискивая соперника. Первая стрела, выпущенная молодым охотником, проткнула шею, вторая застряла в передних лопатках. Зверь с диким рёвом взвился на дыбы и упал на спину, угодив прямо в яму-ловушку. Пока зверь летел, ещё несколько стрел других охотников вонзились в тело обреченного изюбра. На лицах охотников блуждали удовлетворённые улыбки. Все были довольны. Часто бывает, что совместная охота не заканчивается

успехом. Охотники расслабились и стали готовиться вытаскивать добычу из ямы. Неожиданно на поляну выскочил ещё один красавец. Растерявшиеся охотники чуть не стали лёгкой добычей для быка. Только Нюнням, находившийся в стороне от ямы, выпустил стрелу. Она угодила изюбру в горло. Рядом воткнулась вторая стрела Шалгу. Опытный охотник среагировал быстро.

Вечером в стойбище был праздник, в котлах варилось много мяса, разделанное полосками оставшееся мясо сушилось на вешалах. Хорошо начался сезон, удачно. Новый охотник появился в стойбище. Хороший охотник – удача для всех.

Выпал первый снежок, небольшой, но сверкающий, праздничный. Полуденное солнце съест его в чистых местах, но в тени, в густых тёмных ельниках, он уже останется до весны. И пока снег не растаял, Нюнням пошёл посмотреть следы белок, находящихся поблизости. Охотиться ещё рано, шкурка негодная, но определить количество белки можно. Кто умеет читать следы, слышать и видеть лес, тот много чего узнает для себя. Чур облаивал белок, глупо вертящих головами на деревьях, не понимая, почему хозяин не реагирует на добычу. Не только белок увидел Нюнням, но и следы соболя встречались. Не стал охотник пугать зверьков, могут уйти. Подстрелил Нюнням только пару глухарей, двух старых больших петухов. Охотник снял шкуры с птиц вместе с перьями, они пригодятся для приманки на соболей – кулёмы настораживаются на шкурку глухаря. Соболь-хищник, любит птицу, которую и сам часто добывает. Свою добычу Нюнням сложил в небольшой лабаз, сделанный в районе ловушек. Лабаз делали на дереве, чтобы прятать от разного зверя свою добычу, там же хранились необходимые запасы еды, если случится беда.

День клонился к закату. Нюнням направился в стойбище, довольный увиденным. До стойбища было ещё далеко. Вдруг охотник обратил внимание на странное поведение своей собаки. Чур скалил зубы, шерсть на загривке вставала дыбом, но он не лаял. Нюнням присел на колено и обнял собаку за шею.

– Что? – спросил он.

Чур скалил зубы и смотрел на небольшую кучу валежника. Нюнням стал всматриваться и вдруг понял причину такого поведения собаки. Там находилась медвежья берлога.

– Молодец, Чур, – погладил собаку охотник. – Молодец. Но ещё не время охотиться на медведя. Зверь ещё не совсем улёгся. Днём теп-

ло, и надо подождать несколько дней, пока морозы станут сильнее и выпадет побольше снега. Нюнням снова придёт сюда, проверит, остался медведь или ушёл. Охотник вместе с собакой далеко обошёл это место, чтобы не спугнуть зверя, если медведь уйдёт сейчас, его не догонишь.

Уже в темноте Нюнням пришёл домой.

– Белка есть? – спросил Чалык.

– Есть. И соболь есть.

– Хорошо, – сказал Шалгу и раскурил свою трубку и прищурился. То ли от дыма, то ли от своих мыслей.

– Завтра сети поставим, – сказал Чалык. – Уже есть закоски. Рыба стоит, сам видел. Закоски – это забереги, лёд, прихвативший воду, где течения совсем нет.

Утром братья на ветке поставили сети вдоль прибрежного тонкого льда, накрывшего тихую заводь.

На реке начала появляться шуга, первый мелкий лёд. В чистых водах сибирских рек лёд образуется со дна, тонкими, колючими иголками поднимаясь вверх. Эти колючки беспокоили рыбу. Она заходила в тихие места под лёд, пережидая это время.

– Давай, – крикнул Чалык. Нюнням стал колотить длинной веткой по льду, разбивая его с треском. Сеть мгновенно побелела и стала тонуть. Чалык быстро вытащил сеть и поставил другую, чтобы не терять времени, вторая сеть тоже оказалась полной. Из этого жирного ельца будут топить рыбий жир на зиму, первейшее лекарство от многих болезней, и ещё в ней много икры.

– Завтра ещё поставим сети, – сказал Чалык брату. Тот просто кивнул в ответ.

5

Первый снег как добрая новость, а уж хороший снег да морозец – так и вовсе широченная улыбка на лицах охотников. Пришла их пора. Радуются не только люди, но и собаки. Бегают по стойбищу, хватают пастью летящие снежинки и катаются по снегу, очищая шерсть. Вот и пришло время проверить: выходная белка уже или ещё рановато тропить свои пути, настраивать кулёмы, плашки и другие ловушки. Начинается сезон «малой ходьбы», сезон, когда женщины, дети и старики находятся в стойбище, а охотники осваивают ближние угодья.

Те, кто в стойбище, особенно подростки, которых ещё не берут на настоящую охоту, ловят зайцев да бьют птицу, если улыбнется удача. И охотники не откажутся от глухаря или нежной зайчатины. Все заячьи шкурки идут на пошив одежды и украшения, их никто никогда не продаёт и не меняет, используют только для своих надобностей.

Нюнням завязал на голове платок, зимний головной убор охотника. В любой мороз охотники ходят в платочке, который совсем не защищает от холода, но позволяет слышать каждый шорох в лесу. При охоте на белок это очень важно, слишком много копошится она да шуршит, на морозе каждый шорох разносится далеко, слушай да определяй место. Только когда совсем будет холодно, на лоб надевают сшитый из беличьих хвостов тёплый налобник.

Чур почуял работу, растревожился и с нетерпением крутился у ног хозяина. Снег неглубокий, можно ходить без лыж, так ещё и удобней. Бакари, обувь охотника с голенищами до паха, хорошо справляются и с большими сугробами, а по неглубокому снегу лучше нет обуви, легкая, тёплая, сшитая из шкур, она выручает охотника весь сезон. Чур первым рванул в лес, оглядываясь, проверяя, идёт ли хозяин.

«Пусть порезвится, – подумал Нюнням, – скоро не будет снег зря топтать, наработается. Главное, чтобы куда не нужно не помчался раньше времени». Нюнням думал о берлоге. Интересно, залёг хозяин в неё или нет. Надо проверить. Но это ближе к вечеру. И собака подустанет, легче справиться с ней будет. Очень хотелось юноше добыть медведя. Не каждый охотник мог похвалиться победой над таким зверем. Те, кто добывал медведя хотя бы раз, были в почёте.

Право первого удара даётся тому, кто нашёл берлогу. Непросто сделать первый в жизни удар такому зверю, как медведь. И даже не страх, а какая-нибудь неловкость, небольшое промедление может стоить очень дорого. Медведь не позволяет шутить над собой и ничего не прощает. И Нюнням знает, что надо делать, хотя он ни разу не участвовал в такой охоте, но по рассказам охотников вечерами в сезон «длинных ночей» он досконально запомнил весь порядок охоты. Главное не дрогнуть и не совершить ошибку. А Нюнням не дрогнет. Когда знаешь, что надо делать, бояться нечего. Только бы медведь не ушёл.

Охотник направился немного в сторону, хотел добыть несколько белок и посмотреть, насколько выходная шкурка. Если мех не подошёл, придётся ещё подождать немного. Довольный Чур, словно по-

нимая, что настало его время, залаял громко с привизгом, как лает на белку. Нюнням подошёл к огромной сосне и стал слушать и всматриваться, пытаясь определить место. Белка сама себя выдала. Шевельнулась, и свежие снежинки полетели вниз, раскручиваясь на лету. Фыркнула стрела, и зверёк, сбитый с ветки тупым наконечником, полетел вниз. Ошалевший, он даже и не сообразил, как попал в зубы собаке. Чур придавил зверька и положил рядом.

– Молодец, хороший, – Нюнням погладил собаку и поднял белку. Провёл по меху рукой, дунул на него. Мех оказался хороший. До полудня добыли ещё с десяток белок и повернули обратно. По дороге Чур облаял ещё пару глухарей, которых Нюнням подстрелил, всё больше радуясь своему луку. Ободрав птиц, шкурки вместе с перьями использовал для приманки в ловушки, настроил попутные кулёмы на соболя, плашки и черканы на белку.

К берлоге подходили тихо, стараясь не нашуметь и не спугнуть зверя. Совсем близко подходить не стоило – медведь чутко спит. Нюнням подозвал собаку, обнял её за шею и стал всматриваться в то место, где было логово, надеялся увидеть хоть какие-нибудь приметы присутствия медведя. Собака никак не реагировала, видно, снегом скрыло все запахи. Нюнням уже было собрался подойти совсем близко, но вдруг увидел, что на кустах у земли есть немного инея.

– Там. Там хозяин, не ушёл, – охотник завернул собаку и пошёл от берлоги. – Завтра можно будет смело приходить сюда с охотниками.

И Нюнням, совсем молодой охотник, будет добывать зверя.

– Пойдём, Чур, домой. На сегодня хватит. Ты молодец, хорошо поработал.

И они опять по кругу обошли берлогу и пошли в стойбище. По дороге Нюнням в который раз прокручивал в голове свои действия, которые он должен будет предпринять завтра. Всё выходило гладко, осталось только прийти и добыть зверя.

В стойбище, уже при свете костров, Нюнням взял пальму, берёзовое древко, на конце которого привязан нож, шириной в ладонь и длиной в три ладони, заточенный с обеих сторон, подошёл к костру, где сидело несколько охотников, недавно пришедших со своих угодий и покуривавших трубки. Нюнням древком ударил о землю, а потом так же стукнул о землю луком. Следующим движением был несильный стук пальмы о лук. Все затихли. Охотнику понятен это жест. Вслух говорить о медведе было запрещено. И этим жестом охотник

говорил, что найдена берлога и нужна помощь, все поняли, какая удача улыбнулась молодому охотнику.

Нюнням вошёл в юрту и положил добычу. Глухарей сразу забрала Кутега и пошла варить. Шалгу взял беличьи шкурки и стал разглядывать. Растягивал, встряхивал, дул на мех, клал одну, брал другую.

– Годные шкурки, можно добывать, – сказал старик. Ему уже было известно о берлоге, хотя об этом вслух никто не говорил.

– Завтра и пойдём. Погода подходящая. Лучшего не будет, – сказал старик, закуривая трубку.

– Хорошо, пойдём завтра, – кивнул сын.

В чум вошёл Чалык. Он тоже ходил, торил тропы в своих угодьях. Добыл немного белок. Шалгу пересмотрел и его добычу, определяя, а не рано ли охотники пошли за добычей, изъянов тоже не нашёл.

– Пора, – только и сказал он и добавил: – завтра поможем Нюнням, а потом каждый за своей добычей.

Вскоре в котле варилось мясо. Приятный запах щекотал ноздри. Кутега помешивала варево да подкладывала дрова. Нюнням сидел в своём углу и смотрел на огонь. Пытался что-то высмотреть в каждом языке пламени. И увидел много девичьих лиц, пытался определить, кто же будет его невестой. Но все девушки вдруг показали ему язык. Нюнням присмотрелся, а вместо разных лиц, везде было только лицо вредной Теги. Юноша отмахнулся и проснулся. Отец с братом рассмеялись. Только Кутега молча подала ему кусок горячего мяса и кружку с бульоном.

– Ешь, завтра будет трудный день, – сказала она. – Не слушай их. Они шутят. Юноша некоторое время сидел, не понимая, что произошло, чем ещё больше рассмешил мужчин. Потом молча съел мясо, выпил бульон и сразу снова уснул. Шалгу усмехнулся, а Чалык сказал:

– Умеет Нюнням спать, как дитя.

– Молодой ещё, – согласился Шалгу. – Придёт время, и ему будет не до сна.

Утро выдалось пасмурным, но не холодным. Охотники собрались посреди стойбища. В руках у некоторых были пальмы, у других только луки. Об охоте никто не говорил, курили, смотрели по сторонам, ждали, пока выйдет Шалгу и поведёт. Чалык тоже был среди всех. Только Нюнням со стариком о чём-то говорили в чуме. Старый охотник давал последние наставления. Смелость – это хорошо, но надо и дело знать.

– Мы жерди просунем в берлогу, чтобы он не выскочил сразу, а ты тогда не теряйся. Знаешь, что делать?

– Знаю, – ответил юноша.

– Пошли, – кивнул Шалгу. – Пора.

Отец первым вышел из чума, за ним сын. Нюнням шёл первый по праву нашедшего берлогу, за ним Шалгу. Остальные неторопливо шествовали следом. Собаки носились вокруг, чувствуя что-то необычное. Чур бежал впереди хозяина, изредка оглядываясь. Не доходя до места, охотники остановились, вырубили четыре хороших берёзовых жерди. К берлоге подходили тихо, чтобы до времени не спугнуть зверя, а то пойдёт по лесу, попробуй тогда его взять. Хорошо, если собаки посадят, а то попрёт по густому ельнику, собаки сразу отстанут. Потом будет блудить, вредить всем. Когда подошли совсем близко, собаки, как ошалели, кидались прямо в «чело», вход в берлогу. Чалык и ещё двое охотников быстро вставили жерди в «чело» наперекрест, чтобы не дать сразу выскочить зверю. Задержать его на несколько мгновений, которых должно хватить охотнику. Нюнням, держа в руках пальму, стоял немного в стороне. Шалгу и Чалык стали шурудить жердями, стараясь поднять зверя. Медведь поначалу не реагировал, затем стал отбивать жерди лапой, потом зарычал. Собаки вились возле него, мешая охотникам. Один молодой кобель нырнул в берлогу, раздался визг, и сразу назад вылетело распластанное собачье тело. Никто даже не успел рассмотреть жертву, как показалась медвежья голова. Шалгу резко защемил жердь. Шея медведя на мгновение оказалась зажатой. Зверь взревел, оскалив клыки. Верхняя губа завибрировала, разбрасывая слюну. Маленькие серо-жёлтые глазки пронизывали тело, страх обволакивал холодной пеленой. Нюнням смотрел прямо в то место, куда нужно было нанести удар, пропуская всё остальное мимо себя. На какой-то миг движение замедлилось, и он с силой всадил пальму в шею медведя. Чур вскочил на холку зверя, вцепившись клыками. Рёв перешёл в дикий вой, и зверь стал осаживаться назад в берлогу. Наскочили другие собаки. Медвежий рёв, смешанный с собачьим лаем, стал терять силу, переходя на хрип со свистом. Шум прекратился, только молчаливая возня была слышна из берлоги. Вскоре Чур выскочил и просто стал лаять, потом и вовсе прекратил. Охотники подошли к самой берлоге. Внутри злобно рычали, кашляли собаки, выплёвывая шерсть из пастей. Чалык рассмотрел, что там внутри, и резко сунул руку в «чело», выдернул одну собаку,

потом вторую. Медведя привязали за лапу и вытащили из берлоги. Снимать шкуру взялся Шалгу. Если бы берлога была недалеко, то медведя притащили бы целиком и разделывали бы прямо в стойбище. Но сейчас разделывать будут на месте, заберут только всё нужное. Мясо аккуратно обрежут с костей, не разламывая их, кости разделят по суставам, очистят и положат все вместе, они пригодятся ещё для другого медведя. Заберут и шкуру, которая теперь будет украшать чум добычливого охотника. Нюнням внимательно смотрел и запоминал порядок разделки. Возможно, когда-нибудь придётся и самому делать это. Он стоял отрешённый, и Чалыку показалось, что брат «не в себе». Он тронул его за плечо:

– Ты не заболел? – пошутил он. Нюнням встряхнулся от своих мыслей и ответил:

– Нет. Всё нормально.

– А почему так стоишь? Испугался?

– Нет. Смотрю, как снимать шкуру.

– Запомнил?

– Запомнил.

– Хорошо ударил, – сказал Шалгу. – Верно нацелил. И собака у тебя ничего, не лезет без дела, но и момент не упустит.

– Чур хороший, – согласился Нюнням. – Можно с ним охотиться.

– А моего кобеля порвал, – Чалык кивнул на шкуру, не произнося вслух слово – «медведь». – Есть ещё пара, буду охотиться с ними.

– Дурной был. Совсем дурной, – сказал старик сыну.

– Молодой был, – возразил Чалык.

– Шибко дурной, хоть и молодой, – повторил Шалгу. Закончив снимать шкуру, он отделил голову и вытащил глаз, подал его Нюнням. Молодой охотник должен проглотить его, не разжёвывая. Если он сможет сделать это, то его ждёт долгая счастливая жизнь. Юноша взял глаз и, не раздумывая, положил его в рот. Все охотники смотрели на него, и Нюнням проглотил медвежий глаз. Восторженные крики раздались одновременно. Затем развели костёр, стали жарить мясо на рожне и есть. Это было великое воссоединение медведя и человека. Затем танцевали вокруг костра, пели нужные заклинания. Наевшись, курили трубки и улыбались. Шалгу взял медвежью голову, вставил в пасть палочку, чтобы медведь не смог схватить охотника, воткнул в ноздри пихтовые палочки, так медведь не найдёт след охотника, и понёс голову подальше от костра. Несколько человек пошли за ним.

На расстоянии полёта стрелы установили череп на срубленный пенёк в стороне от костра. Отделённое от кости мясо положили рядом. Придёт время, и здесь возродится другой медведь, который не будет злиться на охотников. Он будет думать, что его убили другие люди, и будет искать их. Так думают охотники.

После празднования и отдания почестей медведю, охотники собрали мясо, взяли шкуру и направились в стойбище. Шкуру несли задом наперёд, чтобы запутать обратную дорогу.

Вечером в стойбище был большой праздник. Мясо варили в котлах, жарили на рожне. Ряженные в медвежьи шкуры и маски взрослые и дети танцевали вокруг костра и водили хороводы.

Только Нюнням сидел, наблюдая за происходящим. Хоровод иногда раскручивался и вокруг него, он молча улыбался, но не танцевал. Просто очередной этап жизни охотника прошёл успешно. Нюнням был удовлетворён, теперь он такой же охотник, как и все, и даже лучше некоторых. Не каждый мужчина из их стойбища добывал медведя. Не у всех в чуме есть медвежья шкура, которой отмечается охотник, добывший зверя. Юноша был рад всему этому, но радость была тихая, не было восторга, который погнал бы в круг танцующих. Шалгу присел рядом, долго раскуривал трубку, покашливал, смотрел то на веселящихся людей, то на костёр, потом тихо произнёс:

– Сегодня от тебя ушло детство. Помни о нём, оно было добрым к тебе.

– Да, – кивнул уже не юноша, а настоящий молодой охотник, который только что подошёл к черте, за которой большая жизнь. Осталось сделать только один шаг – завести семью, поставить свой чум. И черта эта совсем рядом: за морозами и снегами, за весёлыми ручьями, весенним буйством птичьего разноголосья, за шумом ледохода, первой грозой над сопками. Совсем рядом, надо только идти.

6

Вот и настало время для «малой ходьбы». Наступил охотничий сезон, пора, когда душа охотника начинает петь, когда наступает настоящая работа для мужчин. Пришла пора добывать белку. В период «малой ходьбы» охотники промышляют недалеко от дома, на расстоянии двух-трёхдневного перехода. И всегда возвращаются в стойбище, принося добычу с собой. Женщины обрабатывают шкурки, выделы-

вают их, готовят к продаже. Подростки заготавливают дрова и промышляют зайцев рядом со стойбищем. Женщины, кроме выделки шкур, занимаются разным рукоделием, шьют и украшают одежду и, конечно, болтают. Наконец-то наступило время, когда можно вдоволь поговорить. Собираются в одном чуме, и пошла беседа, перемоют косточки всем, наговорятся на год вперёд. Старики вяжут сети из крапивной нити и помалкивают. Только зацепи длинные женские языки, не отвяжешься. Оплетут, как сеть неловкую рыбину.

Рано утром Нюнням вместе со своей собакой направился в тайгу. Пока только на день, а там будет видно. Что принесёт этот сезон, пока никто не знает, но для молодого охотника он будет очень важным. Нужно не только показать зрелость в этот первый сезон, но и добыть много шкурок, впереди его ждёт важное событие, к которому нужно подготовиться.

Чур сразу убежал в лес, а через некоторое время раздался его лай. Нюнням по голосу своей собаки определил, что Чур облаивает белку. На каждого зверя или птицу у собаки свой едва различимый тон. Хороший хозяин знает, на кого лаёт пёс. Когда Чур лаял на белку, голос у него становился высокий, с привизгом. Зверька Нюнням увидел сразу, тот и не пытался прятаться, с любопытством разглядывая собаку, тут же и поплатился, сбитый тупой стрелой, он сразу попал в пасть кобеля. Придавив белку, Чур положил её на снег, поглядывая на хозяина. Нюнням поднял белку, осмотрел, только тогда погладил собаку.

– Молодец, Чур. Хороший, Чур, – собаке было достаточно осознать, что она всё делает правильно. Кобель снова пропал в лесной чаще, вскоре снова раздался лай. К обеду было добыто с десяток белок. Нюнням разжёг костёр, повесил котелок со снегом над огнём. Вытащил из заплечного мешка лепёшку, чай, перемешанный с разной травой, кусок вяленой рыбы. Лепёшкой и рыбой поделился с кобелём, а сам стал медленно жевать, ожидая, когда закипит чай. Вода в котелке забурлила и заплескалась через край. Нюнням высыпал заварку в котелок, на мгновение поставил котелок на огонь и, когда вода опять стала подыматься, снял и поставил рядом с костром. Достал берестяную кружку и налил душистой жидкости. Пил долго, мелкими глотками, продлевая удовольствие. Налил ещё, раскурил трубку и долго смотрел в костёр. На душе было хорошо и спокойно. Докурив трубку, допил чай, собрал пожитки в мешок, затушил снегом костёр и пошёл дальше. Пока не наступили сумерки, Нюнням добыл ещё несколь-

ко белок. Чур работал достойно. Он то уходил куда-то, то вертелся рядом. Когда пёс в очередной раз ушёл по кругу, выискивая следы, случилось неожиданное. Нюнням краем глаза увидел шевельнувшиеся ветки на сосне, машинально взял стрелу из колчана. Но не успел поставить её на тетиву, как вдруг большая тень полетела с сосны прямо на него. Дальше всё произошло неосознанно, сработал инстинкт охотника. Нюнням выставил перед собой руку со стрелой остриём вперёд, а другой оттолкнул нападавшего зверя. Только рысь не боится нападать на человека просто так, ради охоты, не боится или не понимает опасности. Как и на любую другую добычу, она прыгает со спины, стараясь ухватиться клыками за шею. Если добыча оказалась удачливей и смогла противостоять первой атаке рыси, она спасается бегством на дерево. Здоровый кот прыгнул охотнику прямо на спину.

Только быстрая реакция спасла Нюнням. В любом случае надо было скинуть рысь со спины, тогда она уйдёт, если успеет. Но в этот раз зверю не повезло, прямо в полёте он наткнулся на стрелу, которую охотник держал в руке и которая проткнула его насквозь, повредив внутренности. Охотник успел выхватить нож, но добивать рысь не стал. Кот вскрикнул, потом стал громко фыркать и крутиться на снегу, оставляя кровавый след. Нюнням понял, что рыси досталось хорошо и не стоит больше портить шкуру. В это время примчался Чур, словно почувствовав, что хозяину нужна помощь. Кобель вцепился в горло рыси и держал до тех пор, пока зверь не затих. Нюнням сел прямо на снег, закурил трубку. Он в первый раз встретился с рысью. Только по рассказам бывалых охотников знал, как надо противостоять зверю.

Докуривая трубку, Нюнням почувствовал, что немного саднит щека. Потрогал рукой и увидел кровь, успел зверь поранить охотника когтями в последний момент. Нюнням вытащил из-под снега сухой жёлтый лист, послюнил его и прилепил на рану, вскинул затихшего кота на плечо, пошёл назад.

День, как вспугнутый глухарь, быстро удалялся, растворяясь в кронах деревьев. Лес, проглотив последние лучи солнца, мгновенно посерел, а потом и почернел. Только снег, лежавший повсюду, не давал темноте совсем опутать всё вокруг, словно светящиеся гнилушки, путался под ногами. Стойбище дымами встречало охотников, возвращавшихся с промысла. Дым поднимался ровными столбами, не сгибаясь, не расползаясь, только там, высоко, за пределами самых высоких деревьев, дымы соединялись в один и поднимались ещё выше.

Все знали, что завтра будет морозец. Не сильный, сковывающий всё вокруг, а только румянящий щёки и покрывающий инеем кусты.

Нюнням пришёл после Чалыка. Тот уже успел попить чаю и отдохнуть. Шалгу рассматривал белок старшего сына. Нюнням вывалил свою добычу. Старик с удивлением стал разглядывать рысь.

– Стрелой добыл? – спросил Шалгу.

– Стрелой, – кивнул Нюнням.

– Далеко стрелял? – поинтересовался Чалык. Рысь в здешних краях нечастый гость.

– Не стрелял. Не успел, стрела в руке была.

– Зверь напал первый? – заинтересовался Шалгу.

– Да. Едва заметил.

– Хорошая добыча. Мне не приходилось добывать рысь. Старик долго вертел зверя в руках, а потом сказал Чалыку:

– Ты отдохнул, снимай шкуру. Надо мясо варить, говорят очень нежное белое мясо у рыси, будем пробовать.

Кутега подала чаю молодому охотнику. Нюнням сел возле чувала, греясь у очага. Он не замёрз, просто открытый огонь снимал усталость быстрее. Шалгу сложил недовязанную сеть и отложил в сторону. Чалык быстро снял шкуру и подал мясо жене. Она разрубила его на крупные куски и бросила в котёл.

– Завтра я пойду с тобой, Нюнням. Не могу сидеть и слушать женские сказки. Пока нет морозов и снег неглубокий, я смогу добывать белок.

– Пойдём, – согласился сын. – В лесу можно ходить и без лыж.

– Правильно, – поддакнул Чалык. – Сидит хмурый, я думал, что ты заболел, а ты без охоты такой.

– Ещё будет время сидеть. По большому снегу я уже не смогу бегать за вами, да и холодно будет. Буду как женщина сидеть, шкуры скоблить да языком чесать.

– Много ты говоришь, уши болят, – заметила Кутега. – За день два слова не сказал, будто язык замёрз и отвалился.

– Мне ещё парку до пяток надеть и бусы собирать осталось, – буркнул старик. Мужчины носили парки до колен, а женщины до щиколоток.

– Кутега, – окликнул жену Чалык, понимая, что отец сердится. Женщина замолчала и стала кормить мужчин. Дымящееся мясо, вытащенное из котла, приятно щекотало ноздри. Лучший кусок Кутега

подала Шалгу, по обычаю. Он принял и кивнул в знак того, что он не сердится на невестку за её болтливый язык.

Огонь в чувале ровно горел, тепло приятно расползалось по чуму. Дрёма стала одолевать всех. Первым в свой угол залез Нюнням и затих. Вскоре и Чалык улёгся, а Шалгу ещё долго сидел – не дают уснуть разные мысли, и лезут, и мучают, не отбиться никак, а если дома сидеть, так вовсе хоть пропадай. Вот и собрался Шалгу убежать от них в лес, там будет не до разных думок. Нужно слушать лес, каждый шорох едва различимый укажет, где нужно смотреть белку или соболя. Шалгу и без собаки может найти не одного зверька. Много знает старик, умеет услышать то, что надо слышать. Хотелось Шалгу передать свои секреты сыну, многого тот ещё не знает, молодой ещё. Так и задремал старик сидя, не выпуская изо рта трубку.

Утром, едва стало светлеть небо, Шалгу уже был готов к походу. Он попил чаю, выкурил трубку и сидел у чувала, выжидая время. Нюнням тоже был готов и тоже выжидал время. Тронулись только тогда, когда стало совсем светло. Чур бежал впереди, за ним шёл Шалгу, замыкал шествие Нюнням. Отдохнув, он шёл спокойно, внимательно вслушиваясь в шум леса. Охотники ступали тихо, стараясь не смешивать звуки леса с треском сучьев под ногами и скрипом снега. Шалгу первый услышал поцокивание белки. Он остановился, определил направление, откуда шёл звук, и стал всматриваться в лохматые ветки кедра, ожидая, когда проказница-белка шевельнётся, тогда можно и стрелять. Ждать пришлось недолго. Высоко, около макушки дерева, дрогнула ветка, посыпался снежок. Зверёк высунул мордочку и стал разглядывать охотников. Белка не чувствовала опасности, поэтому и не пряталась особо. Шалгу достал тупую стрелу, медленно натянул лук. Стрела сердито фыркнула, сразу же раздался глухой удар. Белка кубарем летела с дерева, пытаясь зацепиться за ветки. Чур поймал её на лету. Он не рвал белку, просто придавливал зубами, а когда зверёк затихал, клал его на снег. Таких собак, которые рвали зверька, а иногда просто хватали его и убегали, не держали, от них избавлялись.

Перед обедом Чур залаял как-то особенно. Нюнням понял, что кобель нашёл след соболя. Шалгу вопросительно посмотрел на сына, тот утвердительно кивнул. Голос Чура удалялся. Но вдруг кобель стал привизгивать.

– Остановил, – сказал Нюнням и побежал на лай собаки. Шалгу тоже поспешил. Чур лаял на поваленную осину. Дерево лежало давно

и наполовину сгнило. Кобель не только лаял на дерево, но и пытался грызть его. Шалгу внимательно осмотрел валёжину и показал место, куда залез соболь. Старая осина сгнила изнутри, и там образовалась пустота на всю длину дерева. Шалгу «аттесом», полуметровым ножом, заменявшим топор, прорубил отверстие посередине, потом пошёл и прорубил такое же отверстие с другого края. Срубив пару небольших берёз, они с сыном стали с двух сторон толкать прутья в середину осины, постукивая сверху. Соболь выскочил из среднего отверстия, пробежался по голове Чура и отпрыгнул в сторону, попав в снег, провалился с головой. Чур попытался схватить соболя, но тот пустил в ход свои острые зубы, стараясь вцепиться собаке в нос, самое болезненное место, но кобель не давал ему такой возможности. Зверек не сдавался, он рычал, фыркал, прыгал прямо в морду собаке. Но опять угодил в снег, оказавшийся роковым для него. Чур схватил соболя поперёк, и послышался хруст, зверёк сразу затих. Нюнням подошёл, погладил собаку:

– Хороший, Чур, хороший.

Собака благодарно смотрела ему в глаза. Хорошие слова и для собаки радость. Она чувствует доброе слово. Нюнням поднял соболя, посмотрел на свет, дунул на шкурку. Это был не совсем чёрный зверёк, который особенно ценился, но всё же соболь. Первый соболь в этом сезоне. Шалгу осмотрел шкурку, встряхнул зверька и сказал:

– Ничего, пойдёт. Первый нынче соболь. Хороший у тебя кобель, умный, такого беречь надо, удачу принесёт.

– Сам всё знает, я не учил.

– Разве собаку научишь? Тут или будет работать, или нет, – сказал Шалгу. Нет, собака от рождения способна к охоте, нужно просто не загубить эти знания.

Ближе к вечеру Чур нашёл ещё одного соболя. Только теперь зверёк был на сосне, особо и не прятался, смотрел своими чёрными глазками и определял степень опасности. Нюнням не промахнулся, стрела ударила прямо в подбрюшье, когда зверёк приготовился к прыжку и приподнялся на ветке. Чур схватил его, как и белку. Этот соболь оказался совсем другого окраса. Чёрный, с блестящим отливом, он словно искрился на солнце. Нюнням понимал, что это ценный зверёк, но сказать об этом постеснялся, хотя его прямо распирало от радости.

– Вот это добрая добыча, – порадовался отец.

День удался. Добыли пару соболей, полтора десятка белок. Не каждый день приносит такую удачу, и надо радоваться прошедшему дню, надо радоваться и будущему дню, с плохим настроением, без надежды на охоту не стоит ходить. А что ещё умеет делать лесной житель? Рыбачить да охотиться, без этого не проживёшь, без всего этого и смысла жить нет. Что нужно человеку? Вырастить детей, показать им дорогу, по которой они пойдут. Вот сейчас Шалгу пытается направить Нюнням, а он и сам идёт по верной тропе. Все идут по нужной тропе, так уже заложено в крови у народа. Только как идут по этой самой тропе, по этой самой жизни? Многие свою дорогу осилили, кажется, и всё у них хорошо, да только кто их знает, таких людей, живут и живут себе, а спроси: «Кто это? – пожмут плечами и скажут: – Человек, кет». Наверное, это и не плохо, только Шалгу не просто человек. Он был лучшим охотником, он и сейчас лучший мастер на всём Туманшете и Бирюсе, который делает лодки-ветки, самый лучший мастер делать луки, которые славятся и на Енисее. Шалгу хочет, чтобы и Нюнням был мастером. Если взялся за какое-либо дело, то надо быть лучшим. У него есть такая жилка, которой нет у Чалыка. Старший сын неплох, и на охоте не последний, и рыбу ловит не хуже других, но не лучше всех. И жену хорошую Шалгу нашёл для Чалыка, и мастерица, и на охоте помощница добрая, и всё у них нормально, но и только.

Шло время. Нюнням то один, то с отцом каждый день ходил на промысел. Холодало, выпало уже достаточно снега, чтобы ходить на лыжах. Чур бежал следом по лыжне, только изредка, что-нибудь учуяв, кидался в сторону, проваливался в снег и виновато смотрел на хозяина. Теперь охота шла на ловушки и кулёмы. По определённому маршруту охотник шёл и проверял ловушки, забирал добычу, настраивал по-новому и шёл дальше. Приходилось ходить далеко и ночевать в лесу, иногда даже две-три ночи, разводил костёр, выбирая хорошую валежину, которая будет гореть всю ночь, готовил лапник и залазил в усень (спальный мешок из оленьих шкур). Даже в морозы можно было коротать ночь, не боясь замёрзнуть. Собираясь на несколько дней, Нюнням брал с собой небольшую волокушу, на которой вёз всё необходимое, на ней же доставлял то, что удавалось добыть. Несколько раз Нюнням привозил и мясо. В густых ельниках натыкался на изюбров, диких коз и даже лосей, свежему мясу все рады, а если

удавалось и небольшие запасы мяса сделать, это было большим подспорьем тем запасам рыбы, которые заготовлены с осени.

Наступала пора коротких дней. Охотники выходили с промысла. День и так был коротким, а тут ещё наступали сильные морозы, которые покрывали всё туманами, словно белым покрывалом. Туманы, бывало, и совсем не рассеивались. Охотиться в такую погоду не на кого. Все лесные обитатели тоже прячутся от холодов, стараясь зря не высовываться, питаясь заготовленными запасами.

Несколько дней охотники отдыхали, отсыпались в чумах, потом безделье надоедало. Стали собираться в одном чуме и рассказывать сказки. Сказки рассказывали больше для детей, но и взрослые тоже с интересом слушали, многие не по первому разу. Рассказывали в основном про бога Еся, про старуху Хоседэм. На этот раз сказку стал рассказывать сам Шалгу. Дети расселись вокруг старика, чтобы было лучше слышно, чтобы не упустить ни одного слова. Старик раскурил трубку и начал:

– Жил старик Есь со своей старухой Хоседэм. Был у них сын. Както сын говорит:

– Я на охоту пойду.

А Хоседэм ему отвечает:

– Холодно уже, надень шубу.

– Нет, не холодно, – сказал сын, не послушался матери и ушёл неодетым. – Кто ходит на охоту в шубе. Не надо мне шубы.

Пошёл сын, далеко пошёл. Есь, его отец, говорит:

– Я его пугну, пущу холодный ветер.

И пустил он холодный ветер. Сын побежал домой. Бежал, бежал, упал и замёрз в лесу. И старик знал об этом, он был бог Есь.

– О-о, мой сын замёрз, – завопила Хоседэм. Стала ругать мужа всякими нехорошими словами. Старик тоже стал браниться, и поругались они. Хоседэм кричит:

– Ты зачем моего сына заморозил?

Старик Есь толкнул её в гневе, и она упала вниз. И говорит старуха снизу:

– Теперь я буду богом внизу, а ты будешь богом вверху.

Так и появились два бога: добрый Есь вверху и злая и тёмная Хоседэм.

– Расскажи ещё сказку, – попросили дети.

– Какую? – спросил Шалгу.

– Расскажи сказку про гагару, – попросил Чалык.

– Это было давным-давно. Ничего не было тогда на земле. И земли самой не было. Был только один сплошной океан, над которым летала одна единственная гагара. И на небе жил бог Есь. Гагара летала над океаном, купалась и отдыхала прямо на воде. Однажды Есь позвал гагару к себе и велел ей сотворить землю. Захотел Есь расселить на той земле и зверей разных, и птиц, которые на земле живут, и людей всяких. Сказал Есь гагаре:

– Ты, гагара, хорошо плаваешь, хорошо ныряешь, достань со дна океана кусочек земли да растяни его, чтобы земля получилась.

Много раз ныряла гагара, но неудачно: не могла она достать земли. И вот собралась в самый последний раз нырнуть. И получилось достать кусочек земли. Утвердив землю на поверхности, гагара стала растягивать её. Растягивала она, растягивала, и хватило земли на всех. Стали жить на земле, сотворённой гагарой, разные звери и птицы. А от гагары светлый народ произошёл. Кетами зовут тот народ.

– А где сейчас этот народ? – спросила Кутега.

– Жил тот народ в верховьях Енисея. Потом стали приходить плохие люди с юга и с запада, забрали хорошие леса, где водилось много зверей, и кеты погрузились в лодки- илимки и поплыли по Енисею вниз. Искали себе хорошее место. Но места хорошие были заняты, и кеты плыли всё дальше и дальше. Некоторые не захотели больше плыть вниз, а пошли по реке Бирюсе искать себе место. Стали они зваться коттами. Нашли они хорошее место на реке Туманшет, где мы и живём. Наши предки звались кетами. И мы вышли из кетов. Значит все сказки про нас, – сказал Шалгу и набил табаком себе трубку. Все слушатели заулыбались, остались довольными. Хорошими, светлыми людьми были их предки.

– А те, которые ушли вниз по Енисею, где сейчас?

– Там и живут. На самом краю земли. Там, где «огонь Еся» (северное сияние) освещает землю, трещит и пугает.

– Это далеко, наверное? – продолжала Кутега.

– Далеко. Хватит на сегодня, – сказал уставший старик.

7

Утром, когда Нюнням проснулся, Шалгу сидел около чувала и пил чай. Делал это он медленно, степенно. Важность во всём виде

старика, говорила, что это неспроста. Нюнням сходил на мороз, чтобы лучше проснуться. Лень и безделье в дни «коротких дней» забирают все желания, парализуют волю, так бы и спал себе, ничего не делал, да только еда сама в котёл не ходит, и дрова для чувала тоже надо принести. Захватив дров, Нюнням вернулся в чум. Там было тепло, пахло дымом и чаем, который заваривал сам Шалгу. Старик медленно набил трубку и прикурил от маленького уголька на кончике ветки.

– Хватит сказки слушать, – сказал он сыну. – Покажу тебе, как собирать лук.

Остатки сна быстро улетучились. Нюнням давно ждал этого, надеялся, что отец откроет ему свои секреты. И вот настал этот день. Шалгу достал свои заготовки, спрятанные им до поры, достал специальный старенький котелок, в котором варил клей. Котелок поставил рядом с огнём, чтобы не перегреть и не переварить клей, и стал примерять заготовки, подгонять берёзовые и лиственничные пластинки друг к другу.

– Смотри, чтобы щелей между пластинами не было. Иначе клей неровно ляжет, и пластины будет коробить. Лук станет кривым, стрелы будут летать мимо, белки будут смеяться над охотником. Обязательно вымеряй середину сразу, а не потом, когда склеишь и придётся ножом срезать лишнее дерево. Оно этого не любит. Могут появиться небольшие трещины, которые ты сразу можешь и не увидеть. Но потом они себя выкажут, и лук может подвести в самый неподходящий момент. Старательно делай дело, не торопись. Хорошее дело не терпит спешки. Быструю работу только сороки и оценят, долго будут стрекотать.

Нюнням сидел и смотрел во все глаза. Всё было так интересно. Шалгу раньше никогда не показывал, как собирает и склеивает лук, как готовит клей. Теперь же Нюнням не только смотрел, но брал своими руками заготовки, примерял их, осматривал все зазоры, спрашивал, что было не совсем понятно. Восторгу не было предела. Когда согрелся клей, Шалгу сказал:

– Склеивай, я посмотрю, буду подсказывать, если что не так будешь делать.

Нюнням взял заготовки, палочкой промазал хорошо места для склеивания, убрал лишний клей, понимая, что лишний клей может и испортить всё дело. Сложил всё вместе, предварительно отмерив середину и поставив угольком метки. Сейчас, совместив метки, он

стал связывать заготовки размоченными сыромятными ремешками. Старик словно и не обращал внимания, собирал ещё один лук, который прошлым летом обещал сделать рыбаку из Пеленгут. А тот, который делал Нюнням, пойдёт на подарки за невесту. Пусть сам себе делает, пощупает своими руками упругость березовой и лиственничной пластинок раздельно, потом почувствует упругость и силу склеенных в одно целое. Сила дерева не удваивается, а утраивается, когда сделано всё правильно. Шалгу не делает ошибок, потому и луки, сделанные им, ценятся так высоко. Нюнням тоже будет хороший мастер. Старик видит, что есть у младшего сына искорка мастера в душе. Теперь надо раздуть её в огонь, главное, не погасить. Нюнням всё сделал верно, ни разу не вмешался Шалгу, ни разу не поправил. Вскоре два лука, подвешенные для просушки клея, красовались над чувалом. Чалык мастерил туеса из бересты и совсем не интересовался работой других. Он думал так: «Есть мастер Шалгу, пусть и делает. У него получается хорошо. Чалык умеет охотиться, как и другие, умеет делать туеса, если нужно выстругает из дерева, что понадобится. А вдаваться в такие тонкости, как делать лук или вырубать лодки из дерева, у него нет желания. Ловушки-кулёмы, плашки Чалык смастерит, а черканов Шалгу уже наделал столько, что хватит на многие годы. Только лови белок да соболей». Говорить об этом вслух Чалык не хотел, чтобы не обижать отца. Белок Чалык добыл поменьше, чем брат, ну и что? Им с Кутегой хватит. Дети пока маленькие, много ли им надо? Проживут не хуже других. Кутега ловко и хорошо выделывает шкурки. Никогда не испортит, не порвёт. Шкурки мягкие, мех горит, искрами брызгает. Ничего, можно жить. Не обязательно делать луки да лодки долбить. Вон в Пеленгутах кузница есть, там железо, как глину, мнут, ножи делают, другие разные штуки, разве много нужно ножей Чалыку? Много лет служит хороший нож, оселком поправил лезвие и хоть шкурку снимай, хоть мясо режь. Нет, не надо премудростей Чалыку, не надо. Пусть Шалгу с Нюнням чудят себе, раз им интересно.

Долго тянулись дни и ночи, окутанные снегом, инеем и туманами. Щедра здешняя земля на морозы. Прижмётся мороз к самой земле, накроется туманом и не даст солнцу места для лучика. Только солнце начинает осиливать туман, так и день закончился. Лес вокруг, покрытый куржаком, не шелохнётся, не скрипнет. Тишина. Разве иногда мороз разорвёт дерево изнутри, громко хлопнув, словно бог Ес сверху ударил палкой, чтобы разбудить своё сонное царство. За эти дни мно-

го дел переделано. Выделаны шкурки соболей и белок, добытых во время «малой ходьбы». Готовая пушнина упакована и сложена в лабазы, чтобы не поточили мыши и бурундуки. Починены лыжи, которые сейчас очень сгодятся. Без лыж никуда – снегу навалило по пояс. Подготовлены маленькие нарты-волокуши и для охотников, и для их жён. В них есть места и для малых детей. Уходили семьями надолго, брали всё что нужно с собой. Семье Шалгу будет намного легче, чем другим. У них трое взрослых мужчин и женщина, четверо нарт, много можно взять с собой, разделить по нартам, будет легко.

И пришло время. Шалгу вышел утром из чума, посмотрел на небо. Постоял, понюхал зимний, морозный воздух и сказал:

– Можно собираться.

Весть полетела в каждую дверь. Люди враз зашевелились, словно только этих слов и ждали. И захлопали берестяные разрисованные двери, несмотря на холод. На двери в каждый чум нанесён какой-либо рисунок: или лес с рекой, или лось, трубящий по осени, дверь без рисунка, как голова без лица, поэтому и рисовали всё, кому что нравилось. Идти можно будет через несколько дней, но уже надо собираться, хотя всё основное уже давно собрано. Надоело мять бока в чумах да слушать разные истории. Старика Шалгу совсем замучили просьбами рассказать что-нибудь, ведь он родился летом, и все верили, что если сказки рассказывает человек, родившийся в тёплое время, он быстрей приближает лето. Эта вера пришла с ними из далёких енисейских краёв, когда они были в большой единой семье кетов, светлых людей, которых поселил на землю добрый бог Есь и которых мучила разными сквернами старуха Хоседэм. Шалгу перестал рассказывать истории, решив, что своё дело он сделал хорошо, теперь осталось ждать. Он сидел, не выпуская изо рта трубку, думал о чём-то, изредка улыбаясь своим мыслям. Видно, хорошие думы посещали старика.

С утра быстро разобрали чумы, сложили в нарты и двинулись в разные концы. Шалгу со своей семьёй потащили четверо нарт прямо на юг, там были их угодья, там всегда охотились его предки, там охотился он сам и его дети. Каждый охотник следит за своим участком, хотя разве уследишь за всем, когда расстояния измеряются десятками дневных переходов. Есть свои путики, по которым тянут волокуши, есть свои затёсы и приметы. Чужому в угодьях делать нечего, но если кто и попадёт ненароком на чужой участок,

то большой беды не случится. Пройдёт человек, может и попользоваться чужим добром, если беда случилась, никто не будет возмущаться. Наоборот, порадуются, что сделали добро человеку. А тот, кто был, обязательно оставит свою метку, чтобы хозяева знали, кто был у них гостем. Этим знаком охотник обязуется, вернуть всё то, чем воспользовался. Других людей в тайге просто нет. Остаток зимы и всю весну, пока не вернутся назад в стойбище, других людей не увидят. Велики просторы тайги, редко пересекаются дороги, всем места хватает.

Первым тащил свои нарты Чалык. Он прокладывал дорогу для других. Тем, кто шёл за ним, было немного легче. Шли неторопливо, стараясь держать один ритм, чтобы не уставать зря. Нюням тащил свои нарты вместе с Чуром. Для него была привязана специальная лямка. Пёс старательно работал, изредка поглядывая на хозяина. Через некоторое время Нюням опередил брата, давая тому возможность отдохнуть. За ними шёл Шалгу, последней тянула свой груз Кутега. На её нартах сидели дети, укутанные в оленьи шкуры. Когда солнце перевалило за полдень, путники остановились отдохнуть и пообедать. Весело потрескивал костёр, мальчишки сидели на нартах, протягивая руки к огню. В котле варился чай. Рассевшись у костра, люди обедали лепёшками и кусками мяса, разогретого на костре. Мясо было сварено и заморожено специально для перехода. Некогда долго засиживаться, короткие зимой дни, надо успеть пройти большое расстояние. Не только добраться до места, но и успеть поставить чум. Место для чума известно, не первый раз идут.

Уже стало смеркаться, когда все дружно стали ставить чум. Здесь были заготовленные заранее дрова, в дневном переходе во все стороны стояли ловушки, которые дожидались своего часа с прошлого года. Уставшие, но довольные, поужинали при свете огня в чуме, закурили трубки.

– Чалык, ты пойдёшь завтра один на запад, ты знаешь, где находятся кулёмы и плашки. Надо подстрелить какую-нибудь птицу, чтобы сделать приманки. Лучше, конечно, глухаря. Мясо будет на котёл. А мы с Нюнням пойдем в другую сторону. Я ему покажу остальные ловушки. Остановимся здесь на пять дней. Участок большой, добычи должно быть много.

– Хорошо, отец, – кивнул Чалык.

Он почти всегда охотился один со своей собакой. Первый день был не очень добрым. По глубокому снегу собака не побегает. Медленно продвигаясь на лыжах, охотники вслушивались в шум леса, определяя, где цокает белка, наблюдая, где упадёт снег с ветки. Он просто так не падает. Нюнням тащил за собой нарту с черканами, съёмными самоловами, находили старые ловушки, настораживали кулёмы на глухариные перья со шкурой.

День прошёл не впустую, но особой добычи не принёс. Добыли пять белок на двоих «на слух». Зато прошли по старому путику и насторожили много кулём, плашек и черканов. Первый день обычно уходил на это. Чалык тоже пришёл с парой белок.

– Поставил ловушки? – спросил Шалгу.

– Поставил, насторожил. Белка есть, и собольи следы встречал. Но гоняться не стал там, рядом насторожил кулёмку.

– Верно. Главное, побольше ловушек настроить. Кутега, а твои «охотники» чего добыли? – спросил Шалгу, кивая на внуков.

– Пока ничего не добыли, но охотятся за глухариной головой в котле. Гляди, что котёл перевернут.

– Значит, не пропадут, – сделал вывод Шалгу.

Второй день оказался совсем неплохим. Почти все ловушки сработали. Попалось полтора десятка белок и три соболя. Несколько ловушек оказались пусты, хотя и сработали. И по следу было видно, что зверёк приходил.

– Смотри, – сказал он сыну, – ты не совсем верно ставишь сторожок.

Шалгу показал свои хитрости в насторожке кулём.

– Надо настораживать потоньше, загораживать от случайного прикосновения или порыва ветра. Тогда зверёк не успеет увернуться.

– Ты же видел, как я вчера ставил ловушки, почему не поправил?

– Хотел, чтобы ты посмотрел. Когда увидишь, лучше запомнишь. Ты посмотри, все мои ловушки сработали удачно, а у тебя три пустые. В те попались потому, что зверёк не пуганый, а в эту опытные украли наживку и не попались. Ничего, ты не обижайся, добудем мы этих соболей. Человек хитрее зверя.

Чалык тоже пришёл с хорошей добычей. Принёс ещё и зайца, неосторожно попавшегося на пути охотника. Настроение в чуме стало повеселее.

– Поймал вчерашнего соболя? – спросил Шалгу.

– Поймал, – Чалык вытащил зверька и показал отцу.

– Хороший соболь. Старый уже, мех ладный.

Через пять дней собрали чум и двинулись дальше. Часть груза оставили здесь. На следующий день Нюнням пойдёт в эту сторону ещё раз проверить ловушки, потом и заберёт. Так и продвигались к границе своего участка, день шли, ставили чум, охотились неделю, потом направлялись дальше. Уходя, закрывали ловушки, чтобы зря зверь не пропал. Забирали с собой только черканы. Складывали их на нарты и везли. Кормились добытыми глухарями, зайцами. Без мяса много не наохотишься.

Дни становились длиннее. Полуденное солнце уже стало ласкать лицо, но порой пурга так закруживала, что не выходили из жилья по несколько дней. Постепенно холода отступали. От постоянной ходьбы стали уставать охотники. Шалгу уже не каждый раз ходил на охоту, оставаясь в чуме. Он выходил днём из чума и бродил неподалёку, что-то выискивая. Однажды вечером сказал:

– Завтра пойдём добывать мясо. Сегодня присмотрел место, где стоят лоси. Без мяса плохо ходить, ноги ленивые стали.

У Кутеги загорелись глаза. Ей надоело выдумывать еду, которой можно было кормить охотников. Один глухарь или один заяц на столько мужчин – это просто насмешка. Если будет много мяса, то всем будет хорошо.

Утром, как только рассвело, охотники тихо, след в след, пошли к видневшемуся вдалеке ельнику. Там и заметил Шалгу лосей. Подошли так тихо, что лоси и не услышали. Определились, какого быка будут бить, прицелились сразу все. Три стрелы пронзили молодого лося. Остальные звери шарахнулись по сторонам. Пробежав по глубокому снегу немного, они обернулись и стали смотреть, что же там произошло. За ними больше никто не гнался и не тревожил. Потом, учуяв запах крови, всё же ушли в заросли и больше не появлялись. Охотники разделали сохатого, поели горячую печень, запивая кровью. Завернули мясо в шкуру, сложили на нарты и пошли назад. Этот груз был не в тягость. Вернулись быстро. Собаки лаяли, встречая. Их с собой не брали, привязав к чуму. По глубокому снегу лось спокойно может поднять собаку на рога. На лыжах охотник быстрей собаки.

– Завтра будем отдыхать, – объявил Шалгу. – Пусть желудки поработают, а ноги отдохнут. Оба сына кивнули в знак согласия.

8

По утрам уже не было туманов. Морозы ещё ярились ночами, только силушку свою подрастеряли. К обеду солнце, ярко расплескавшись по белым сверкающим сугробам и снежным шапкам на деревьях, слепило, понемногу ласкало обветренные щёки. Снег какое-то время терпел, не поддавался теплым лучам, потом понемногу стал отпотевать за день. Ночью, замерзая, образовывал крепкую снежную корку. По насту охотнику легко бегать, как по дороге. Лыжи-голицы, не подбитые камусом, катились сами. Это было время для добычи лосей и оленей, они не могли бегать по насту, острыми краями разрезая ноги. Нюнням наткнулся на лосей в лозняке, где животные кормились ветками. Первая стрела пронзила шею огромному самцу. Лось было кинулся на врага, но, провалившись в насте, на мгновение остановился, и вторая стрела пробила лопатки, кровь брызнула на снег. Третья стрела успокоила зверя. Другие лоси, шумно фыркая, проламывая наст, быстро удалились в ельник, там снег был мягче, солнце меньше попадало в густые заросли. Молодой охотник подбежал к лосю и добил его ножом. Подошёл Чалык, помог снять шкуру и разобрать мясо. Перекусив горячей печенью, потащили мясо к чуму. Старик Шалгу в последнее время не ходил с ними на охоту. Устал. Охота на пушного зверя закончилась. Мех стал слабый, негодный для продажи. В период «бурундуков» лишь на них ещё и охотились. Шкурки использовали только для себя. Шили лёгкую одежду для детей и делали украшения женщины. В это время добывали мясо, готовились в обратный путь. Заготавливали его потому, что другие запасы подходили к концу. Путь был неблизкий, много раз придётся ставить чум на новом месте, возвращаться за оставленным грузом. По пути охотники забирали добычу, оставленную в лабазах на хранение. Когда приходили в стойбище, ещё лежал снег, река, покрытая льдом, светилась бирюзовым светом. Ещё долго ждать, пока солнце да вода осилят зимний панцирь и скинут его, возвещая об этом треском и скрежетом льдин, наползающих на берега и друг на друга. А пока ловят рыбу в прорубленных полыньях, в котцы заходит совсем мало рыбы.

Охотники, немного отдохнув, сидели возле чумов и чинили сети-пущальни. Обычно это делали женщины, но такая работа была отдыхом, а другой работы пока не было. По льду ходить уже опасно. Хоть лёд и достаточно толстый, но весенний, обманчивый, провалиться

можно в самом неожиданном месте, а потом попробуй выберись. Оставалось только ждать и готовиться к новому сезону.

Солнце всё больше набирало силу. На сопках уже стали показываться проталины. На солнцепёке от земли поднимался припарок. Лёд на реке постепенно стал чернеть, словно злился на всех. Кое-где с берегов поплыли ручейки, протачивая льдины. Кутега собрала детей и пошла с ними на сопку, поискать прошлогоднюю бруснику. Первейшее лекарство весной, пока ещё нет черемши. Ребятишки, словно муравьи, ползали по склону, повизгивали, смеялись и собирали тёмно-бордовые сладкие ягоды. После зимы все ягоды, оставшиеся на склонах, словно пропитаны сахаром, попадались и ягоды шиповника, но мало.

Стойбище жило размеренной жизнью. Возле чумов дымились небольшие костры. Неугомонные мальчишки сновали туда-сюда. Собаки грелись на солнце, лениво переворачиваясь с боку на бок. У костров суетились женщины. Мужчины сидели и курили трубки. День клонился к закату. Вот тут-то и затрещало. Словно огромной дубиной о дерево хрястнуло, потом ещё и ещё. Заскрипело, захлюпало. Двинулся лёд на реке. Всё население стойбища от мала до стариков двинулось на берег, разница только в скорости: ребятня сломя голову, а взрослые степенно, но на душе у всех было одинаково: «Случилось! Пошёл лёд!»

– Близко не подходите! – крикнула детям Кутега. Мальчишки подошли к самой грани срыва льда, а это очень опасно. Силища в реке такая, что любая льдина может быть мгновенно перевёрнута и вышвырнута на берег, не успеют отбежать, такое уже случалось.

Люди стояли на пригорке и обсуждали произошедшее. Некоторые «знатоки» пытались по каким-то им известным признакам определить по ледоходу, какое будет лето. Посветлели лица у жителей стойбища. Такое событие, происходившее раз в год, радовало всех. Начинался новый период жизни, более лёгкий и тёплый. Хоть и будет работы много, но с зимой не сравнится. Ледоход – такое зрелище, которое нельзя посмотреть несколько минут и пойти по своим делам. Старики стали приглядывать себе место, где можно присесть. Только ребятишкам всё было нипочём. Едва улеглись первые страсти, как река остановилась. Шла, шла и резко остановилась, словно уткнулась лбом в огромное дерево. Люди притихли, ждали, что скоро лёд тронется, продолжится праздник. Но льдины, залезшие друг на друга,

словно умерли. Время шло, люди уже стали уходить, как вдруг опять сильный треск расколол тишину. Река вздрогнула, шевельнулась и нехотя пошла. До самой темноты лёд больше не останавливался, всю ночь трещало, хрустело, только под утро затихло. Едва рассвело, народ опять высыпал на берег. По реке плыли редкие одиночные льдины. По берегам, окаймляя непривычно тёмную воду, лежали остатки льда и снега.

Чалык столкнул новую лодку на воду и направился посмотреть, где можно было бросить сеть и попробовать поймать щук. Очень хотелось свеженькой рыбы после зимы. Всем казалось, что рыба, выловленная в проруби, не такая вкусная, как из чистой воды. Пока после ледохода вода небольшая, нужно сделать небольшой запас. Когда начнёт обильно таять снег в лесу и на сопках, вода поднимется, тогда много не порыбачишь. Вода станет мутной, много валёжин будут прочёсывать реку, воруя не убранные вовремя сети. Топляки свободно могут перевернуть лодку и утопить рыбака. По большой воде не рыбачат, только по необходимости пользуются лодкой. Чалык нашёл подходящее место и забросил сеть. Поплавки из скрученной бересты стали подрагивать почти сразу. Чалык решил подождать немного и проверить сеть. Пристав к берегу, он набил трубку. Сладкий дымок окутал обветренное лицо. Охотник смотрел на воду, раздумывая: «Хороший выдался сезон. Много добыли шкурок. Нюням тоже хорошо поохотился. Больше тысячи беличьих шкурок привезли они с Шалгу. Хорошие подарки будут у Нюням невесте. Не опозорится охотник перед будущей роднёй. Чалык даст ещё шкурок брату, если понадобится. И у брата будет свой чум. Жалко, что отец уйдёт вместе с ним. Но ничего не поделаешь, так заведено. Отец уходит к младшему сыну, когда у того появляется свой чум».

Чалык вдруг заметил, что поплавков нет на поверхности воды. Выругавшись на себя, подумал, что какая-нибудь коряжина сорвала сеть. Оттолкнув лодку, он подплыл к сети. Сеть опустилась на дно и шевелилась от рыбы. Выбрав сеть, Чалык забросил ещё раз. В лодке плескались крупные щуки, окуни, была и пара ленков. Оглушив несколько ретивых рыбин веслом, Чалык увидел, что сеть опять стала дёргаться и опускаться. Домой он вернулся с хорошим уловом. Все помогали выгребать рыбу из лодки, потом у костра рыбу варили, жарили на рожне, хватило всем. Немного надо лесному человеку для радости. Хороший костёр, сытый желудок да трубка доброго табаку.

Большая вода, как и всё плохое, пришла ночью. Перед этим несколько дней стояла жара. Не по-весеннему палило солнце. Всё это закончилось хорошей грозой, первой в этом году. Молнии зажгли неподалёку лес, но дождь вскоре погасил огонь. Ливень бесновался всю ночь, а на следующую ночь пришла большая вода. Пришла валом, сметая с берегов всё подряд. В стойбище утащило лодку, вместе с лозой, к которой она была привязана. Другие лодки, вытащенные на берег, остались целые. Днём напор воды только усиливался, выворачивая деревья и кустарники, стоявшие рядом с водой. Вода заливала прибрежные луга и лес на противоположной стороне, там был берег ровный. Стойбище, стоявшее достаточно высоко на берегу, не пострадало. Нюнням, смотревший через реку на другой берег, сказал стоявшему рядом Чалыку:

– Завтра поплывём на тот берег, там рыба должна выходить на луга, бросим несколько сетей. Может, хариус попадётся.

– Поплывём. Не сидеть же здесь. За ночь весь хлам понесёт, вода будет почище. Там, на том берегу, и ямы есть на лугах. Если вода быстро уходит, в ямах рыба остаётся, не успевает уйти, можно много хариуса поймать или ельца.

Утром следующего дня братья на двух лодках поплыли ставить сети на другой берег. Большая вода не страшна, главное, чтобы топляк не перевернул лодку. Быстро перемахнув русло, они поплыли по лугам, которые затапливаются не в каждое половодье. Было интересно плыть посреди мелкого кустарника. Вода на лугах была спокойная. Чалык привязал сеть к кусту, растянул её вдоль течения. Нюнням отплыл подальше и тоже привязал сеть одним концом к кусту. Было неглубоко. Сеть даже не опустилась на всю высоту, немного ушла в сторону, перекрывая всё пространство. Рыбаки поставили ещё несколько сетей, потом поплыли к сухому месту раскурить трубку. Братья сидели молча, болтать попусту было не принято, а важных тем для разговора не было. Они молчали, грелись на солнце, покуривая трубки. Курили братья уже давно. Дети начинали курить лет с восьми, и никто им не запрещал. Не считалось это вредным занятием. Курили все: и мужчины, и женщины, и дети. После полудня Чалык и Нюнням сняли сети. Рыбы попалось немного, но хватит всем порадоваться вечером.

Вода сошла через неделю. В ямах на лугах рыбы не осталось, успела уйти. Мужчины стали готовить котцы к ловле. Рубили в густом ельнике короткие колья, таскали к реке и забивали в дно, огора-

живая нужное место. Из ивняка плели «морды», специальные щиты с конусной горловиной, в неё и входила рыба под напором течения, а выйти назад не могла, собиралась в загородках, откуда её просто черпали саками. Много ловили рыбы, много и нужно было. Готовили ещё и чучела уток и гусей. Скоро наступит пролёт птицы, тогда можно заготовить мясо. Чучела ставили на озерца и тихие старицы. Птица, завидев собратьев, садилась отдохнуть и подкормиться, здесь её и стреляли. Сначала уток, потом гусей. Мясо коптили, сушили, готовили на лето, летом другого мяса не будет. У птиц и животных будет молодь, стрелять её никто не станет до осени, вот и пригодится это мясо да рыба, которую ловят всё лето.

Дни проходили буднично. Каждый день приносил свои дела и радости. Люди готовились к торгам. Проверяли и упаковывали пушнину, готовили разные поделки из бересты и шкур рыб: туески, мешочки, разную посуду. Столько мелочей набиралось! Готовили и лодку-илимку, всю зиму простоявшую на берегу, смолили дно и борта, поправляли покрытие кают. Скоро наступит день, когда часть людей из стойбища поплывёт вниз в Пеленгуты, чтобы выгодно продать или обменять всё добытое богатство на нужные товары. Каждый надеется, что уж этот год будет лучше, чем прошлый.

Нюнням один сидел на берегу, ушёл подальше, чтобы не мешаться в чуме. Много хлопот, каждый что-то ищет, собирает. Молодому охотнику нет дела до этой суеты. Без него соберут всё, что нужно. Чего зря под ногами толкаться? Слушать, как беззлобно переругиваются Кутега и Чалык. Шалгу курит, не переставая, иногда спрашивая про какие-то вещи. Нюнням сидел и раздумывал о прошедшем сезоне, о том, что его ждало впереди. Именно в это лето должно свершиться самое важное в его жизни, хотел или нет этого охотник? Конечно, свой чум это хорошо, Нюнням сможет прокормить семью, но он не представлял себе, с кем ему придётся жить. Понравится ему жена или нет, хотя бы одним глазком посмотреть на неё перед женитьбой. А вдруг попадётся какая-нибудь страшная или сварливая? Что тогда будет делать охотник? Ведь жена не худая рукавица, не сбросишь в снег. Мысли, как трясогузки, перескакивали с одного на другое. То Нюнням пытался представить себе жену, то вдруг внимательно следил за полётом какой-либо птицы или разглядывал раскачивающиеся макушки берёз, потом вспоминал охоту, как впервые добыл медведя, не дрогнул, не подвёл охотников. Мысли чередой мелькали перед глазами, так бы-

вает, когда нет цели. Когда шёл, знал зачем, а когда осталось совсем немного, забыл, зачем шёл. И тогда лихорадочно пытался вспомнить цель. Нюнням знал, что от него сейчас ничего не зависит. Конечно, Шалгу постарается сделать как надо, но ведь у Нюнням есть своя голова. Шалгу ни разу не спросил, какую жену хочет младший сын. Так принято, что выбор сделает старший, а младший должен согласиться с чужим выбором. Всё это мучило юношу, и как противостоять этому, он не знал. И надо ли противостоять? Когда послышался лёгкий шорох по речному песку, Нюнням не сразу среагировал. А потом и не стал оборачиваться, понимая, что идёт кто-то лёгкий и быстрый. Чур едва приподнял морду и снова закрыл глаза. Значит кто-то свой.

– Можно присесть? – раздался девичий голос. Нюнням сразу узнал её, это вредная девчонка из их стойбища – Тега.

– Разве ты когда-нибудь спрашивала об этом? Просто садилась и вредничала.

– Мне уйти? – тихо спросила она.

– Нет, сиди, – Нюнням с удивлением стал разглядывать ту, которая портила ему жизнь при любом случае. Тега сильно изменилась за зиму, столько не виделись они, её семья охотилась совсем в другой стороне, в стойбище они пришли совсем недавно. Девушка стала выше и стройнее. Вместо озорных искр в глазах едва теплилась грусть.

– Ты изменилась, – сказал Нюнням.

– Говорят, что тебе невесту будут искать, это правда?

– Кто говорит?

– Все говорят.

– А тебе-то что? – Нюнням с любопытством посмотрел на неё.

– Ничего, – девушка посидела ещё несколько минут и медленно пошла в стойбище.

– Ты чего приходила? – крикнул он вдогонку. Она не ответила.

«Странная какая-то стала, – подумал Нюнням и снова обернулся, разглядывая удаляющуюся фигурку. Что-то странное шевельнулось внутри от непонимания её поведения. Если бы стала дразнить или смеяться над ним, тогда было бы всё понятно. Что от неё больше ожидать? А здесь – словно другой человек». Теперь ещё и мысли о девушке стали донимать его».

– Что с тобой? – спросил, подошедший Шалгу.

– Сижу, смотрю на воду.

– Кто это был?

– Не узнал? Это Тега. Я её тоже не узнал.

– Чего она хотела?

– Не знаю. Спросила про женитьбу и ушла.

«Вот почему она сама не своя, – подумал Шалгу, – неспроста это».

В последний день перед отплытием в стойбище было особенно шумно. Все жители были в приподнятом настроении, и те, кто направится на торги, и те, кто останется здесь. Горели костры, в котлах варились большие щуки и налимы. На рожне жарили ленков и хариуса. В печах пекли лепёшки. Все готовились к празднику, который устраивался каждый раз, когда отправлялись на торг. И хотя в стойбище не все были родственниками, но жили одной семьёй. В одиночку не проживёшь, в трудные времена делились последним. И сейчас всё готовилось для всех.

С восходом солнца Шалгу поднял Нюнням и позвал за собой. Взяв лучшие куски рыбы, приготовленной специально с вечера, старик пошёл на гору. Юноша последовал за ним. Казалось, никому и не было дела до этого, только одна пара глаз тайно провожала их. Кто-то знал, для чего они пошли в лес накануне отплытия, а кто не знал – не спрашивал, не принято. Если пошли, значит так надо, зря не пойдут. Чур, потихоньку виляя хвостом, бежал впереди. Охоты не было, и спешить не надо. Шли долго. Извилистая, едва приметная тропа вела прямо на вершину горы. Хотя и было тяжело, но Шалгу ни разу не остановился. К полудню они добрались до старенького, обветшалого шалаша, в котором ночевали прошлым летом.

– Разожги костёр, – попросил Шалгу сына. Нюнням быстро собрал сухих веточек, отрезал небольшой кусочек бересты, ножом наскоблил мелких ленточек. Несколько точных ударов сблтись (кремнем о кресало), искры густым пучком ударились в ленточки, и они задымились. Появились язычки пламени, через минуту уже горел небольшой костерок.

– Потом поставишь чай, – сказал отец, – а сейчас отойди немного в сторону. Нюнням поднялся на пригорок и сел на валёжину. Чур улёгся рядом, свернувшись в траве. Нюнням стал наблюдать за Шалгу. Старик поначалу сидел возле костра молча, закрыв глаза. Потом протянул руки к огню, плескал пламя, словно воду в реке, затем омывал пламенем всего себя, взял припасённую еду, тоже словно омыл пламенем и пошёл к сосне, на которой год назад Нюнням вырубил

лик духа реки. На вытянутых руках Шалгу протянул подношение, положил под дерево, потом стал чем-то тереть лик, протянул руки к нему и долго говорил. Нюнням не слышал слов, но понимал, что старик просит духа реки, покровителя в настоящее время всего стойбища, о помощи. Чтобы ловилась рыба, чтобы торги прошли успешно, чтобы всё задуманное свершилось в точности. Шалгу долго говорил, потом упал к подножью сосны и долго-долго лежал. Юноша уже хотел идти узнать, не случилось ли чего, но отец медленно поднялся и направился к костру. Нюнням тоже направился к костру. Налив в котелок принесённой с собой воды, стал варить чай. Когда чай был готов, прежде чем налить в кружки, Шалгу бросил в котелок какой-то порошок. Они медленно пили горячий напиток. Потом сидели, отрешённые, думая каждый о своём, словно заглядывая в будущее. Шалгу видел только одно, что свадебный котёл, в который они положат подарки для невесты, не опрокинут, а наоборот, подарки примут с радостью. Он видел, что все жители стойбища довольны прошедшими торгами. Он видел много счастливых лиц и своих сородичей, и незнакомых людей. Он видел брызги солнца на воде, которые веселыми искрами играли в струях воды, а потом прятались в прибрежной траве. Ему становилось тепло и спокойно.

Нюнням сидел с закрытыми глазами, но перед глазами, словно наяву, виделся чум. Его чум с красивой дверью, на которой было нарисовано солнце на закате, зацепившееся за ветку сосны. У костра склонилась над котлом девушка, хозяйка жилища. Рядом с ней вертит хвостом его Чур. Лица девушки Нюнням не видит, но фигура её ему знакома. Ещё он видит удачный промысел в сезон охоты. Много добудет охотник белок и другой пушнины. Много мяса всегда будет вариться в котлах его родных. И ещё он чувствует себя легко, словно птичье пёрышко на ветру.

– Увидел? – неожиданно спросил Шалгу.

– Да, – кивнул Нюнням.

– Доброе увидел?

– Да.

– Это хорошо, что увидел. Сейчас не важно – доброе или недоброе ты увидел, но ты увидел, значит, дал тебе бог Есь другие глаза, которыми можно видеть не то, что все видят. Это очень хорошо, что ты увидел, – старик был искренне рад. Подтвердилось его предположение. Нюнням может стать главным в стойбище. Если ты хоро-

ший охотник, это замечательно, твоя семья не будет голодать. Если ты знатный мастер, прокормишь семью своим ремеслом. Удачливый рыбак тоже неплохо. Но не каждый из них может разговаривать с духами. Не в каждом стойбище есть шаман. Тем более хороший шаман. Разговаривать с духами – не метко стрелять из лука. Редко у кого есть этот дар. А в стойбище должен быть человек, который, кроме всего прочего, умеет говорить с духами. Шалгу умеет говорить, но найти себе преемника не получалось. Теперь Шалгу спокоен, Нюнням сможет заменить его. Главное, что он видит то, что другим не дано. После того, как Нюнням перейдёт в свой чум, Шалгу научит его, как правильно разговаривать с духами.

В стойбище они вернулись к закату. Их ждали. Увидев добрую улыбку на лице Шалгу, все обрадовались. Всё будет хорошо. И началось веселье. Взрослые сидели у костра и весело разговаривали о пустяках, просто потому, что у всех хорошее настроение, говорили о разном, о том, что было всем известно. Молодые прыгали через костёр и водили хоровод, галдели, смеялись, радовались. Нюнням, не имея ровесников, сидел в стороне, стараясь не попадаться на глаза веселившимся людям. Не потому, что он не любил или не хотел веселья, просто не умел танцевать и стеснялся этого. Сидел, смотрел, радовался потихоньку, не выражая восторга, как это делали другие. Преданный Чур примостился рядом, вот его ничего не интересовало. Свернувшись у ног, он спокойно спал, не реагируя на шум. Только тихий шорох побеспокоил собаку, он приподнял морду, взглянул в темноту и опять уснул. Это опять была Тега. Она словно лисица, совсем не поднимая шума, пробралась к охотнику. Если бы не Чур, и не услышал бы Нюнням гостью, увлечённый плясками. Тега присела рядом. Они некоторое время сидели молча. Нюнням уже не настораживался в присутствии девушки, ожидая какой-нибудь проделки. Она вдруг изменила своё отношение к нему.

– Ты почему не танцуешь? – тихо спросила она.

– Не умею. А ты почему не танцуешь?

– Не хочу. Я тоже поеду завтра, – сказала она.

– Ладно, – он неопределённо пожал плечами.

– Я рада, что меня взяли. В первый раз поеду.

– Хорошо.

– Ты уже был много раз, всё там знаешь, наверное?

– Знаю. Там интересного мало, просто народу разного много.

– Интересно?

– Да, в первый раз – да. Потом ничего интересного. Продают, покупают, меняются. Только там река есть, больше нашего Туманшета, красивая. Сильная.

– Знаю. Бирюса. Мне отец рассказывал. Только я ещё не видела её.

– Вот и увидишь.

– Да. Тебе там невесту будут искать?

– Чего ты привязалась? Кто её потерял, чтобы искать?

– Так говорят. Вот возьми, это мой тебе подарок. Потом нельзя будет подарить, – она протянула ему вышитый бисером кисет для табака. И исчезла так же тихо, как и появилась. Нюнням пытался разглядеть подарок, но было уже темно, к огню не пойдёшь разглядывать. Он решил подождать до завтра.

9

Утром гружёная лодка-илимка отчалила от родного берега. Часть людей находилась в лодке, управляя ею, охотники направились пешком по берегу, надеясь добыть к обеду какой-нибудь дичи. Так было всегда, в лодке не хватает всем места, в стойбище только одна такая лодка, кочевать далеко не приходится, только раз в году на торг. В другое время лодка стоит на берегу. Идти пешком для охотников – дело привычное. Многие даже и не хотят находиться в илимке. Разве что пару лодок-веток, привязанных к большой лодке, используют для рыбалки в местах остановок. Так и идут несколько дней, кто по берегу, кто в лодке. Останавливаться на долгое время не нужно, расстояние невелико, только короткие ночёвки на берегу, отдых у костра. А с рассветом снова в путь, через пять-шесть дней лодка достигнет конечной цели. Уже там будут обустраиваться, ставить чумы, сделают глиняную печку для выпечки хлеба. Будут жить своим маленьким стойбищем. Подождут, пока соберутся все торговцы, если будет возможность, распродадут сразу, но так бывает очень редко, сначала настоящую цену никто не даёт, ждут, пока товару прибавится и цена упадёт.

Шалгу остановил лодку в небольшой протоке, совсем рядом с устьем. Протока была знаменита тем, что здесь кормилась молодь ельца. Огромные стада мелочи гуляли по протоке туда-сюда, никого не боясь. По какой-то причине щуки не забредали в эту протоку, и мо-

лодь набиралась сил. Нерест ельца был прямо на самом устье, никто его здесь не трогал. Придёт время, уйдёт рыба, куда её поведёт зов предков, поднимется в маленькие речки нагуливать жир, расти и готовиться продолжать свою рыбную историю. Когда рыба спускается осенью в большие реки, её поджидает опасность в виде разных ловушек и сетей, но многие доберутся до места, и в конце весны всё повторится снова.

Род Шалгу всегда останавливался только в этом месте. Все это знали, и никто не занимал чужой уголок. Лодку надёжно привязали, спустили трап. Быстро поставили чумы. Стойбище появилось настолько скоро и органично, что казалось, оно было здесь всегда. Уже дымились костры, над которыми висели котлы для еды и чая, варили пойманную по пути рыбу, заваривали чай из листьев и корешков, покупной чай уже закончился, его предстояло купить, поначалу брали немного, попробовать, насладиться, уже потом, попозже, приобретут столько, сколько нужно на весь год. Так делали всегда.

Нюнням помог установить чум и пошёл на берег Бирюсы. Присев на выброшенное большой водой дерево, он стал вглядываться в набегающие водные струи чужой реки. Сильное течение перекручивало воду так, словно хорошая хозяйка месила тесто, струи подчинялись могучей силе, иногда всхлипывая. Воды Туманшета сразу попадали в это месиво, переплетаясь и постепенно сливаясь с Бирюсой. Уже через расстояние полёта стрелы ничего нельзя было разобрать, где чья вода. Смотреть на воду можно бесконечно. Человек может в ней увидеть всё, что только захочет. Вода примет нужные формы, какие только захочет твоё воображение. Вот бог Есь улыбнулся, словно посмотрелся в реку, как в зеркало. Вот старуха Хоседэм нахмурилась. Вон там Чур пробежал, а здесь старик Шалгу задумался. И всё есть. Нюнням достал кисет, подаренный Тегой, и стал внимательно рассматривать, в пути некогда было посмотреть, то охотники были рядом, то у костра темно было. Он ещё несколько раз ловил на себе взгляды девушки, не понимая удивительное её превращение. Кисет был красив, видно, что мастерица старалась. Хотя одного старания мало, нужно и умение, а вот это есть не у всех, делают все одинаково, но получается по-разному. Кисет был сшит из непромокаемой налимьей шкуры. Шкура, тщательно выделанная, была почти невесомой, но крепкой. Если охотник случайно намокнет где-нибудь, то огниво и табак будут сухими. Это очень важно. Обшит кисет беличьими хвостами и укра-

шен разноцветным бисером. Пока разглядывал, юноша захотел выкурить трубку. Делать особо нечего, охотиться здесь нельзя, в этих местах добывают себе пропитание местные жители, а вот рыбачить никто не запрещает. Завтра Нюнням возьмёт ветку и поплывёт на другой берег Бирюсы побросать удочку, можно наловить свежей рыбы на обед, и скоротать время приятней на рыбалке, чем болтаться по селению.

С торговлей не торопились. Шалгу узнавал новости и ждал. Кроме торговли, он расспрашивал знакомых охотников, куда можно идти с подарками для невесты. Но пока ничего достойного не находилось. Вскоре пришёл знакомый охотник, которому в прошлом году Шалгу делал лодку-ветку, ему же старик привёз обещанный лук. Не такой, как у младшего сына старого охотника, но очень хороший, таких немного найдёшь во всей округе. Шалгу сидел рядом с чумом и курил как обычно, стоило только отвлечься от работы, сразу одолевали какие-то мысли. Иногда приходили воспоминания из такой далёкой жизни, что казалось, это уже не совсем правда, а просто выдуманная красивая сказка, и в последнее время всё чаще посещают такие «гости».

– Здравствуй, Шалгу, – сказал охотник, присаживаясь к огню. Молча набил себе трубку, кинул уголёк от костра в табак и стал старательно раскуривать. Трубка раскурилась не сразу, словно выдерживая паузу. Шалгу кивнул пришельцу, не вынимая своей трубки изо рта, словно важнее ничего не было, так они сидели и курили довольно долго.

– Как удался сезон? Всё ли хорошо? – наконец спросил Шалгу. Охотник уже давно ждал этого вопроса, который был предлогом для разговора. Первым начинать разговор для него было не по возрасту.

– Всё хорошо. Бог Есь дал удачи. Белки было много, соболь не ушёл в другое место. И мясо было в чуме всегда, лодка послужила хорошо, много рыбы поймали. Удача не бросила меня и весь мой род. А у тебя всё ли ладно?

– Всё ладно. Ты помнишь, я просил в прошлый раз узнать про невесту для моего младшего сына?

– Да, я помню. Ходил зимой далеко, к карагасам, узнавал. Есть такая, какую ты просил, но далеко надо ходить. В самое верховье Бирюсы. Те карагасы сами сюда не кочуют. Они спускаются по Уде. Ближе я не нашёл ничего достойного.

– Ладно. Может, это и к лучшему, – сказал Шалгу. Он снова замолчал, поглядывая на костёр. Гость уже ещё набил трубку, все не решаясь спросить про заказ. Но вдруг Шалгу сам сказал:

– Лук я сделал для тебя. Завтра приходи.

– Хорошо, – сказал охотник, едва не подпрыгнув от восторга. Луки, которые делал старый мастер, славились, поэтому не стоило сомневаться. Раз сказал, что сделал, значит такой, какой надо. Охотник едва смог докурить трубку спокойно. Потом попрощался и пошёл к себе. Ему хотелось бежать вприпрыжку, но он усмирил свой восторг.

Нюнням пришёл после гостя и сел на его место у костра.

– Рыбачил? – спросил Шалгу.

– Немного есть, отдал Кутеге. Приготовит. Или ты хочешь на рожне?

– Поставь чаю.

Уже звёзды мелкими снежинками расхолодили всё небо, плескались в воде, раскачивая реку. Отец с сыном всё ещё сидели у костра и молчали, каждому было уютно в своих мыслях.

«Может лучше будет сосватать Тегу, – думал Шалгу. – Хорошая невеста выросла. И в чуме у неё будет порядок. И смотрит она на Нюнням непросто, нравится ей сын. И он тоже смотрит на неё внимательно. А несколько лет назад она часто подразнивала Нюнням. Шалгу не один раз видел, как сын убегал от неё, чтобы не связываться. А теперь смотри, как всё сложилось. И из своего стойбища. Её родители прибились к стойбищу уже давно. С ними была ещё одна семья. В тот год медведь пришёл в их стойбище. Несколько семей погибли, пока убили зверя. Остальные решили, что беда эта не просто так, и ушли из родных мест, путая следы, чтобы старуха Хоседэм больше не посылала к ним медведя, их приняли, теперь уже и не помнили, что они пришлые, сблизились со всеми. В тайге одному прожить очень тяжело, потому и держатся вместе, вместе и заготавливать на зиму рыбу легче, и загонять копытного зверя в ловушки вдвоём не сможешь. Это зимой, когда снег глубокий – можно одному или по насту. Тега не одних кровей, значит, можно и сватать. И далеко не надо ходить. У него была мечта увидеться с дочерью Алгу, которая была замужем далеко в верховье Бирюсы, но, видно, не получится».

Нюнням всё чаще вспоминал Тегу. Она была здесь, в Пеленгутах, но он ни разу ещё не видел её. Наверное, работы много или специаль-

но не попадается на глаза. Скоро закончатся торги, тогда опять увидятся, когда будут вместе тащить илимку по берегу.

Рано утром заявился старый знакомый за луком, всю ночь он не мог уснуть. Принёс плату за заказ, он знал, сколько стоит лук, но за этот лук стоило дать две цены, не нужно жалеть. И охотник не пожалел. Вместе с ним пришли зеваки, всем хотелось посмотреть, за что такую плату дают.

Шалгу с достоинством, но одновременно и небрежно вынес лук из чума, красивые линии вызвали возгласы восхищения. Старик протянул лук охотнику:

– Примерь. Не велик?

Лук мерили шириной рук. Охотник распахнул руки, и все увидели, что величина была в самый раз. Взяв из колчана стрелу, охотник с усилием натянул тетиву. Подержал так, отпустил тетиву. Ещё раз натянул. Примерялся. Шалгу подал ему колчан и сказал:

– Испробуй. Может, не подойдёт.

Но охотник уже ничего не слышал. Он просто жил в этом луке. Кто-то поставил чурку торцом, чтобы стрелять в неё. Счастливцу пришлось разъяснять, куда можно стрелять. Охотник, почти не целясь, выпустил стрелу, и через мгновение она хлёстко воткнулась прямо в середину чурки. Словно охотник много времени не выпускал оружие из рук. Потеряв контроль над собой, он подпрыгнул вверх и мелко затопал ногами по земле, до того он был счастлив. Вторая стрела качалась рядом с первой, восторгу не было предела! Теперь уже и зеваки кричали слова одобрения. Повеселил их обладатель новенького лука. Шалгу набил себе трубку табаком и раскурил. Поглядывал на охотника и был доволен, что в таких руках его труды не пропадут. Приятно было отдавать изделие в умелые руки. Радость в глазах старого мастера светилась тёплой улыбкой. Цена ценой, но неумёха может и опозорить имя мастера. На шум ещё подошли любопытные, а владелец пускал одну стрелу за другой в цель, радуя зевак. Люди курили трубки, цокали языками от удивления, и все радовались за охотника, словно за самого себя. Счастливый владелец лука принёс ещё хороший кедровый корень. Подал Шалгу и сказал:

– Хотел сделать себе трубку, побоялся испортить корень. Возьми, сделай себе трубку. Ты не испортишь. И вот тебе ещё кисет с табаком. Спасибо мастер, я очень доволен.

– Пусть он тебе принесёт удачу, – сказал Шалгу.

На следующий день прибыли купцы. Торги открыли сразу. Продавали, менялись степенно, соглашались, спорили, но беззлобно. Так продолжалось несколько дней. Каждое утро охотники приносили меха, поделки из бересты и дерева, брали сначала только нужные товары: чай, сахар, табак, разные материи выбирали женщины. Купленное уносили в илимку, оттуда приносили ещё меха. Шалгу присмотрел для себя только хороший нож, всё другое выберет Кутега.

Товары старик сдавал всегда одному купцу, с ним они были давно знакомы, ему Шалгу делал лук по заказу. Купец на охотника не походил, но плату давал хорошую. И на этот раз заказал лук к следующему году, взял все товары, не торгуясь. С хорошим мастером нужно иметь и отношения достойные. За один лук мастера купец покроет все свои недочёты. В другом месте за такой лук дадут три цены, которые он отдаст мастеру. Ещё и почёт такой, которого за деньги не купишь.

Вечером Шалгу пошёл в кузницу. Он любил смотреть, как его ровесник Мурда ловко справлялся с металлом, разогревал, стучал, разбрасывая искры. Кузнечить Мурда приноровился в Енисейске. Кочевали они недалеко от крепости. Однажды Мурда увидел, как работает кузнец, как твёрдое железо послушно превращалось в нужную вещь, пристроился в служки к кузнецу, выполнял любую работу не только в кузнице, но и по дому, усваивал всё на лету. Три года пробыл в учениках, потом повздорил с кузнецом и ушёл в верховье Бирюсы, дошёл до Туманшета, здесь и остался. Охотился несколько лет, но кузнечное дело не давало покоя. Однажды договорился с купцом, чтобы привёз он меха кузнечные и прочий инструмент. Купец привёз, и Мурда десять долгих лет рассчитывался с ним, теперь уже давно работает сам на себя, если и заказывает купцам привезти что-либо, то платит сразу, чтобы не быть в долгу. Кузнецом он был неплохим. Мог делать всё, что было необходимо для жизни, железа бы только иметь побольше, его как раз и привозят купцы.

– Посмотри, купил нож себе. Понравился, – Шалгу протянул кузнецу нож.

Тот взял, посмотрел заточку, попробовал ногтем. Посмотрел на свет. Постучал по нему пальцами, послушал, как звенит. Сказал, возвращая нож:

– Ладный. И железо хорошее. Мастер делал. Много шкурок отдал за него?

– Много, – согласился Шалгу.

– Стоит того. Долго служить будет. Ты, я слышал, лук привёз по заказу. Говорили, что хороший лук. Ну и правильно, мастер не будет плохое делать.

– Хороший лук вышел.

– Я хочу заказать у тебя лук для сына. Сделаешь? – Мурда посмотрел в глаза мастеру.

– Если сделаю, то привезу следующим летом. Большой ли сын?

– Сейчас придёт, посмотришь.

– Женить хочу своего младшего, у вас есть чум, куда можно нести котёл? – спросил Шалгу больше для поддержания разговора. Он уже решил, в какой чум понесёт подарки.

– Нет, не знаю. Приходи ко мне года через три, подрастёт дочь, – сказал Мурда, улыбнувшись.

– Ладно. Если не женю до тех пор, приду к тебе.

Дотемна просидел Шалгу в кузнице. Пришёл сын кузнеца, высокий плотный парень. Видно, что силой не обижен, хотя по виду совсем молод ещё.

– На охоту ходишь? – спросил Шалгу юношу.

– Бегаю мало-мало.

– Понятно, – кивнул мастер.

Шли дни. Уже были проданы товары, но Шалгу не торопился домой. Он всё чаще видел, как Нюням вместе с Тегой вместе сидят на берегу Бирюсы и разговаривают. И надо было уже нести подарки, но Шалгу всё оттягивал сроки. Думая, он посмеивался про себя над тем, что получилось. У тебя под носом выросла невеста, и до времени никто не заметил. В сваты можно было идти дома, но здесь важнее, пусть будет праздник для всех. Свадьбу будут делать в стойбище, а сватать надо здесь. И он решился.

– Где там у нас подарки для сватов? – спросил он Кутегу.

– Лежат. Есть невеста на примете? Далеко идти? Когда пойдёте? – вопросы посыпались, как искры из костра.

– Пойдём, – сказал Шалгу. – Скоро пойдём. Зови-ка соседку, понесёте котёл невесте.

– Я быстро, – Кутега исчезла ненадолго, привела с собой соседскую старуху.

– Сватать пойдёте Тегу, – сказал Шалгу.

– Правильно, – вдруг сказала невестка. – Хорошая девушка выросла. Мы её знаем.

– Вот и сосватайте.

Большой новый медный котёл, доверху наполненный подарками для невесты и её родителей, занесли в чум невесты. Хозяева поначалу растерялись, но потом обрадовались. Поняли, кто к ним сватается, большой почёт для семьи невесты такой жених, один из первых охотников стойбища. Поначалу, как принято, поговорили о молодых годах невесты да ещё о разном, но согласились быстро, боялись, чтобы не ушли сваты. Шалгу сидел возле чума и курил трубку, волновался старик. Был уверен, что не откажут, но червячок сомнения все же точил его. Когда увидел улыбающихся женщин, понял, что всё свершилось.

Нюнням с Тегой катались на вёрткой ветке вдоль берега быстрой Бирюсы, совсем не догадываясь о свершившемся сватовстве. Молодых никто и не спрашивал. Поставят перед фактом, и будь любезен слушаться. Им было хорошо и весело вместе, несколько раз едва не опрокинули лодку. В стойбище шли вместе, преданный Чур плёлся позади.

Нюнням никто ничего не сказал вечером. Допоздна он сидел с мужчинами у костра, а рано утром ушёл на рыбалку. Когда он ушёл, Шалгу взял лук, сделанный для подарка сватам, и пошёл договариваться о выкупе. Пришёл не к чужому человеку, а к соседу по стойбищу. Посидели, попили чая, сговорились сразу. Лук мастера Шалгу умел уговаривать любого охотника. Но и Шалгу не пожадничал, хороший выкуп предложил за невесту, половина которого будет отдана самой невесте, пусть видят, что не последний охотник в стойбище жених. Другая половина для родственников. Свадебный пир будет перед охотничьим сезоном, когда можно будет поставить на стол много мяса. Без мяса свадьба не свадьба. Сваты объявили всем родственникам, невесте сообщили о случившемся. Тега, не ожидавшая такого счастья, едва не упала в обморок, она уже и не мечтала об этом, а случилось чудо. Сколько она просила богов смилостивиться, не отбирать Нюнням у неё, боги услышали. Теперь она просто спряталась за занавеску и тихо плакала, так велико было её счастье, что слёзы всё никак не останавливались.

Нюнням спокойно себе рыбачил, поглядывая на берег. Но Тега не появлялась. Уже и солнце скоро коснётся макушек сосен, уже

искры плещутся у кустов на другом берегу реки, становясь всё ярче, а Теги нет, уже не придёт, случилось что-то или помогает матери. Собрав всю рыбу на кукан, вытащив лодку на берег, юноша медленно шёл домой. Он не понимал одного, Шалгу ничего не говорил о сватовстве, а ещё надо было куда-то идти, и идти вверх по Бирюсе уже пора бы. На все походы уйдёт немало времени, а отец не торопится. Может, раздумал? С такими мыслями он пришёл к чуму. Сел на своё излюбленное место, набил трубку. Сидевший рядом Чалык, усмехнулся:

– Ты где ходишь? Тебе невесту сосватали.

Нюнням посмотрел на брата, но всерьёз его разговор не принял. Посмотрел на Шалгу, но вид отца ничего не говорил. Он было совсем успокоился, брат иногда и подшучивал над ним. Брат был старше на пять лет. Они не были близки из-за возраста, брат и брат, у старшего брата была уже семья, он заботился о ней, а младший ещё гонял бурундуков рядом со стойбищем.

– Скоро пойдём домой? – спросил Нюнням. – Уже все дела поделаны, можно возвращаться.

– Пожалуй, уже все дела сделаны, – согласился Шалгу. – Чалык правду сказал, сосватали тебе невесту, будет у тебя теперь свой чум. Рад?

– Чему радоваться? Я невесту ещё не знаю.

– Знаешь. Зовут её Тега, – тихо сказал отец. Нюнням недоверчиво посмотрел на него, потом на брата. Понял, что это не шутка.

– Нравится невеста? – опять спросил отец.

– Да, – пробормотал сын.

– Ну, и ладно. Хорошее дело получилось. И невестка будет хорошая. Буду теперь с вами жить. Чалык со своей семьёй останется в чуме, а мы поставим себе новый. Вот сделали последнее дело, теперь и отправляться можно.

Отец с братом ушли спать в чум, а Нюнням всю ночь сидел у костра и улыбался. Он представил себе Тегу невестой. Так хорошо и легко стало на душе. Теперь больше не надо выдумывать себе лицо невесты, оно есть, и очень приятное личико. Чур поднял морду, посмотрел на хозяина и отвернулся от него.

– Ладно, спи. Крутишься тут, – усмехнулся Нюнням.

Только под утро Нюнням уснул прямо у костра, рядом с ним спал его пёс.

10

– Сегодня собираемся, завтра идём домой, – объявил Шалгу своему стойбищу. Люди зашевелились, стали собираться. Все уже устали находиться здесь, хотелось домой. Больше всего хотелось Нюнням и Теге. Они ещё не виделись после сватовства. Тега сидела в чуме, занимаясь ежедневными делами, её никто не держал взаперти, но столько новых чувств она не могла нести куда-то, боясь казаться смешной.

Счастливый человек, как и несчастный, сразу бросается в глаза, и каждый начнёт спрашивать о причинах. А разве захочется делиться с кем-то своим счастьем, когда ещё и сама не прочувствовала всё до конца? Вот и приходится находиться у себя в чуме. Какие-то мелкие дела не мешают ей думать и наслаждаться счастьем, неожиданно свалившимся на неё. Только в последний день, когда стали собираться в обратный путь, она всё же решила пойти на берег Бирюсы в надежде увидеть там его, того, который нравился ей давно, того, кто скоро станет её мужем, с кем они будут жить в одном чуме, в своём чуме. Тега станет прекрасной хозяйкой, она всё умеет, любую работу знает. В таких мыслях и заботах прошёл день.

Нюнням и его преданный друг Чур сидели на берегу реки. Прощаться с этим местом было и грустно, и радостно. Дома, на Туманшете, всё привычнее, ближе, но здесь тоже неплохо, только жить в Пеленгутах Нюнням не стал бы. Шумно здесь, народ толчется, проходу нет. Нюнням не любит, когда шумно, от шума быстро устаёшь. Но Бирюса большая, можно было бы податься вверх по реке, там потише будет. Хотя Шалгу говорит, что там тоже есть поселения. А далеко-далеко, где синева сливается с зелёнью, живут карагасы, люди, кочующие на оленях. У Нюнням там живёт сестра, и он обязательно посетит её, однажды решится и пойдёт к синим горам, туда, где рождаются реки, любую дорогу сможет осилить молодой охотник.

Тега подошла тихо. Даже Чур, уловивший знакомые шаги, не поднял голову. Она присела рядом. Долго молчали, потом она сказала:

– Правда, красивая река Бирюса? Сильная. Но у нас роднее и лучше.

– Да, у нас лучше.

Незаметно они взяли друг друга за руки и так сидели, не подвигаясь ближе. Каждый радовался молча. Разве можно рассказать словами то, что они чувствовали сейчас?

Шалгу сидел возле чума и смотрел на две фигурки, сидевшие на берегу. Солнце клонилось к лесу, раскрашивая в ярко-зелёные тона макушки сосен. В реке, где вода была спокойней, просто отражалось большое яркое пятно на зелёном фоне, а там, где водные струи расталкивали друг друга, это пятно распадалось на множество ярких искр то расползаясь, то собираясь вновь. Тени от леса стали длиннее, постепенно приближаясь к противоположному берегу, вытесняя солнце. Искры на воде из ярко-светлых превращались в огненно-красные и расползались в прибрежных кустах, потом в последний раз сверкнули на воде и исчезли. Только две фигурки, окрашенные заходящим солнцем в красное, выделялись на фоне воды, вселяя надежду на новый день. Постепенно зашло солнце, захватив с собой все яркие краски, оставив только серое и тёмно-зелёное. Но фигурки ещё долго виднелись на берегу, постепенно исчезая в медленно наступающей темноте.

Наступила полная темнота на мгновение, пока не набрали силу вспыхивающие звёзды. Шалгу один сидел у костра и смотрел на огонь, зрелище никогда не надоедавшее. Легко на душе было у Шалгу. Сделано самое главное дело. Теперь у младшего сына будет свой чум. Теперь станет спокойней старой Чннга, которую уже давно забрала к себе Хоседэм, он выполнил всё, что надлежало отцу, осталось дать сыну последние знания, которые предназначены не для всех. Есть ещё силы у Шалгу, успеет научить Нюнням многому. Оставит после себя достойную замену в стойбище. Уже сейчас он первый в охоте, но настанет время, когда станет первым во всём. В стойбище нужен человек, на которого можно положиться в любом случае. Хорошо бы иметь шамана, но его нет поблизости, а на каждый раз не находишься по нескольку дневных переходов. Многое вместо шамана умеет делать Шалгу, необходимые обряды при рождении детей и похоронах можно проводить и без шамана, просить у духов удачи на охоте, камланию и чтению заговоров – вот чему будет учить Нюнням отец, вот какие знания передаст он ему.

Короткая летняя сибирская ночь стала уже гасить звёзды, а Шалгу всё сидел, вспоминая прошлое. Мало что изменилось в жизни, только годы забрали силы да выросли помощники. Теперь будет всё хорошо, у каждого теперь есть своя тропа в жизни, по которой нужно идти самому и тащить гружёную нарту. В этом и есть смысл, чтобы дотащить свой груз и ничего не растерять по дороге. Шалгу потерял

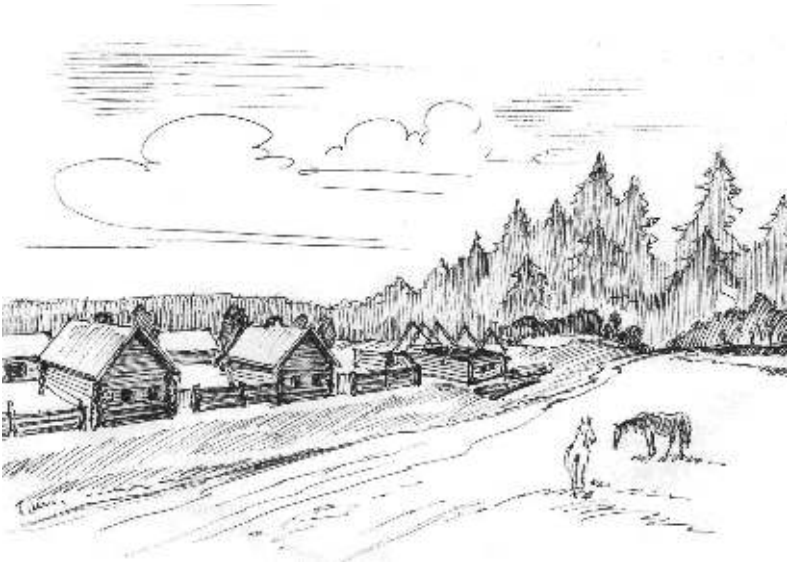
жену. Его ли это вина или нет, кто ему скажет? У кого спросить? Но раз так случилось, Шалгу не бросил нарту, а тащил её до конца. И вот выполнил последнее, что должен был сделать как отец.

Шалгу набил очередную трубку, улыбнулся. Нет, не всё выполнил. Свадебный пир, на котором будет присутствовать всё стойбище, ещё не провел. Но это только радость, разве на пиру бывает плохо?

Рассвело. Небольшой туман накрыл Бирюсу. Дымились последние костры у чумов, которые скоро начнут разбирать. Когда лёгкий утренний ветерок смахнул туман, Нюнням и Тега, взявшись за руки, пошли к стойбищу. Позади них плёлся недовольный Чур, не понимая своим собачьим умом, для чего надо бродить в такое время.

После обеда тронулись в обратный путь. Начинался месяц «нельмы».

«Котты Костяцкое – остякское племя Енисейской губернии, ныне почти исчезнувшее. Некогда оно было весьма многочисленно и жило, до прихода русских, в Енисейской губернии. В бассейнах рек Бирюсы и Кана. Остатки коттов, проживавшие на реке Кан, ныне живут в Канском округе в Агульском улусе и сами называют свой род коту. Жившие на реке Бирюсе котты, переселились в Нижнеудинский округ Иркутской губернии на реку Уда, где обитают в 30 верстах от города Нижнеудинска, в деревне Бадарановке. Они частью слились с бурятами, частью обрусели и называют себя по-русски коттовцами и по-бурятски котоп. Остатки коттов забыли родной язык. В конце 40-х годов только четыре человека помнили свой язык и то нетвердо».



Сколько деревень исчезло у нас с лица земли. Сколько забыто названий и мест, где они находились. Недолгой была их история. Одни прожили сто лет, другие чуть больше или чуть меньше.

По-разному происходит их исчезновение. Несколько лет назад стихия смела с лица земли деревню Патриха. За одну ночь история остановилась. Сгорели Калтоши. Другие исчезают медленно вместе со своими самыми стойкими жителями. Как хочется, чтобы они не умирали, наши дорогие, любимые и родные деревни. За последние полвека не появилось ни одной деревни, и вряд ли уже появится. Жаль.

Всё самое доброе и хорошее в нас от деревни. Там жили и живут люди, мои земляки, которым посвящается это повествование.

Камышлеева деревня

Повесть

Дай нам, Господи, место…
Дай нам, Господи, время…
Дай нам, Господи, силы…
Дай нам, Господи, разум…

Декабрь 1895 года выдался на редкость лютым. Воздух был вязкий, словно пропитанный снежной пылью. Дни стояли совсем короткие, не успевало развиднеться, как снова наползали сумерки, и всё вокруг погружалось в дрёму. Лес, покрытый шапками снега и инеем, затаился, и только изредка раздавался сильный треск. Это мороз раскалывал вековые деревья изнутри, отрывая огромные сучья. Лесные обитатели попрятались, и казалось, что всё вокруг не живое, а искусно сделанное опытным мастером.

По дороге, прорубленной среди густого ельника и изрядно припорошенной снегом, медленно плелась лошадь, запряжённая в сани. Возница, в сером овчинном тулупе, лежал на постеленной поверх сена собачьей дохе. Изредка он останавливал лошадь, счищал с её морды сосульки и продолжал движение дальше. Долго стоять нельзя: лошадь остынет, и так вся покрыта инеем. До дома оставалось совсем немного, там и отдых будет, и ночлег.

Уже в сумерках подъехали к речке, за которой на возвышенности стояла усадьба. Возница привстал на колени и стал рассматривать реку. Морозы старались усердно, река постепенно промерзала. Если промерзнет до дна, вода выйдет наверх наледью и заморозит всё вокруг, тогда будет худо: вместо дороги образуется ледяное поле. Но страшное в этой наледи то, что на ней можно провалиться. В таких случаях обморозиться – не самое страшное, главное, что лошадь может ноги сломать. Но сейчас наледи ещё не было, глубокий снег сдерживал её, и дорога была в порядке.

Возница проехал во двор и сразу поставил сани под навес. Там для коней стояли кормушки с сеном, и в большом чистом корыте насыпан овёс. Воровать корм было некому, потому и клали много, чтобы лишний раз не бегать по морозу. Не торопясь, распряг лошадь, занёс сбрую и хомут во времянку, где варили корм скоту, там же было место и для упряжи. Туда же занёс и доху, снял тулуп. Оставшись в лёгком полушубке, он пошёл к дому.

По пути накрыл лошадь попоной, какое-то время смотрел в ту сторону, откуда приехал. Глянул на небо, проступающее яркими звёздами, вздохнул и поднялся на крыльцо доброго пятистенка, рубленного из хорошей выдержанной сосны, за пару лет не потерявшего цвет свежего дерева и в одиночестве красовавшегося посреди большой поляны. Со всех сторон усадьбу окружал вековой

лес, рядом с домом в ограде стояли и постройки. Несколько хлевов для скота, которые внутри разделялись перегородками, а снаружи имели отдельные входы. За постройками до самого леса тянулся огород, где к осени вырастали хорошая картошка, капуста, огурцы, морковь и другие овощи – всё, что нужно было для дома. На крыльце он оглянулся, словно пытался кого-то высмотреть в темноте, снял рукавицы, шитые из овчины, и стал сдирать с бороды сосульки.

Что высматривал он в той стороне? Что ждал от перемен, грядущих с той стороны? Что они принесут тебе, Егор Петрович Камышлеев, еще, по сути, молодому человеку, но уже добившемуся в жизни права не плыть по течению, а выбирать свою дорогу?

1

Егор Камышлеев, крепкий, кряжистый мужик тридцати лет, появился в этих местах десять лет назад. Пришёл не с пустыми руками: у него было два добрых коня, к которым он прикупил ещё одного уже здесь, была корова, овцы. Когда через полтора года рядом с новым, крепким, просторным домом появились и хозяйственные постройки, добавилась и другая скотина, и птица.

Если есть деньги, построиться не очень сложно, а деньги были. Отец Егора, Пётр Фомич, жил в достатке, помог сыну на первых порах. Жил он со своей семьёй в низовье реки Бирюсы, в деревне Федино, одной из первых русских деревень на Бирюсе. После по берегам красавицы Бирюсы появились и другие поселения – Кондратьево, Шелаево.

Как его отец и дед, Пётр Фомич занимался охотой, рыбалкой, сеял хлеб, держал скот. Водились у него и пчёлы. Каждая копейка шла в хозяйство.

У Петра было два сына: Егор и Иван, да три дочери. Дети росли не балованные, трудолюбивые, любое дело ладилось в их руках. Со временем Пётр отдал всех дочерей замуж. Не просто отдал, а каждой собрал хорошее приданое, никто не был в обиде на отца. Когда пришёл черед сыновей, Пётр сел с ними за стол и сказал:

– Вот что, сынки, подходит время вам жениться. Мне, как отцу, хотелось бы, чтобы вы жили вот здесь, под одной крышей. Наверное, это и правильно, но не будет вам воли под отцовской рукой.

Я так думаю: Иван, как младший, останется здесь, чтоб нам с матерью было с кем доживать век, а ты, Егор, давай, выбирай себе место хоть здесь, в деревне, а хоть и ещё где, и строй своё гнездо. Как отец, я помогу тебе всем, обделен не будешь. Самостоятельная жизнь порядку учит. Как, Егор, думаешь?

– Согласен, тятя, – кивнул Егор.

Он и сам иногда думал об этом, но говорить с отцом на эту тему не решался, боялся гнева родительского. И сейчас был рад тому, что отец будто подслушал его мысли.

– Вижу, рад, – буркнул отец.

Хоть и принял он такое решение, но в тайне надеялся, что Егор будет отнекиваться.

– Небось, хочешь на новые места поехать?

– Посмотреть сначала бы, а то, может, и нету хороших мест-то.

– Места хорошие завсегда есть, да только их найти надо, открыть для себя. Тебе восемнадцать, взрослый уже, пойдёшь нынче с обозом до деревни Бирюсы, там тракт через всю страну построили, приглядишься и решишь, куда за своим местом пойти. Может, в верховья Бирюсы отправишься, а, может, и другие места есть хлебные. Так и порешим.

В начале зимы, когда лёд уже стал крепким, из соседних деревень снарядили обоз с пушниной и разным товаром, надеясь всё продать проходящему по новому тракту люду, или обменять на нужные вещи. Можно сплавить всё вниз по реке до Енисейска, но там и своих хватает добытчиков, а в верхах места мало заселённые, надежды больше для выгодной торговли. За несколько недель прошли путь от деревни Федино до Бирюсы. Миновали большие сёла: Шелаево, Шиткино и Кочергинскую заимку. Егор походил по каждому селу, посмотрел, как живут люди, но не понравилось ему тут: суетятся все, народу много, простору нет. В Бирюсе обоз остановился, выбирая, куда поехать: в Алзамай или в Тины. Егор решил пойти в верховья реки Бирюсы, а там, как Бог даст. Рассказал своё решение односельчанину, чтобы тот, когда прибудет, домой пересказал отцу, и отправился на поиски своего угла. Он пошёл по накатанной санями дороге, сделанной по руслу реки, решив, что кто-нибудь и подберёт по пути. А нет, так лыжи привязаны за спиной – нацепил и сам добежал куда надо. И вскоре его нагнала повозка. В санях в тулупе, нахохлившись, сидел старик.

– Садись, мил человек, как-никак по пути. Малость, подвезу.

– Спасибо на добром слове, – сказал Егор и на ходу запрыгнул на сани.

– Ты чей же будешь? – спросил старик. – Что-то не узнаю.

– А ты всех и знаешь? – засмеялся Егор.

– В этих краях народу немного, можно по пальцам сосчитать.

– Так уж и по пальцам?

– Это я так, к слову. А вообще-то немного здесь людей живёт. По Бирюсе деревни три есть, на Тагуле одна, на Туманшете есть одна. Ещё деревни по малым речкам стоят, но их совсем мало. Так что людей здесь немного, а которые сюда по каким делам едут, одни и те же. Так что я многих знаю, а вот тебя не припомню. Молод ты ещё.

– Я с низов Бирюсы.

– А сюда зачем, прячешься от кого?

– Нет, – засмеялся Егор совершенно искренне.

– Значит, за своей долей подался, – заключил старик.

– Как ты определил?

– Не ты первый, не ты последний, – вздохнул старик. – Сюда больше и незачем ехать.

– А разве не имеется здесь мест добрых?

– Есть места, да только чтобы и всё и за раз, так не бывает. Много труда надо положить.

Старик охотно рассказывал, какие трудности ждут Егора, и делал это, видимо, не первый раз, уж больно складно он говорил. Егор слушал Афанасия, так звали старика, и радовался, что все эти трудности ему по плечу. Когда подъезжали к деревне, уже наступили сумерки.

– Как ваша деревня прозывается? – спросил Егор.

– Сполох.

– Где?

– Деревня так зовётся – Сполох.

– А где можно переночевать?

– У меня и заночуешь, поговорим ещё.

За вечерним разговором Егор выяснил для себя, куда лучше податься на поиски. Он узнал, что по Туманшету поселений меньше, чем по Бирюсе, хотя Туманшет намного ближе. Видно, все желали забраться, как можно дальше, чтобы никто не мешал.

Егор решил пройти по Туманшету, но искать место не на его берегу, а на какой-нибудь маленькой речушке. И не на виду, и большая река поблизости. Река – это единственная дорога и зимой, и летом, а ещё и кормилица. А реки здесь богатые рыбой, в лесах никто не охотится, значит, и зверя и птицы в достатке, только руки приложи.

Пообещал хлебосольному хозяину посетить его на обратной дороге. Утром, как рассвело, Егор отправился дальше. Ему пришлось ещё раз переночевать в деревне Лука, стоявшей на высоком берегу Бирюсы, прежде чем он добрался до устья Туманшета. После разговоров на последнем ночлеге, Егор ещё больше был уверен в своём выборе. Только на Туманшет и никуда более.

И вот устье Туманшета. Бирюса, разрезав гору, уходила широкой заснеженной дорогой вверх и скрывалась за поворотом, а Туманшет, словно, упёрся в Бирюсу, прямо под прямым углом врезался в преграду. С правой стороны – гора, поросшая густым лесом, наклонилась к воде, а слева лежало широкое снежное поле, ровным белым полотном тянувшееся до далёких холмов. А там до самого горизонта – тайга, уходившая небольшим уклоном прямо к небу.

На Туманшет сворачивал одинокий санный след, тогда как на Бирюсе дорога была укатана. Егор выведал, что в двадцати верстах от устья по Туманшету есть деревушка с одноимённым названием. В деревне Егор не хотел селиться: уж если жить, так не зависеть ни от кого. С такими мыслями он и пошёл искать своё место: на лёгких широких лыжах, обитых камусом, сделанных специально для него дедом, с котомкой за плечами, в которой – самое необходимое, с ружьём и запасом зарядов.

Вскоре река оказалась между двух поросших лесом сопок, словно в жёлобе по распадку нёс свои воды Туманшет. Подо льдом и снегом нельзя было определить всю мощь реки, но было видно, что сила в реке не малая.

Егор оглядывал незнакомые места, открывая для себя новое и пытаясь сразу запомнить всё. Через пару вёрст он вдруг увидел чудо. Прямо с горы в реку бежал ручей, но так как была зима, замерзшая вода образовала огромную ледяную горку. Эти причудливые формы менялись, потому что вода бежала поверх льда, намораживая разные фигуры. Полюбовавшись ею, Егор пошёл дальше.

Первая речушка, впадавшая в Туманшет, вытекала из распадка, поросшего густыми елями внизу и высокими стройными соснами поверху. Это место не понравилось ему, склоны распадков – неподходящее место для жилья, и он не остановился здесь. По пути попадались острова, поросшие лесом, но ничего особенного в них не было.

День клонился к вечеру, и Егор стал присматривать место для ночлега. Решил заночевать на берегу, в густом лесу, где сосны росли вперемежку с елями. Егор остановился на ночлег возле вывернутой с корнем ели, набросал свежего лапника под корни, где устроил себе лежанку. Из свеженарубленных еловых веток, сделал себе шалашик, используя вывернутые корни, закрытый с трёх сторон. Костёр развёл между двух толстых поваленных лесин, прямо перед шалашом, они будут гореть всю ночь, и не нужно подниматься подкладывать дрова в костёр, а от костра в шалаше тепло. Приготовив на костре нехитрый ужин, Егор стал раздумывать, сколько ему еще понадобится времени, чтобы найти своё место под солнцем. Так и уснул, размышляя о будущем.

Проснулся от холода. Было ещё темно, костёр прогорел, и требовалось пододвинуть лесину, чтобы он набрал силу. Вскоре, согревшись, Егор опять уснул. Утром, позавтракав, он пошёл дальше, оставив здесь всё, как есть, может, кому и сгодится. Пройдя сотню метров, Егор остановился и стал осматривать место, которое приглянулось ему. Левый берег был крутой, река подходила прямо к горе, а вот правый был хорош. За небольшим перелеском был луг, кое-где росла небольшая лоза, едва проглядывавшая из-под снега и больше ничего. Дальше за поляной на небольшом бугре высился добротный лес. С одной стороны поля рос густой ивняк, он тянулся прямо от леса и до реки. «Там, наверное, есть маленькая речка», – подумал Егор и пошёл проверить свою догадку. Действительно там была небольшая речушка. «Очень кстати, можно будет на ней и определиться. Зимой будет дорогой, а летом вода рядом, да и за рыбой далеко не ходить, поставил «морды» и свежая рыба всегда».

Егор пошёл вдоль речушки, осматривая места. На левом берегу, похоже, было большое озеро, которое тянулось вдоль речки и уходило вправо. Полоса земли между озером и речкой могла служить хорошей дорогой. Берег высокий и достаточно сухой. От большой реки до леса было около версты, и лес стоял на неболь-

шой возвышенности. Егор подумал, что земля здесь должна быть годной для пашни.

Осмотрев всё, он пошёл дальше. Речушка сразу стала петлять по лесу, но Егор шёл по возвышенному берегу озера. Когда озеро повернуло в сторону, Егор решил исследовать речушку. Вскоре он нашёл огромную ровную поляну на левом берегу речки. Она была достаточно высоко над рекой и уходила в сторону. Егор обошёл поляну, осмотрелся, и внутри что-то заныло. «Вот оно это место, – пронеслась шальная мысль, – как на сердце легло». Недалеко он заметил вывал деревьев и решил, что там можно будет сделать шалаш, а потом уж и осматривать всё дальше.

Вечером Егор сидел в хорошем добротном шалаше, в котором он собирался прожить несколько дней, пока обследует окрестности. Всё устраивало его здесь. Места нетронутые, а, значит, богатые. Рядом с шалашом Егор добыл косулю и соболя, зверь не боялся человека. Вокруг было много хорошего леса – со строительством дома проблем не будет, только сила нужна, а сила у Егора была. Уже через несколько дней, он знал всё, что находилось в радиусе нескольких вёрст, и чем больше он узнавал, тем больше ему всё нравилось. Но была одна проблема, которая не давала покоя. Где-то недалеко вверх по Туманшету есть деревня. Что за деревня? Какие там люди живут? Чем занимаются? Про всё это нужно было разузнать.

Поднявшись пораньше, Егор направился искать деревню. Вернувшись на реку Туманшет, пошёл вверх по течению. Только к вечеру он услышал лай собак. Деревня, если так можно назвать несколько домиков, прилепившихся друг к другу, стояла на высоком берегу. Дома были небольшие и срубленные недавно: стены и крытые драньём крыши ещё не почернели. Несколько построек рядом с домом тоже были новые. Всё было сделано не особо аккуратно, но добротно, на долгие годы.

Собаки, учуяв чужака, лаяли громко, но без злобы. Из крайней избы вышел невысокий коренастый мужик в коротком полушубке, бородатый, выглядел он довольно старым, но, как потом оказалось, ему было только тридцать пять лет.

– Доброго здоровья, хозяин, – сказал Егор, подходя.

– Цыц, вы, черти! – прикрикнул хозяин на собак, осматривая пришельца. – И тебе здоровья.

– Пустишь переночевать?

– А чего ж не пустить, если по-доброму. Заходи.

Егор оставил ружьё в небольших сенцах, прошёл в низкую дверь. Перекрестившись на иконы, стоявшие на «божнице» в переднем углу, он поздоровался с хозяйкой, невысокой худенькой женщиной неопределённого возраста.

– Раздевайся, проходи, – хозяин сел на лавку.

В переднем углу, под иконами, стоял большой стол. По стенам около него были широкие лавки, они заполняли всё пространство от стены до стены. Посреди дома стояла большая «русская печь», она хороша была тем, что в ней варили себе, скоту, в ней пекли хлеб, на ней можно было и спать. Обычно там спали дети, но и взрослые любили «погреть косточки». Комната освещалась лучиной, возле печи стояла керосиновая лампа, но зажигали её не часто, только по праздникам. Керосин стоил дорого, и возить его приходилось издалека.

– Садись вот сюда, на лавку, – сказал хозяин, разглядывая пришельца. – Наталья, подай нам чего-нибудь, ужинать пора.

Вскоре на столе дымилась круглая варёная картошка, солёные крупные ельцы, хлеб и кринка с молоком.

После ужина, хозяин спросил:

– И чего тебя занесло от дома? Ты чей будешь?

– Пришёл я место в жизни поискать, – начал Егор. Он обстоятельно рассказал кто он, откуда и зачем пришёл.

– Молод ты ещё, но нахратый, – заключил хозяин, – Игнатом меня кличут. Комов Игнат, и моя жена Наталья. Я так же, как и ты, сюда пришёл, здесь никого ещё не было, а теперь уже и соседи имеются. Но с хорошими людьми и в соседстве не тесно. Ты, может, тоже присоединишься к нам?

– Я ещё не осмотрелся, – Егор не стал говорить о приглянувшемся ему месте.

– Конечно, не стоит подаваться в путь и останавливаться в первом же месте. У реки хорошо останавливаться, летом и зимой дорога под боком, рыба всегда есть, но мне не очень нравится, что скоро здесь будет проходной двор. Будут шастать чужие туда-сюда. Сходил я в верха, посмотрел, места хорошие, богатые зверем, я там и охочусь, а пахотной землицы в тех местах нет.

– А почему ты поселился на берегу, если не нравится здесь, – спросил Егор.

– Ну, сейчас пока нормально, и, я думаю, не скоро заселится этот край, и жена захотела на берегу. Деревня, где она родилась, была на берегу реки, и это место напоминает ей дом. А, потом, я много времени на охоте, а здесь всё к людям ближе, женщина, что скажешь. А ты женат?

– Нет ещё, – смутился Егор.

– Одному тяжело подниматься. Надо опору.

– Как земля, родит хлеб?

– Родит-то, родит, только я много не сею, охотой живу. Есть, конечно, и скотина, какая-никакая, но это так, баловство. Жёнка хочет, вот и возится. Покосы рядом, пашня под боком, летом всё какое заделье. Картошка вот, да капуста, да мелочь всякая – всё своё, молоко да сметана. А мяса на зиму добываю по осени, хватает, рыбу наловим, посолим, вот и достаток. Нам много не надо, вдвоём мы. Если будут ещё едоки, так и пища будет. Пушнину в Конторку или Тинскую вожу, сдаю, но это всё пока зимник ещё есть. Вот так и живём.

– Охота – дело знакомое. Охотой можно прожить. А другие промыслы здесь есть?

– Дёготь можно гнать, живицу, да только возить далеко. Сюда пока никто не ездит, народу здесь нет, и промыслов тоже. Но время идёт. Видишь, ты, вон, подыскиваешь себе местечко. Другие придут.

– Печку, когда делал, кирпичи сам обжигал?

– Есть глина, поискать можно. Где-нибудь возле речек. Доски пилить можно самому, только помощника хорошего надо подыскать, стекло привозить нужно да железо, а так всё есть. Дранья наготовить и одному можно. Ничего, Егор, жизнь только начинается, захочешь – всё успеешь. А то, если рядом где будешь, так и я помогу, зови. Да и другие мужики помогут. Дело такое.

Ещё разузнал Егор, что в округе почти никого нет. Выше деревни, верстах в пяти, на берегу реки есть с пяток рубленых домиков, но там люди промышляют охотой и рыбалкой. Обосновались братья Шведовы. Игнат ходил в верховье Туманшета, далеко ходил, но больше, никого и ничего похожего на пребывание людей не видел. Так что можно и здесь обосноваться. Хорошие места,

светлые. Чего ещё искать, только время терять. Надо возвращаться домой и готовиться к переселению. Егор ещё несколько дней прожил в шалаше, несмотря на холода. Ему здесь всё нравилось. Он уже размечтался, где будет ставить дом, где будут стоять постройки, сладкие мысли носились в его голове.

2

До дома Егор добрался быстро. В деревне Бирюсе случайно пристроился к обозу, который после успешной распродажи своих товаров налегке шёл в Шелаево. А там совсем рядом, дальше каких-то сто вёрст на лыжах до деревни Федино пробежать словно прогуляться. Пара дней – и дома. В родных местах расстояние не смущает. Весёлый, довольный, весь в куржаке с морозу, он под вечер ввалился в дом. Мать едва не уронила чугунок с картошкой, отец отложил валенки, которые подшивал, поднялся, подошёл, обнял.

– Нашлась пропажа, – сказал он, – давай, раздевайся. Мать, там Иван на дворе, скажи ему, пусть баньку растопит.

– Сейчас я, сейчас, – мать набросила шубейку и, было пошла на двор, но не утерпела, подошла к Егору и обняла.

– Иди, мать, уже, – отец тоже смущался неожиданной радости.

Через некоторое время заскочил в дом и брат Иван. Он без разговоров сгрёб Егора в охапку. Иван был младше Егора на пару лет, но выше ростом, крепок, как и весь род Камышлеевых.

– Ну-ну, – осадил отец, – сейчас перевернёте всё.

– Как ты, нашёл место? – радовался Иван брату.

– Разговоры потом, сейчас в баньку сходит, смоет всё худое, а там и поговорим за столом. Ванька, ты баню затопил?

– Да, затопил. Воды сейчас принесу, и будет готова.

В баню Иван пошёл с братом, он, как и Егор, тоже любил побаловаться веничком. Веников готовили на зиму много, каждый из мужчин брал себе веник, и после бани от него оставался только голик. Любили париться.

Баня топилась по-чёрному. Посреди помещения была вырыта яма, она являлась топкой. Сверху накладывалось много камней, сквозь которые проходил огонь. Трубы не было, и дым выходил в отверстие в стене под потолком. Воду нагревали камнями. Нагре-

тые камни бросали в деревянную кадку с водой, потом вытаскивали и снова грели. Камней для этого было много, и воду нагревали очень быстро. Когда баня протапливалась, угли все выносили, проветривали от дыма, затыкали отверстие под потолком, потом женщины мыли полы и полок, и баня готова.

Когда все перешли к чаю после ужина, отец, наконец, сказал:

– Ну, что, Егор, нашёл место себе, или здесь будешь обосновываться?

– Нашёл, – ответил сын и, не торопясь, стал рассказывать о своём путешествии.

Рассказывал подробно, с самого начала обо всём. Отец покачивал головой, прихлёбывая чай. Мать незаметно для себя подсела поближе, а Иван, подперев лицо руками, слушал, стараясь не пропустить ни одного слова. Когда Егор стал описывать место, которое он выбрал, отец отставил чай, внимательно выслушав, кивнул:

– Толково. И хорошо, что не так далеко, можно будет приезжать в гости. Теперь надо готовиться к переезду. Я думаю, что лето ты дома проживёшь, к осени оженим, а там, глядишь, и можно будет подаваться в путь. Сразу возьмёшь Ивана, поможет на первых порах, пока я дома сам справляюсь.

Иван даже подпрыгнул от радости, для него это было выше всяких желаний. Он готов был на всё.

– Я, может, тоже место присмотрю там,– сказал Иван.

– Я тебе присмотрю, – буркнул отец, – а мы с матерью как же?

Он смотрел на братьев и радовался, как они между собой были дружны:

«Хорошие выросли, – думал Пётр Фомич, – и в голове порядок, и руками всё могут, не пропадут по жизни. Надо только оженить хорошо, и продолжится род Камышлеевых».

Были у Петра Фомича уже внуки, но фамилии у них другие, а, значит, и род другой. Любил он внуков, особенно привечал красавицу Анну, единственную внучку. Вот только род чужой продолжался, а не Камышлеевых. Так в жизни заведено.

Весна нагрянула весело, смахнула снег, прошумела половодьем, зазвенела птичьим переголосьем. Камышлеевы, отсеялись и отсадились быстро, погода словно готовила каждый день под очередную заботу. Нежной детской зеленью украсились перелески и луга. Лето стало набирать силу.

Егор в кузнице делал себе инструмент: долота, стамески, гнул навесы. Многое требовалось сделать, чтобы потом не искать по округе. За каждой железкой не наездишься, за каждым гвоздём не находишься. Его отец Пётр Фомич, составил список всяких мелочей, которые нужны будут на новом месте, и их оказалось много. Старались припомнить всё необходимое, но со временем от некоторых вещей пришлось отказаться – слишком много набиралось груза. Решили ехать на трёх подводах, захватить с собой, как можно больше груза.

Только у Петра Фомича было некоторое сомнение, ему очень хотелось оженить Егора. У женатого человека и разум другой, не будет блыкать по сторонам. В первый раз с Иваном поедет, а там уж самому надо будет. Много раз Пётр Фомич думал, а надо ли отсылать сына на вольную жизнь, может, рядом всем было бы теплее и уютнее, и ему, отцу, спокойнее, но каждый раз он гнал от себя такую слабость. Чего это обоим сыновьям возле материной юбки толкаться. Есть места добротные, есть воля, есть сила и ум, так пусть свою дорогу протопчут. Хватит родителям и Ивана. Слушаются сыновья отца, но если и Иван надумает куда податься, остановлю своим словом, хотя, чего загадывать.

Егор закончил работу, но домой идти не хотелось. Он решил сходить на реку, умыться, посмотреть на воду. На реке хорошо мечталось, река, что мать родная: с ней рождались здесь, с ней жили, и хорошее, и плохое легче переносилось с рекой, и кормилица, и поилица. Егор подошёл к берегу, попробовал рукой воду, не прогрелась ещё река, но ребятишки уже плескались на мелководье, а потом грелись у большого костра. Будучи пацаном, Егор тоже купался, а потом ходил с опухшими глазами, от постоянной простуды веки краснели и отекали. Ушло то время, только довольная улыбка осталась на лице от воспоминания. Егор решил вспомнить детство, быстро разделся и с берега прыгнул в реку. Сначала вода обожгла, заныли руки, но через некоторое время отпустило, он привык к воде, холод ушёл, и остался только восторг. Егор долго плескался, плавал, пока не замёрз. Тогда он медленно вышел на берег и пошёл к своей одежде. Рядом с одеждой сидела девушка и кидала камушки в реку. Сначала Егор не узнал её, а потом, приглядевшись, хохотнул.

– Настасья, ты что ли?

– Нет, не я, привидение. Не замёрз?

– Нет, вода нормальная, – сказал Егор.

Медленно одеваясь, он стал рассматривать девушку. Это была Аксёнова Настя. Недавно она бегала девчонкой, а сейчас – невеста.

– Тебя и не узнать, – сказал он.

– Так давай знакомиться, – рассмеялась она и взглянула на него весело, озорно, словно пронзила взглядом.

– Что тут делаешь?

– На тебя пришла посмотреть.

– Зачем?

– Полюбоваться. Давно не видела, вишь, какой стал, совсем мужик.

– Не маленькая ещё мужиками любоваться?

– В самый раз.

– И на язык остра, гляди, кто и подрежет.

– Не ты ли? – Она поднялась, подошла к нему, пристально посмотрела в глаза:

– А сможешь?

Глаза её искрились бесовским огнём, Егор даже растерялся. Настя была немного помладше его, она никогда не водилась в их компании даже в детстве, а сейчас тем более. Но вот она, странная, смело глядит в глаза, смеётся над ним.

– Подрежь, если сможешь, – рассмеялась она и побежала по берегу.

Егор растерянно смотрел вслед развевающемуся на ветру светлому платью. Он не был скромным, но сейчас на минуту растерялся.

– Вот хохотушка! – с восторгом промолвил он. – Всё, будет моя.

Вечером на вечёрке, Егор отвёл её в сторону и сказал:

– Осенью сыграем свадьбу, и поедешь со мной.

– Быстрый какой. А вдруг у меня кто уже есть?

– Моей будешь. О других забудь.

– А ты у меня спросил, согласная я или нет?

– Спрашиваю?

– Я подумаю, – кокетливо кивнула головой.

Аксёновы жили исправно. Кроме Насти, у них были ещё два сына и дочь. Сыновья были намного старше Егора, они уже давно

женаты, и сестра замужем в другой деревне. Настя была, как говорят, «поскрёбышем», последним ребёнком в семье. Ей многое позволялось, насколько было можно, но она была главная помощница у матери. Шустрая пигалица, за словом в карман не полезет, себя в обиду не даст. Отец Насти, Афанасий Лукич, имел хорошее хозяйство, держал скот, была у него и пасека. Сейчас он на охоту не ходил, но в молодые годы был неплохим промысловиком. В последнее время скупал пушнину, а потом перепродавал. Занимался промыслом кедрового ореха, давили кедровое масло, которое стоило дорого. Семья жила в достатке. Афанасий очень любил Настю, последняя радость для отца и матери. Дочь была нетребовательная, некапризная, самостоятельная, и это нравилось старику. Шумная, весёлая Настя много раз сглаживала и семейные проблемы. Ругаться в семье было не принято, но иногда мрачное молчание было ещё хуже громкой ругани. Так Настя прибежит, расшумится, пристанет к одному, к другому, смотришь, и заулыбались в доме. И забыли, из-за чего «сыр-бор».

В последнее время Настя всё чаще стала поглядывать на Егора. Он был на несколько лет старше её, но это даже и лучше. Егор, кроме того, что был видным парнем, слыл ещё и работящим. Он не был заводилой в деревне, гармонистом или весельчаком, но был не последний парень в деревенской компании. Насте не нравились балагуры: с ними хорошо за столом, а в жизни так и будут смешить народ. А жизнь мимо и проскочит. Егор не такой, лишнего не скажет, но если сказал, то сделает. Настя решила не ждать, пока Егор заметит её, или заметит, да не её. Она решила сама действовать, потому и просидела полдня возле кузницы, выбирая удобное время. И появилась совсем не случайно, и сделала всё, как задумала. Ей было удивительно, что получилось всё так просто, что Егор не остался равнодушным. И когда услышала, что нужна Егору, она ликовала внутри, но виду не подала. Пусть ещё помучается.

– Подумала? – спросил Егор через неделю, повстречав Настю.

– Подумала, – ответила она, опять пристально глядя ему в глаза.

– И что?

– Что решила?

– Да! Что решила? – Егор тоже пристально посмотрел на девушку.

– Засылай сватов, а там видно будет, – шепнула она и, весело хохоча, побежала, оставив его в растерянности.

– Вот чертовка, – улыбаясь, проговорил он.

Вечером за столом Егор сидел сам не свой. Нужно было поговорить с отцом, а как начать разговор, он не знал.

– Чего ёрзаешь? – спросил отец, – никак сказать чего хочешь?

– Да.

– Чего – да? – Пётр Фомич внимательно посмотрел на сына. – Случилось чего?

– Сватов надо засылать, – выпалил Егор, кое-как преодолев ком в горле.

– Что жениться надумал, это хорошо, – улыбнулся отец. – Дело нужное. И к кому же засылать сватов-то нужно?

– К Аксёновым.

– К Афанасию Лукичу, что ли?

– Да.

– Так у него дочка, вроде, замужем, – толи насмехаясь, толи, действительно не зная про младшую Аксёнову сказал отец.

– Да младшая Настасья подросла уже, – не выдержала мать.

– Это, которая хохотушка? Так она малая ещё.

– Восемнадцать осенью будет, – сказала мать.

Про всех деревенских детей женщины всегда знают всё.

– А что? Семья справная. Небось, Афанасий Лукич и приданое не пожалеет,– сказал отец, разговаривая словно сам с собой. – Пожалуй, и хорошо будет, а от ворот поворот нам не покажут?

– Чего покажут, небось Егор не из последних на деревне, – с недовольством сказала мать.

– А ты чего молчишь? – обратился Пётр Фомич к сыну. – Ай, пошутил?

– Нет, не пошутил. Я не знаю, чего говорить.

– Жизнь поменять хочет, а слов найти не может.

– Чего привязался, – опять вступилась мать. – Себя вспомни, много слов помнил?

– Ну, это когда было? Время другое было.

– Для женитьбы время всегда одинаковое, – не унималась мать.

Егор с удивлением поглядел на неё, обычно немногословная, она прерывала отца за каждым разом.

– Чего это с тобой, мать? – спросил отец. – Никак заболела?

– Заболеешь тут с вами, – она прикрыла лицо платочком и отвернулась.

Откладывать ничего не стали. На другой день Пётр Фомич, взяв для разговора соседку Лукерью, бабу ловкую в этих делах, поехал к Аксёновым. Встретили их с добром, проводили в дом, быстро собрали стол. Все догадывались, для чего прибыли гости, и не хотелось ударить в грязь лицом. После обязательных речей о купце и товаре выпили по рюмке, чтобы говорить легче было.

– Хороший ты хозяин, Пётр Фомич, – сказал Афанасьев. – И сын у тебя добрый. Я бы и сам не пожелал бы другого жениха для дочки, но это я. Ты не обижайся, а если Настасья откажется, то неволить её я не буду.

– Так давай спросим? Пусть сразу и скажет, – сказал повеселевший после рюмки водки Пётр Фомич.

– Мать, позови Настасью, – сказал Афанасий Лукич.

Настя, принаряженная по этому случаю, тихо вошла в комнату. Молча поклонилась гостям и опустила глаза.

– Скажи-ка, дочка, согласна ты замуж за Егора? Приехали по твою душу.

Девушка подняла глаза, озорные искорки промелькнули в глазах, румянец окрасил щёки. Настя улыбнулась, опустила глаза и быстро вышла из горницы.

– Раз дочка согласна, то и я перечить не буду, – сказал старик Аксёнов, – а ты, мать, не против?

– Ну, вас,– махнула рукой мать Насти и заплакала.

Все оказались довольны. Всё прошло, как нельзя лучше, свадьбу назначили на осень. Егор с нетерпением ждал возвращения сватов, но новости пришли раньше. По улице понеслись слухи, что Настасью просватали за Егора.

Вечером Егор с Настей уединились на берегу реки и сидели, обнявшись и не стесняясь, что кто-нибудь заметит это. Молчали, думали каждый о своём, но были счастливы оба.

Свадьба была без особого размаха, но шумная, весёлая. Гуляли три дня, сначала у жениха, потом у невесты. Молодые стали жить у Камышлеевых., жить было где, тем более что по весне собирались отправляться в новые края. Настя была не только не против поездки, а, наоборот, старалась во всём поддерживать своего мужа.

В новую семью она вошла так, будто и жила здесь всегда, ей все были рады. С ней в доме и смех раздаваться стал чаще, и, казалось, стало светлее, она не пыталась никому угождать, но и поперек никому не становилась.

Зима прошла быстро. В начале марта стали собираться. Нужно было, пока ещё крепкий лёд, отвезти все вещи на новое место и по льду вернуться. Собирались ехать на трёх санях, потом два коня останутся сыну, а на третьем отец вернётся домой. Заодно и посмотрит, что за место выбрал себе Егор.

3

Погода стояла, как на заказ. Ночью поджимал мороз, а днём светило солнце, пригревая на безветрии. Снег ещё не таял, но из мягкого и пушистого превращался в твёрдую крупу. На нетронутых местах образовывался наст, твёрдая ледовая корка, которая могла держать человека и без лыж, а уж на лыжах, как на гладкой дороге. Обоз из трёх повозок медленно завернул с хорошо укатанного зимника, проложенного по реке Бирюсе на малонаезженную дорогу по Туманшету. Кругом стояла нетронутая тайга. Снег, кое-где отмеченный звериным следом, сиял на солнце. Тишина оглушала.

– Далеко ещё? – спросил Пётр Фомич сына, оглядывая и оценивая незнакомые места и оценивая.

– Ещё с час до поворота, а там в целик, сколько понадобится времени, посмотрим. Ну, думаю, что до темноты – управимся.

– Хорошие места, тихие,– отметил отец, – и зверь здесь должен водиться.

– Мне сразу понравилось, как на душу легло. И не хочу далеко в глухомань забираться, здесь всё есть. Ну, ты ещё увидишь.

– Да, от людей нечего прятаться, – кивнул отец.

– Ты не замёрзла? – спросил Егор Настю.

Она сидела на санях и, как птенец, крутила головой по сторонам.

– Нет, мне хорошо, – весело ответила она.

– Скоро приедем, отдохнёшь.

– Правда? Места здесь красивые. Летом, наверное, ещё красивее.

– Наверное, я летом здесь не был, не знаю, – Егору нравилось, как ведёт себя его жена. Она всегда была в хорошем настроении.

Брат Иван половину пути прошёл на лыжах, весело, раскатываясь по крепкому насту. Ему было всё равно где быть, лишь бы не дома. Ивана не пугала работа, ожидавшая его. Отец с Егором решили, что Иван проживёт до зимы, пока встанет река, а потом на лыжах придёт домой.

Ещё не стемнело, а они были на месте. Осмотревшись, Пётр Фомич заулыбался, радуясь за сына.

– Хорошее местечко, лучше не найдёшь. Завтра ещё похожу вокруг, пригляжусь, как лучше построиться.

– Давай, сегодня отдохнём, а завтра уже и начнём, – сказал Егор, обустраивая место рядом с вывороченными соснами.

Устроились рядом с дровами, чтобы не таскать их, а на ночь дров надо много. Сделали хороший шалаш из лапника. Вычистили снег до земли и разожгли костёр. Когда земля прогрелась, костёр сдвинули в сторону, а горячее место уложили толстым слоем лапника. На такой постели можно смело ночевать.

Через две недели вместо шалаша стояла небольшая времянка, срубленная из тонкого леса. В ней были нары, на которых едва помещались четыре человека, небольшой столик, сделанный из жердей, пока не было досок. Рядом с дверью установили небольшую железную печку, привезённую с собой. Сразу стало веселее. Перед отъездом отец с Егором целый день готовили дрова. Неподалёку свалили две сушины, лошадьми притащили на место, распилили на чурки. Иван поколол их и сложил у избушки. Потом, когда начнётся настоящая работа, дровами заниматься будет некогда.

– Вот, что я скажу,– сказал отец в последний вечер перед отъездом, – место удобное, я доволен. Река недалеко, и зимой, и летом – дорога, озеро под боком, за рыбой далеко не ходить. Лес я посмотрел, засечки сделал, можно готовить на дом. Пока снег, можно валить и возить. Снег сойдёт, возле дома брёвна ошкуришь, и пусть полежат немного, а там и рубить можно. Будет время, сходи к соседям в деревню, договорись о помощи, заплатишь, сколько надо, но к осени нужно построиться. Дом соберёшь, а там легче будет. Нанимай людей, деньги есть. Пожалеешь на дело, упустишь время – потом всё потеряешь. Я приметил лес, который и на доски сгодится.

Недалеко отсюда поставишь лесопилку, таскать не надо будет, а если дело пойдёт, то по реке можно и на продажу возить. Ты говорил, что глину можно найти для кирпича, сам кирпичи начнёшь отжигать. Знаешь, как делать, видел. Для себя сготовишь, а потом видно будет. Я это к чему говорю, слышал я, что людей сюда будут на поселение отправлять, осваивать землю. Вот и смекай: у тебя есть время встать на ноги, а там, глядишь, и копейка пойдёт.

Проговорили весь вечер, строили планы, начиналась новая, полная неизвестного, жизнь. Как всё сложится, сколько потребуется трудов, сколько прольётся пота? Кто мог знать? Но Егора это не пугало, внутренне он настроился, что просто так ничего не бывает, и с самого детства приходилось трудиться. Маленьким был до тех пор, пока за материну юбку держался, а как отцепился, сразу – хворостину в руки и пристроили пасти гусей.

Отца проводили ближе к полудню. Дорога дальняя, за один день не пройдёшь, так что и торопиться не стоило. Утренние морозы не давали солнцу развалить дороги, запас времени был.

На другой день Егор с братом стали готовить лес для стройки, валили сосны рядом с избушкой. На лошадях сразу таскали на место и раскладывали. Приходилось торопиться, пока есть снег, потом будут другие заботы. Придётся распахивать целину вокруг дома, готовить землю под огороды. А летом придёт время готовить место для пашни под хлеб. Но это – планы, а сейчас валили лес, брёвна были ровные, одного размера, не толстые – в самый раз, окантовывать не придётся. Дерево смолёвое, сочное, простоит долго. Настя тоже выходила помогать: рубила и оттаскивала сучья, кипятила чай, готовила еду.

Время пролетело быстро. Вскоре зазеленели опушки, зажелтели подснежники, засинела медуница. К тому времени работу успели сделать немалую, брёвен заготовили в достатке. Рубить дом Егор решил в августе, лес подсохнет. Придётся ехать в соседнюю деревню, просить людей, самим быстро не сделать. Нужно ещё нанимать людей пилить тёс, доски нужны будут на пол и потолок, на многое другое. На всё две пары рук не хватит. Деньги есть, нужно использовать. Деньгами снабдил отец, хорошее приданое было и за невестой.

К августу всё было готово, лес подсох, доски готовы, надрали дранья на крышу, заготовили мох. Егор договорился с Игнатом,

знакомым из соседней деревни, о помощи, тот пообещал собрать мужиков.

Через три недели дом стоял, с накрытым свежим драньём крышей, большой, сверкающий желтизной посреди зелени леса, словно золотой терем.

– Складно получилось,– сказал, любуясь, Игнат.

– Да, – сиял счастливой улыбкой Егор.

– И место выбрал ты неплохое, я здесь бывал раз, через озеро ходил зимой. Напрямую до нашей деревни рукой подать. Вокруг озера до нас недалеко, будем жить, будем навещать друг друга. Зови, печь тебе сложу, век помнить будешь.

– Спасибо, Игнат, за помощь, мне одному бы не справиться. А печь сложить, считай, уже позвал. Кирпича нажгу и позову.

– Компанией и батьку бить сподручно, – хохотнул Игнат.

Законченное дело отметили застольем. Все остались довольны.

– Как тебе наш дом? – спросил жену Егор вечером, сидя у костра.

– Ещё работы хватит.

– Да, ещё поработать придётся, но главное сделали.

– Мне очень нравится. Как теремок, – Настя тоже была рада.

– Заживём, Настя, как люди заживём. И всё у нас будет, – сказал Егор, – дай срок.

К концу сентября дом был готов к новоселью. Игнат, как обещал, сложил печь, Егор сам сплёл рамы на окна, застеклил. Не успел сделать ставни, но это дело не срочное. Туманшетские мужики прислали нехитрую мебель: стол, табуретки, деревянную кровать Егор сделал сам, как и широкие скамейки вдоль стен. До зимы успели сладить небольшую баньку и хлев. Соорудили ограду и навесы от ненастья для лошадей. Сделано было столько, что даже не верилось. На новоселье позвали Игната с женой Натальей, и мужиков, помогавших Егору. Население в этом краю небольшое, и любое знакомство было полезным. Новоселье отметили шумно и весело.

После покрова пришли морозы. Сковали небольшую речку, бежавшую рядом с домом. Снега было немного, и Иван бегал на охоту. Егор не держал его, хотя работы в доме ещё хватало, но Иван и так помог достаточно, пусть немного отведёт душу на охоте. Если и добудет чего, так это не будет лишним, и пусть

места осмотрит: где что есть. Скоро брату уезжать домой, лёд на реке окрепнет, наладится зимник, тогда и можно будет отправляться домой. А пока сам Егор доделывал мелочи во дворе, Настя управлялась по дому, наводила красоту. Летом она сумела вырастить неплохой урожай овощей, насолила огурцов, наквасила капусты, хороший урожай картошки заложили в подполье. Хлеб не растили, но как только будут дороги, Егор поедет закупать зерно.

Через месяц Егор собрался за покупками. Снарядили две подводы, на одной ехал Иван, на другой сам Егор. Решили добраться до Конторки, там хлеб был дешевле, но главное – довезти Ивана. Рядом – деревня Бирюса, а там можно найти обоз до дома. Посветлу доехали до места. Переночевав на постоялом дворе, Егор разузнал цены на хлеб, нашёл знакомых, которые взяли с собой брата.

– Расскажи отцу, как у нас всё сладилось, пусть порадуется. Может, получится, так добро пожаловать в гости, – Егор говорил, а сам понимал, что времени никогда не хватает. Дел много, а руки одни.

– Сам-то ещё приедешь?

– Я и жить приеду сюда, – Иван засмеялся.

– Давай, место есть. Женишься и сюда, если батя отпустит.

Егор купил подарки отцу и матери. Не столь ценны были подарки, а уважение и внимание ценилось больше. Обняв на прощание Ивана, Егор сказал:

– Спасибо, брат. Без тебя я бы не справился.

– Да, ладно. Чего там,– засмущался Иван и пошёл вслед за обозом.

Он ещё обернулся, махнул рукой и запрыгнул на сани.

Егор закупил всё, что планировал. Пришлось советоваться с торговцами в покупке материи, Настя наказала купить разных тканей: на шторки, на кровать. Загрузил всё на повозки, привязал одни сани к другим, тронулся домой. По пути Егор заехал в Сполох к старому знакомому Афанасию, решив переночевать у старика. С обозом быстро не поедешь, кони устают, а там и отдых, и поговорить можно. Егор обещал заехать к Афанасию при случае. Старик не сразу узнал в госте знакомого, только после того, как Егор назвался, он вспомнил и заулыбался.

– Здоров, здоров, – засуетился он. – А я уже и позабыл про тебя, думал, что ты сгинул где, или проскочил назад. Ладно, все разговоры потом, давай заводи коней во двор, распрягай.

– Оська, коней прибери, сделай, как надо, – крикнул он рослому пареньку.– Пойдём, – потянул старик Егора в дом.

Проговорили весь вечер. Егор рассказал, как и где обустроился, что успел сделать, что ещё предстоит поделать. Старик кивал, подливал самогону и удивлялся:

– Ловок ты, Егор, ох, ловок. Молод ещё, а развернулся как, молодец. Теперь ты часто будешь наведываться в наши края, милости прошу, если переночевать приспичит, или еще какие заботы.

Егор и заехал для того, чтобы завести хорошие отношения с людьми, чтобы было, где остановиться при случае. Ночевать в Конторке и Бирюсе неудобно, там хоть и есть ночлежка, но всё равно неспокойно. А здесь недалеко, но уже положение другое.

– Ты не знаешь, где можно щенков хороших взять? – спросил Егор, – мне и сторожевые собаки нужны, и охотничьи. Меня вот сейчас нет дома, а там жена одна, страшно ей. И волки могут наведаться, или ещё кто надумает. Тайга.

– Есть у меня щенки хорошие, и заберёшь. Три щенка, два кобеля и сука. Они и сторожить годные, и на охоту. Только немного надо натаскать, а то дурные будут.

– И ладно. Я со временем заведу себе хороших помощников, может, и эти ладные будут.

– Как вырастишь. Смотрел их, должны толковые быть, потому и не выкинул.

С Афанасием Егор расстался как с другом, щедро заплатил за ночлег и за щенков. Собачки Егору понравились, особенно чёрный кобелёк, его сразу назвали Чернь.

«Вот и начал обживаться самостоятельно», – подумал Егор.

На душе сразу стало легко и весело, словно донёс до места ношу и сбросил. И радость от того, что не сбросил раньше, что донёс, и теперь будет немного легче. Сто раз прав отец, не нужно жмотничать да прятать копейку в кубышку, положи на нужное дело, глядишь, вернётся копейка с прибытком. Не бросайся друзьями, нынче любые рабочие руки дорого стоят. С Игнатом Комовым вышло хорошо, помог сам и других привёл. Не пожалел денег, так мужики и кое-что в дом сделали. Пусть мелочь, но в другой раз смело обратиться можно.

За мыслями и дорога оказалась недалекой. И уже всё знакомо здесь, скоро устье Туманшета, нужно сворачивать к дому, а там час, полтора – и усадьба, не чужая, а своя. И жена любимая заждалась. Вспомнив о ней, Егор невольно заулыбался. Чем больше он жил с Настей, тем больше его тянуло к ней. Он не говорил ей всяких глупостей, какая правда в словах? Один звон. Егор прижимал жену к себе и нежно гладил или просто сидел молча. Она не требовала ничего, не устраивала скандалов, всем была довольна, оттого и больше была мила. Егор любил смотреть, как жена занималась домашней работой, иногда подзывал её, садил на колени и прижимал к себе. Настя обнимала его за голову, и они так сидели, пока жена неожиданно не спохватывалась и не уходила по своим делам.

Пройдя устье, Егор подумал, что если от этого места пойти к его дому, то окажется гораздо ближе, и не так привязан будешь к реке. Летом надо пройтись здесь, посмотреть, возможно, и прорубить какую дорогу. Хотя бы на Бирюсу выход будет, а тут лодки летом ходят. Надо будет и с Игнатом переговорить, проделать дорогу, им тоже будет поближе ездить.

Домой Егор добрался уже к вечеру. Настя выбежала на крыльцо встречать, наскучалась одна. Егор вручил ей щенков:

– Глянь-ка, каких зверей я привёз, накорми их. Я перенесу товар в дом, распрягу коней, а потом будем разбирать, чего я там накупил.

Перетаскав мешки с зерном и мукой в кладовку, сложил их в большой специальный ларь, подальше от мышей, выгрузил всё остальное в сенцы. Под навесом распряг коней, упряжь занёс во времянку, задал корма лошадям, только потом пошёл домой. Настя уже накрыла стол, приготовила полотенце. Щенки дружно сопели на тряпке у печки.

– Сегодня у них праздник, а завтра на улицу выселю. Конуру сооружу, где это видано, чтобы собаки в доме жили.

Умывшись, Егор сел за стол. Настя сидела рядом, она, словно ребенок, вся извертелась, пока Егор ужинал. Потом начался разбор покупок. Настя весело щебетала, разглядывая разные материи, примеряя их то к себе, то к окнам, то к краю кровати. Егор сидел осоловевший, после ужина его стало клонить в сон. Он сел на лавку возле печки и незаметно уснул, проснулся неожиданно, от взгляда. Жена сидела на табуретке напротив и улыбалась.

– Раздевайся, ложись, постель я приготовила. Я тебя не донесу.

– Может, донесёшь?

– Нет, – расхохоталась она, – каши мало ела в детстве.

Егор разделся и полез под тёплое лоскутное одеяло. Заснул моментально: устал за последние дни.

4

Прошло десять лет. Егор из юноши превратился в крепкого, осанистого, бородатого мужика. Только глаза выдавали добрую детскую душу. Окрепло и дело Егора. Пару лет назад построил себе новый дом, большой, с высоким крыльцом. Тот, первый, ещё не старый, отдал под общежитие, там у него жили сезонные рабочие, которых Егор нанимал для заготовки леса, для распиловки его на доски. Потом эти доски сплавом на плотах по весне отправлял в Суетиху. Там он продавал оптом перекупщикам и имел от этого неплохой доход. Перекупщики брали всё, что им предлагали. Егор организовал и обжиг кирпичей, глина была, считай, под ногами. Брали прямо с берега речушки, там же месили, сушили, обжигали. Доход тоже был немалый. Рабочих кормили рыбой, картошкой, в которой недостатка не было. На зиму добывали несколько лосей, обеспечивая себя мясом, заготавливали грибы, клюкву, чернику, смородину. В большом количестве гнали дёготь, самое лучшее средство от гнуса, которого здесь хватало всегда. Дёгтем мазали и себя, и скотину, ей тоже приходилось несладко.

Дело шло. Про Егора Камышлеева уже шёл слух по округе. Были у него заказы из ближних деревень. За это время появилось неподалёку несколько селений: Цыганки, Еланка, Тропа. В последнее время деревни стали расти, всё новые и новые люди ехали сюда за своей долей. Работы у Егора хватало. Из Туманшета Игнат Комов за пиломатериалом при случае отправлял всех к Егору и имел с этого свой доход. Сообща сделали дорогу до устья Туманшета через лес, ездить стало намного ближе и удобнее.

Недалеко от устья предприимчивый мужик Тимофей Ожёгов сделал паром через Туманшет и летом перевозил всех желающих через реку. На паром входила одна повозка, этого хватало. Без работы Тимофей не сидел, а когда приходила зима, ремонтировал паром, делал срубы для припаромков, чтобы было удобно заезжать и съезжать.

Зимой к Егору приезжали за кирпичом из Догадаевки, Шелехова. Всё шло своим чередом. Приезжал в гости отец, остался доволен. Егор снарядил его подарками, хорошую связку соболей для родителей, не забыл тестя с тёщей. Купил хорошее ружьё брату Ивану за помощь и в подарок на свадьбу. Иван женился пять лет назад, у него уже было две дочки. А вот у Егора пока детей не было, Бог пока не дал, но Егор не отчаивался. Настя часто в последнее время плакала тайком, но Егор поддерживал её, как мог, любить меньше не стал. Даже, наоборот. Настя изменилась, девичьи черты исчезли, и это сделало её ещё краше. По просьбе Насти они ездили на молебны в церковь в Конторку, посещали разных целителей, но пока результата не было, хотя надежда ещё оставалась, ведь совсем не старые. Да рассказывал старик Афанасий из деревни Сполох, что есть лекари у староверов на реке Тагул. Несколько дней пути по Бирюсе вверх, и по Тагулу полдня. Там в деревне Георгиевка есть старуха, которая лечит такие беды. Егор свозил Настю туда. Одарили старуху дорогими подарками, она долго колдовала, шептала и потом сказала, что будет ребёнок через два года. Год прошёл с тех пор. Чем ближе подходило время, тем тревожней становилось, появлялось сомнение.

Торговые дела шли хорошо, прибыльно. И вот сейчас Егор приехал в тревоге. Новые известия не обрадовали его: в Суетихе он узнал, что в волость прибыла бумага, в которой говорилось, что скоро начнётся большое переселение в Сибирь. Строится железная дорога, для обслуживания понадобится много людей, а также нужны земледельцы. По округе начнут селить пришлых, желающих обрабатывать землю. Расселения уже начались, и постепенно подходили к Бирюсе. В Суетихе стали строить большую лесопилку, для дороги нужно много шпал. Понагнали народу для строительства моста через Бирюсу, в строители брали крестьян с окрестных деревень: Бирюсы, Конторки, Еловки, Баероновки. Народ ютился в бараках, но работа шла.

«Придётся у себя уменьшить немного лесопилку. Хотя если начнут строить дома вокруг, пиломатериал пригодится. Но в запас тоже не стоит заготавливать. Время покажет», – решил Егор.

Не замечая мороза, он стоял на крыльце и смотрел в сторону, откуда приехал. Оттуда и нужно ждать перемен. Потом оторвав от

бороды сосульки, пошёл в дом. Настя уже надевала лёгкий полушубок.

– Ты куда? – спросил Егор.

– Я уже испугалась за тебя, вроде давно приехал, а всё нету и нету. Подумала, может, случилось чего. Напугал, – виновато заулыбалась жена.

Егор подошёл, обнял, прижал к себе, погладил волосы, вдохнул такой любимый запах.

– Чего со мной случится? Я здесь дома, как-никак.

– Мало ли, – хитро улыбалась Настя.

За ужином она сказала, что был приказчик из волости, сказал, что заедет завтра. У него к тебе дело есть, просил ждать его.

– Он куда поехал?

– В Туманшет. Целая сумка бумаг. Я его накормила, а то как же по морозу да голодному.

– Умница ты у меня. Больше ничего не говорил?

– Сказал, что в волости неизвестно о нашей заимке, но это хорошо, что она есть. Ещё он сказал, что разговор у него к тебе долгий.

– Что за разговор? – стал размышлять Егор.

Усталость словно рукой сняло, всякие мысли полезли в голову.

«Приказчику из волости понадобился. Это из самого Шиткино. Может, что с отцом случилось?»

Егор гнал от себя разные мысли, пытаясь понять ту одну, правильную, но выходило одно и то же. И только Настя опять огорошила его, заставив всё забыть, уютно примостившись под боком, она промолвила:

– Егоша,– так она одна называла его, – у нас ребёночек будет, – и спряталась под одеяло.

Какое-то время Егор лежал, не понимая сказанное, потом откинул одеяло и спросил тихо:

– Правда?

Настя кивнула в ответ и виновато заулыбалась. Все другие мысли сразу куда-то делись, и Егор тоже лежал и улыбался, представляя, как он с сыном будет ходить на охоту. Почему-то сразу подумалось, что будет сын.

На другой день он не находил себе места. Этого самого приказчика всё не было и не было. И только под вечер, когда уже соби-

рался сам ехать в Туманшет, во двор въехала повозка. Егор как раз был во дворе. Человек в большом овчинном тулупе был довольно весел.

– Встречай, хозяин! – крикнул он и вывалился из саней.

Егор поднял ездока и повёл в дом.

– Ручкин, Илья Ильич, – представился он. – А вы будете Камышлеев Егор…?

– Мой отец – Пётр Фомич.

– Егор Петрович, значит, так и запишем, – сказал он и весело засмеялся. – Я здесь по казённой надобности.

– Илья Ильич, может, поужинаем сначала, а потом и поговорим? – предложил Егор.

– Согласен, – сказал чиновник и снова рассмеялся.

Настя быстро собрала на стол. И горячее из русской печи томлёное мясо, и разные закуски: солёные грузди и рыжики, малосольные хариусы. Егор принёс бутылку вина, купленного на всякий случай, сейчас это было к месту. Засиделись допоздна. Егор предложил все дела отложить на завтра, чтобы со свежей головой всё решить, на том и остановились.

Утром, попив чаю с таёжными травами, чиновник выглядел свежо. Эти поездки по разным местам, забрали много здоровья, а ещё было дело, которое нужно решать быстро, по крайней мере, было такое указание. Но что, когда и где на Руси делалось быстро? Вот и приходилось поспешать, насколько это было возможно. Илья Ильич, разложил свои бумаги на столе, спросил:

– Егор Петрович, давно вы здесь живёте?

– Десять лет уже, как построились.

– У нас вашей заимки нет на учёте. Понимаете ли, я вам расскажу причину моего приезда к вам, а потом поговорим. В связи со строительством железной дороги, а также по плану заселения Сибири, в наши края будет переселяться много народу, в том числе и сюда. В Туманшете мы создали поселенческий участок, там уже неплохая деревня, и на первое время будет где остановиться семьям, которые приедут сюда. Старшим там Игнат Комов. Мы с ним всё обговорили, составили договор. Хороший хозяин, толковый мужик. Он о вас отзывался самыми добрыми словами.

– Спасибо. Я о нём тоже ничего плохого сказать не могу. Он мне помог на первых порах.

– Это хорошо, сладите с ним по-доброму. К вам дело такое. Игнат сказал, что у вас есть небольшая лесопилка.

– Есть. Но я её собирался закрывать.

– Почему? – поинтересовался Ручкин.

– В Суетихе, куда я продавал большую часть материалов, строят большую лесопилку, мне за ней не угнаться.

– И не надо, здесь скоро понадобится много стройматериалов.

– Но ведь людей содержать надо, я и так набирал на сезон, потом рассчитывался, и люди уезжали.

– Этот вопрос мы решим. Кирпич делаете?

– Пока делаем.

– Не прекращайте. Давайте заключим договор, мы вам оплачиваем работу вашу, а вы пилите материал для строительства домов, делаете кирпич. Для поселенцев государством выделены деньги, часть из них будет выдаваться им на руки, а другая часть, чтобы не пропала, будет выплачиваться вам, как производителю, а вы будете давать материал, по специальной бумаге, которую мы дадим поселенцам. Те бумаги будут пофамильными, по ним два раза не получишь ни денег, ни материалов. И ещё, Егор Петрович, как вы смотрите, чтобы здесь поселить людей, рядом с вами? Места здесь хорошие. Рано или поздно, но здесь всё равно поселятся люди, лучше, если это будет организованно, чем как попало.

– Я уже думал, – сказал Егор, – рядом с домом место не очень хорошее для деревни. Одна-две усадьбы – куда ни шло, а для деревни место есть здесь недалеко. Я потом покажу.

– С вами хорошо решать вопросы, – улыбнулся Ручкин. – В договоре так и запишем: для поселения рекомендуется деревня… Камышлеевка. Вы не против такого названия?

– Нет, не против, – Егор покраснел от неожиданности.

– Я так и запишу в договоре, что в деревне Камышлеевка можно расселить пятьдесят семей с самостоятельным строительством. Помощь и содействие представляет Камышлеев Егор Петрович. Предоставляется лес для строительства домов и прочих построек, а также кирпич, доски, и он же организует доставку гвоздей, стекла и прочего материала.

– Егор Петрович, я вам под расписку выдам сейчас деньги на заготовку всего этого, а потом по мере расходования, вы

будете отчитываться и получать ещё деньги. Вы, наверное, подумали: почему же мне такая вера? Возьму деньги и сбегу. Есть такие мысли?

– Если пока нету, то завтра могут прийти, – честно сказал Егор.

– Правильно. По крайней мере, честно, значит вы человек честный. И это не те деньги, с которыми можно всю жизнь бегать, а работать с нами у вас есть выгода. И у вас здесь свой дом, построенный не за государственный счёт, а за свои денежки, вот поэтому у меня есть вера в вас. Давайте будем работать, и вы не останетесь в накладе. Я вас убедил? – Илья Ильич опять рассмеялся.

– Если что, мне теперь надо будет ездить в Шиткино?

– Пока да, но скоро мы переберёмся в Конторку или в Тайшет, скорее всего, в Тайшет. Там делают станцию, народу прибавится и работать с ними будет проще по месту прибытия.

– А сюда сразу пятьдесят семей пришлёте?

– Нет, не больше пяти-семи семей. У вас есть, где разместить на первое время?

– У меня есть дом для рабочих, можно использовать, а потом будет видно, чего и как.

– Весной уже приедут люди, готовьте все, о чём мы договорились. Нанимайте ещё людей для работы, к лету нужен лес на пять домов и всё остальное. Справитесь?

– Как же не справиться. У меня и сейчас лес есть для строительства, немного ещё заготовим, и будет порядок.

– Славно, Егор Петрович, ой, как славно. Вообще переселенцы поначалу едут в разведку несколько человек, смотрят на условия, а потом везут семьи. Я же буду сразу рекомендовать вас, без разведки.

– Постараюсь делать всё, как положено.

Пока Настя готовила обед, Егор отвёз Ручкина показать место для деревни. Они переехали небольшую речушку, поднялись немного в гору, и Егор остановил коня.

– Вот, – показал он на ровное место, тянувшееся версты полторы. – Здесь раскорчевать можно и под огороды, и под грядки. Место хорошее, сухое, не затапливает, не заливает, пробовал вырастить здесь немного картошки и разных овощей. Земля родит хорошо, только руки приложи. Раскорчёвывать придётся много,

работа трудная, но места другого поблизости нет. За речкой тоже есть ровное место, можно и там посмотреть.

– Нет, здесь место славное. Хороша будет Камышлеевка, места лучше и не надо. Сам-то чего не поселился тут?

– Это место я потом уж нашёл, и одному здесь неуютно, как пень среди дороги. А для деревни в самый раз.

– Потом и сам переселишься сюда?

– Время покажет, – загадочно сказал Егор.

После обеда Егор проводил гостя. Положил в сани мешок с подарками, кроме «дикого» мяса, грибов и ягод, Егор положил и связку соболей, на тот случай, что придётся ещё обратиться к «казённому» человеку. И понравился Егору Илья Ильич, этот весёлый человек, уже в годах, но с молодыми глазами, толковый и умный.

На прощание гость сказал:

– Надеюсь на вас я. На тебя, Егор Петрович, на Комова Игната, потому что деньги деньгами, а ещё и хочется, чтобы державу обустроить. Разные люди приедут: и вороватые, и ленивые. Только большинство хороших будет. А ты тут старшим назначаешься, так наказано поселенцам будет, что ты здесь главный. Просьба к тебе: будь всем как отец, не смотри, что некоторые будут старые, каждому по делам его помоги. Гордому спесь сбей, ленивого заставь работать, неумёхе – укажи, трудяге – помоги. Вспомни, как отец тебя учил уму-разуму. И надо иметь в виду, что едут сюда не от хорошей жизни, едут сюда за долей своей.

Скрылись в лесу сани, стих шум умчавшейся повозки. Только снег сверкал и искрился на солнце. Егор долго смотрел вслед уехавшему чиновнику, начиная осознавать, что произошло важное событие. Теперь к нему обращались, как к доброму хозяину, теперь на него имели виды не просто кто-то, а целое государство надеялось на него. Странно было на душе. Иногда он чувствовал себя просто мальчишкой, хотелось вытворить что-нибудь необдуманное. И вот теперь он – Егор Петрович, а не какой там Егорка. От таких мыслей на душе становилось тепло и легко. Вдруг Егор поймал себя на мысли, что ему вдруг захотелось стать выше, и он невольно приподнялся на цыпочки.

– Ну, прямо косач, – вслух сказал Егор, расхохотался во весь голос и пошёл домой.

Настя уже убрала со стола и стала вязать чего-то. Егор подсел рядом, обнял и спросил:

– Как ты?

– А что со мной? – удивилась Настя.

– Скоро, к весне, приедут сюда новосёлы, – сказал Егор, – всё тебе веселее будет.

– Слышала, что приедут. Где будут жить?

– Я показал место на горе, там хватит на всех.

– Мы здесь останемся? Или потом тоже туда поедем?

– Ещё не знаю. Тебе здесь не нравится?

– Здесь хорошо, тихо, а там люди будут. Где лучше?

Егор понял, что его жена скучает одна здесь. Ни подружек, ни вообще людей, поговорить не с кем. Часто остаётся одна в доме. Но за все эти годы ни разу не сказала ни слова жалобы или возмущения. И сейчас, когда она ждёт ребёнка, ей хочется поближе к людям.

– А ты хотела бы переехать наверх? – спросил он, пытаясь проверить свою мысль.

– Ну, если там люди будут жить, – подняла Настя глаза.

– Устала здесь?

– Не устала, но и поболтать не с кем.

– А со мной?

– С тобой начинаешь болтать, а ты всё молчишь, а потом и вообще уснёшь. И я болтаю сама с собой.

– Ладно, обещать не буду, но если всё будет хорошо, и мы переберёмся наверх.

Настя опять что-то говорила, но Егор ничего не слышал. Он был далеко в своих думах.

«Как всё пойдёт? Сейчас нужно подготовить всё для первой партии, а там видно будет, как оно срастётся. Какие ещё люди приедут? На что они способны? Смогут ли построиться? А то начнут работать, а потом всё бросят и поразбегутся. И что дальше? Ручкин говорит, мол, помоги, а захотят ли они моей помощи. Надо съездить к Игнату, поговорить. Им нужно сейчас вместе соображать, Игнату тоже досталось. У него вообще переселенческий участок. Я не понимаю, как он справится. Моё дело принять готовых, а у него ещё и направить их, куда кто захочет. А то придут люди, построят дома, а вдруг разонравится место, что потом делать? Кого будут винить?» Мысли не давали уснуть. Настя давно затихла, примостившись у него на

руке, рассыпав волосы. Егор прикрыл оголившееся плечо жены и снова погрузился в мысли. Только под утро забылся в тяжёлой дрёме. К обеду, когда немного унялся морозный туман, он запряг коня и собрался к Игнату.

– Настя, я к Игнату съезжу, поговорить надо. К вечеру буду. Ты не хандри, ладно. Или, может, со мной поедешь?

– Нет, у меня есть дела, там Наталье передай привет. Егоша, ты не задерживайся, ладно?

– Ладно.

Игнат возился во дворе, когда Егор подъехал к воротам. Несколько лет назад они вдвоём прорубили дорогу вокруг болота. И между соседями сразу расстояние уменьшилось на несколько вёрст. И зимой, когда дорога была накатанная, за полчаса можно было приехать к приятелю.

– Бог в помощь, – сказал Егор.

– И сам справляюсь пока, – засмеялся Игнат. – Ну, здоров ли сам? Как Настасья твоя, во здравии?

– Спасибо, всё хорошо. А у тебя?

– Да, Слава Богу. Заходи, сейчас пойдём чай пить, Наталья постряпушки затеяла.

– Балует?

– Есть такое дело.

Вскоре они сидели за столом и пили чай с оладьями.

– Ты чего жёнушку не взял? А то она там бедненькая одичает, – сказала Наталья. – Хоть бы поболтали немного.

– У неё какие-то дела срочные образовались. Я предлагал, да и холодновато на улице.

Наталья хитро посмотрела на Егора, улыбнулась и сказала:

– Правильно, по морозу нечего болтаться, будет ещё время, посудачим. Вам все косточки перемоем.

– Хорошо, в другой раз, потеплее будет, привезу.

– Догадываюсь, что за дело тебя привело,– сказал Игнат. – Мне тоже хотелось потолковать с тобой. Как гром средь неба это дело, а с другой стороны, если общее дело выгорит, то и свои дела поправить можно будет. Там, в волости, решили опереться на тех, кто прижился. Их тоже понять можно, не выкинешь людей в чисто поле, или в лес. Деньги выложило государство хорошие, страна большая, а людей здесь и нету почти. Не только обрабатывать,

а если придётся и защитить некому. Но это – дела казённые, а давай про наши заботы поговорим.

– Я за тем и приехал, – сказал Егор, – уточнить, что и как. Как это будет.

– Мне Ручкин объяснил так: люди приедут поездом или своим ходом придут. Многие уже в пути давно. Идут со всем своим хозяйством.

– Почему не на поезде?

– Говорят, что своим ходом дешевле, экономят деньги на всём. И верно, на новом месте каждая копейка пригодится. Потом их направят в нашу сторону. Пока основной обоз ползёт, от каждого хозяйства люди налегке пойдут, выбрать для себя место. К нам должны направить пятнадцать семей, десять семей сюда, в Туманшет, здесь и место хорошее, обжитое, но сразу больше принять нельзя. Надо жильё, а его ещё нет, строить будут сами хозяева. Лес приготовим мы, пиломатериалы разные, кирпич. Людьми помощь будет по возможности. Главное – поставить дом под крышу, а там уже сами доделают. Хорошо бы, какие мастеровые были, кузнецы, столяры, ещё какие мастера. Мы «и сами с усами», как говорится, а за всем не поспеешь. Пять семей к тебе направлю.

– Ручкин сказал мне. Я и место ему показал под деревню, он даже название уже записал, словно деревня уже есть.

– И какое?

– Камышлеевка.

– Ну, паря, ты и даёшь. У тебя уже своя деревня. Прямо помещик,– смеялся Игнат.

– Ну, уж помещик,– засмущался Егор.

– Смехом я это, а если серьёзно, то вот ещё что. Мне Ручкин по хмельному делу сказал, что это переселение – только первая волна. Есть разговор, что это переселение затянется лет на десять, а то и больше. Вот теперь смекай, какое дело можно развернуть. Люди будут, и много будет людей, и с деньгами. На каждую семью, говорят, рублей по двести выдаётся только на обзаведенье. Тут и кумекай, у нас сейчас хорошая лошадь десять рублей стоит, корову за пятёрку можно купить. Поселение пойдёт по реке. У тебя, у меня здесь, дальше в Саранчет. В Венгерку не послать, там, у братьев Шведовых, пахотной земли совсем нет. Буду предлагать места здесь, в округе: Цыганкова заимка, Светлое, Тропа. А там дальше есть Ше-

лехово, Догадаевка. Остальные деревни уже далековато, и они по Бирюсе находятся. А вот на эти деревни надо рассчитывать, что им понадобится для строительства многое. Лес, конечно, везде есть, вот доски пилить надо, кирпич жечь, дёготь гнать, всё, что сгодится для строительства. Ну и заготавливать продукты, разные соленья.

– А про Еланку ты не говорил, – спросил Егор.

– Туда не буду отправлять, – там сосланные поляки живут, нелюдимые какие-то. Живут своей общиной и пусть живут, если кто захочет туда пойти, никто держать не будет, но и предлагать не стану.

– Из-за чего сослали? – спросил Егор.

– Точно не знаю, будто бы за бунт. Да теперь уж чего, своё они получили, чего их трогать, живут и живут. К тебе, Егор, просьба: постарайся приготовить всё, как надо. Есть у меня думка, что сейчас по этой мути появятся здесь ловкачи, которые постараются перехватить дело, не надо давать им возможности.

– Ты, Игнат, не сомневайся, я исполню, как надо. Не пожалею сил.

– Силы как раз побереги, делай добротно, но через пуп не надо. Придёт время, тогда покажешь всё.

После разговора с соседом Егор совсем успокоился и принялся за работу.

5

К концу апреля почернели дороги, но ещё можно было смело ездить по реке, лёд был ещё крепкий. Запах весны уже расходился повсюду. В один из вечеров к Егору приехали две повозки, на каждой было по трое мужиков. Среди них был и Игнат. Остальные были незнакомы, но Егор понял: вот они, первые переселенцы. Он мельком оглядел их, оценивая, по виду это были серьёзные люди.

– Здорово, Егор! – крикнул Игнат. – Принимай гостей.

– Доброго здоровья всем, – ответил Егор. – Добро пожаловать, проходите в дом.

Мужики вразнобой поздоровались, оглядываясь, по-видимому, они не могли понять, где же здесь можно строить. Кругом стояла стена леса. Они не осознавали, сколько придётся положить трудов, чтобы создать своё гнездо, чтобы было где жить по-человечески. Продолжая оглядываться, они пошли в дом. Войдя, перекрестились на иконы и столпились у дверей.

– Раздевайтесь, проходите, садитесь на лавки, места хватит, – Егор прошёл на кухню к жене.

– Приготовь нам чего-нибудь перекусить, видно, разговор затянется, – сам пошёл во двор распорядиться насчёт лошадей. – Вы останетесь или поедете? – спросил он Игната.

– Поедем. Переговорим, посмотрим место и поедем. Если всё пойдёт нормально, то скоро все переедут сюда, а пока на постое стоят в деревне. Понравится, не понравится, а предложить мне пока больше нечего, только здесь. У тебя всё готово?

– Может и не всё, но начинать можно. Лес мы валили прямо на участках и рядом с ними. Все равно корчевать надо, огороды распахивать. Если леса и не хватит немного, то можно и дальше валить. Там лес строевой, я думаю, что до того, как дома начнём рубить, надо огороды посадить. А пока и лес немного подсохнет.

– Жить где будут? С семьями они.

– Пока холода, поживут у меня в старом доме, где работники живут, а потом, когда на улице потеплее станет, можно на участках времянки построить, там и жить. До холодов дома постараемся поставить, пять срубов, это не так много.

– Я своих мужиков попрошу, заплачу из казённых денег. Сейчас, Егор, выгода для себя хоть и будет, но небольшая. Прибыль будет через год-два, когда другая волна поселения пойдёт. И здесь уже не пустое место будет, – шепнул Игнат.

– И сейчас не в убыток, а потом видно будет, – сказал Егор. – Пошли в дом, поговорим.

Мужики сидели на скамейке рядком. Они потихоньку разглядывали дом, удивляясь богатому, на их взгляд, убранству. Пол крашеный, что было диковинкой. В центральной России, откуда они прибыли своим ходом почти за год, деревянные полы вообще редкость, только в богатых домах. Но там скоблёные, а здесь в избе посреди леса – крашеные. В доме чисто, побелено. Хорошо живут.

Егор с Игнатом прошли и сели за стол.

– Сейчас перекусим, чем бог послал, а потом поговорим за дело, – сказал Егор, – а то какой разговор натощак?

Настя быстро накрыла на стол. Поставила разных солений, рыбы солёной и мороженой на расколотку, горячей круглой картошки.

– Доброго здоровья, Настасья, – сказал Игнат.

– И вам дай бог долгих лет.

– Как поживаешь здесь, не одичала?

– Слава Богу, живём, ладим.

– Это хорошо. Если всё ладом, и тягость не в тягость.

– Не стесняйтесь, садитесь ближе.

Мужики осторожно потянулись за едой. Ели молча. Егор пил чай и наблюдал за гостями. Они все были разными: вот один с густой чёрной бородой, по нему видно, что бог силой не обидел. Другой, рядом с ним, мужик некрупный, но жилистый. И остальные трое не хлюпики. Было бы хорошо, если какими ремёслами владеют.

– Ну что, мужики, это Егор Петрович Камышлеев. Он у вас здесь будет и управляющий, и помощник, и отец родной, – начал Игнат. – Кое-что он уже сделал, подготовил для вас, но основная работа будет делаться вами самими. Попробуем договориться о помощи, потому как время не терпит, и зимовать у нас можно и нужно только в доме. И вы с нашей помощью поставите за лето себе дома. Теперь каждый спрашивай, что надо, но прежде сам назовись.

– Я буду Антип Кузнецов, – встал чернобородый, – чегой-то мы не заметили ни леса, который готовый, ни места для постройки.

– Антип, а ты каким ремеслом владеешь? – спросил Егор.

– Кузнецами и были. И дед, и прадед, а отец и сейчас живой.

– Нам кузница понадобится, станешь работать?

– Как построимся, чего ж не поработать. А кузню мне недолго собрать.

– Ты кто будешь? – Егор указал пальцем на жилистого небольшого мужика. – Вставать не надо, не на собрании.

– Зовут Кузьмой, фамилия Захаров. Я больше по дереву рукодельничаю, могу дугу для коня согнуть, и сани сделать, и колесо собрать для телеги, и кадушку соберу. Любое дело по дереву могу осилить.

– Хорошо, а рамы можешь собрать, косяки, двери?

– Так это любой для себя делает.

– А что ещё можешь сделать?

– Лодку-долблёнку могу сделать.

– Обживётесь, понадобится. Река недалеко, версты две отсюда, для себя рыбу будете ловить, кто пожелает.

– Трифон Суренков, – представился третий. – Я попробую собрать мельницу. Небольшие речушки или ручьи есть здесь?

– Дело доброе. Речек и ручьёв хватит.

Лаврен Кузьмин оказался специалистом по шитью полушубков из овчины и не только полушубков, мог изготовить и упряжь.

Фрол Погодин оказался на все руки мастер.

– Что я хочу сказать. Всё, что вы можете, всё понадобится, всё сгодится. Самое главное – к осени зайти в дом. Может, что-то и не сделается, но главное – зайти под крышу и поставить печь. Печи кто умеет ставить?

– Я могу, – сказал Фрол.

– Кирпичи есть, готовые сложены. Пока снег лежит, будем ещё лес готовить, потом надо будет выжечь корни на участке, чтобы посадить огороды. В середине лета начнём ставить дома. Не рассчитывайте на большие хоромы, это если потом силы будут, стройте сами, сейчас дома строить будем небольшие. Хоромы и топить сложнее, холодно зимой у нас, а летом жара бывает отменная, мошкары и гнуса полно, но есть дёготь, мажемся сами, мажем скотину. Теперь же жить будете пока у меня, во дворе есть дом для наёмных сезонных рабочих, но они сейчас живут на лесопилке, там и работают. Летом каждый на своём участке поставит какую-нибудь времянку до осени. Потом эти времянки пригодятся для скота на первое время. Главное – не падать духом, а работать, следующий год будет полегче. И ещё, нужно жить дружно и помогать друг другу, одному не выжить. Я знаю, будут и споры, но давайте без зла. Погорячились, поругались, остыли, и сразу надо мириться.

Мужики заулыбались. Егор, заметив это, спросил:

– Что, ругаться уже приходилось?

– Приходилось, – сказал Фрол.

– Дело житейское. Главное без зла. Ну, что? Идём смотреть?

Все быстро оделись и вышли на улицу. Пешком перешли через речушку, по склону поднялись на гору и через четверть часа стояли на месте. Вдоль дороги, проходившей посреди участков, по обе стороны лес был приготовлен к шкурению. Как только сойдёт снег, с сосен снимут кору, и она будет сохнуть. К середине лета, можно будет начинать рубить срубы. До осени сделать пол, потолок, накрыть крышу, вырыть подполье, сложить печь, а там каждый обихаживает сам своё гнездо. Мужики смотрели по сторонам,

оценивая своё новое место. Видна была работа, сделанная до них, сколь ещё нужно будет сделать, но не баре, для себя каждый постарается, за тем и ехали. К работе все привычные. И вот он, шанс: есть земля, руками можно потрогать, место красивое. Деревня Камышлеевка. Скоро она станет родной для тех, кто здесь родится, а в некоторых семьях скоро будет пополнение.

– Нравится место? – спросил Егор.

– Ничего, годится, – сказал Антип.

– Или там лучше было?

– Там родина, а здесь поживём – увидим, сколько землицы можно пахать?

– По указу мы должны помочь распахать три десятины. А там, Антип, отвоёвывай у леса ещё землицу, да обихаживай. На десять лет переселенцы освобождаются от налогов, так что пользуйся, вставай на ноги, крепи хозяйство. Покосы и пастбища есть, скота можешь держать в достатке, сколько сможешь.

– Это понятно. А церковь есть где-нибудь поблизости? Ребятишек крестить, да и самому причаститься.

– Вот с этим пока плохо. Есть в Бирюсе и в Конторке, это самые близкие деревни, где есть церкви. Ничего, ребятишек можно свозить, окрестить. Будущим летом начнём у нас в Туманшете ставить свою церковь,– сказал Игнат. – Кто поможет, милости просим.

– Не слушай ты его, Егор Петрович, там свету в окошке не было, а здесь, глядишь, хоть дети порадуются, – сказал Фрол. – Это он просто всегда сердитый. Так, Антип?

– Сказано спрашивать, вот и спрашиваю, – ответил Кузнецов.

– Мы участки по ширине нарезали, чтобы улицу соблюсти. Решайте, кому какой, я думаю лучше всего тянуть бумажку, так будет не обидно. Шибко отличий нет, но, как говорится, лучше сразу решить вопрос, чем потом спорить. По ширине отметили, а в длину смотрите сами, сколько потянете, – сказал Егор.

– Десять лет назад, посреди зимы припёрся ко мне парень, спрашивал про места хорошие. Вот он перед вами? Видели, как он живёт? Всё будет хорошо, как руки приложите, а само ничего не сделается. Вас целая артель, друг за дружку держитесь, и будет у вас удача. Егор Петрович один не растерялся, – сказал Игнат.

Мужики остались довольны местом.

– Вода в речке хорошая? – спросил Антип.

– Хорошая.

– Рыба есть?

– Продавать не будешь, а для себя хватит. На продажу на Туманшете наловишь, если надо будет.

– Какая рыба здесь?

– Хариус, гольяны, налимов колол острогой, ельцы по осени спускаются.

– Значит, мужики, понравилось вам, будете здесь селиться? – спросил Игнат.

– Сколько смотрели, мёдом нигде не намазано, руку везде надо приложить. Остаёмся здесь, места хорошие, да и устали уже, почти год в пути. Пока всё не прожили, надо обосновываться.

– Раз так, то сейчас едем назад, приготовитесь, соберётесь, и можно будет переселяться. Сено есть заготовленное, привезти надо будет для скотины. И за работу.

Уже давно уехали гости, а Егор всё сидел на крыльце и смотрел вслед.

«Какая она будет, эта жизнь? Нет, не потому, что деревней жить, он вырос и жил в деревне, просто здесь люди чужие, незнакомые. Как с ними жить, как они себя поведут?»

– Чего гадать, – вслух сказал Егор сам себе, – поживём и увидим.

6

К концу лета в деревне уже стояли дома. Сияли маленькими окнами, золотились свежим деревом. В каждом доме трудились с утра до ночи: летом дни длинные, светало рано, и темнота приходила поздно. Накосили сена для скота, благо покосы нашлись рядом и погода постояла. Две артели мужиков из Туманшета вместе с Игнатом потрудились на славу. Дома стояли крытые свежим драньём, на потолки таскали землю для тепла, быстро сплели и остеклили рамы. В трёх домах поставили печи, в двух других ещё делали. В огородах росла картошка, капуста, огурцы, морковь и другие овощи. В первое лето всё было для переселенцев, и погода постояла, и земля родила хорошо. Антип Кузнецов и Трифон Суренков взяли участки огородами к реке, а остальные огородами к лесу.

– Я в прогоне, поближе к речке, поставлю кузницу, и на речку с удочкой ближе ходить, – решил Антип.

Трифон тоже захотел поближе к реке. Антип уже заканчивал отделку внутри дома. Струганые полы сияли желтизной и пахли смолой. Жена Антипа, Евдокия, не могла насмотреться на них, она и не мечтала о деревянных полах. Там, в «Рассее», полы были земляные, земля утрамбовывалась, потом её подметали веником. Но босиком не походишь, ноги были грязные, а тут, как баре, жить будем. Невдомёк ей было, что с земляными полами в морозы не нагреешь дом. Да почему не сделать, как надо – лес есть, только делай, не то, что на Родине. Там у помещика ничего не выпросишь, а здесь бери – не хочу. Двое сыновей старательно помогали отцу с матерью. Старший, Иван, пятнадцатилетний подросток, от отца старался не отставать. Младший, Никитка, тоже не стоял в стороне. Дочка Иринка мала ещё, восемь лет только, но и она помогала: грядки полола, без дела не сидела. Зато сейчас по вечерам садились всей семьёй на скамейки вокруг стола и молчали, не веря своему счастью. Или рассказывали весёлые истории, вспоминали счастливые минуты строительства своего дома. Были ещё незаконченные дела в доме, Егор Петрович обещал привезти извести, можно будет побелить и стены, и печь, белым-бело будет. Сказка, а не жизнь. Картошка уродилась хорошая, хлеб уберём, и зимовать можно. Две коровы в хлеву, два коня, обещали ещё овец десяток. Евдокия потихоньку радовалась своей удаче, даст Бог, и мы на ноги встанем. Антип и то стал иногда улыбаться, а то, было, совсем серый ходил. О кузне думает, и пусть. Руки у него ловкие, любое дело сделает, сейчас и сгодятся.

Антип закончил навес над крыльцом. Крыльцо небольшое, на три ступеньки, невысокое, но широкое. Дальше достаточно свободные сенцы. В доме – прихожая с кухней и русской печью, потом большая комната с выступающей русской печью, на которой можно свободно спать всем ребятишкам. За шторкой деревянная кровать. В переднем углу на божнице старенькая икона, привезённая с собой.

– Антип! Ты дома? – позвали с улицы. Антип выглянул из сенцев. У дома стояла телега. Рядом был Камышлеев.

– Доброго здоровья, – сказал Антип, выходя.

– Здорово. Антип, дело есть. Ты сможешь сделать железные печки небольшие, и трубы с коленями к ним.

– Тебе надо, Егор Петрович?

– Нет, вам. Нужно печки поставить дома, утром пока русскую печь натопишь, замерзнешь. А так быстро затопил железную печку и сразу дома тепло будет, сварить по-быстрому можно, чаю подогреть. Только, Антип, в дымоход вставить так, чтобы задвижкой можно было трубу закрыть, а то всё вытянет.

– Чего ж не сделать, только железа нет такого.

– Я привёз, бери в телеге. Только так рассчитай, чтобы на пять печей хватило. До холодов управишься?

– Дак чего, сделаю, раз нужно. Долго ли нарезать и нагнуть готовое железо.

В конце лета Настя родила мальчика. Сына назвали Фёдором. Через месяц, пока было тепло, повезли крестить в село Бирюсу, церковь там хорошая, большая. В Крёстные отцом взяли Игната Комова. После крещения Егор случайно встретил Ручкина Илью Ильича, он был проездом в Конторку. Там находилась волостная управа, туда и ехал Ручкин. Он обрадовался встрече со старыми знакомыми.

– Как переселенцы у вас, перезимуют?

Егор рассказал, что у них все будут зимовать в домах. Обеспечат себя на зиму и продуктами, и кормами для скота. Осталось только овец прикупить и всё.

– Дивные ты дела говоришь, Егор Петрович. Верно ли так? – улыбаясь, спросил Ручкин. – Молодец! Буду докладывать начальству. А у Игната как?

– Хорошо. Он здесь тоже, куда-то по делам пошёл.

– А чего вы здесь?

– Сына крестил, – разулыбался Егор.

– Вот и ладно. Поздравляю! Как мать?

– Хорошо.

– После Покрова, как станут дороги, приеду с инспекцией, возможно, не один. Комиссия по расселению, подготовка к большому поселению. Сейчас, извини, не могу больше говорить, спешу очень.

Егор рассказал Игнату о встрече.

– Приедет, встретим, – пожал плечами Комов. Какой-то особой радости в его словах Егор не увидел.

– Ты чего? Случилось что?– спросил Егор.

– Случилось. Потом расскажу.

Хоть и стояла тёплая погода, телега у Егора была застелена дохой. Были тулуп и полушубок с собой, не на себе носить. А погода может измениться в любой момент, осенью бывает всякое. Бывало, в конце сентября выпадал снег и до весны не сходил. Укутав жену и малыша, Егор привязал повод к повозке Игната.

– Настя, вы можете поспать, а я с Комовым переговорю. Я привязал повод, можешь смело отдыхать.

– Иди, Егоша, я и впрямь, устала. Да и покормлю мужичка. Прожорлив больно, – улыбнулась она. – Вырастит большой, как ты.

– С божьей помощью вырастит.

Егор пересел к Игнату.

– Чего случилось?

– Походил я среди людей, послушал новости.

– И чего говорят?

– Говорят, что много народу в Сибирь прут на поселение. Много тысяч. С Рассеи, с Белоруссии, с Казани татар гонют. Люди разные, и за дела разные. Много лихих людей будет. Прощай, жизнь спокойная.

– Может, обойдётся? Мест много, Сибирь большая, не всех же к нам. Да и сами лихие люди не полезут в глушь. Им место, где народу больше.

– «Чугунку» тянут, скоро к нам проведут. Вот тогда и повезут тыщами людей. Ты вот представь, нам с тобой прислали пятнадцать семей, нужно помочь закрепиться за жизнь, сколько мы трудов положили. Денег дали в достатке, никто не говорит, но деньгами лес не заготовишь, люди нужны. А у нас и за деньги много ли можно нанять, ты вот постоянно нанимаешь, где берёшь?

– Я на сезон нанимаю, – сказал Егор. – Плачу неплохо, главное, не обманываю. Где беру? А по деревням еду, и вниз по реке, и вверх по Бирюсе. Нанять нелегко, никто не желает от дома надолго отлучаться. В верховье Бирюсы многие идут мыть золото, там, говорят, много золота.

– Оно и у нас есть, – сказал Игнат, – много раз в желудках глухарей находил самородки. Россыпей, правда, не видел, мыть сам не пробовал, не захотел. Зло это большое, затягивает, можно и сгинуть в тайге. На Бирюсе золота побольше, на некоторых речках прямо под ногами валяется.

– Так и валяется?

– Говорят, – засмеялся Игнат.

– Надо больше слухов распускать про золото, лихие людишки и подадутся за лёгкой деньгой, а у нас трудники останутся. Конечно, много народу нам не принять, это ты верно сказал. И ни к чему нам много народу. Землю под пашню добывать у тайги нелегко, заливных лугов на Туманшете нет, значит, в тайгу надо подаваться. И пусть подаются.

– От реки далеко, от дороги далеко. Если торговать, то много ли ты наторгуешь без товара, а без дорог не навозишься.

– Ручкин приедет, попробуем поговорить, в его власти рассылать людей. Надо договориться, чтобы к нам много не слал, а если и отправит кого, то людей работных, толковых.

– На большое количество людей не соглашайся. Если будет давить, то хотя бы не сразу отвечай, цену набивай, мол, у нас возможностей немного, – Игнат говорил, но продолжал думать о чём-то и помимо разговора.

– Ладно, встретимся ещё и обмозгуем, что нам делать, – сказал Егор. – Надо привлечь к нашему делу мастеровых, к примеру, кузнеца.

– Посмотрим. У нас некоторые, что на два-три года раньше поселились, давай нос задирать, строить из себя старожилов, порядки устанавливать. Пришлось усмирить, сразу на место не поставишь, потом в деревне постоянно свара будет. Кому это надо? Ты тоже присматривай, чтобы не завелась паршивая овца. Лучше сразу приструнить, чем потом мучиться.

– Это верно. Не случилось пока такого. Буду знать.

– Приглядывай. И ещё, раз комиссия будет, у тебя есть какие бумаги для отчёта?

– Какие бумаги? – удивился Егор.

– Если будет комиссия, значит, будут проверять, куда и на что потрачены казённые деньги. Ты себе составь списочек, что ты сделал, сколько леса заготовили, досок напилили, кирпича отожгли. Сколько стекла, гвоздей покупал, и все другое. Цены можешь немного завысить, ведь ездил не к соседу за всем, а далеко. Для чего это? В комиссии может оказаться «бумажная» душа, ему вынь да положь бумажку. А ты ему сразу подай, вопросов будет меньше и подозрений. Деньги казённые остались?

– Немного.

– Говори, что не хватило, ещё своих добавлял. Нам, Егор, главное, чтобы на первый раз было хорошо, потом всё будет проще. Это был «первый блин», потом начнётся всё серьёзней, раз казна платит, можно и работать. Согласен?

– Согласен, а бумажки я составлю. Чего и сколько, и расценку напишу – не понравится, пусть идут и обмеряют.

– Я, думаю, до этого не дойдёт. Егор, тебе не нужно, конечно, говорить, но на всякий случай скажу: лишнего не говори, спросили – ответил, а сам ничего не предлагай. Чем меньше, тем лучше. Кто знает, какие там будут люди.

Они ещё немного посидели, и Егор пошёл на свою телегу. Настя, прижав к себе сына, лежала с закрытыми глазами.

– Наговорились, «сплетницы?» – сказала она, не открывая глаз.

– Не спишь? Боялся разбудить. Не холодно?

– Не беспокойся. Чего наговорили?

– Ручкина встретил в деревне, обещал с проверкой приехать.

– Тебе бояться нечего.

– Я не боюсь. Просто могут ещё поселенцев прислать, на этот раз больше.

– Много людей, это хорошо, – проговорила Настя и задремала. Поездка не была лёгкой.

Ещё через неделю в деревню пригнали отару овец. Это было последнее, на что пошли переселенческие деньги, выданные Егору. Он ездил по деревням, договаривался с хозяевами об овцах, немного переплатил, чтобы хозяева сами доставили скот. Обещанное было исполнено. Камышлеевцы все вышли из домов, разглядывая такой подарок. До приезда Егора никто ничего не делил, потом разобрали отару на пять групп, и опять тянули бумажки. Все остались довольны. Двух человек, пригнавших овец, накормили, напоили и доставили до Перевоза на подводе. Там они остались на ночь, а утром сами будут добираться по домам.

7

Снег выпал ещё до Покрова, пошёл с вечера и сыпался всю ночь. Тихий, крупный поначалу, он вскоре повалил так обильно,

что ничего не стало видно. Совсем лёгкий морозец не замечался. Под утро снег прекратился, сразу стало светло, празднично.

В Камышлеевке вовсю дымили трубы, деревня жила. Трифон Суренков ещё до света стал разгребать снег. Разметая тропинки к хлеву, на улицу, Трифон раздумался, как сложилась его жизнь. Родители Трифона мыкались в батраках, по царскому указу дали волю, люди вышли из крепостных, но что с той воли, если нет земли? Землю тоже дали, но негодную для пахоты. Вот такая получилась свобода. Кто-то брал землю у помещиков в непосильную аренду, кто-то просто уходил в поисках своей доли, только особо идти было некуда. И многие опять пошли на поклон к барину, так и маялись. Но вот прошёл слух, что будет заселение Сибири. Само название людей не радовало, тяжела была жизнь в Сибири, раз туда ссылали на каторгу. Слухи наводили страху, но слухи слухами, а жить надо было. Просвету у себя дома не было, тогда отец и сказал:

– Иди, Трифон, может, тебе улыбнётся удача. Деньги дают на поселение хорошие, глядишь, и справишься.

Взял Трифон семью – жену Марию, дочек-погодков – и с другими сельчанами, Антипом Кузнецовым и Фролом Погодиным, отправился в путь. С деньгами не обманули, часть дали сразу, а остальные, сказали, дадут на месте. И здесь не обманули. Какие-то деньги дали, а на остальные готовят дома. Встретили хорошо, каждый имеет свой дом, небольшой, но новый и крепкий. А кто жил в хоромах? В таких-то никогда не жили. Всё было хорошо, да только тоска иногда так сжимала всё внутри, что выть хотелось. Всё бы это – да там, в родимой сторонке.

Захаров с Кузьминым были из соседней деревни. Все поселенцы были знакомы друг с другом ещё по старому месту, но ещё и дорога почти сроднила их. Бабы только поначалу ворчали, но потом дорога всех помирила, все привыкли жить артелью.

– Здорово, сосед, – громко сказал Антип. – Вот и снежком нас окрестило на новом месте.

– Доброго здоровья, Антип. Тоже вышел кости размять?

– Хошь, не хошь, а надо, куда деваться? Ты чего такой смурной? Ай, заболел?

– Нет, вспомнилась деревня наша. Ты-то вспоминаешь?

– Чего её вспоминать, доброго мало было.

– Само вспоминается, другой раз так сожмёт, что мочи нет.

– Гони кручину прочь, сожрёт. А чтоб легче было, спроси свою бабу: хочет она назад или нет, моя – так ни в какую. Хоть и не говори. У меня были ещё в дороге, когда шли, сомнения, а вот теперь не хочу никуда. Глянь-ка: всё справно, теперь сам своей судьбой рули. Я на следующее лето поставлю кузню, буду грусть-печаль молотком отгонять, а ты хотел мельницу сделать. Будет лето, ищи место и за работу. Помощь нужна будет, подсоблю, глядишь, и прирастём к месту.

– Прав ты, Антип, умом я тоже понимаю, но находит иногда.

– Я чего хотел сказать, нам надо новоселье справить, а иначе добра не будет. Самогону нагоним и всей деревней отметим. Надо праздники делать, а то скиснем.

– Я не против, Егора Петровича позовём, Комова – как-никак, а люди неплохие оказались.

– Само собой, надо спасибо сказать. У тебя дома тепло? Печка не дымит? – вдруг сменил тему Антип.

– Тепло. Ещё и холодов не было, печка топится, Мария хвалит, когда хлеб стряпает.

– Маленькую поставил печь?

– Поставил. Протапливал раз.

– Ладно, бог не выдаст, свинья не съест. Перезимуем как-нибудь, а на другую зиму веселее будет, – Антип закончил убирать снег и направился домой.

– Антип, тебя Егор Петрович звал на крестины? – крикнул вдогонку Трифон.

– Он всех звал, – ответил сосед.

– Пойдёшь?

– Что значит – пойдёшь? – остановился Антип. – Разве ты не пойдёшь?

– Пойду. Я пойду.

– Чего это ты захандрил, сосед? Не пойму тебя. Много тебе встречалось таких людей в жизни? Он тебе уважение показывает, а ты какую-то ерунду несёшь.

– Да не по себе как-то, – Трифон тоже пошёл домой.

– Ты и не думай ничего, не придёшь, знать я тебя не знаю и здороваться не буду.

– Ладно. Сказал, приду, чего ещё говорить?

Крестины прошли шумно. Были все камышлеевцы и Комовы из Туманшета, и выпито было изрядно. Фрол Погодин хорошо ладил с гармошкой, люди пели и плясали, словно стряхивали всю усталость за прошлые годы. Женщины водились с малым Фёдором, выискивая сходство с отцом и матерью. Говорили о своём, радуясь новой жизни, давали советы молодой матери. Все были словно одна семья.

– Петрович, дай я тебя расцелую, – говорил подвыпивший Антип. – Уважаю и люблю! По-человечески делал дело, без обмана, зови, если что, я за тебя кому хошь, растолкую правду.

Каждый из новосёлов говорил добрые слова, которые были не только ради такого случая, а шли от сердца. Если кто и не разговорчив был за работой, то сейчас самогон развязал языки, и никто не сказал ничего худого.

Разошлись уже ближе к полуночи. Ещё долго слышны были нестройные песни новосёлов, медленно поднимающихся в деревню. Уже и собаки лаяли в деревне.

– Надо же, настоящая деревня. И песни тебе, и собаки лают, – сказал подвыпивший Егор.

На душе было светло и спокойно, от хорошо сделанного дела, от уважения людей, которых ещё полгода назад не знал, даже не подозревал об их существовании. Оттого, что у него родился сын, наследник! Оттого, что у него самая лучшая жена, с которой ему, Егору, легко и спокойно, оттого, что всё идёт своим чередом ровно, без всяких потрясений, оттого, что дело у него налажено и приносит неплохой доход. Миллионщиком не станешь, конечно, но всё в доме есть, и на чёрный день отложено.

Через месяц прибыла комиссия, вместе с Ручкиным приехали ещё два человека. Появились к вечеру, когда уже темнело. Егор вышел во двор на лай собак. В ворота, которые не закрывались ни зимой, ни летом, вкатилась кошёвка, запряжённая ладным жеребцом, хозяин сбежал с крыльца, подхватил за узду коня.

– Доброго здоровья, Егор Петрович, – раздался знакомый голос Ручкина. – Встречай гостей.

– Здравствуйте, здравствуйте! Добро пожаловать! Как добрались в наши палестины?

– Ох, и далеко же вы забрались. Ехали, ехали, едва доехали, мои сотоварищи совсем замёрзли.

– Так чего сидите, прошу в дом, там натоплено, тепло, у хозяйки и приветить чем найдётся. Давайте, а я пока жеребца пристрою, он тоже притомился.

Егор отдал повод работнику, жившему при доме с тех пор, как родился сын. Помощь для Насти нужна всегда: печку натопить, воды с реки принести, другие дела появляются. Егор взял в работники одинокого мужика неопределённого возраста, но в делах расторопного. Никола, так звали работника, взял повод и ждал, пока приехавшие вылезут из кошёвки и заберут свои сумки.

– Ну, здоров ещё раз, – Ручкин обнял Егора. – Видели твою деревню, правда, так, мимоходом, но стоят дома, из труб дым столбом. Порадовал, Петрович, ой, порадовал! Ладно, все дела завтра, а сейчас веди греться.

Гости, особо не шумя, вошли в дом. Когда они разделись, Егор усадил их поближе к разогретой печи.

– Здравствуй, хозяюшка, – сказал Илья Ильич, обнял Настю, как старую знакомую. – Похорошела-то как! Ну, где наследник, показывай.

Посмотрев на ребёнка, сучившего ногами и пускавшего пузыри, он достал из кармана серебряный крестик на цепочке, маленькую ложечку тоже из серебра и блюдце с кружечкой. Всё было серебряное. А матери Ручкин подарил золотые серёжки с ярко зелёными камнями.

– Спасибо, – сказала Настя и покраснела.

– Это вам с Егором Петровичем спасибо, благие дела делаете.

Хапов выглядел угрюмым, обиженным человеком, на лице не было и намёка на улыбку. Он сидел с отрешённым видом, словно отсутствовал. Господин Свистунов Сергей Сергеич был полной противоположностью. Он вертел головой, разглядывая убранство в доме. Его маленькие чёрные глаза, казалось, насквозь пронизывали не только человека, но и всё вокруг. Ручкин среди этих двух господ был, словно бельмо, постоянно на виду и на слуху. Весельчак и балагур, умевший от души посмеяться и сам пошутить. Знакомство с семьёй Камышлеевых позволяло вести себя запросто с ними, а своих спутников он ровно и не замечал, знать, привык к их виду. Застолье не получалось, Хапов и Свистунов ели и пили молча, а Ручкин и не пытался что-то изменить. Егор

подумал, что в комиссии нет ладу меж собой, и молчал. В доме зависло какое-то напряжение.

– Егор Петрович, о делах поговорим завтра, посмотрим дела ваши, чего вы тут наворотили. А сейчас мы бы отдохнули уже. Завтра день трудный.

– Настя, постели гостям, почивать будут, – сказал Егор жене.

– Мне, если можно, на печи, – улыбнулся Ручкин, – спина не гнётся.

Он незаметно подмигнул хозяину и вышел на двор, Егор пошёл за ним. Они прошли во времянку.

– Егор Петрович, позвал я тебя, чтобы предупредить: не будь слишком откровенным с моими спутниками, зловредные и подлые они. Кроме своего кармана, ничего не видят. Будут спрашивать чего, думай, что говорить, хотя у тебя дел наворочено, можно показать труды свои. Рад, что в тебе не ошибся, друг ты мой. В других местах дома не достроены, люди ютятся в землянках, деньги разворованы. А вы, как ангелы, всё в дело пустили.

Егор про себя улыбнулся. Что, что, но он далеко не ангел или, точнее сказать, совсем не ангел. Кто связан с торговлей, тому и в церковь грех заходить. Дела и помыслы, не в меру, грешные.

– Скажи по секрету, у Комова тоже все люди в домах в зиму пошли?

– Насколько я знаю – все. Кто-то лучше обустроился, кто – похуже, но все под крышей и с печкой в обнимку.

– Вот и именно, с печкой в обнимку, а это самое главное. Дрова-то есть?

– Дрова вокруг растут, не ленись, заготавливай. На этот год вершинник сухой заготовили на дрова. На следующую зиму уже сами пусть заботятся.

– Недовольные имеются?

– Видно совсем несладко там жилось. Не слышал, ни одного недовольного слова. Все довольны.

– Ох, порадовал ты меня, ох, порадовал и, прямо скажу, выручил ты меня, очень выручил. Ну, ладно, завтра пойдём смотреть, чем ты нас ещё удивишь.

Утром, едва рассвело, комиссия направилась в деревню. Пошли пешком: Ручкину захотелось немного размяться. Поднявшись на гору, остановились. Перед ними стояли пять

свежесрубленных домов, желтеющих среди снега, как золотники на белой скатерти. Рядом с домами были времянки, но капитальных хозяйственных построек ещё не было. Не было и оград, и ворот с калитками – не поспели к зиме, оставили на потом.

– Улицы размечали, или как попало строились? – неожиданно спросил Хапов.

– Заранее размечали, – ответил Егор. – Думаем, что и ещё будут новосёлы, и улица пойдёт вон туда, – Егор показал направление. – Это как раз вдоль реки, там, под горой, у нас речка, вдоль неё и будет деревня, воду возить доступно будет и недалеко. Вот эти два дома огородами к реке, а другие к лесу.

– Как определялись участки?

– Поселенцы сами мирно порешили. Я хотел, чтобы тянули бумажки, но договорились полюбовно.

– Скот у поселенцев есть? – спросил теперь Свистунов.

– В каждом доме есть корова, пара коней, овцы, если честно, то по живности я учёт не вёл. Но жалоб и просьб не было.

– Как же вы, милок, упустили это? Учёт за всем надо вести.

– А кроме этого делов хватало, некогда было по мелочам оглядываться. Дома были самым главным, и мы их поставили, вот, люди живут.

– Домики-то не ахти какие, небольшие домики, прямо скажем, – пробубнил Хапов.

– Господин Хапов, а землянки, которые вы посещали, были, конечно, гораздо больше. Просто хоромы! – не вытерпел Ручкин. – И где вы видели дома большие? Здесь строят дома, чтобы было тепло, а не чтобы далеко было видно.

– Это я так, к слову, – пробубнил Хапов.

– Не придирайся и к слову. Мы за эту поездку ничего подобного не видели, здесь самое рациональное использование государственных средств, выделенных переселенцам.

– Пожалуй, здесь виден результат, – согласился Свистунов. – Может, с людьми поговорим, узнаем у них, довольны ли они.

– Пойдём, вот сюда зайдём. – Они направились в дом к Трифону Суренкову. Встретил сам хозяин.

– Здорово, Трифон! Вот, господа хотят посмотреть, как ты устроился. Это комиссия по переселенцам, – сказал Егор.

– Доброго здоровья всем. Проходите, если надо.

Все вошли в дом. В прихожей топилась маленькая железная печурка, от которой растекалось тепло не только в прихожей, но и в комнату. На ней стоял чайник и кастрюля.

– Вы этим топитесь? – спросил Свистунов.

– Нет, что вы, это Егор Петрович нам подарки сделал, сейчас без неё, как без рук. Пока большая печка натопится, этой быстренько протопишь и тепло. На ней и сварить быстрее можно.

– Какие это я подарки делал, Трифон, ты чего? – спросил Егор.

– Как же, Антип сказал, что это ты привёз железа и приказал наделать печек для каждого дома. Мило дело.

– Железо куплено на ваши деньги.

– Деньги, чьи бы ни были, а забота твоя, – заключил Трифон.

Прошли дальше в комнату. Кругом было чистенько, стены и потолок побелены, на окнах белели совсем маленькие занавесочки. В углу стоял стол, скамейки вдоль стен. В переднем углу икона, Егор снял шапку и перекрестился на икону. Всем пришлось сделать то же, хотя и не собирались делать этого.

– Проходите, садитесь к столу. Мария, чаю гостям подай, – сказал Трифон.

– Ничего не надо, – заулыбался Ручкин. – Мы только от стола. Поговорить с вами пришли, а точнее спросить, как вы устроились, есть ли какие просьбы, жалобы. Может, с чем-то не согласны?

– Скажу, барин, честно. Я, было, заскучал, захандрил по родной стороне, да Антип, сейчас сосед, а по старой жизни односельчанином был, поставил на путь истинный. Спроси, ты, говорит, свою Марию, хочет ли она назад.

– И что, спросил? – Илья Ильич предвкушал интересную историю.

– Спросил. Говорю, собирайся, Мария, поедем назад. Вроде бы в шутку сказал, проверить, значит. Так она взяла ухват и сказала, что голову мне всю расшибёт, чтобы дурь всякую выбить. Вот я и подумал, что если такая пигалица, как моя Мария, готова биться за этот дом, за этот кусок земли, то мне уж сам Бог велел.

– Понравилось, значит здесь? – сказал Ручкин.

– Ещё не поняли, не успели, времени не было, человек хороший встретился, помог, а где привет хороший, место не будет пло-

хим. Я про Егора Петровича, дай Бог ему здоровья, ему, и жене его, и сынку. К этим словам мы все присоединяемся, меж собой разговоры имеем.

– Он за деньги выполнял свою работу, – вставил Хапов.

– Оно, конечно, так, – почесал затылок Трифон. – Без денег и дурак не хочет работать, только работу исполнять можно поразному. Один сделает добротно, но без души, другой с душой, но невзрачно. А здесь и с душой, и красиво, к примеру, с теми печками. Мог бы и не делать, не замёрзли бы, а ить позаботился. За деньги, что ль?

– Живность в достатке имеется? – спросил Свистунов

– Пара коней, мы на них и приехали, корова, кур уже здесь прикупили в деревне летом, опять Егор Петрович позаботился, сговорился с деревенскими мужиками. Они нам цыплятами продали по два-три десятка. Ему какая корысть, а ведь сделал. А ты, барин, говоришь за деньги, – Трифон даже немного обиделся таким разговорам. – Перед снегом овец пригнали по десятку на хозяина. Пригнали, раздали, сказали: уплачено сполна. Мы и не спрашиваем, кем уплачено, знаем кем.

– Что на лето решили делать? – Илья Ильич решил сменить неприятную тему про деньги.

– Работы хватит, хлев тёплый ставить надо, скоро начнём лес готовить. Ворота надо, дом без ворот, что баба без платья.

Ручкин захохотал, разряжая обстановку.

– То-то мы долго любовались домами, когда пришли, оказывается, мы на голых баб пялились.

Хохотали все, кроме Хапова. Он чуть сквасил лицо и всё, будто не умел смеяться.

– Время останется, хочу присмотреть место под мельницу, поставлю небольшую, для деревни хватит. Зерно будет своё, мука своя, всё меньше расходов. Антип обещался помочь, а сам Антип кузню ставить надумал.

– Вот и заживёт деревня Камышлеевка. А вы меня поедом ели, что нет такой деревни. Ан есть! – сказал Ручкин, обращаясь к своим спутникам. – И мельница своя будет, и кузница, и ещё люди сюда потянутся. Молодец, господин Камышлеев, предусмотрел и последующее строительство, спланировал деревню. Ладно, пойдём в другой дом.

Зашли к Антипу. У него в доме было почти так же, кроме небольших мелочей.

– Вы ещё к кому-нибудь пойдёте, или соберёмся здесь и поговорим? – спросил Егор.

– Я думаю, что здесь и поговорим, – сказал Ручкин, – ничего нового мы не увидим.

– Сынок, иди мужиков позови к нам, скажи, чтоб быстрей шевелились, господам ждать недосуг,– сказал Антип младшему Никитке.

Никитка быстро накинул шапку, полушубок и выскочил за дверь. Вскоре подошли мужики, по одному они проскользнули в дверь, сняв шапки, поздоровались.

– Вы присаживайтесь, где кому удобно, есть разговор. Мы приехали проверить, как вы устроились, есть ли какие жалобы, пожелания. Сегодня посмотрели на ваши дома – хорошо сделали, добротно. Ещё работы много, но это вы уже сами будете доделывать. Лес можете брать бесплатно, это так положено по договору, налоги не будете платить десять лет, это тоже по договору, чтобы была возможность окрепнуть. Деньги, выделенные на обзаведение домом, живностью, разными другими необходимыми вещами, потрачены не зря. Но других денег больше не будет. Теперь давайте сами решайте вопросы, артелью помогайте друг дружке. В вашу деревню ещё будут направлены переселенцы, нужно будет помогать и им. Я слышал, что вы собираетесь делать мельницу, кузницу, а что ещё можете?

– Говори, Антип, ты побойчей, – сказал Фрол Погодин.

– Кузьма Захаров будет по столярному делу у нас. Шибко боек по этому делу. Кадки, столы, табуретки, шкафы разные может собрать, также сани, телеги, колёса к ним, дуги смастерить, только железа на обод привезти надо.

– Жалобы есть? – спросил Хапов.

– Какие жалобы? Встретили хорошо, помогли, будь здоров. Какие такие жалобы.

– Так и нету жалоб? Может, боитесь чего? – допытывался Хапов.

– Есть жалоба! – вдруг сказал Фрол. – Я молчать не буду.

Хапов кивнул головой, осмотрел всех, надеясь, что у кого-нибудь ещё появится смелость.

– На что ты жалуешься?

– Гнус здесь, ух, зловредный, кровь сосёт, что наш бывший помещик! – сказал Фрол и осёкся, понял, что брякнул лишнего.

– На гнус наше право не распространяется, – разрядил неловкость Ручкин.

– Я серьёзно спрашиваю, мы сейчас составим акт, что всё хорошо, потом никакие жалобы не будут приниматься, – заявил Хапов. – Деньги, что выделило государство, потрачены не зря, на это требуется отчёт. Вот этот отчёт мы и составим, где каждый и распишется, что жалоб не имеет, что государство выполнило свои обязательства. Дом стоит, скотина есть, три десятины бесплатно должны быть распаханы. Леса есть, сколько потребно, но брать на дальних делянах, где отведут. Есть жалобы?

Жалоб не оказалось. Люди понимали, что жалобы – это так, что-то другое затевалось. И это другое их не касалось напрямую, потому, как сказано было, денег больше не будет, а значит, интереса мужицкого тоже нет. Через некоторое время Хапов предложил подписать акт всем поселенцам. Грамотными были только Антип и Фрол. В церковной школе не раз стояли на горохе, но грамоту усвоили, остальные поставили крестики.

– И ещё, – сказал Ручкин, – в каждой деревне, селе есть человек, который за всё в ответе, старший. Его все должны слушаться, подчиняться. Вы себе выбирать будете?

– Так у нас есть! – сказал Антип. – Егор Петрович чем не хорош? Мы к нему попривыкли. Человек большой души и совести, нам другого не надо. А приедут другие новосёлы, кто кроме него сможет встретить, как нас встретил?

– Хорошо, так и порешим. Ладно, мужики, удачи вам в вашей новой жизни, привыкайте к Сибири. Хорошему человеку Сибирь не мачеха, только приноровитесь и забудете прошлую жизнь. Тогда некоторым жёнкам ухват понадобится для чугунов, а не мозги вправлять,– сказал Илья Ильич и весело захохотал.

– Пойдём обедать, – позвал спутников Егор, – хозяйка, наверное, заждалась.

Они ещё раз посмотрели на деревню. Возле каждого дома, несмотря на мороз, стояли семьи в полном сборе и смотрели на уходящую комиссию, пока проверяющие спускались с горы. Когда переходили через реку, Свистунов спросил:

– А вы, господин Камышлеев, почему здесь поставили свою усадьбу?

– Я уже десять лет здесь живу, мне это место понравилось тогда, – ответил Егор.

– А сейчас?

– Я здесь привык. Понадобится, так перееду, недолго дом собрать.

– Чем вы купили людей, что они за вас горой? – не унимался Свистунов, поглядывая на Егора.

– Просто я их не продавал, вот тем и купил, – ответил тот. Ручкин, слышавший разговор, расхохотался.

– Это как? – не понял Свистунов.

– Не обворовывал, не обманывал – вот и все дела.

Свистунов замолчал, потом сблизился с Хаповым и стал что-то выяснять. Илья Ильич тоже вклинился в их разговор, он махал руками и ругался. Его собеседники кивали головами, не желая соглашаться. Спор быстро прекратился, так же, как и начался.

После обеда, собираясь дальше, Ручкин подозвал хозяина.

– Егор Петрович, мы решили за твои дела вручить тебе премию. И с большой надеждой, что не закроешь своё дело с лесопилкой и другими промыслами, а также надеемся, что будешь нашей опорой и в других делах, – Илья Ильич подал Егору свёрток.

– Потом посмотришь, – тихо проговорил Ручкин. – Проводишь нас до Туманшета? Разговор есть.

Егор приказал Николе тоже запрячь коня в кошёвку. Ручкин поехал с Егором, пожелав рассказать новости и перемены.

– Что я хотел тебе сказать, Егор Петрович. Времена меняются. Переселенцев стало больше, денег стало больше. Вот такие хаповы и свистуновы стали приворовывать. Ладно бы помаленьку, а то ведь без стеснения уже, норовят друг перед дружкой урвать кусок пожирнее. Хотели и здесь поживиться, но не вышло. Ладно, чёрт с ними. К тебе просьба такая: там денег двести рублей, премия, большие деньги или нет – не мне судить, но я прошу: два-три года пусть лесопилка работает. Сможешь продавать материал соседям – продавай, но не закрывай. Через пару лет очень понадобится твоя помощь. Сейчас идёт поселение поблизости. В Конторке, Еловке, Бирюсе, но там чалдоны строят разные каверзы, не хотят новых

людей. Воровство процветает. Теперь партию поселили на Авдюшинской заимке. Деревня большая получилась, церковь начали строить. Церковь будет – не умрёт дело. Не очень хотят от своих корней отрываться люди.

– Из каких краёв едут? – спросил Егор.

– Из разных. Большая часть из центральной России: Самара, Могилёв, Чернигов, другие места. Гродно, Орловщина, Тамбов. В Авдюшино из Украины партия приехала. По всей стране агитируют, даже из Сибири едут, из Тобольска. Ожидается большой поток переселенцев, железная дорога дошла до нас, добираться будет легче.

– Видно, не сладко там живётся, – сказал Егор. – Для чего столько людей сюда?

– Осваивать новые земли. Народу нет, а земли освоить надо много, поэтому и даёт государство столько денег. Сладко ли нет, сами выбирают себе судьбу, только ещё знай: денег не будет столько, сколько я тебе в тот раз давал. Разворуют. Сам планируй, что важнее всего сделать. Это я тебе между нами, не для чужих ушей. Воруют, за всеми не уследишь, а делать нужно будет. Почему тебя прошу и говорю с тобой открыто: твоя деревня, твоим именем названа, тебе и ответ за неё. Как поставишь здесь жизнь, так и будет, и мужики за тебя горой, опора есть. Помощь будет тебе, а им – лишняя копейка. Поверь, не могу я прекратить воровство, здесь рука руку моет, и всё покрывается. Концов не найдёшь. Чем дальше от столицы, тем вольнее воровать, хотя, кто знает, что творится в столице. Ничего, Егор Петрович, справимся с делами. Сейчас в Тайшете, на станции, пункт приёма и распределения переселенцев откроем, тогда будет легче.

– Дела-а, – протянул Егор. – И Бога не боятся.

– Надо не тратить силы в борьбе с ними, а делать своё дело. Тебе хорошо, ты их видишь редко, а я каждый день с ними.

В Туманшете комиссия по домам не ходила. Посмотрели дома, составили акт. Утром, как рассвело, спешно уехали восвояси.

8

– Фёдор, ты чего это вытворяешь? – спросил Егор подросшего сына, которому исполнилось два года. Он самостоятельно осваивал большое пространство двора. Сейчас Фёдор подружил-

ся с большим лохматым псом, сидевшим на цепи. Пёс был хорош для дома, большой, страшный на вид, он и в схватке с волком не уступит. Егор часто отлучался по делам, потому и держал такого охранника. На людей Разбой, так звали кобеля, скалился редко, он своим чутьём определял, с чем приходили люди. Рыкнет пару раз для острастки, чтобы дать знать хозяину, а если хозяин был рядом, то и совсем не реагировал. Правда, был случай, когда Разбой показал свой норов. Один из работников во дворе поскользнулся и махнул палкой, которую держал в руке, на Егора. Получилось всё случайно, без всякого умысла, но Разбой так рванул на обидчика, что зазвенела цепь. Работник стал прятаться за хозяина, а кобеля едва успокоили.

Двухлетний Фёдор приглядел это лохматое чудовище и решил познакомиться с ним поближе. Однажды вечером, занимаясь какими-то делами во дворе, Егор не заметил, как сын подошёл к кобелю. Разбой сидел возле конуры и с удивлением смотрел на ребёнка: первый раз он подошёл так близко к нему. Собака не знала, что ей делать, то ли рыкнуть, то ли уйти. Пока он решал, Фёдор ударил Разбоя кулачком прямо по носу, кобель растерялся от такой наглости. Когда Егор увидел, хотел было закричать на собаку, но в это время ребёнок оттолкнул собаку и полез в конуру. Кобель совсем растерялся, сел рядом с конурой, заглядывая в своё жилище. Вскорости Фёдор вылез из конуры и пошёл дальше обследовать двор, а Разбой с удивлением смотрел за новым хозяином. С этого дня ребёнок делал с собакой, что хотел, волкодав всё терпел.

На этот раз Фёдор пихал свою маленькую ручонку в пасть собаке, пытаясь схватить длинный собачий язык. Но поймать язык не получилось, мальчик обнял собаку за шею. Когда Разбой лёг, Фёдор залез верхом, лёг на широкую спину собаки и затих. Бывали случаи, что так и спал верхом на собаке.

– Егоша, смотри за сыном, а то собака укусить может, – сказала Настя с крыльца. – Совсем замучил её.

– Не укусит, – сказал Егор. – Ему и самому нравится.

– Больно сделает – может и цапнуть.

– Этой собаке постараться надо, чтобы сделать больно. Я посмотрю, – сказал Егор жене.

С каждым днём Егор всё больше любовался женой. После рождения сына она стала ещё краше, ещё дороже ему. Они не говорили

друг другу о своих чувствах, просто тихо нежно любили, бережно, с уважением относились друг к другу. Прошло уже достаточно лет, но отношения не становились хуже. А сейчас первенец и любимец Фёдор ещё больше крепил их отношения. Они часто, обнявшись, наблюдали за проделками сына. А проказник он был добрый. То в печку залезет, всю золу вытащит и сам перемажется, то кота поймает и начинает теребить, пока тот не разорётся и не исцарапает Фёдору руки. Сын не ревел, посидит, поморщится, потом сам начинает расковыривать выступившую кровь на следах кошачьих когтей. Быстро находил себе другое занятие. Мальчик не терпел, когда его брали на руки, сразу выворачивался и уходил.

– Пойдём, сынок, – сказал Егор, снимая Фёдора с собаки. – А то совсем скоро оседлаешь его.

Взяв его за руку, они направились к речке. Там сели на валёжину и стали смотреть на реку, в воде сновали мелкие рыбки. Осенняя вода, чистая, прозрачная, притягивала, кое-где за берег уже зацепились жёлтые и красные листья. Река была небольшая. Два-три метра шириной, в основном неглубокая, но и омуты в некоторых местах были неплохие. Когда Егор поселился здесь, речка не имела названия, просто один из маленьких притоков Туманшета, каких много, но со временем речку тоже стали звать Камышлеевка, по крайней мере, писать в некоторых бумагах. Деревня и речка с одним названием, но поселенцы в шутку звали её «Дунаем». Где-то далеко есть такая большая река, вот и пошутил кто-то, шутка прилипла сразу. Не каждую весну, но бывало, что река показывала свою силу, разливалась, затапливая низины, вырывала небольшие деревья и кусты. После такого половодья и стали звать «Дунаем», или Дунайкой. Весной по речке на нерест в большом количестве поднимался хариус, ловили «мордами», загораживая реку. Летом добывали гольянов и разную мелочь, кололи вилками небольших налимов и усачей. По осени опять ловили хариуса, который скатывался на зимовку в Туманшет. Но первые поселенцы сразу поняли, что в этой речке рыбой много не разживёшься, поэтому стали осваивать Туманшет, до которого больше двух вёрст. Зато там рыбы полно всякой. Тот же хариус, ленок, царь реки – таймень, щука, окунь, елец. Подростки любили таскать на удочку пескарей. За первые пару лет, что стоит деревня, мужики не только освоили реку, но уже и поделили меж собой участки, которые были бли-

же к деревне. Не то, чтобы совсем запрещалось рыбачить в этих местах, нет. Просто там хозяева ставили корчаги – ловушки, они наподобие кошеля плелись из ивовых прутьев. В виде воронки делалась горловина, и отверстие для выбора рыбы. Это отверстие затыкалось толстым пучком травы, а горловина смазывалась крутым тестом, замешанным на отрубях. За один хороший улов в большую корчагу можно было поймать ведра три рыбы. Попадалось всё. За ельцами залетали в ловушку и щуки с окунями. Корчаги ставили с лодок, на мелководье много рыбы нет, а на глубине без лодки не поймаешь.

Специалистом делать лодки-долблёнки оказался Кузьма Захаров. Лодки он долбил из целого дерева. Для этого подходила осина, дерево лёгкое для обработки, мягкое, податливое, оно становилось крепким и твёрдым после просушки. Кузьма выдалбливал середину, делал форму, а потом, нагревая над костром, понемногу разворачивал дерево клиньями и распорками. Затем ставил шпангоуты и три-четыре сиденья, в зависимости от длины лодки, которые служили дополнительной распоркой бортов. По верхнему краю с наружной стороны прибивал по одной тонкой доске с обеих сторон, наращивая борта. Лодка получалась лёгкая и устойчивая, и выдерживала большой груз. Эти лодки использовали для постановки корчаг, на них же переплавляли людей на другой берег. Там, на другом берегу Туманшета, напротив Камышлеевки, на горе росли кедрачи. Гора спускалась прямо к самой воде, напрямую на неё было не пройти, слишком крутые склоны, но были достаточно удобные распадки, по ним и добирались до кедрачей. Место называли «Толчихой». Камышлеев поставил там зимовье, в котором в шишкобой жили работники, заготавливавшие орех, там же и давили кедровое масло, отсюда и название. Кедрачи были хорошие, но шишка была не каждый год, часто и не стоило заниматься битьём ореха. Но бывало, что рано падал снег и засыпал шишку, тогда её брали весной, кода сходил снег. В первый же год, Егор решил: раз живут артелью, то и пользоваться им будут все, места хватит всем. И не так уж велик доход с этого дела.

Два года стоит деревня. Ещё прибавилось три семьи за это время, но это были самопереселенцы, а проще говоря, люди, бросившие всё и спешно уходившие от нужды. В Сибирь они попали несколько лет назад, сначала подрядились батрачить в Конторке, на Тарае,

где жили зажиточные хозяева. Но много не заработаешь в батраках, тогда мужики собрались артелью, жён оставили в деревне, а сами отправились искать золото в верховье Бирюсы. Не было их два года. А когда пришли, забрали семьи, пошли устраивать свою судьбу. Расспросили, где в округе можно приклониться, решили – в Камышлеевке. Не потому, что здесь так уж хорошо, а из-за того, что деревня здесь совсем новая, и нет старожилов, которые норовят подчинить себе новосёлов. Так и пришли сюда три семьи. Спросили у Егора разрешения поселиться в деревне. Егор, как отвечающий за всё, не стал перечить. Лес был уже заготовлен для строительства, использовали его, новосёлы исправно за всё заплатили. Заплатили и за помощь в постройке домов, хотя камышлеевцы помогли бы и без денег. Но копейка лишней не бывает, а раз дают, то чего отказываться. Дома поставили быстро, сноровка была, никто зимовать не остался в землянке. Во вторую зиму было уже восемь домов.

Антип Кузнецов сделал кузницу на краю огорода. Поставил небольшой сруб, установил горн. На огромные чурки поставил наковальни, рядом соорудил станок, ставить подковы лошадям, и работа пошла. Ремонтировал нехитрый крестьянский инвентарь, мастерил кой-какой инструмент. Железо с каждой своей поездкой в город понемногу привозил Егор. В Суетихе строился железнодорожный мост через Бирюсу, железо валялось под ногами не нужное. А в далёких деревнях оно годилось на всё. Мастера-кузнецы делали много чего для деревенского быта, годилось любая «железка», ничего не выбрасывалось.

Весной в деревне случился и первый пожар, сгорела баня. Баня построена была одна на все пять семей, топили по очереди. Хорошо, что баня стояла на краю огорода далеко от построек. Её в первое же лето поставили за огородом Трифона Суренкова, поближе к речке. Топили баню по-чёрному, под очагом разжигали костёр из смолёвых и сучковатых дров. Годились все дрова, которые не подходили для домашней печи. Очаг состоял из кучи камней, которые нагревались огнём. Дым выходил через отдушину в потолке. Такая топка требовала пригляда и была пожароопасная. Но, как обычно, пригляда не было, и баня загорелась. Когда заметили пожар, то тушить было уже поздно. Через месяц поставили рядом новую. Никто никого винить не стал, дело обычное, потому и ставили их подальше от жилья.

Задумавшись, Егор не сразу заметил, что сын его уснул, сидя рядышком на валежине. Егор улыбнулся, взял сына на руки и пошёл домой.

– Умаялся мужичок, – улыбнулась Настя, на крыльце забирая сына. – Сам бы зашёл, чаю бы попил.

– Пожалуй, и попью, – согласился Егор. – А что там к чаю есть?

– Уж чего-нибудь есть,– засмеялась жена, зная любовь мужа к постряпушкам.

Едва Егор сел за стол, как на дворе залаял Разбой.

– Кто-то пришёл, – сказала Настя. – Иди, посмотри, пока на стол соберу.

Егор вышел на крыльцо. В воротах стоял новосёл Мыльников Осип.

– Мне бы поговорить надо, Егор Петрович.

– Заходи, как раз чай собрались пить, – пригласил Егор.

– Я ненадолго.

– Заходи, там разберёмся.

Осип зашёл, перекрестился и сказал:

– Доброго здоровьица в дом. Здравствуйте.

– Проходи к столу, присаживайся. Сейчас чаю попьём, потом и поговорим, чего два дела делать.

Настя поставила стопку блинов, миску со сметаной, принесла чаю и поставила мёд. Села сама за стол.

– Как прижились на новом месте? – спросила она.

– Спасибо, хорошо.

– Как ребятишки?

– Слава Богу.

– Места нравятся?

– Ничего. Хорошие места.

– И ладно.

Егор с Мыльниковым вышли на крыльцо.

– Егор Петрович, надумал я открыть у нас лавку. Буду торговать разной мелочью.

– А чего только мелочью?

– Можно привозить мануфактуру, женские безделушки, пуговицы, иголки, посуду, инвентарь. Всё можно со временем возить.

– Раз решил, чего от меня надо? Помощь какая, что ли?

– Я хотел спросить, может, ты сам Егор Петрович надумал лавку открывать, дело-то прибыльное.

– Нет, я не хочу заниматься лавкой, но если откроешься и будешь возить товар, я могу заказы делать и для себя. Скоро мне совсем не до торговли будет, а ты давай, делай, как раз ко времени, скоро лавка нужна будет.

– Ты лесу мне продашь на строительство?

– Решим вопрос.

И ещё я хотел место под лавку не с краю ставить, а поближе к серёдке взять.

– А откуда ты знаешь, где будет серёдка деревни?

– Разговор идёт, что много будет переселенцев, вот я и подумал, отодвинуть участок подальше. И участок взять поболее, лавка места требует, и себе дом рядом ставить надо.

– Верно говоришь. Хорошо, я дам материал, а ты, как построишься, дом, в котором сейчас живёшь, отдашь мне под поселенцев. Всё равно мне людей расселять надо.

– Договорились. Только когда переселюсь, тогда отдам.

– Но с переселением ты не будешь затягивать, правда? Нет, если хочешь построить ещё дом, место бери, а вот, за материал придётся заплатить. Причём ехать за разрешением на всё надо в волость, потому как у тебя льгот нет. Так как?

– Даю слово. Делать буду всё по справедливости.

– Договорились, готовься. Приду потом, определим место. Ещё вопрос, ты один будешь держать лавку, или в доле с кем?

– Один буду, – сказал Осип.

– Мне надо знать для отчёта по материалам, если придётся. С меня тоже спрос есть.

Мыльников не стал тянуть время. До снега поставил дом под магазин, а рядом ещё больший под жильё. Два сруба накрыли крышей и оставили в зиму. Эти две постройки стояли уже не рядом с другими домами, между ними было свободно ещё четыре участка. Но надо было наполнять улицу равномерно, и Егор решил, застраивать в первую очередь нужно другую сторону улицы. Сразу разметили место и там. Тут и выяснилось, что некоторые поселенцы тоже захотели жить поближе к середине. Антип пришёл первый и спросил разрешение построить дом около магазина, но на другой стороне улицы. Объяснил, что кузница, которую он тоже захотел

перенести, должна быть доступна всем. На условии, что Антип отдаст старый дом для поселенцев, Егор выделил место и лес на строительство.

9

В начале лета 1902 года Егор впервые приехал в Тайшет. Особо ничего не было. Стояло станционное здание. В здании, кроме небольшого помещения для людей, ожидающих поезда, был буфет, в котором можно было наскоро перекусить. Там же можно было купить разную мелочь: иголки, нитки, пуговицы. Ещё в здании станции был врачебный кабинет переселенческого пункта, там же вставали на учёт вновь прибывшие переселенцы. Люди ехали из разных мест, ехали издалека и много дней. Здесь им предоставлялась медицинская помощь, если была нужна. Отсюда направляли в разные деревни. Здесь же и кормили несколько дней, пока определялось место для поселения. Уже никто не предлагал выбирать место, называли деревню или переселенческий участок, и поезжай. Из переселенческого участка могли направить и дальше, обеспечивали деньгами сразу. На дорогах стали появляться разбойные люди, которые нападали на одиночных переселенцев. Грабили, отбирали всё, поэтому переселенцы ездили большим обозом. В Конторке, Бирюсе и Суетихе старались купить коней и другой скот. Цены росли, на всех не хватало.

За станцией виднелись уже первые домики нового поселения, за которыми сплошной стеной стоял нетронутый лес, пугающий своей темнотой. Совсем немного отобрали пространства у леса. Рядом со станцией работала первая лавка Супруна. Купец Иван Корнеевич Супрун, как человек ответственный и деловой, получил разрешение построить своё заведение рядом со станцией. Было обещано, что все постройки будут в лучшем виде и послужат началом новой улицы, контуры которой уже просматривались. И ещё Иван Корнеевич пожертвовал хорошую сумму денег на постройку церкви, которую собирались строить в скором времени. Дело было за местом, которое ещё не могли согласовать. Уже подтягивались и другие люди, имевшие хорошие деньги и пытавшиеся оформить своё дело. Торговые люди и промышленники почуяли здесь хорошую поживу.

Егор осматривал новое поселение, которое, как он решил, будет решающим в этих местах. Станция будет строиться, людей останется достаточно, особенно тех, кто связан с дорогой. Скоро начнётся большое строительство, но Егор не сможет подключиться: не те возможности у него, да и нет особого желания. Суеты много. Нужно встретиться с Ручкиным, Егору передали просьбу Ильи Ильича. В переселенческой конторе Егору дали адрес Ручкина на Северовокзальной улице. Найти небольшой новый домик не составило труда. Илья Ильич дома был один.

– Рад тебя видеть, – улыбался Ручкин. – Ой, как рад. Давненько мы не виделись. Проходи Егор Петрович, чай пить будем. Как там Настасья поживает? Хотелось бы увидеть. Наследник вырос, поди?

– Слава Богу, всё хорошо. Настя во здравии, Фёдор – озорник растёт, сладу нет, сам себе барин. Не уследить за ним, может в лес убежать, или на реке пропадает, а то и в деревню к ребятишкам убежит.

– Деревня живёт? Поселился ещё кто?

– Немного. Три семьи всего. Безльготники, за свои деньги строились.

– И такие есть?

– Не спрашивал я, откуда деньги. Один из них, Мыльников Осип, нынче летом открыл лавку. Перебрался на другое место, как он говорит, поближе к серёдке. Я ему леса дал на строительство и магазина, и дома, но первый дом забрал для поселенцев.

– Значит, у тебя готовый дом есть?

– Пять домов.

– Пять домов, готовых к заселению? – переспросил Ручкин.

– Два, хоть сейчас – доски отдирай от дверей и окон и заходи, а три стоят под крышей. Двери, полы, потолки есть, даже рамы стоят, но без стекла.

– Выбили, что ли?

– Нет, один дом Мыльников отдал, другой дом Антипа Кузнецова.

– Уехал кузнец?

– Переехал тоже поближе к середине деревни, не понравилось место, где кузница стояла. Новый дом поставил, большой. У него сыны, уже вот-вот женить надо. Ну, а три дома я поставил сам

в расчёт на будущих переселенцев. Если кто будет сейчас, застеклить и печку сложить недолго, и пусть стоят, что срубам сделается под крышей.

– Так я к тебе сразу и пошлю пять семей. Только им там нужно будет купить лошадей и другую скотину.

– Есть на продажу и лошади, и коровы, не хватит – из других деревень приведём. Я смотрю, а цены здесь кусаются, у нас можно дешевле купить.

– Сегодня ты у меня переночуешь, а завтра я с тобой отправлю пять семей. Твоего коня пристроим на ночь в лучшем виде. Нам с тобой переговорить надо.

Проговорили до полуночи.

– Расскажи мне про свои возможности. Сколько у тебя заготовлено леса под строительство, сможешь ли ты ещё поставить хотя бы пять домов. Очень надо. Поток людей увеличивается, а селить некуда. Не везде так, как у тебя, многие поселились и забыли, что надо помочь другим, люди мыкаются, не могут пристроиться. Появились случаи разбоя, сейчас уже люди стали ездить с ружьями.

– Лес есть, высушенный, можем начать рубить дома хоть завтра. Плохо, что рук мало рабочих. У меня мужики помогают по возможности, но и своих дел у них хватает. Если только нанять их на строительство, подзаработать, можно и из других мест людей попросить, только деньги нужны. В последнее время какая-то неопределённость.

– Деньги, Егор Петрович, ты получишь. И за работу свою, и на строительство. Тебе я доверяю, и спрашивать отчёта с тебя не буду. Я понимаю, что на то оно и дело, чтоб доход приносило, у тебя совесть есть, ты лишнего не возьмёшь. У Комова как дела, не знаешь?

– Знаю, что лес готовый есть, про другое не могу ничего сказать, давно не был у него. Всё какие-то заботы, дела.

– К нему тоже направлю людей, скажешь ему. И деньги с тобой переправлю: пусть строит тоже.

– Сделаю, как надо.

– Егор Петрович, а сколько ты можешь поселить в деревне людей? Сколько дворов может выдержать без убытка твоя деревня? Я понимаю, что нужны покосы, нужны пашни, а их надо добывать, разрабатывать. Земли под пашню есть?

– Земли есть, – сказал Егор, на минуту задумавшись, – руки смозолишь, пока до пахоты доведёшь. И не совсем рядом под боком, с полверсты от деревни. За речкой есть ровное место, если раскорчевать и распахать, можно и сотню дворов в мире и согласии содержать. Да только это дело не одного года. А так, думаю, не больше полусотни дворов. Пока люди неплохие, работные, но кто знает, что за народ ещё придёт. Попадётся одна непутёвая овца, всех перебаламутит. Власть надо, крепкую руку на деревне, чтобы слушались, слово, как закон было.

– А ты?

– Я – власть, пока распоряжаюсь деньгами, имею возможность помочь. Потом в знак благодарности слушают люди. А скоро всё забудется, и что тогда моё слово? Мне надобна особая власть. Ты с меня спрашиваешь, значит, права мне дадены должны. Кого-то приструнить, кого-то похвалить. Тогда и порядок будет, и дела пойдут.

– А как ты ладишь с работниками своими?

– Словом. Сказал слово, исполнил в точности. Я ведь не урождённый купец, который в любом деле прибыток видит. Начал с малого. Батюшка мой, Пётр Фомич, дай Бог ему здоровья, отделил меня с изрядными по тем временам деньгами, лошадей дал, скотину. Тесть не поскупился с приданым. Брат мой, Иван, помогал на первых порах строиться, мы с ним вдвоём лес готовили под дом, ставить хоромы помогал Комов с мужиками, тогда и сдружился с ним. И мужики хорошие у него в деревне, шалопутных мало. Вот отец учил меня: прежде чем дать слово, подумай хорошенько, сможешь исполнить или нет. Уж если дал слово – умри, а исполни. Тогда и честь тебе, и хвала. Вот и стараюсь так жить. Словами не бросаться, а если взялся за гуж, так не говори, что не дюж. Дюжу пока.

– Должность мы тебе дадим, к примеру, глава поселения. Пока не утрясётся всё. Вот и будешь ты править словом. И рассчитывай на будущее дворов на пятьдесят, не меньше, а там посмотрим, как в государстве пойдут дела. По возможности руби дома, можно даже не на участках, а где удобно, потом перенести будет легче, чем рубить. А вообще, я удивляюсь тебе, Егор Петрович, вперёд смотришь. Мы только подумаем, а ты уже сделал. Сейчас рубленые дома отовсюду в Тайшет везут, так легче и быстрее.

– В срубе лесу ничего не будет, а в гурте может и испортиться под дождём. Вот и поставили срубы по месту, а раз не надо переносить, то и крышей накрыли, дранья в достатке.

Через три дня пять семей на трёх подводах прибыли в Камышлеевку. Народ вышел посмотреть на вновь прибывших, будущих односельчан. Время подходило к обеду.

– Трифон, – обратился Егор к Суренкову, – накормите людей пока, пусть по домам по семье возьмут, а я часа через два приеду, будем распределять дома.

– Накормим, голодными не оставим.

Через два часа в доме, оставленном Мыльниковым, собрались старожилы и новосёлы. Сидели, кто на чём приспособился, разглядывали друг друга.

– Вот новые жители нашей деревни, прошу любить и жаловать. Для начала будем знакомиться. Вот наш кузнец Антип Кузнецов, мельник Трифон Суренков.

Егор представил всех жителей, кроме Мыльникова, его не было в деревне, уехал за товаром.

– Теперь я буду называть фамилии, а вы вставайте, чтобы было видно всем. Антонов Никифор с женой и двумя дочками, Фирсанов Никодим с женой и сыном, Бутьянов Иван, есть жена и два сына, Лятин Николай, жена, сын с дочкой, Томаев Прохор, жена и три сына. Люди вставали, кланялись обществу, и садились. Чувствовали себя неловко.

– Дела такие, если первые люди приехали совсем на пустое место, то нынче немного по-другому. Есть два дома, готовых к заселению прямо сейчас, три других дома будут готовы до холодов, доделывать нужно будет и самим. Печи сложит Фрол Погодин, он у нас специалист, все печи в деревне его дело. Фрол кивнул.

– Кирпич есть, Фрол знает где, возить будете сами. Стекло получите у меня, если сами не можете остеклить рамы, Кузьма Захаров по этому делу мастер, у него можно заказать и мебель, какая нужна. Помощь будет, но вы и сами должны стараться. Ещё, на днях я узнаю, где можно будет приобрести коней, скотину. Деньги на это у вас должны быть. Есть? – спросил Егор.

Мужики дружно закивали.

– Поедете выбирать сами, со мной. Теперь, как будем распределять дома? Кто пойдёт в готовый, а кто в недостроенный? Может,

сами решите? Забыл совсем, за готовые дома придётся доплатить бывшим хозяевам за их труд, так что решайте. Когда узнали про доплату, разделили сразу. Фирсанов, Бутьянов и Томаев решили взять недостроенные дома. То ли у них была сила доделать, то ли на детей помощников надеялись. Антонову достался дом Мыльникова, Лятину – дом Антипа Кузнецова.

– Всё решили? – спросил Егор, – теперь кому выпали недостроенные дома, будете тянуть бумажки, кому какой, или сами разделитесь? Почему спрашиваю, чтобы потом никаких споров не было, никаких обид. Первые поселенцы разобрались полюбовно. Теперь вот Антипу не понравилось, так новый дом построил себе в другом месте, а на старом оставил прежний. Только на таких условиях будет разрешено строиться по льготе. За свои деньги можешь хоть пять домов строить. Всем понятно? Будут вопросы, где меня найти, знают все. И последнее, Антип, прочитай-ка вслух вот эту бумажку. Ты у нас – грамотей.

Антип посмотрел на бумажку, повертел, посмотрел на печати, и прочитал:

– Камышлеев Егор Петрович назначается главой поселения Камышлеевка. Является представителем власти по означенному месту. Есть печать и подпись. – Егор Петрович, а раньше ты кем был?

– Подрядчиком, что делал, ты знаешь. Я надеюсь, в наших отношениях ничего не изменится. Предупреждаю теперь серьёзно. Есть сведения, что в некоторых местах поселенцев обижает местное население, чалдоны. У нас в деревне все равны, потому никаких обид. Если будет что непонятно, прошу ко мне. Я никому не отказал ни в чём, и надеюсь, в деревне будет порядок. Это надо всем нам, артелью жить легче. Ещё два вопроса, есть слух, что бродят в округе лихие люди, промышляют разбоем. У нас новая деревня, могут попробовать заглянуть, отпор давать сразу и без жалости. Дай Бог, чтобы не пришлось. Второе. Услышал я, Фрол, что царьком на реке стал, распределяешь участки, что на реку не пускаешь никого.

– Егор Петрович, пустое брешут? Поделили реку для рыбалки корчагами, а удочками лови, где душа пожелает.

– Ладно, раз так ловчей, делите. Только не хватайте, больше, чем унести сможете. Выделишь места новеньким, кто, конечно, пожелает.

10

Фрол Погодин сидел на берегу и смотрел на воду. Пришла осень. Вода в реке была чистая, просматривался каждый камушек на дне. По берегам красно-жёлтыми каймами опоясывала воду листва. Скоро выпадет снег. Вместе с первым снегом и льдом покатится вниз с мелких речек рыба на зимние пастбища. Нужно не просмотреть это время, упустишь – пройдёт она за одну ночь, тогда без рыбы на зиму останешься. Сегодня Фрол дожидался орешников. Некоторые мужики, взяв подростков, ушли на неделю бить шишку, будет чем заняться холодными зимними вечерами. Щёлкать орехи – дело заразное, стоит только зацепиться, и пока не закончатся, не остановиться. Еда не еда, а всё – занятие. Фрол, как и все деревенские мужики, вытащил корчаги на берег, спрятал на зиму. Какие доживут до нового сезона, а другие придётся выкинуть, потом плести новые. Рыбы хватало всем. Летом это особенно важно: мяса нету, хранить негде, а рыба, пусть не мясо, а всё ж не пустая похлёбка. Неплохо здесь живут мужики, улыбнулось и им немного счастья. Даже подзабываться стало голодное время в родных местах, а здесь ничего, можно жить. И земля родит понемногу, скотина водится, сено косить можно в достатке, мало, так чисти себе покосы. Фрол нашёл несколько полян около деревни, вырубил кустарники, почистил, теперь с сеном на всю зиму, даже и на продажу есть. Зимы только лютые, так заготовь дрова и плюй в потолок всю зиму. Дрова готовят за огородом, когда выпадет снег, на санях и перевезут уже готовые, сухие. Также и с сеном, лежит в копнах до поры, потом по снегу домой возят.

Дети подросли, родителям помощники. В огороде грядки пропалывают, за скотиной присмотрят. Сын, правда, ещё маловат, но не заметишь, как вырастет помощник. Лаврен Кузьмин сподобился к охоте, добывает и белку, и соболя. Всё копейка. У меня душа к рыбалке, я ему рыбы на зиму дам, а он мне – мяса дикого: сохатины, изюбрятины. Шкурки сбывает через Камышлеева, тот продает кому-то в городе. Всем хорошо. Нынче новых семей прибавилось в деревне. С начала лета пять, да к осени шесть домов заселили. Едет народ, растёт деревня. Пока все ладно живут, без спора, видно, нахлебались до горла горюшка, отойти не могут. Раньше в деревнях было такое, что мужики пока не пили, мирно жили, а уж

бабы склоки разводили, водой не залить. Здесь и бабы как воды в рот набрали, значит, не о чем ругаться. Каждый раз смотрим на новых, какие они будут, но пока, слава Богу, невредные люди. Начал было Мыльников хитрить в лавке, товар продавать не совсем доброго качества, Камышлеев поговорил с ним наедине, сразу всё встало на свои места. Камышлеев вроде барин не барин, а силу имеет. Попробуй поперёк его пойти, на место быстро поставит. Но, по правде сказать, что и делает, так на пользу всем. Барин такой не бывает, кто он, не понятно. Живёт себе, как на хуторе, никого не пускает рядом поселиться. Чего не хочет вместе со всеми? Построил бы дом посреди деревни, да и жил.

– Фрол! Фрол! – раздался голос сверху.

– Чего? Заблудились что ли?

– Он здесь! Идите сюда. Первыми спустились подростки. Молодые, лёгкие на ногу, они намного опередили мужиков. Фирсанов Семён и Тимоха Томаев быстро сошлись с Петькой Захаровым и Ванькой Кузнецовым. Ребята вместе здорово поработали на шишкобое и сейчас тащили по мешку чистого ореха. Столько же несли Лаврен Кузьмин, Захаров и Антип Кузнецов. Антип нёс ещё полмешка для Фрола.

– Фрол, ты чайку заварил? – наудачу спросил Антип. – Пить хочу, сейчас полречки выпью.

– Так пей всю, ещё набежит, – в тон ему ответил Фрол. – Иди, водохлёб, для тебя берегу.

Антип сбросил мешок и приложился к кружке с чаем. Чай заварен из ягод и корешков разных, навар вкусный и полезный.

– Скоро снег, наверное, выпадет.

– С чего ты взял?

– Как с чего, осень же, не заметил? И кости ноют чего-то.

– Намялся с колотом, вот и болит. Молотком сподручней.

– Всяко хорошо, как со стороны смотреть, а помахать и молотком замаешься.

Переплавились за два раза. Молодёжь убежала, а Антип помог Погодину затащить лодку на брёвна. Больше в этом сезоне не понадобится.

– Чего нового в деревне?

– Ничего особенного. Новенькие осваиваются, готовятся к зиме, пилят дрова.

– Большая становится деревня, сколько уже дворов? Восемнадцать, что ли?

– Считай девятнадцать.

– Каких девятнадцать? Ещё прибился кто?

– Татарина Камышлеев привёз из Щетиновки. Ездил торговать скотину, а там татары с Казани сосланные. Место им дали в Щетиновке, но им там не понравилось. Послали в Тайшет человека за разрешением искать место дальше, в верховье Бирюсы. Пока человек ходил, ссыльные чего-то не поделили, Шухрат Ибрагимов упросил Петровича взять его в Камышлеевку, был согласен на любые условия. Егор Петрович привёз его и его жену с сыном к нам. Хотел взять к себе до следующего года, но Мыльников уговорил поселить его в магазине. Там в пристройке и живут, и сторожат заодно.

– А говоришь ничего нового нет.

– Выскочило из головы.

– Ты приходи ко мне в кузню, заделаем.

– Чего заделаем, – спросил Фрол.

– Дырку в голове заклепаем, – засмеялся Антип.

В середине августа приехали ещё пять семей, для них уже стояли дома. За полмесяца довели до ума, и люди собирались встречать зиму. Егор помог закупить на зиму картошки, муки, купили лошадей, коров. Для них даже заготовили сено. Не сладко будет зимовать первую зиму, да ещё и на новом месте, но в своём доме, и есть надежда на будущее. Весной на себя начнут работать, а там, глядишь, и достаток будет.

Услышал Господь молитвы, дал возможность людям пожить по-людски, вырастить детей в достатке, не видеть их голодные взгляды. Давно не слышали весёлый детский смех, ещё и сейчас смотрят, как волчата, ожидая обиды. Но никто не понукал ими, наоборот, старались помочь. Каждый помнил своё прошлое, каждый понимал, что сейчас и так сложно, и в этот момент неудачная шутка может ранить человека. Женщины ходили вечерами по-соседски помочь или просто поболтать. Днём уже по улицам носились ребятишки, нарушая тишину своим звонкоголосьем. Жизнь налаживалась. Валялись у ворот собаки, копошились куры, в тени похрюкивали свиньи.

Большой праздник случился осенью для всех жителей Камышлеевки. В Туманшете открылась церковь. Небольшая, но уютная,

она словно солнышко в окошке стала для людей, все Камышлеевские жители ходили на освящение. Енисейская епархия прислала настоятеля отца Михаила (Борисенко). Это была первая церковь во всём здешнем краю, построенная поселенцами. Теперь можно и свадьбы гулять, и детей рожать, венчаться и креститься есть где. Отмечали с гармошкой и песнями в Туманшете, а потом гулянка перешла и в Камышлеевку. Никак нельзя христианину без церкви, никак, потому и потянулись люди на поселение в большом количестве в Туманшет, и в близлежащие деревни.

Пришли шишкари, принесли ореха. Счастливчики угостили новосёлов, показали, как щёлкать их, потому многие кедровых орехов раньше и не видели. Попытались щёлкать, как семечки, но ничего не получалось.

Пришёл в деревню Егор. Захотелось посмотреть, что успели сделать до зимы. Подсказать чего. Он знал, что соседи подскажут не меньше его, но самому хотелось посмотреть. Ведь его деревня, его имя носит. С некоторых пор он почувствовал за собой некую ответственность. Подумалось, что потом люди будут говорить про деревню? Если скажут, мол, не деревня, а сборище, кому будет приятно слушать такое. Вот и старался Егор, чтобы в деревне было хорошо всем, по возможности. Каждый имел достаток по своим возможностям, по крайней мере, не ходили с протянутой рукой, чтобы со своих соседей никто не драл по три шкуры. Если и брали деньги за работу, так умеренно. Рад был Егор тому, что люди и сами понимали это и не наживались за счёт чужих неурядиц. Попытался было Мыльников продавать порченый товар, материал прелый, но переговорил с ним, указал, что и ему помощь была за счёт переселенцев, так образумился. Берёт у селян и мясо, пушнину, шкуры бараньи и диких зверей по своим ценам, но за это не стоит упрекать. Перевоз на базар тоже стоит копейку, а там попробуй, продай ещё. Но Мыльников договорился с купцом Супруном, и у него забирают товар, тоже не по базарной цене, но Мыльников не в накладе. И деревенским мужикам хорошо, и Мыльникову прибыток. Егор смотрел на деревню и радовался, давно ли размечали первые усадьбы, а сколько домов уже. Правда, лес вокруг деревни поредел, но это ничего, вырастет. Сколько его ещё повырубят, пока люди будут приезжать? Уже и магазин посреди деревни

стоит, как хотел Мыльников, и за магазином поселились люди. И где будет середина деревни, кто знает? Антип стучит в своей кузне, много работы у него, с других деревень приезжают. Хороший оказался кузнец. Кузьма Захаров всю округу обеспечивает кадушками. Важное дело, каждой семье их по десятку нужно разного размера. И для засолки, и для воды. Воду возили с реки, попробовали копать колодец, вода оказалась близко, но нехорошая, не вкусная. Брали воду из колодцев для скота, а скоту много надо. Мыльников выкопал колодец прямо во дворе, деньги есть, почему бы не сделать. Другие возили для себя бочками с реки. Бывало, что вместе с водой попадалась и мелкая рыбёшка, веселья сколько было. Шутки ради обсмеют, мол, ведром рыбу ловит.

Егор, завидев дым в кузнице, решил зайти, перемолвиться парой слов с Антипом.

– Здорово, Антип, – сказал Егор, присаживаясь на топчан.

– Доброго здоровья, Егор Петрович, дело какое привело? – спросил Антип.

– Смотрю, кузня дымится, дай, думаю, зайду. Давненько не виделись.

– И то. Как супруга ваша, во здравии?

– Здорова.

– А сыночек ваш?

– Балует, мать справиться не может, – сказал Егор и улыбнулся. Сына он любил. Фёдор не особо и шкодничал, просто очень самостоятельный, что захотел, то и делает, но это неплохо. Мальчишка и должен быть самостоятельным. – А у тебя всё хорошо?

– Слава богу, пока не жалуюсь.

– Новенькие устраиваются?

– Обживаются. Первая зима трудная будет, по себе знаю.

– Подсказывайте, пусть дрова готовят, а то будут в лесу по пояс в снегу хворост искать. У нас хворостом не согреешься, дрова нужны.

– Сказали уже. Чего-то делают.

Егор сидел и смотрел на огонь. Сын Антипа, Иван, – рослый, крепкий парен. Помогал отцу, тягал меха, раскаляя заготовку.

– Вырос-то как. Приехал, мальчишкой был ещё. Время идёт, – заметил Егор.

– Уже проблемы с ним, – сказал Антип.

– Какие у него заботы?

– Жениться хочет, в сваты снаряжает.

– Это же хорошо. Пусть женится, первая в деревне свадьба будет. А пойдём вместе сватать? – предложил Егор. – К кому хоть идти?

– К Трифону. Дочка у него старшая подросла, Лизка. Давно ли с куклами забавлялась, а уже и невеста.

– И чего сидим? Дела неотложные что ли?

– Нет, неспешные. А пойдём, пусть попробует отказать, – подхватился Антип, словно только этой поддержки ему и не хватало.

Ванька покраснел, опустил голову и ещё усердней стал раздувать меха.

– Доделаешь, пригаси горн, да прикрой дверь, а то свиньи опять переворочают всё.

В середине лета, готовясь к сенокосу, камышлеевцы несли косы отбивать к Антипу. Почитай, все хозяева умели отбивать косу, но не так ладно, как кузнец. Коса – инструмент тонкий. Даже не в том смысле, что она сама по себе тонкая, а вот настроить косу по человеку, по росту, отбить жало, это мог сделать не каждый. У некоторых и коса на вид хороша, а возьмёшь в руки и намаешься. Кажется, всё нормально, а не косит, мнёт траву. Другая, напротив, вся ходуном ходит, вот-вот развалится, но только тронь траву, звенит коса, трава ложится ровным рядком. Любо – дорого. И усталость не берет, косил бы и косил, дня мало. Вот и шли к Антипу настроить косу, отбить тоже искусство. Не добьёшь, не будет жала, не будет косить, перебьёшь, жало пойдёт волной, тоже не будет косить. Антип научил Ивана отбивать, как надо, а сам настраивал каждому косу по росту. По высоте крепил «пуповину», ручку на косовище, а так же ставил правильный угол самой косы. Если всё совпадало, то коса работала на загляденье. Антип с Иваном работали в самой кузнице.

– Дядя Антип, – раздался звонкий девичий голос.

– Чего тебе?

– Косу посмотри.

– Вань, иди, посмотри косу, – сказал отец.

Иван вышел из кузни. На чурке сидела Лизка Суренкова, рядом на земле лежала коса.

– На землю не ложи косу, сама обрежешься.

– Поучи, – засмеялась Лизка.

– Чего у тебя? – сказал Иван и поднял косу.

Лизку он знал хорошо, живут в одной деревне. Молодёжи немного, как и всех жителей, каждый всё про всех знает. На вечёрки ходили на пустырь, где жгли костёр, играла гармошка, на которой ловко давил кнопки Пашка Погодин. Подросток ещё, но с гармонью управлялся лихо, как и его отец. Девчонки танцевали, пели песни да лузгали семечки. Парни курили втихомолку, когда и выпивали самогона. Много не пили, так только, для запаху. Ванька часто замечал неожиданные Лизкины взгляды, но не обращал внимания. Мало ли кто на кого смотрит. После вечёрки расходились домой, никто никого тогда ещё не провожал, тем более, что жили все рядом.

– Вань, отбей мне косу, чтобы сама косила.

– А вёдра тебе не сделать, чтобы сами воду носили?

– Ты и это умеешь? – расхохоталась Лизка.

– Чего веселишься? – пробурчал Иван.

– Тебя увидала – как смешинку проглотила.

Иван стал понемногу отбивать косу, постукивая по «бабке».

– Вань, чего ты такой скучный? – приставала Лизка, явно насмехаясь над его нерешительностью. Иван сам по себе не был большим специалистом поговорить, а тем более с девчонками.

– Не мешай, а то испорчу, будешь потом мучиться.

– Скучный ты человек, Ваня.

– Готово, – Иван протянул Лизке косу.

Она внимательно посмотрела ему в глаза, погладила его тёмные волнистые волосы, затем взяла косу и расхохоталась. Она, смеясь, шла в гору, а Иван стоял оторопевший и смотрел ей вслед.

– Вань, иди, подсоби, – крикнул отец из кузницы.

Оцепенение медленно сошло, и Иван пошёл помогать отцу. Некоторое время он ещё думал о Лизке, но потом и забыл. Вскоре, недели через две, на покосе, Иван снова столкнулся с девушкой. Покосы у Суренковых и Кузнецовых граничили. Иван уверенно делал прокосы, всё ближе подходя к границе покоса. На самой границе стоял большой шалаш, в нём обедали, отдыхали, когда была самая жара, оставляли инструмент под навесом, чтобы не ржавел под дождём, и не порезался кто невзначай. Когда Ивану оставалось совсем немно-

го, он нечаянно разрезал осиный пузырь. Не заметил в густой траве серый шар и полоснул по нему косой. Осы среагировали мгновенно. Одна влепила Ивана прямо в лоб. Он бросил косу и, яростно отмахиваясь, бросился к шалашу. Осы отстали, но лоб начал распухать. Лизка видела, что случилось с Ванькой, подошла к нему и сказала:

– Садись, жало выну, а то разнесёт лицо, собаки не узнают.

Иван послушно сел на чурку. Она присела на корточки перед ним и стала искать черное пятнышко на лбу – осиное жало. Если его вытащить, то опухоль пройдёт быстро, и через час-два ничего не останется. С Иваном случилось что-то непонятное. Он уже позабыл про боль, просто смотрел на румяные Лизкины щёки, зеленоватые глаза. Лизка вытащила жало и, увидев глуповатый вид Ивана, неожиданно чмокнула его в губы. Затем рассмеялась и пошла на свой прокос. И пропал парень. Словно заворожённый он смотрел на девушку. Иногда просто наблюдая, иногда тайком. Это было так заметно, что отец сказал однажды:

– Ты чего такой квёлый? Никак заболел?

– Нет, не заболел, – отвечал отрешённо Иван.

– Так работай, как следует.

Но работа не лезла в голову. Тогда и рассказал Иван про Лизку, что надо сватать соседку. Антип принарядился, прихватив с собой водки, конфет, вместе с Егором отправились в сваты.

– Ты ходил когда-нибудь в сваты? – спросил Егор.

– Нет, не приходилось.

– Мне тоже не приходилось, батя сосватал без меня.

– Трифон тоже не знаток, вот и столкуемся.

У Суренковых даже не догадывались, зачем пришли два односельчанина. Мало ли раз собирались по-соседски выпить в праздник, поговорить, спеть песни, которые помнились ещё с родных краёв.

– Проходите, – засуетился Трифон, увидев Камышлеева. Тот нечасто заходил. Егор прошёл к столу и поставил водку, Трифон удивлённо посмотрел, и крикнул:

– Мария, собери-ка на стол чего-нибудь закусить. Вы присаживайтесь, – пригласил он гостей.

Жена Трифона сразу поняла, зачем они тут, и засуетилась. По пути сказала Лизке, чтобы она принарядилась.

Когда сели за стол и выпили по рюмке, Егор сказал:

– Дело у нас такое. У нас, как говорится, купец, ну, в общем, пришли мы сватать вашу дочь.

– Лизку, что ли? – спросил Трифон, только сейчас до него стало доходить, зачем пришли гости. Хозяин совсем растерялся.

– Как же, да-да. И кто же жених? Ах, да.

– Мы пришли сватать моего Ивана за Лизавету, – выдохнул Антип, словно сам затащил воз сена на гору.

Мария незаметно толкнула мужа под столом и кивнула на бутылку. Трифон быстро разлил, и когда выпили ещё по одной, разговор стал налаживаться.

– Ивана твоего знаю, хороший парень, работящий. Я бы и согласился, да только, как сама Лизка.

– А давайте и спросим её, а заодно посмотрим невесту, – сказал Егор.

Мария привела дочь. Лиза была смущена, но радость проскакивала во взгляде. Красивая, статная девушка с длинной по пояс косой, с открытым чистым взглядом понравилась Егору.

«Хорошие у нас невесты в деревне. И детки вырастут красивые».

– Ну, что, красавица, согласна пойти замуж за Ивана? – спросил Егор.

Девушка ещё больше покраснела, опустила глаза и, быстро развернувшись, ушла.

– Невеста согласна, – так что, родители, вы-то согласны?

Трифон, с удивлением смотревший на дочь, словно первый раз увидевший её, промолвил:

– И вправду – уже невеста.

– Ты чего, дочь не узнал?– спросила Мария.

– Да, вроде, росла себе, росла, в доме жила, а за делами и не заметил, как выросла.

– Так согласны?

– Поперёк дочки мы не пойдём. Если ей по нраву, значит, и мы согласны. И сват Антип хороший человек, с таким породниться не грех. И жена его, Евдокия, добрая хозяйка. Хорошая семья. Да и такому свату, как тебе, Егор Петрович, разве откажешь?

Уходили сваты пьяненькие. Дело было решено. Свадьбу назначили после Покрова, как управятся с делами. Все были довольны, молодые тоже счастливы.

11

Свадьбу сыграли в конце октября. Сначала выкупали невесту, потом целым караваном направились в Туманшет в церковь. После венчания разукрашенные упряжки растянулись длинным разноцветным поездом по всей дороге. Гуляла вся небольшая деревня. Сначала у Кузнецовых, потом перешли к Суренковым. Ещё неделю ходили в гости, кто к кому хотел. Первая свадьба в деревне, первые молодожёны, первые катания по деревне на разнаряженных санях. Праздник длился долго. Молодые стали жить у Кузнецовых. За следующее лето сваты решили поставить новый дом молодым, пусть живут своим умом. Камышлеевы были первыми гостями на свадьбе. Всё было вновь, но прошло хорошо. Зародилась традиция, теперь все последующие свадьбы будут сравниваться и примеряться с этим праздником.

После свадьбы в деревне наступило затишье. Морозы брали своё, никто лишний раз не хотел мёрзнуть, будет ещё время. Настя учила пятилетнего Фёдора грамоте. Мальчик был смышленый и схватывал всё на лету. Он уже знал буквы и ловко складывал слова, сам удивлялся, как это просто. По вечерам Настя читала вслух сказки, Егор сам любил послушать, а сын так просто каждое слово впитывал. У него появлялось столько вопросов, что Егор удивлялся, как это у жены хватает терпения всё разъяснять. Егор с сыном садился на скамейку возле печки и, слушая разные истории, уносился в мыслях в свои дела.

Этот год закончился хорошо. Сделано много. И достаток тоже увеличился. Но, что будет дальше? Сейчас только домами для новосёлов не обойдёшься, надо что-то ещё думать. Только какие дела принесут доход? Разводить скот можно, но возить продавать – далеко, хотя, если обозами привозить и сразу оптом сдавать, то можно подумать. Лесопилка доход принесёт, когда материалы нужны будут. Надо узнать, как пойдёт поселение дальше. Поэтому надо подаваться узнавать, где, что нужнее всего. Настя уже давно перестала читать, уже и Федя уснул, а Егор всё думал о своём. И мысли не отпускали его.

– Егоша, иди спать, – позвала жена.

– Иду, – сказал Егор, едва сбрасывая свои думы. Уже лёжа в постели, Настя спросила:

– Что-то случилось? Смотрю, ты в последнее время, вроде, сам не свой, всё думаешь о чём-то?

– Всё пока нормально, – сказал Егор, обнимая жену.

С самого первого дня он любил её, каждый миг с ней был в радость. Настя понимала мужа, лишний раз не докучала расспросами, не требовала особого внимания. Она знала, что Егор, как и все деревенские мужики, не научен особым любезностям, так чего требовать. Он, как мог, делал ей приятное, покупал подарки, но красивых слов ни разу не сказал. За все их пятнадцать лет, которые они прожили вместе, муж не только не повысил голос, но ни разу взглядом не упрекнул жену.

– У меня какое-то предчувствие нехорошее, – сказал он. – Когда оно появилось, я не понимаю, но живёт оно во мне. Может, это просто страх за наш тихий мир, в котором мы живём. Ты, Федя и я. Что-то должно произойти, но я не понимаю, что. Вот одолевают разные думы.

– Смотри, чтобы они не съели тебя.

– Не дамся.

Через неделю Егор поехал посмотреть, как продвигаются дела у новосёлов в деревнях в верховьях реки Бирюсы. Он доехал до Перевоза, а там по Бирюсе, по зимнику, проложенному по реке, поехал вверх. Первая деревня, стоявшая у него на пути, была Догадаевка. В ней одновременно с Камышлеевкой началось заселение переселенцев. Деревня стояла на высоком берегу Бирюсы. На правом берегу реки гора опускалась прямо в воду и места для жилья не было. А вот левый берег был хорош. Ровный, он тянулся на много вёрст вверх по течению, на нём было много места для домов, но деревня прижималась к густому лесу, которым заканчивалась равнина. Река словно разрезала гору и ушла в сторону, и у этого разреза стояла Догадаевка. Место было тенистое, прохладное даже летом, но люди привыкли. Здесь новостройка шла к лесу, к холму, вниз по течению. Строились здесь сами, потому длилось это не по одному году. Но даже и так считалось большим подарком. Самое главное, что здесь под боком была река, где водилось много рыбы и жители серьёзно занимались промыслом. Задержался в Догадаевке Егор недолго, переговорил со старшим о поставке досок и кирпичей, сговорившись, поехал дальше.

Переселенцы шли дальше, в Щетиновку, что в девяти верстах выше по берегу, и Шелехово. Мужик, по фамилии Щетинов, облюбовал чистое место на левом берегу реки. Напротив, через Бирюсу, была огромная отвесная скала, там он и построил заимку. Потом пристроились и переселенцы, которым это место пришлось по душе, деревня только начинала строиться. Егор переговорил, кому и что можно продать, а ночевал он уже в Шелехово. Утром заключил несколько договоров на поставку, но немного, большого строительства не было. На другой день он вернулся домой и решил, что надо пока приостановить заготовки. Запас есть хороший, большего делать не стоит, и съездить в Суетиху и в Тайшет, узнать, что можно выгодно туда поставлять. Там сейчас народу много, товары нужны.

В Новый Год в деревне устроили небольшой праздник. У Антипа в доме сделали застолье, несли все, кто что мог, чем были богаты, «в складчину». Самое главное было не напиться и набить брюхо, а пообщаться, попеть песни, поговорить по душам. Веселились от души, немного было праздников у этих людей, каждый раз хотелось, чтобы запомнился. Когда стали петь песни под гармонь на три голоса, Егор прямо обомлел: так это было красиво. А когда его Настя стала подпевать во весь свой сильный красивый голос, Егор был сражён окончательно. Он, конечно, слышал, как жена напевала вполголоса дома, не думал, что это звучит так хорошо. Вечер прошёл просто на загляденье, всем понравилось так, что договорились иногда собираться всей деревней на такие посиделки.

В середине февраля 1903 года Егор отправился в Тайшет, разузнать, что можно ожидать в ближайшее время. Февраль был хоть и ветреный, но не холодный, редко доходило до тридцати градусов мороза. Ветер то дул по-дурному, поднимая и перенося кучи снега, то успокаивался и чуть хиусил. Потом, словно набравшись сил, снова начинал куролесить.

Тайшет строился. Уже стояли дома на Северовокзальной улице, Транспортной и начиналось строительство на Харинской. Возле паровозного депо стояли бараки для работников. Кругом сновали люди, несмотря на мороз. Суетились, каждый со своими заботами и делами. Депо работало.

Егор проехал на южную часть селения, там тоже вовсю осваивались территории. На базарной площади работали лавочки, валил пар из харчевни. Егор зашёл в харчевню перекусить и послушать,

что говорят люди. Услужливо подбежал половой и предложил услуги. Егор заказал горячих щей и жареного мяса, а когда он отказался от выпивки и попросил квасу, половой сделал «кислую» физиономию. В его недовольном взгляде было видно неудовольствие от того, что не удастся поживиться. Пьяных обсчитать всегда легче. Прислушиваясь к пьяным разговорам, Егор узнал, что купцы Супрун, Жернаков и Зюзенцев круто взялись за дело. Жернаков в двух километрах от станции построил лесопилку и поставлял шпалу, столбы и другие материалы железной дороге, Супрун и Зюзинцев взяли подряды на строительство домов, которые и продавали, и сдавали в аренду. Если Омские купцы: Зюзенцев, Сорокин, Кабанов, Жернаков, Шейн – блюли какую-то купеческую честь, то Супрун, маленький рыжеватый, шустрый купец, приехавший из Киева, не гнушался ничем. Открывал маленькие лавки, торгуя хлебом, солью, керосином, материей и другими необходимыми товарами. Готовился открыть кинематограф, открыл гостиницу, игорный дом, харчевни, в которых напропалую торговали водкой и самогоном. Скопив капитал, он взял подряд на строительство домов для поселенцев, заплатив при этом немалые деньги, надеясь в скором времени всё вернуть. И стал строить дома, взяв два переулка, которые назвали Первый и Второй Супруновские. Они были в самом центре. Дома сдавал внаём.

Тайшет строили и с другой стороны железной дороги. Купцы Кабанов, Сорокин возводили дома по Транспортной и Харинской улицам, а также Северовокзальной. На этом многие погрели руки. Редко дома строили из выдержанного, хорошего леса. В основном рубили из сырого, который брали, расчищая участки. Строили люди, которым не надо было много платить, оттого и дома получались разные. Но жилья не хватало. Поселенцы Поляков и Сергей Ульянов поставили кирпичный завод и обеспечивали кирпичом и строителей, и железную дорогу. На ручейке Безымянном, рядом с лесозаводом, Зюзинцев построил мукомольню, обеспечивая мукой всех в округе. Ещё у него были подряды на строительство домов на Первой и Второй Зелёных улицах.

Узнав последние тайшетские новости, Егор понял, что с его капиталами здесь делать нечего. Можно только поставлять какие-то товары небольшим оптом, предварительно договариваясь. При этом он решил, что может иметь дело только с Супруном. Основ-

ными поставками занимался купец Кабанов, тягаться с ним не стоило. Другие купцы работают со своими подрядчиками и заказчиками, у них другой уровень. Только Супрун может брать небольшие партии. Надо наведаться к Ручкину, что он скажет по поселенцам, будут ещё или нет.

Посещение Тайшета пока не улучшило настроение Егору. Он оставил коня на гостином дворе, сам пешком пошёл к своему другу. Дверь открыла невысокая, худощавая женщина, ещё достаточно молодая и красивая.

– Здравствуйте, мне бы Илью Ильича. Я Камышлеев Егор.

– Вы Егор Петрович? Я вас таким и представляла, – обрадовалась она. – Проходите. Меня зовут Екатерина Павловна. Сейчас я вас чаем угощу, с мороза хорошо.

– А Илья Ильич? – начал, было, Егор.

– Он скоро придёт. Вы не представляете, как он обрадуется вам. Он мне рассказывал о вас столько хорошего. Я знаю, что вы бывали здесь, но так получилось, что меня не было. Как ваш сынишка?

– Спасибо. Хорошо.

– Супруга, Анастасия, здорова? И про неё я знаю.

– Всё хорошо.

Не успели они допить чай, как пришёл Ручкин. На радостях он обнял Егора.

– Как я рад, что ты заехал. Ты по делам или так?

– Заехал узнать, что ожидать дальше. Какие новости у вас?

– Пока затишье. Переселенцы едут, но небольшими партиями и все остаются здесь в Тайшете. Господин путейный инженер Манучаров оставляет их здесь, особенно мастеровых. Даже с некоторыми заключает контракты, обеспечивая общежитиями. Когда проезжал через Тайшетку, видел бараки?

– Видел.

– Там они обитают. Работают на дороге.

– Посмотрел, строится Тайшет.

– Да, быстро строится. Жаль, без красоты, дома как один. Правда, себе купцы построили завидные терема, двухэтажные. Видел?

– Видел. Смотрю кирпичное что-то строят, с разными штуками.

– Около станции?

– Да.

– Итальянцы строят, свои не могут такое. Водонапорная башня, воды много надо будет паровозы заправлять.

– Как её будут заливать в паровозы? – удивился Егор. – Она же далеко от дороги.

Ручкин рассмеялся.

– Вода насосом поднимается на башню, там будет большая бочка. Потом от бочки по трубе вода подойдёт к колонке возле депо, а там паровоз подъехал, помощник кран от колонки повернул, за верёвку дёрнул, и побежала вода в паровоз.

А какими такими насосами вода будет набираться в башню, Егор спрашивать не стал, постеснялся своей «серости».

– Я вот думаю: понадобится моя лесопилка или нет. Будут ещё поселенцы, или закрывать уже, – сказал он о своей проблеме.

– Что мне сказать тебе? – задумался Ручкин. – У купцов здесь всё нарасхват, готовы глотки друг другу рвать. Если не могут по закону взять доходные подряды, тогда просто покупают, многие чиновники тем и живут. Имеют доступ к подрядам на работы, за мзду отдадут тому, кто больше заплатит, а там хоть солнце не всходи. Многие подрядились делать дома, вроде тебя, только сравнивать нельзя совсем: у тебя совесть – контролёр, а тут – рубль. Никто ничего не замечает. Манучаров отчитывается, что дела идут хорошо, дорога строится, и всё хорошо, до другого никому нет дела. Ты, Егор Петрович, не переживай, мы с тобой заключим договор ещё хотя бы на десяток домов. Получишь деньги, распоряжайся по-умному, десять семей я к тебе отправлю на следующий год или на другой. А ты пока работай, там видно будет. Я понимаю так, что ты присматривал себе здесь дело?

– Не совсем дело, смотрел, может, какие-то товары поставлять можно. Пока не определился. Подумаю, но договор с тобой заключу, а то, смотрю, затишье какое-то. Проехал по реке Бирюсе, там тоже едва шевелятся. Народ обвыкается.

– Ты хорошенько присмотрись. Здесь наглым надо быть. Поедешь сюда, совесть оставь у себя в Камышлеевке. Как она, твоя деревня? Катя, иди, послушаем, что там у них в деревне.

Егор рассказал, как отгуляли первую свадьбу в деревне, как сватали невесту, хохотали над незнанием своим. Про новогодние посиделки, про первую церковь в соседней деревне.

– Люди не хотят возвращаться? Уже есть много случаев возврата. Съедает тоска. И тяжело многим, не выдерживают, а ты взял да посиделки устроил в «складчину». Песни попели, поговорили. Эх, как хорошо-то, – радовался Ручкин. – У вас прямо рай какой-то. Если церковь построили, значит надолго приехали.

– Нет, не рай. Присматриваюсь к людям. Некоторые стремятся к жизни, стараются. Тот же Антип, Трифон, а вот Фрол Погодин, когда дело есть, делает, печки всем сложил, многое умеет, а, как не заставляй, будет на реке сидеть днями. Нет, чтобы дома поделать что-то, как говорится, пока не пнёшь. Хорошо, что пока нет пьяниц и откровенных лодырей.

Рассказал Егор и про сына, как тот осваивает грамоту.

– Хотел спросить, где можно будет купить книг, пусть читает, знаний набирается.

– С этим делом мы тебе поможем. Катюша, поможем?

– Поможем, Егор Петрович, у нас много книг, поделимся. Всё равно многое читать уже не будем, а ребёнку в самый раз.

– Вот и хорошо, Настя тоже делом займётся, а то скучно ей без дела, а так учительницей будет.

Домой Егор ехал со смешанными чувствами. Ничего определённого он так и не решил. Ручкин дал денег на дома, заказ большой для Егора, а дальше то, что. В конце концов, Егор прогнал эти мысли, раздумывая, чем бы ещё заняться в деревне. Так и пролетела дорога в размышлениях, домой приехал в сумерках. В подарок привёз большую стопку разных книг. Там были и школьные учебники, и художественная литература господ Пушкина, Чехова, Некрасова и другие. В восторге был не только Фёдор, но и Настя. Вот теперь будет чем заняться.

12

Заканчивалась весна. Сумасшедший период на селе. Нужно пахать, сеять хлеб, садить огороды. Работы много, а времени в обрез. На пашне надо не упустить влагу, но и в холодную землю не заложить семена, тут каждый сам себе агроном. Кто-то на других смотрит, кто-то сам решает. Как бы то ни было, но в первых числах июня в деревне начали высаживать картошку. Несколько семей собирались в большую команду и выстраивались по обе

стороны огорода. По краям лежали готовые семена. Сажали под плуг, всё было достаточно быстро и весело. Большой компанией не только за столом хорошо, но и работать весело. Подсмеиваясь друг над другом, незаметно засаживали один участок и переходили на другой. Несколько артелей засаживали картошку за день во всей деревне. А делалось это так: пара запряжённых лошадей управлялась обычно хозяином. Начинали с середины. В борозду за плугом сажальщики клали семена, так как поле было длинным, один человек не поспеет за конями, поэтому на всём протяжении с обеих сторон стояли помощники, у каждого был свой кусок пашни. Плуг проходил, закладывали семена, вторым заходом плуг засыпал картошку, третий заход делал оптимальное расстояние между семенами, после него снова бросали в борозду картофель. Коням доставалось больше всех работы, но поле засаживали, предварительно вспахав.

После всех посадок наступал некоторый период затишья. В один из таких дней Егор решил сходить на рыбалку на налимов. Налимов рыбачат ночью, поэтому он решил взять с собой Настю с сыном. Редко, очень редко они отдыхали вместе. Загрузив телегу разными вещами для ночёвки, снастями, они поехали на Туманшет. Фёдор просто сиял от счастья, для него это было в первый раз. На своей речке он уже рыбачил, а на большой он был всего два раза с отцом, но не рыбачили, а просто посидели у воды, пожгли костёр, а теперь ехали по-настоящему. Место нашли хорошее, расположились на чистом берегу. Здесь было достаточно дров, плавника, принесённого рекой по большой воде. Вскоре горел костёр. Егор с сыном пошёл добывать червей, зашли в густой черемушник и стали разгребать старую сопревшую листву. Червей оказалось много, Фёдор едва успевал их собирать. Снарядив удочку, Егор повёл сына на косу. Там он сделал заброс. Едва наживка скрылась под водой, сразу дёрнуло так, что задрожало тонкое черёмуховое удилище. Егор подсёк – на крючке оказался неплохой пескарь. Насадив пескаря на сниску, сделанную тоже из тонкого черемухового прутика, поправив червя, отдал удочку сыну. Сам пошёл приготовить удочку для жены. Едва он отошёл, как раздался детский крик:

– Поймал! Тятя, поймал!

– Управляйся сам, – сказал Егор. – Я маме удочку сделаю, вместе будете ловить.

Вскоре Настя вместе с сыном весело подёргивали удочки, примеряя: чья рыба больше. Егор повесил котелок над костром, собираясь сварить чай. Сразу бросил сушёных ягод шиповника, разных травок и свежих листьев смородины и малины. Пока чай закипал, он с большим удовольствием наблюдал за своими рыбаками.

«Боже, как же хорошо! – подумал Егор. – Вот что ещё надо? Спешим куда-то в делах-заботах, а такую малость, как порадовать себя, не можем себе позволить, всё времени не хватает».

Егор попил чаю и пошёл копать вьюнов. Только на них можно было наловить хороших налимов. Без них ловят и на червя, но поймаешь мелочь, а хотелось поймать достойную рыбу. Накопав десятка три вьюнов, Егор решил, что хватит, ловить больше было ни к чему. Сколько-то можно покоптить, но впереди лето, лучше потом свежей рыбы наловить. Хотя копчёный налим – это деликатес, а налимья печень ценится дорого, но Егор приехал не заготавливать рыбу, а просто отдохнуть с семьёй.

Мать с сыном рыбачили, пока не кончились черви. Улов оказался внушительным для пескарей. А сколько было радости, а сколько было разговоров! Они наперебой показывали свои трофеи, смеялись. Егор определил, что победил младший Камышлеев, ему полагается приз – конфеты, а проигравший будет готовить рыбу. Получив кулёк с конфетами, Фёдор вытащил одну, посмотрел на отца и спросил:

– Это мои?

– Заслужил, значит, твои.

– Тогда я вас угощаю, – и он протянул конфету маме.

Все весело рассмеялись. Пили чай с конфетами, смотрели на костёр, любовались рекой, обнимались, смеялись, потом все вместе стали чистить рыбу. Все отходы собирали в баночку.

– Мы что ли это есть будем? – спросил Фёдор.

– Зачем? Нам рыбы мало разве?

– Этим мы будем кормить большую рыбу, которую будем ловить ночью.

– И я буду?

– Если не уснёшь, то, конечно, будешь ловить.

– Не буду спать, – заявил сын, – а можно я ещё половлю рыбу?

– Червей знаешь, как копать? Копай и лови. Зачем на реку приехали?

Вскоре Фёдор опять ловил рыбу, но уже один. Настя готовила уху. Выпотрошенную рыбу сложила в большой котелок, посолила, налила немного воды, добавила масла, добавила захваченной с собой зелени с огорода. Накрыла крышкой и поставила на огонь. Когда вода закипела, варево сняли с костра и поставили потомиться. Обедали все вместе. Вкусней ничего не ели.

К вечеру стало прохладней. Возле костра Егор сделал небольшой шалаш, чтобы тепло от костра не уходило, там и устроили постель. Места хватало всем. Уже в сумерках Егор поставил закидушки с наживкой, ходили вместе с Фёдором. Он помогал носить ведёрко с вьюнами. Снасти поставили по берегу вниз по течению метров через двадцать друг от друга. Привязывали шнур с крюком и грузилом к колышку, вбитому в берег, насаживали на крючок вьюна и аккуратно, чтобы не повредить наживку, забрасывали снасть. Проверяли снасти через час-два, с факелом. За ночь проверяли раза три, четыре. Чтобы не уснуть, Фёдор не ложился на постель, ему так хотелось посмотреть, какую рыбу ловят по ночам. Хоть отец и сказал, что ему будет не по силам вытащить большого налима, мальчик не особо верил этому. Он так ловко рыбачил сегодня, ловил и большую рыбу, и справлялся. Он так и уснул сидя, Егор положил его к матери.

– Умаялся, рыбачок, – сказала Настя. – Я тоже помню, как меня первый раз брали на рыбалку. Хорошее время было, ни забот, ни хлопот.

– А сейчас плохое время?

– Сейчас тоже хорошо, но мы стали другие. Молодец, что вытащил нас сюда. Здесь, как у нас в Федино, только река поменьше.

– На реке везде одинаково.

Внизу по реке горели два костра, кто-то из камышлеевских рыбачит.

Егор сидел у костра, снова раздумывал о своём. Когда подошло время проверять снасти, Настя спросила:

– Помогать надо?

– Ты же спала.

– Так, дремала.

– Нет, сам справлюсь, отдыхай.

Соорудил факел из бересты, заготовленной заранее, взял топор, наживку и пошёл. Настя долго наблюдала, как муж проверяет

снасти. В темноте не было видно, поймалось что или нет, уснула незаметно. Когда проснулась, Егор сидел у костра и пил чай.

– Сходил?

– Да, всё нормально, спи, я посижу.

Когда взошло солнце, костёр уже совсем погас Егор, тоже дремавший, проснулся и расшевелил угли. Подкинув дров, пошёл снимать снасти. Когда он притащил снасти и рыбу, проснулся сын.

– Пора проверять? – спросил он, подскакивая.

– Уже всё, пора уже домой собираться.

– Поймал рыбу?

– Поймал, посмотри.

На траве у воды лежали десятка два хороших налимов, каждый не менее десяти фунтов.

– Вот это рыба! – восхитился мальчик. – Как ты поймал столько?

– Вы же с мамой вчера, пожалуй, больше словили.

– Но те маленькие были, а эти огромные.

Домой приехали уже к обеду. До вечера Настя вместе с работником Николой, жившим у Камышлеевых, потрошили, солили налимов, готовили к копчению. Прежде чем коптить, нужно было ещё несколько дней вялить рыбу, но это уже будет делать Никола. Он большой специалист по этому делу, говорит, что научился на Байкале.

В деревне строили два дома, прямо напротив друг друга. Ставили дом Ивану Кузнецову, женившемуся по осени, и семье Ибрагимовых, перезимовавшей эту зиму в сторожах у Мыльникова при магазине. Ибрагимовы были хоть и чужой веры, но прижились в деревне. Молились в деревне каждый в своём доме, потому как церкви не было, а то, что Ибрагимовы не ели свинину да не пили водку, то до этого никому не было дела. В работе они не отставали ни от кого, да ещё Шухрат оказался специалистом по лошадям. Умел лечить разные лошадиные болезни, тем заслужил уважение в деревне. Однажды кто-то из новосёлов обмолвился, что другой нации они, разговаривают меж собой на своём языке. Тогда Егор, не пытаясь выяснить, кто сказал такое, громко и медленно проговорил:

– Может, у нас разная вера, только национальности я знаю две: это хороший человек и плохой. Только две. У нас, если начать со-

бачиться, то долго не проживёшь, тяжело жить в Сибири без помощи, сами уже узнали. А кто ещё не понял – зима придёт, научит. Чтоб таких разговоров больше не было.

На новостройку приходили свободные мужики и помогали рубить срубы. Дома росли быстро, к осени будут готовы. Вместе со взрослыми были и ребятишки. Помогали носить мох, когда просили, то подносили ковшик квасу или воды.

К концу июня срубы уже стояли на всю высоту. Работу временно прекратили, сначала огребли картошку, потом стали готовиться к покосу. Заготовили сено и снова принялись за дома. Быстро поставили стропила, настелили полы, потолки, закрыли крышу и фронтоны.

«Осталось вставить окосячку, поставить и застеклить окна, сделать двери. Ещё осталась работа для Фрола Погодина, сделать печку. Антип уже собрал две железных печки, без которых будет холодновато, но их надо ставить вместе с большой печью, врезаясь в дымоход и делая вьюшки, чтобы закрывать трубу. К снегу ещё будет два дома в деревне, всего целых двадцать домов. По здешним меркам это большая деревня. Надо готовить поля под хлеб, покосы чистить. Скоро для поля придётся расчищать место за речкой, там места много, пусть не рядом с крыльцом, но в четверти часа от дома, это не расстояние. Если ещё прибавятся дворов десять, то те земли понадобятся. А там ещё поженятся молодые, нужна ещё будет земля. Позаботиться стоит заранее. Поговорить с мужиками», – размышлял Егор, поглядывая на строителей.

Брал топор, вырубал «чашки», показывая, что и он может, и опять пускался в раздумье.

Готовить лес станем за речкой, перед деревней, где Егор замыслил расчищать поля. Весной можно будет начинать выжигать и выкорчёвывать пни. Так решил, мужики поддержали его. И вид на поля будет приятней, чем на глухой лес, тайги хватает, а полей, радующих глаз, немного. И для себя зерна нынче Егор посеял больше, чем раньше. Выращивал бычков, сначала полсотни, проверить, как пойдёт сбыт. Если всё будет ладно, поголовье можно увеличить. Тогда и лесопилку можно прикрыть на время, до лучших времён. Авось, пригодится ещё.

Осень была урожайной на клюкву, её на болоте было столько, хоть ладошками сгребай. Егор стал заготавливать ягоду себе

и для продажи. Клюква росла рядом с домом, на краю болота. Берега озера заросли травой и мелким кустарником, образуя болотину. Ходить по ней было небезопасно, с каждым шагом под ногами всё колыхалось. Со временем травой затягивало всё больше воды, и на этой траве, на «живом» болоте, и росла клюква. Вызревала она уже перед снегом, и потому не боялась морозов, становясь только слаще. Камышлеевцы тоже заготавливали ягоду. Хранилась она просто. Приносили ягоду с болота, просушивали, засыпали в любую сухую ёмкость и оставляли на холоде, клюква замерзала, и так хранилась до весны. Лекарство это было первейшее, от разных недугов. Клюкву ели просто ягодой, варили кисель, делали квас, с клюквой квасили капусту. Егор решил, что и в городе должен быть на неё спрос. Для себя заготовили ещё чёрную смородину, кислицу, чернику. В этом году орех был неважный, заготавливать его не было смысла. Для себя только, чтоб пощёлкать длинными зимними вечерами. Засолили много маслят, рыжиков, груздей да опят. Заготовили и на продажу. Особенно хорошо идут грузди и рыжики. Сельчане сдают Мыльникову, тот возит в Тайшет и продаёт. Видно, прибыток имеет, зря не возил бы. Надо переговорить с ним, через кого он товар сбывает.

13

Перед самым снегом в начале октября справили новоселье молодые Кузнецовы, чуть попозже – Ибрагимовы. Кузнецовы перешли в новый дом втроём. Лиза родила мальчика в начале сентября. Дома всё было сделано по-доброму: сваты постарались. Мебель была, правда, незатейливая, как у всех: стол со скамейками, кровать в углу, рядом с ней на крюке, прибитом к потолочной балке, висела люлька для ребёнка. Хорошо в своём доме.

Сына назвали Егором, в честь Камышлеева, так сказал Егору подвыпивший Антип. Крестины прошли вместе с новосельем.

Когда встали реки и наладились зимники, Егор повёз свой товар в Тайшет. Взял небольшое количество, связей налажено ещё не было. Хотя из разговора с Мыльниковым Егор узнал, что надо ехать к Супруну, тот возьмёт, только надо сговориться

о цене и о дальнейших поставках. По приезде в Тайшет Егор пошёл к Ручкину, пытаясь найти подходы к купцу. В это время в кабинете у Ильи Ильича был Зюзенцев. Решал какие-то вопросы по своим делам по строительству домов. Ручкин представил Егора. Омский купец Зюзенцев по своей натуре был человеком открытым, с широкой душой. Узнав, что Камышлеев в какой-то мере его коллега, он порадовался новому знакомству. Небольшие объёмы товаров были для купца как раз нужны. На его предприятиях работали столовые, небольшие лавки для своих рабочих. Поставки свежих продуктов нужны были срочно, но заниматься ими самому купцу было некогда, а тут представился случай. Прямо в кабинете Ручкина сговорились о поставках, о цене, которая устроила обоих. В этот же день Егор доставил товар и получил деньги. Для Зюзинцева эта сделка при его капиталах была не очень важна, но он любил деловых людей, которые держали слово. Просто симпатизировал таким. В последнее время всё чаще нарушалось нерушимое купеческое слово, и это было противно настоящим купцам. Это заставляло заниматься писаниной, которой купцы чурались. «Вспрыснув» сделку, Зюзенцев предложил привозить в небольших количествах и хорошую пушнину.

– Не для доходов, а для подарков и посылов, – шепнул он и громко расхохотался. – Такое нынче время. Рад был познакомиться, приходи по делу и без дела.

Они ещё долго говорили о работе Егоровой лесопилки, о строительстве домов, которые оплачивались переселенческой конторой. Объёмы строительства у Егора были смешные для купца, но принцип был хорош. Расстались друзьями.

Довольный Егор поехал к Ручкину. Там вечером за чаем рассказал о деревенских делах, о работе, выполняемой в срок. Екатерина Павловна тоже была очень рада Егору. Она прямо хохотала от счастья, когда Егор рассказал о летней рыбалке. Копчёного налима он привёз гостинцем для Ручкиных.

– Можно я к вам погостить поеду? Илюша, можно я поеду погостить? – спросила она.

– Чего же нельзя, я через две недели назад поеду, если не понравится, привезу, – сказал Егор.

– Вот и ладно, поезжай.

На другой день Егор с Екатериной Павловной отправился домой. Как всегда запасся подарками для жены и сына, любили они его приезды. Всегда радовал он их чем-нибудь. Вечером, проезжая через деревню, Егор показал на дома, в которых светились огоньки зажженных ламп и лучин.

– Вот и Камышлеевка. Екатерина Павловна, стойко переносившая дорогу, закрутила головой.

В темноте было видно немногое.

– Мне ничего не видно, – прокричала она.

– Посмотрите ещё. Сейчас домой быстрей, окоченели уже.

– Есть маленько, скоро уже?

– С горы съедем и дома. Рядом.

Екатерина Павловна кое-как вылезла из саней, ноги закоченели. Егор приказал Николе срочно топить баню.

– Настя, встречай гостей! – крикнул Егор с порога.

– Заморозил гостью-то, – сказала жена, помогая раздеваться.

Егор представил Ручкину, сказал, что она хочет погостить.

– Ладно, сами разберёмся.

Фёдор сидел на печке и с удивлением смотрел на чужую тётку. Своих деревенских он знал всех, а эта была незнакомой. Когда стали разбирать вещи гостьи, позвали и Фёдора. Ему подарили большую книгу с красивыми рисунками. Глаза у ребёнка загорелись восторгом, он позабыл про всё.

– А где спасибо? – напомнил Егор.

– Спасибо, – сказал мальчик, застеснявшись своей оплошности.

После бани, отогревшись, Екатерина Павловна сидела раскрасневшаяся за столом. Пили чай. Настя угощала мёдом и разными вареньями. Женщины сразу нашли общий язык. У них появились свои дела и свои секреты. Настя тоже наскучалась одна вечерами. За час они построили планы на две недели, может, даже и больше. Только Фёдор сидел у лампы и разглядывал картинки. Ему не было никакого дела до взрослых. Егор, словно зритель, наблюдал за своим семейством и тихо радовался. Не у каждого есть место, где всегда тепло и тихо.

Две недели шла подготовка к поездке. Егору пришлось съездить в Туманшет, выбрать у охотников хорошей пушнины. По случаю приобрёл большую медвежью шкуру в подарок Зюзенцеву.

Такие подарки укрепляли торговые отношения. Видя у себя шкуру, купец каждый раз будет помнить о том, кто ему подарил её. Приобрёл по сходной цене хариуса и ленков.

Через две недели обоз был готов, теперь можно и отправляться. Екатерина Павловна совсем не хотела уезжать. Вместе с Настей они сходили в деревню, побывали в домах. Настя не была гостьей, её любили деревенские женщины. Она приходила на помощь, если надо было, и без этого у неё были хорошие отношения со всеми жителями.

– Смотри, как хорошо, – воскликнула Ручкина, впервые увидев маленькую печку у Кузнецовых. – Неужели от неё так тепло?

– Нет, – отмахнулась Евдокия, смутившись, – разве ей обогреешься. Её топить надо круглосуточно, она у нас для утра. Утром быстренько дров бросишь, и тепло. А ещё у нас есть «русская» печь, в ней мы варим и хлеб печём. Вот от неё тепло, на ней и спать можно. Ребятишки спят и зимой, и летом.

– Летом тоже топите?

– А как же? Хлеб-то печь надо. Но летом печь напрямую топится и вся не нагревается. У нас в деревне свой печник, Фрол Погодин. Хорошие печки делает, никто не жалуется.

Понравилось Екатерине Павловне в деревне. Во всех деревнях возле Тайшета, где ей приходилось бывать, дома не выглядели так свежо. Просто те деревни были старые, некоторым больше ста лет, поэтому там есть и старые дома, которые не радуют глаз. А здесь все дома новые, выглядят хорошо.

Вот и настал день расставания. Женщины даже всплакнули.

– Слёзы в дорогу – хорошая примета, – сказал Егор, разряжая обстановку.

До Тайшета в первый день не добрались. Пришлось ночевать на постоялом дворе в селе Бирюса. Хорошее большое село, стоявшее здесь давно. Люди жили зажиточно, в селе была большая хорошая церковь. Через него проходила дорога на восток, в необъятные российские дали многие великие люди прошлись по этим улицам. Многие сказали добрые слова в своих воспоминаниях. Даже император Николай проезжал здесь в своё время, в соседней Конторке даже ночевал. Выделил сто рублей для церкви и подарил церковную утварь с гербами.

Егору нравилось бывать здесь, отсюда он начинал свой самостоятельный путь, отсюда начиналась дорога в его родную дерев-

ню. Давно не бывал он в родных местах, всё дела да заботы. Надо будет съездить, навестить родных. Давно не было и вестей.

Первым делом Егор завёз домой уставшую Екатерину Павловну. Мужа дома не захватили, Илья Ильич уже ушёл на службу. Человек ответственный, он не позволял себе разгильдяйства даже в мелочах. Товары Камышлеев доставил по месту, Зюзенцев приветливо встретил Егора. Всё было сделано в срок, потому и настроение у купца было хорошее, а когда Егор подал ему связку соболей, привезённых по просьбе Зюзенцева, тот запел от восторга. Как купец и, как сибиряк, он знал цену «мягкому золоту». Рассмотрев каждую шкурку, он обнял Егора.

– Угодил, братец, угодил!

Торговаться не стал. Положил за товар такие деньги, на которые Камышлеев не рассчитывал.

– С утра хандрил, а теперь нет. Теперь настрой боевой!

– Вели занести тюк у тебя в санях, – попросил растроганный приёмом Егор.

Когда разложили медвежью шкуру, Зюзенцев сел в кресло и в восторге развёл руками. Он долго молча любовался хорошо выделанной шкурой с мордой, с лапами, на которых блестели чёрные когти.

– За это я дам особую цену, – наконец сказал купец.

– Это я не продаю, – сказал Егор.

На удивлённый взгляд купца добавил:

– Это мой подарок.

– Люблю! – воскликнул Зюзенцев, схватив охапку Егора. – Обмыть подарок!

И они выпили по три маленьких рюмочки хорошего французского коньку, которого Егору не доводилось пробовать.

Вечером Екатерина Павловна взахлёб рассказывала о своих впечатлениях. Мужчины молчали: женщина любит быть на виду, но если ей не дать говорить, то врага обеспечишь себе надолго.

Уже перед сном Ручкин спросил:

– С Зюзенцевым всё ладно?

– Да, как договаривались.

– Он держит слово, не в пример другим. Продолжите дело?

– Да, заказ не отменяется. Торговаться не стал, цену дал хорошую.

– У него капиталы позволяют, и человек он широки. Будет возможность переждать и тебе, авось, повезёт, и поедут ещё люди в Сибирь.

– Дай Бог наладятся связи здесь, хватит и мне места. У меня не большие запросы.

– Теперь когда приедешь?

– После Рождества, скорее всего, в начале февраля. Не хочется в крещенские морозы испытывать судьбу, на том и договорились с Зюзенцевым.

– Всегда рады будем увидеть вас. Катя-то как рада. Спасибо вам. Она у меня городская, привыкла к обществу. А здесь что? Загрустила было, а сейчас – ничего, улыбается.

– Летом погостит ещё, если пожелает. На реку съездим, порыбачим.

– Скорей бы лето, я тоже приеду отдохнуть. Притомился чего-то.

14

Морозы долго не отступали. Лес заиндевел, словно вымер, на снегу редкие следы тех, кому невмоготу от голода, а кто может поживиться, не высовывая нос на мороз, даже не пытаются вылазить. Чаще обычного раздавались «выстрелы» стройных сосен, с громким треском разрывал их мороз. Лоси и изюбры затаились в густых пихтачах, всё живое затихло, стараясь понапрасну не тратить тепло. Так продолжалось около трёх недель. С приходом февраля морозы понемногу стали слабеть. Поначалу над лесом исчез морозный туман, и стало проявляться солнце. Становилось светлее, морозы ещё стояли, но уже терпимые.

Егор опять подготовил обоз. Тянуть больше было нельзя, с ним в город напросился Антип. Хотелось посмотреть на новое поселение, присмотреть обновки себе и родным. Мыльников обещал привезти, что закажешь, а что заказывать – и не знали. Егор хотел было взять с собой Николу, но в такой мороз Насте тяжело будет, а другие работники нерасторопные по хозяйству, работают только на промыслах.

Выехали затемно, хотелось за световой день добраться до места. Ночёвки в пути – лишние хлопоты. Добрались без происше-

ствий, правда, видели волчьи следы по дороге. Видно, выгнали серых морозы из тайги, но встречи с ними не случилось. На этот случай, чем обороняться, было не только от волков, но и от лихих людишек, нередко появлявшихся на пути обозов. Про смертные случаи слухов не было, но долго ли переступить черту, как недолго и нажать на спусковой крючок ружья. С такими людьми Егор не встречался, но волчьи следы он знал. И как с волками справиться знал: нужно не растеряться при случае, хотя лучше, пусть не будет таких случаев.

К вечеру добрались до Тайшета. Ночевать остались на гостином дворе. Наутро сговорились, что каждый займётся своим делом. Встречаться и ждать друг друга договорились здесь, в ночлежке. Утром Егор повёз товары к Зюзенцеву, купец был хмурым.

– Проходи, садись, – сказал он Егору.

– Вот такие нынче дела, – сказал он. – Пришла беда – отворяй ворота.

Увидев недоумённый взгляд Егора, он хмыкнул:

– Да ты, братец, и не знаешь? Война началась.

– С кем?

– С японцем. Про Порт Артур слыхал? Да, не слыхал, откуда тут про Порт Артур знать. Война объявлена. Жди мобилизацию. Хотя разобьют япошек за промилуй бог, испугаться не успеем, но затраты потребуются. И вот тут размышляй: станет меньше строительство дороги или не станет? То что с домами надо помаленьку придерживаться – это понятно, сейчас не до поселенцев: деньги понадобятся державе. Но дорогу, пожалуй, не прикроют, даже, напротив, усилят строительство, она идёт к океану, как раз, где японцы. Дорога будет строиться, а вот, что с переселенцами, подумаем.

Зюзенцев ходил и разговаривал сам с собой, размышляя. Егор смотрел на него и с интересом слушал. Он ещё не осознал про войну, рассуждения торгового человека ему были интересны.

– Сначала переселение остановят, но ненадолго. Сибирь заселять надо, а людей где брать? Если не заселим мы, заселят китайцы. На востоке уже кое-где были стычки с казаками, но с казаками не забалуешь, а здесь нет казаков. И народ пока новый, не держится за землю, не прижился ещё. Надо брать количеством, значит, что? Значит, переселение будет продолжено ещё расторопней.

Дома строить не стоит бросать. Скорее всего, какое-то время они будут пустовать, но зато потом прибыток будет хороший. Согласен, Егор Петрович?

– Согласен, – Егор даже вздрогнул от неожиданности.

– Дела мы с тобой продолжаем. Когда будет ещё обоз?

– Через три недели будет, хорошо?

– Хорошо. Это сколько раз ты ещё до распутицы будешь?

– Раза три, четыре.

– Летом возить тебе будет нечего, а вот осенью жду тебя. Если есть возможность, привези ещё шкурок. Соболей, лисиц. Белок не надо, дарить белок не солидно. Много не надо, а, чтобы у меня на всякий случай были. Кому война – кому мать родна, кому пулю – кому дулю, – добавил купец

Егор быстро управился и поехал на гостиный двор оставить коней. Только сейчас он осознал новость. Чем больше он понимал случившееся, тем больше вспоминал рассуждения Зюзенцева.

«Как он быстро разложил по полочкам все свои выгоды. Вот, что значит торговый человек. Он уже всё понял, всё распределил, там убавить, здесь добавить. И, ведь, как всё складно. И всё верно».

Егор решил всё хорошенько обдумать после того, как переговорит с Ручкиным. Но до вечера ещё далеко, и Егор решил послушать, что ещё говорит народ. Для этого он зашёл в харчевню, заказал обед, и, чтобы особо не привлекать внимание, взял шкалик водки, пить и не собирался, но так спокойнее. Просидел довольно долго, но ничего про войну не услышал, или люди побаивались говорить, или новость была ещё не всем известна. Ничего необычного в поведении людей не примечалось.

На постоялом дворе Антипа не было, видно, у него дела складывались успешно. Ещё и Ручкина не должно быть дома, а сидеть здесь уже не было сил. Егор решил походить по улицам и посмотреть новое для себя в строительстве, ходил по улицам, но ничего не видел. Все мысли были о новости.

«Если будет мобилизация, то кого будут брать?»

Тревожные мысли не давали покоя. В конце концов он оказался у дома Ручкина, решил зайти наудачу. Может, Екатерина Павловна дома, всё ж будет с кем поговорить.

Жена Ильи Ильича обрадовалась Егору. Проводила в комнату, стала расспрашивать о семье. Егор отвечал не очень складно. Руч-

кина поняла, случилось что-то серьёзное, стала выпытывать причину такого состояния.

– Вы слышали, говорят, война началась с японцами. В Порт-Артуре, название запомнил сразу.

– Порт-Артур? Так это далеко. Это даже не в России.

– Как не в России – не понял Егор.

– Это в Китае.

– А как же война с Россией?

– Этот порт принадлежит России, но находится далеко.

– Что же выходит?

– Илюша придёт, всё объяснит. Вы посидите, а я ужин приготовлю, Илюша скоро будет.

Хозяин пришёл через четверть часа.

– Илюша, Егор Петрович говорит, что война в Порт-Артуре.

– Вы уже знаете? Откуда?

Егор рассказал утренний разговор с Зюзенцевым. Рассказал в подробностях.

– Аналитический ум у купца неплохой, всё разложил верно, я согласен с ним. Только как в жизни повернётся, вот вопрос. Слава богу, если по-купеческому всё сложится. А если нет? Вот тебе и поворот. Сегодня новость пришла, ещё пока никаких распоряжений нет. Всё, как есть. Скорее всего, переселения не отменят. Нет, не отменят. Замедлится, но, я думаю, потом будет волна.

Друзья проговорили допоздна. Ручкин заверил, что о любых переменах, он срочно передаст Егору с кем-нибудь. Не стоит унывать так сразу, время покажет. Скорее всего, война не будет долгой, а в нашей стране многие и не заметят её.

Ночевать Егор пошёл на гостиный двор, сославшись на то, что неудобно оставлять напарника одного в чужом месте. Антип уже все глаза просмотрел, ожидая Камышлеева. Кони стоят на месте, а хозяина нет, никто из прислуги тоже ничего не знал. В городе Антип тоже услышал новость о войне. Сначала он, как и Егор, не осознал её, но потом до него стало доходить, что на войну могут забрать его сына.

«Как же так? – спрашивал себя Антип. – Парень только женился, дитя народил, а его – в армию. А на войне всякое бывает. Что же тогда с сыном? Нет, конечно, умереть никто не даст дитю. Ну, а сиротство – это как, по-доброму?»

Кое-как сделав покупки, Антип направился на гостиный двор поделиться сомнениями с Егором Петровичем, надеясь, что уж он точно подскажет, как быть и что делать. Но Егора не оказалось на месте, хотя, судя по тому, что кони были на месте, он приходил. Никакого терпения не хватало ждать, лишь, когда Егор пришёл, немного отлегло от души.

– Слышал новость? – спросил Антип.

– Слышал, ещё утром.

– Чего думаешь? Людей набирать на войну будут?

– Пока ничего не могу сказать. Не знаю, и никто ещё не знает. Я уже говорил со знающими людьми – никто ничего толкового не говорит.

– Ну, хоть что-то говорят. Насколько это дело завязалось?

– Говорят, что должно быстро решиться. Ведь война не в России, а где-то в Китае.

– Матерь Божья, – перекрестился Антип. – А мы-то зачем в Китай подались?

– Не могу ничего сказать, надо ждать. Кто знает, каким боком повернётся это дело.

– Ты, Антип, раньше времени не волнуйся. Может и пронесёт мимо эту беду.

– Да уж хорошо бы, а то только стали привыкать к нормальной жизни – и на тебе.

Уснуть не могли долго оба, ворочались, вздыхали. Только под утро задремали.

Ехали домой молча, новость не обрадовала.

Прошла зима. Ещё пару раз Егор возил обозы в Тайшет, всё было по-старому. Война не окончилась, но была так далеко, что ничем не тревожила далёкий сибирский уголок. Людей всколыхнула новость, но вскорости и забылась, на войну никого не взяли, воя провожающих жён и матерей никто не слышал. А всё остальное было привычным, где-то недоедали, где-то мёрзли, ну, а когда было хорошо? Русский народ привычный. Его смутить можно в первую минуту, а потом только держись. А здесь и страху не увидели. Где-то там эскадра шла на помощь. Что за эскадра, что это такое, с чем её едят? Для большинства было непонятно. Крейсер, да эсминец – пустые слова. Кто их видел, какие такие корабли? Большие лодки, и что? Не тронула людей война, быстро забыли.

В Камышлеевке жизнь шла своим чередом. Люди попривыкли к новому месту, обустроились. Строили планы, строились понемногу, возводя постройки для скота. Лютая прошедшая зима показала, что в тёплом хлеву скотине ловчей. А без коня да без коровы как прожить, совсем невозможно. А корова в хлеву – что тебе печка: там и курам тепло, несутся среди зимы, телёнок там же отгороженный. Для свиней другой хлев надо, в одном всей скотине тесно. Вот и шевелятся хозяева, никогда такой самостоятельной жизни не было. Всё на барина горбатились, в первую очередь на него, а на себя, что останется, теперь другое дело. Никто не указывает тебе – что сделал, то твоё. Жаль только родную сторонку, не выходит из головы совсем. Другой раз так заболит, что выть хочется, потом в заботах забудется, а как зима, только и размышляй да строй планы. Вот тут и выползает тоска. И о войне доносятся разные новости. Всё одно к одному.

В это время Егор затеял расчищать поля за рекой, перед деревней. В свободное время мужики валили лес, хороший шёл на строительство, негодный на дрова. Ребятишки и те, кто кому валить лес было тяжело, окапывали и выжигали пни, следили, чтобы огонь не расползался далеко. Хотя по свежей траве можно было и не следить. Так всё лето и прошло в делах. Короткое сибирское лето, расписано по денёчкам, когда и что делать. Сначала посадки, потом прополка, затем начинался сенокос. Сена на каждый двор уже готовили помногу: было кому скармливать. Потом убирали хлеб, молотили, копали картошку, только вертись. Хорошо, когда погода позволяла, а то и вымотает всю душу, пока приберёшь урожай.

К осени поле было большое, но делить Егор не спешил.

– На следующее лето расчистим ещё, потом и разделим. Чего сейчас грядки кроить.

Последние переселенцы, прибывшие из Белоруссии Юшкевич и Сушкевич, переглянулись, но промолчали. Другие мужики заворчали.

– Вы чего хотите? – спросил Егор.

– Хотели бы знать, как будем потом делить: поровну со всеми или кто приехал последним, тем и надел поменьше, – сказал Фирсанов Никодим.

– У кого есть ещё сомнение? Антонов, Бутьянов, Лятин, Томаев Прохор – вы все сомневаетесь? Морозов, Козлов, Селезнёв? Говорите, как есть. Ибрагимов?

– Я тебе верю, Егор Петрович, ты не обманешь, – сказал Шухрат, волнуясь. – Аллах видит, я говорю правду.

– Ты, Антип, что скажешь?

– Кто-то у них воду мутит, а пока не знаю кто, узнаю, башку скручу. Где это видано, чтобы Егор Петрович слова не держал. Сказал – поделит, значит, поделит.

– Стыдно за вас, мужики,– добавил Трифон.

– Обманывали много в жизни, вот и нет веры, – сказал Прохор Томаев. – А землицы никогда не хватало.

– Сейчас у тебя есть земля, хватает? – спросил Егор.

– Сейчас хватает, но у меня трое сынов подрастают. Скоро женить надо будет, потом где землю брать.

– Вот когда женишь, тогда и землю выделят. Сейчас воду чего мутить? У Антипа сын женился, выделили землю и дом поставили артелью. Все довольны. Тебя не бросили, когда приехал, дом построили, землю распахали.

– Не просто так, за деньги,– сказал Прохор, не сдаваясь.

– Придёшь ко мне, я тебе покажу, сколько стоит твой дом, и сколько денег за него заплатили. Потом съезди в Догадаевку, в Щетиновку, посмотри там, поговори с людьми, потом скажешь при всех, сколько денег я у тебя украл. Ты ведь в этом сомневаешься? Себе я участок здесь не отмерял, – сказал Егор и пошёл домой.

– Обидели человека. Без дела обидели, – сказал Трифон, и они с Антипом пошли вслед за Камышлеевым.

Но Егор и не думал обижаться, всякое в жизни бывает. У него хватало забот и без этого, просто решил про себя, что больше не будет нянчиться с камышлеевцами. Пусть своим умом живут, вот и не будет никаких разговоров, и эти пожоги не надо было затевать. У того же Томаева трое почти взрослых сыновей, пусть сами и корчуют. Вскоре он и забыл про это. Егор не обиделся, но в деревне стал появляться реже, занялся своими делами. Больше времени был с женой и сыном.

15

Зелёная чаща елей и сосен, сторожевой стеной оберегавшая усадьбу Камышлеева, замерла, источая терпкий запах смолы. Берёзы и осины, окаймлявшие реку, покраснели и пожелтели так ярко,

что бурая трава грязной кляксой расплывалась под ними. Красные гроздья рябин и чёрной переспелой черёмухи затихли в ожидании. Прохладной прозрачностью в огромных холодных каплях росы и сиянием в редких лучах солнца осень делала последние мазки. Вода в речке не издавала ни всплеска, ни всхлипа, словно обиженная, отвернулась и молчала. Нежность, красота и грусть. Осень, пришло время прощания. И наступило время последнего молчания перед дорогой. Осень, посидим, минутку помолчим. В добрый путь, осень.

Егор сидел на берегу болота. Он любил бывать здесь по осени, посидеть, подумать. Хорошие мысли приходили в голову, будто набирался сил на весь год. С каждым разом всё больше затягивалось озеро травой, кое-где тянулись росточки берёз, у берега уже выросли кочки, покрытые резухой. Были и светло-зелёные чистины, будто столы, накрытые мягкой скатертью, и на этой скатерти ровным слоем лежит клюква, крупная, тёмно-красная, сбрызнутая светло-синей дымкой. Бери, собирай её ладонями, черпай, как воду из озера, не упусти момент. Стоит солнцу приблизиться к горизонту, спрячется царь-ягода, и уже до следующего обеда не покажется, можешь и не искать. По краю болота, там, где крепкое дно, протоптаны звериные тропы, лоси, изюбры, косули очень любят полакомиться ягодой. За ними прогуливается и медведь, тоже большой любитель клюквы, он обсасывает все кочки с ягодой. Всем хватает клюквы.

И в этот год работники наготовили ягоды достаточно. В прошлом году клюква была в цене, заготовили и ореха, и масла кедрового, вкусного, душистого. Грибов разных насолено. Идёт лов рыбы, скатывающейся с летних пастбищ, есть договоры с охотниками на пушнину. Не хуже, чем в прошлый год будет товар, хорошо, что есть, кому сдавать. Камышлеевские мужики, кто промышлял охотой, тоже договариваются с Егором, чтобы он брал у них меха, не понимают только, почему не в чести белка. Мыльников берёт её, а Камышлеев нет. Но Мыльников не даёт цену хорошую, не хотят с ним связываться. А куда деваться? Сам не повезёшь белок продавать. Кому продашь? Надёжи нет, вот и отдают всё Мыльникову. В этом году и молодые бычки хорошо подросли, мяса можно в достатке поставлять. И свинину тоже повезёт Егор.

От мыслей отвлекли выстрелы. Недалеко. Пять ружейных выстрелов прогрохотало и затихло. Опять наступила тишина, но

вскоре послышались шаги, к болоту вышел Иван Кузнецов, сын Антипа.

– Здравствуйте, дядя Егор, – сказал он, улыбаясь. – Издалека увидел, узнал сразу.

– Здравствуй, Ваня, садись. Рябчиков гоняешь?

– Чего их гонять, – сказал Иван, присаживаясь,– дурные совсем. Их стреляешь, а они сидят, головами крутят, не улетают. Молодняк.

– Настрелял?

– Пяток взял, больше не стал бить. Куда их больше? Лиза попросила рябчиков.

– Как поживаете? Ладите?

– Ладим. Хорошо поживаем. В этот раз справились со всем, вот есть время с ружьём побродить. «Морды» поставил, рыба в реке пойдёт на днях, надо на зиму заготовить себе, да отцу.

– Он и сам любил порыбачить, – заметил Егор.

– В кузне днями дел накопилось. Ремонт разный.

– Ты чего не помогаешь?

– Никита с ним.

– Егорка маленький не болеет?

– Нет. Ходить начал, бьётся, но ходит, интересный такой. Вы б зашли, как-нибудь, проведали.

– Зайду, Ваня, обязательно зайду. Выберу время и зайду.

– Дядя Егор, вы повезёте товары в Тайшет?

– Когда реки встанут, сейчас ещё нет.

– Возьмёте у меня? Есть несколько соболей, ещё прошлогодних.

– Посмотрю, если годные, чего ж не взять.

– Хочу жене обновки сделать. Выручите?

– Хорошо, Ваня. Привет им передавай: и Лизавете своей, и малому. Антипу тоже привет, давно его не видел. Ты далеко собрался?

– Нет, до Трифоновой мельницы дойду краем болота, а там и домой напрямую.

– Мелет Трифон?

– Работает. Договорюсь с ним, когда мне помолоть можно.

– Привет ему передавай. Скажи, что у меня тоже есть зерно на помол. Скажи, что я потом подойду.

– Ладно. До свиданья, дядя Егор.

Иван быстро растворился среди кустов.

На другой день Егор пошёл в деревню, нужно было заказать у Кузьмы Захарова кадушек. Небольших, ведра на два, три, с крышками. В таких ёмкостях удобно возить всё: и рыбу, и грибы, и ягоды. Зюзенцев за кадушки платит отдельно, ему они тоже нужны.

Кузьма работал в сарае, в углу двора. Там у него было множество заготовок, они были аккуратно сложены по размерам. На большом штыре на стене висел рулон железа для обручей. Их Кузьма резал и клепал по размерам.

– Доброго здоровья, хозяин, – сказал Егор, проходя в мастерскую.

– Здравствуй, Егор Петрович, проходи, садись вот здесь – Кузьма пододвинул свою рабочую табуретку.

– Идёт работа?

– Есть такое дело. Как делаешь, так идёт, вот мастерю, помаленьку, заказ есть небольшой, мужик приезжал из Еланки, заказал пять кадушек.

– У них нет специалиста? Я слышал, что есть свой бондарь.

– А едут ко мне. Значит, чего-то не нравится.

– Большие заказывают?

– Ведер на десять, пятнадцать, некоторые и поменьше. Капусту квасить, да огурцы солить, как раз для семьи.

– Я тоже к тебе по делу, Кузьма, мне нужно десятка два, три кадушек на два, может, три ведра, но не больше. Возьмешься?

– Чего ж не взяться? Хорошему человеку за удовольствие. К какому сроку надо?

– Не все сразу, но к первому зимнику кадок с десяток надо.

– Пойдём-ка, Егор Петрович, покажу чего, – Кузьма повёл Егора в другой сарай. Там в углу стояли десять двухведерных кадушек с хорошими крышками.

– Такие?

– Именно, такие. Ты, прямо, знал, – удивился Егор.

– По весне Мыльников заказывал, потом отказался, так и лежат. Будешь брать?

– Все сразу. И ещё остальные через месяц, полтора.

– Постараюсь, – сказал Кузьма. – Я тебе сам их доставлю, они лето пролежали без дела, усохли, я их день, два кипяточном пропарю, будут в лучшем виде.

О цене сговорились быстро. Оба остались довольны.

Егор пошёл к Антипу, раз уж находился в деревне, чего не зайти к хорошему человеку. Антип ковал острогу. Когда зашёл Егор, кузнец закаливал жало, здесь требовалось умение, перекалишь – острога сломается, не докалишь – будет тупиться.

– Лучить собрался? – спросил Егор.

– Самая пора. Вода маленькая и светлая, сегодня с Ванькой и Никитой поедем.

– Боишься, на себе не донесёшь?

– Чего ноги бить, если на телеге можно. Дорога хорошая.

Пару лет назад мужики прорубили на реку дорогу. Теперь кто хотел – ездил на подводе, ребятишки бегали пешком. Дорога проходила версты полторы через лес, потом выскакивала на луга, а там ещё с версту – и река. По этой дороге гоняли скот пастись и коней в ночное. Рекой пользовались все, дорогой тоже. И в это время не один Антип поедет колоть налима, все, кто не ленится, возьмут свою добычу. Зима длинная – любой кусочек подберёт, вот и стараются люди. Колоть налима – дело нехитрое. На конец лодки приделывают железную сетку, куда накладывают смолья, такие дрова горят ярко, просвечивая воду, сквозь чистую воду видно всё дно. Видно и сонных налимов, лениво шевелящих хвостами. Здесь не зевай, прицеливайся и бей. Если повезёт, то за ночь можно пол-лодки набить хорошей вкусной рыбы, которую и варят, и жарят, и пироги с ней стряпают. Хороший хозяин наготовит на зиму и хариуса, и ленка, подфартит, так и тайменем побалуется. Таймень не налим, рыба серьёзная.

– Чего слышно новенького? – спросил Антип.

– Пока ничего не слышал, – ответил Егор. – Другой раз без новостей спокойней.

– Верно. Живёшь себе, и ладно. Снег выпадет, дрова и сено перевозим домой, и можно дрыхнуть на печи до весны.

– Зима даёт отдохнуть немного. Всё себе построил?

– Больше пока ничего не буду, всё вроде есть. Надо погодить немного. Никиту оженю, помогу построиться, а там буду тукать молоточком понемногу в кузне.

– Ой, ли. Там внуки подрастут, надо будет им помочь.

– Это само собой, но у внуков есть родители, пусть у них головы болят, – сказал Антип.

Положил молоток с острогой и присел на чурку.

– Знаешь, Егор Петрович, в последнее время чего-то покоя нет. Вроде хорошо живём, жили бы так на родине, разве побежали в такую даль, а вот есть тревога: вдруг всё отберут?

– Кто у тебя отберёт? Тебе же государство дало всё. И не красивые глаза, а для того, чтобы ты здесь жил, землю пахал, сыновей женил. Хотя, Антип, и у меня тревога другой раз всю душу высасывает. Не знаю, с чего бы это?

– Не к добру.

– Не каркай.

– Ладно, поживём – узнаем.

– Трифон дома, не знаешь? – спросил Егор.

– Должон дома быть, собирался на ночь на рыбалку.

– Зайду, зерно надо помолоть. Раз уж в деревню зашёл, решить заботы надо.

Трифон сидел за столом и пил чай.

– Садись, Петрович, чайком побалуемся.

– Чего ж побаловаться можно.

Мария принесла кружку чая, заваренного мятой.

– Егор Петрович, с молоком вкусней будет. Мята молоко любит.

– Можно и с молоком, – согласился Егор.

Хозяйка суетилась, радуясь, что её советам послушались. Принесла горячих оладушек.

– Спасибо, хозяюшка, – Егор улыбнулся. – Балуешь гостя.

Мария засмущалась и прикрылась платочком.

– Трифон, когда можно помолоть зерна?

– Завсегда можно, Петрович. Когда надо?

– Освободишься немного, да и смелем.

– Дня через два привози, сделаем, как надо. Оладушек захотел, небось.

– И оладушек тоже. Моя хозяйка тоже ловко их делает. Мельница ничего, работает?

– Чего ей сделается? Посматриваю, так работает.

– Ты один на речку едешь? – спросил Егор.

– Возьму кого-нибудь из пацанов. Одному несподручно, на вёслах кому-то надо.

– А возьми меня,– вдруг попросил Егор, – молодость вспомнить. Ты думаешь, что я всю жизнь живоглотом был.

– Какой ты живоглот? Были б все такие. Поедем, если душа горит.

– Горит, Трифон, ещё, как горит.

Ночь была тихая и прохладная. По всей реке, насколько было видно, беззвучно скользили лодки с факелами. Иногда раздавался стук, скрежет по камням, и снова всё затихало. Егор сначала сел на вёсла, потихоньку придерживая лодку, проплывал по мелководью. Налимов было хорошо видно. Трифон сначала промахивался, но потом приловчился, и в лодку полетели хорошие рыбины. Потом поменялись местами. Егор оказался ловчее, вырос на реке, дело знакомое. Трифон же научился здесь. Когда в лодке было всё дно заполнено рыбой, они поехали к берегу. Посидели у костра, попили чаю, поговорили. Вспомнили, как всё начиналось. Домой приехали, когда рассвело. Трифон завёз Егора домой, хотел было делить рыбу, но Егор, взяв пяток рыбин, отмахнулся:

– Спасибо, Трифон, за компанию. Отвёл душу.

– Пустое. Так, Петрович, привози зерно, сделаем в лучшем виде.

– Спасибо, Трифон. На днях завезу.

16

Громыхнуло в Питере, пронеслось по всей России. Январь 1905 года качнул державу, пронеслись бунты и по Сибири. Ещё не забыли позор войны, как пришла ещё беда. В Тайшете только на железной дороге да на лесозаводе у Жернакова слышались недовольные разговоры, и то недолго. Ничего не поменялось. Поговорили потихоньку, тем и закончилось, строительство дороги и домов не останавливалось. Завершалось строительство водонапорной башни, купцы строили и свои особняки. Напротив базарной площади начали строительство церкви. Увеличивалось население Тайшета. Кроме Супруновских переулков строились Базарный, Волостной и Заводской переулки на востоке. На западе незапланированным оказался переулок Проходной. Кроме Трактовой, Первой и Второй Зелёных улиц, планировались Третья и Четвёртая Зелёные. В северной части Тайшета ограничились тремя улицами: Северовокзальной, Транспортной и Харинской. На железной дороге началось строительство вторых путей. На работу потянулись ещё люди. Строительству до-

мов ничего не мешало, все народные волнения прошли мимо. В деревнях тоже было тихо, там, казалось, жизнь совсем замерла. Если вблизи дороги и было какое-то шевеление, то в далёких деревнях ничего не происходило. Те, кто привозил новости, рассказывали их по-разному, селяне слушали всё, словно сказки, никак не могли понять, как можно идти против царя и полиции. Прослушав очередного «сказочника», уходили домой, и быстро всё забывали. Никому не хотелось менять устои, никто не понимал, что могут принести бунты, кроме каторги. Мещане и другие обыватели, устроившиеся на казённые должности, тоже не желали ничего менять. Только рабочие, кто работал по десять, двенадцать часов и едва сводил концы с концами, были недовольны.

Егор временами наезжал в Тайшет, привозил товары. Узнавал новости у Ручкина и снова уезжал. Ещё раз возил Екатерину Павловну в гости, на этот раз летом. Устраивали посиделки на берегу реки, походы в лес, ловлю пескарей. Сын уже подрос, был проводником и экскурсоводом. Егор тоже иногда участвовал в маленьких семейных праздниках. На неделю приезжал Илья Ильич, выглядел он очень усталым. Три дня он прожил на берегу, ночуя в шалаше, никак не мог надышаться тишиной и покоем, как он говорил. Екатерина Павловна только одну ночь смогла пробыть на реке. Утром приезжала вместе с Фёдором и Настей, а вечером Фёдор увозил их назад. Потом уговорили Ручкина переехать домой.

Вечером Егор с гостем сидели на крыльце и беседовали.

– Как там война с Японией? Что слышно? – спросил Егор.

– На море полная конфузия. Геройски сгубили моряков вместе с кораблями. Потянулись на восток войска эшелонами. Там не только японцы, но и маньчжуры имеют желание прибрать к рукам русскую землю. По Амуру волнения и стрельба, Дальний Восток и Камчатка требуют усиления. Недавно на разъезде Точильный, недалеко от Тайшета, потерпел крушение воинский эшелон. Погибли старший унтер-офицер и солдаты. Тридцатого июля схоронили со всеми воинскими почестями четырнадцать душ в Черемшанке. Со всеми воинскими доблестями, как героев. Манучаров, начальник строительства, был там, выясняли причины крушения, но ничего не нашли. Дорога новая, произошла усадка пути после дождей. Обходчик ничего не усмотрел. Видишь, и у нас отголоски той войны имеются.

– Жалко ребят.

– Жалко, – кивнул Илья Ильич.

Через неделю Ручкины, счастливые и отдохнувшие, уехали в Тайшет.

Время шло. Все ждали, чем же закончится буза. Только в конце года стало известно, что переселенцы вновь поедут в следующем году. Уже готовились партии в разных областях страны. Егор повеселел. Неопределённость заканчивалась, можно снова заниматься строительством домов.

В начале лета 1906 года в Камышлеевку прибыло три семьи: Федотовы, Кузюрины и Сырниковы. Бригада плотников, нанятая Камышлеевым, быстро из готового леса ставила дома. Строителей нанимали в Туманшете. Там деревня росла быстрее, и свободные руки находились. Поселенцы помогали, занимались огородами, строили надворные постройки. За огородами готовили дрова, пилили и складывали в поленницы.

На этот раз Егор занимался только руководством, сам не помогал. Скот закупили здесь же, в деревне, только пару коней пригнали из Туманшета. Егор оплатил работу плотников, заплатил Фролу Погодину за печи, рассказал, что нужно для зимы, и всё. Решил: если захотят жить хорошо – то будут, а не пожелают – то и не заставишь, нянчится уже не хотелось. Пусть живут, как хотят.

Люди старались, обращались за помощью к сельчанам, и помощь оказывалась. Поле перед деревней расширили ещё больше, собрались делить и позвали Егора. Но тот отказался, сказав, чтобы сами решили, как позволит совесть. Как прошло деление участков, он не интересовался. Егор чаще находился дома, осенью он собрался отвезти сына учиться в Тайшет. Там сначала хотел купить небольшой домик, но потом решил сначала снять жильё поближе к школе. Потом время покажет, Настя собралась ехать с Фёдором, пожить первое время там, пока сын не привыкнет. Ручкины предлагали поселиться у них, но Егор не желал беспокоить друзей. Наведываться он будет по два раза в месяц, а потом на лето заберёт семью домой.

В Тайшете открыли церковь. Это событие было существенным. Второго июля 1906 года новую церковь освятил архиепископ Тихон, прибывший по этому случаю из Иркутской епархии. Настоятелем был поставлен отец Василий (Шаравин). На открытии

присутствовали почти все жители Тайшета. В первых рядах находились купцы, пожертвовавшие большие деньги на строительство: Зюзенцев, Супрун, Кабанов и другие. По такому случаю из Томска приехал Жернаков, чья лесопилка приносила хороший доход. Но сам Жернаков в Тайшете был наездами, а командовал всем хозяйством купца управляющий. Был и главный строитель дороги Манучаров с семьёй. Впереди всех при полной парадной форме красовался урядник Иван Савельев. Тайшет стал селом Алзамайской волости Нижнеудинского уезда. Увеличилась значимость станции. Из соседних сёл люди потянулись в Тайшет на жительство. В Еловке, Конторке, Бирюсе, Баероновке не хватало пахотной земли, люди уходили на заработки на железную дорогу и оставались там. Село росло быстро. Кроме церковно-приходской школы, открывались и министерские школы, в которых обучение русскому языку и другим наукам сильно отличалось от церковных. Большинство жителей устраивали детей именно в министерские школы, где преподавание было другим, давали больше знаний.

Федю устроили в министерскую школу вместе с детьми железнодорожных служащих. На экзамене, проводимом перед поступлением, Фёдор был оценен высоко. Не прошли даром занятия матери с сыном, кругозор мальчика был достаточно широк, несмотря на то, что прожил всю свою небольшую жизнь он практически в лесу. Книги, подобранные Екатериной Павловной, помогли Фёдору узнать много нужного.

Дом сняли недалеко от школы и от Ручкиных. Екатерина Павловна взяла шефство над семьёй Камышлеевых. Не только Фёдор, но и Настя тоже надолго уезжала из Камышлеевки. В доме навели порядок, обставили нужной мебелью, приобрели всё, что требовалось. Для всей семьи начинался новый этап, нужный этап. Жизнь менялась стремительно, нужно было приспосабливаться. У Егора давно были мысли пристроиться в Тайшете, но пока он не находил себе качественного применения. Там, где он хотел работать, уже было не протолкнуться, а там, где можно спокойно работать, например, торговать в лавке, он не желал. Это было противно всему его существу, он не мог представить, как это можно целыми днями сидеть на одном месте, ожидая покупателей. Нет, это не по нему. А строить дома для поселенцев – он не сможет тягаться с другими застройщиками, возможности не те. Выращивать хлеб или произ-

водить мясо – нужно много пахотных земель. Вокруг Тайшета их уже нет, а разрабатывать новые земли, нужны хорошие средства и время. Взять деньги под проценты Егор не желал, земледелие – дело рискованное, а долги отдавать надо. А в Камышлеевке дело налажено, там всё работает. Одна проблема – теперь семья далеко, но они решили с Настей, что стоит перетерпеть это неудобство. Сначала Фёдор окончит два класса министерской школы, а там надо будет решать о дальнейшем образовании. Хотя, возможно, к тому времени сделают какую-нибудь школу и здесь. Намечалась большая работа и в Камышлеевке. Должны были приехать ещё поселенцы. Теперь заработанные деньги Егор не собирался тратить, как попало, не собирался рисковать. Если вкладывать, то только в надёжное дело.

Прощались со слезами. Егор никогда не видел жену такой. Раньше постоянно ездил по делам и по месяцу, но слёз у жены не видел.

– Ты чего? – спросил Егор.

– Не знаю. Как-то сами текут.

– Никогда раньше ты не плакала, раньше тоже расставались.

– Там дома было, а здесь всё чужое.

– Ты же у меня охотница бывшая, неужто, испугаешься кого?

– Охотницей была только до замужества.

– Так вспоминай, – улыбнулся Егор.

Улыбка осветила лицо жены.

– Вспомню. Я ничего не забыла.

– Если будут трудности, ты к Илье Ильичу обращайся. Я через две, три недели приеду.

17

Камышлеевка гулеванила неделю. Обмывали второго сына Ваньки Кузнецова. Потом женили Петра Захарова, Кузьма породнился с Козловым Андреем. Дочка Андрея, Мария, свела с ума Петьку, сосватали быстро. Чуть позже была свадьба Томаева Тимофея и Ларисы Мыльниковой. Свадьбы прошли одна за другой, не давая отдышаться. Егор был приглашён на обе. Гулять на свадьбах хорошо, но дело есть дело, сразу после очередной гулянки он с обозом направился в Тайшет. Если раньше он с тревогой ехал

туда, то сейчас с радостью. Встреча с семьёй была праздником. Дела у Фёдора шли хорошо, учился он легко. Многое уже знал, другое, новое, схватывал быстро, цепкая память ребёнка ничего не упускала. Но чем больше Фёдор узнавал, тем больше у него возникало вопросов, на некоторые не только Екатерина Павловна отвечала, но и сам Ручкин.

– Не ученик, а просто террорист какой-то, – смеялся Илья Ильич, рассказывая Егору.

– А кто такой террорист? – последовал вопрос.

– Ну, вот, видишь? Федя, сейчас тебе пока рано знать, кто это такой, но я обещаю, что мы поговорим на эту тему.

– Хорошо.

Ручкины привязались к Фёдору. У них своих детей не было, вся нерастраченная любовь досталась Феде. Сам же ученик относился с большим почтением к своим домашним учителям.

– Дома всё хорошо? – спрашивала Настя.

Она уже соскучилась по дому. По своей кухне, по занавескам, по своей корове и прочей живности.

– Всё хорошо,– сказал Егор, – Никола справляется с хозяйством. Кашеварит сам. По дому убирается раз в неделю Фатима Ибрагимова, я попросил. Неудобно мужику полы мыть, да постирушки устраивать. Она довольна. Когда ты приедешь, то если захочешь, пусть она и убирает.

– А я, что, изболелась? Нет, в своём доме я сама справлюсь.

Екатерина Павловна посоветовала поехать Насте домой, до следующего приезда, а Фёдора они возьмут на это время к себе. Федя тоже хотел поехать домой, но, увидев взгляд отца, не посмел ничего сказать. Настя ухватилась за эту возможность и сразу согласилась. Целый вечер она рассказывала Фёдору, что надо делать. В ответ слышалось:

– Мама, я знаю. Да, я знаю. Я сам. Я умею. Я всё сделаю.

Егор рассказал о деревенских новостях. О том, что у Антипа ещё внук родился. Как прошли свадьбы.

– Я думаю, что в следующем году ещё две, три свадьбы будет. Если не больше. Прибавится в деревне внуков, радости прибавится.

Настя заскучала по сыну, ещё не приехав домой. Егор посмеивался над непостоянностью жены, ох, это материнское сердце.

Дома жена взялась за хозяйство сама, убирала, мыла, чистила по-своему, хотя и отметила, что дома порядок. Но надо было всё своими руками потрогать. Когда пришла Фатима, Настя пригласила её попить чаю, проговорили с ней полдня, но убирать ей не дала. Сказала:

– Я через две недели опять уеду, потом уже можно приходить, а сейчас я сама.

Фатима не обиделась. Хозяйка хозяйку понимает.

Дела по дому закончились быстро, и дни потянулись в думах о сыне. Егору некогда было скучать: забивали скот, морозили мясо. За всем нужно проследить. Всё делали работники, люди старательные, толковые, но всегда кажется, что сам сделаешь лучше, а рук на всё не хватает. Работники не обижались на замечания. Егор ругаться не любил и не ругался. Когда надо было, говорил спокойно, старательно выделяя слова, и от этого спокойного голоса пробирало так, что лучше бы поругал. Нерадивых работников предупреждал, а потом без сожаления выставлял. Но за отработанные дни всегда платил, не обманывал. Не было в крови этого, обманывать и хитрить. На копейку схитришь, обманешь, на рубль сам потеряешь, так учил отец, так и жизнь учила. Дал слово – держи, не можешь исполнить – не обещай, не давай надежду. Сказал – сделай, не подведи. По таким устоям старался жить Егор. И сейчас готовил товары не как попало, а как нужно. Никто никогда не проверял при приёмке, потому и хорошо было на душе. Доверяют. А когда проверять начнут, то жди беды. Туши мяса укладывали рядами, закрывали пологом, увязывали, ровными рядами ставили кадки с мороженой клюквой, солёными грибами, с солёной и вяленой рыбой. Пушнина лежала отдельно для Зюзенцева и для Жернакова. Были у них свои слабости. Можно было купить и в Тайшете хорошие меха, но могли пойти нежелательные слухи. Для кого? Для чего? А Камышлеев не афишировал ничего.

Егор был во дворе, когда к нему пришёл Антип Кузнецов.

– Здорово, Егор Петрович.

– Здравствуй, Антип. Случилось чего?

– Случилось. Бутьянов Иван помер.

– Как помер? – растерялся Егор.

– С вечера попросил баню протопить. Сходил. После бани сказал, что нехорошо ему, лёг полежать и не проснулся.

– Горе какое. Сироты остались.

– Два сына. Старшему восемнадцать лет, малому четырнадцать.

– Вот и первый покойник в деревне.

– Я чего пришёл-то? Где будем хоронить? Пока не надо было, разговору не было. Может в березняке, что за огородами?

– Нет, здесь совсем в деревне будет. Я присмотрел место, поедем, покажу. Место хорошее, сухое, от деревни недалеко и не близко. Гроб делают?

– Да, Кузьма уже, наверное, закончил.

– Кто копать будет могилу?

– Есть копщики, хватит людей. Зажгут костёр на ночь, а с утра и копать будут. Не должно ещё промёрзнуть сильно, морозов больших не было.

Егор проехал деревню, и по целику ещё с километр, потом свернули влево. Редкий сосновый бор был чистым и светлым, снег был неглубокий. Проехали до самого места.

– Вот в этом бору, я, думаю, будет в самый раз.

– Хорошее место, – согласился Антип, – как-то не додумались сами.

– Не надо было, вот и не думали.

– Ты же подумал.

– Дело случая. При мне кого-то хоронили в Догадаевке. Там кладбище высоко на горе, вот и подумал тогда про место у нас. Присматривал, ездил специально.

– А в Догадаевке почему на горе?

– Боятся, что в большое половодье может низины топить, вот и выбрали место повыше. Деревня на берегу.

Антип выбрал место почище. Вытоптал снег.

– Пусть первому и место будет лучшее, – сказал он. – Все здесь будем. Тут места всем хватит.

– Дай-то Бог, чтобы уже здесь. Не пришлось ещё искать новой доли.

– Согласен. Вот только без причастия придётся хоронить.

– Батюшку на отпевание привезите.

– Привезём. Хоронить будем послезавтра. Завтра могилу выкопают, на другой день и похороним, приходи.

– Куда я денусь? Надо ещё и деньгами помочь.

– Неужто не сможем деревней похоронить?

– А после похорон? Вот то-то и оно. Слава Богу, скот есть, проживут. Сыны уже большие.

Горе что гром среди ясного неба. Кто вздрогнет, кто обернётся, кто перекрестится, но все заметят и услышат. Никто в деревне не остался в стороне, помогали, чем могли. Деньги несли, кто имел, продукты, вещи какие-то, каждому было дело. Когда живой, то не думаешь ни о чём: рано, мол, ещё, а оно приходит и не спрашивает: рано или в самый раз.

Вся деревня провожала до кладбища. Перед этим лошадями притоптали дорогу, и теперь идти было не очень тяжело. Всем хотелось посмотреть и место под кладбище. Когда поставили свежевыструганный крест, сразу обозначилось кладбище. До этого всё было как бы не всерьёз, а теперь, при виде креста, сразу прекратились шепотки и разговоры. Растерянные, понурые люди долго не отрывали глаза от креста. Каждый подумал о своём.

– Поминать заходили по очереди, все сразу не уместились за столами.

Егор с Настей вышли и пошли домой. Разговоры были неуместны, дома ждали ещё дела. Завтра утром ехали в Тайшет. Настя считала часы, соскучилась по сыну, настряпала ему всяких вкусностей.

Дорога через лес до Перевоза шла большей частью по густому ельнику. Там было темно и жутковато, лес был настолько непроходимый, что дальше первого ряда деревьев ничего не было видно. Только от деревни дорога какое-то время шла вверх, потом вниз, через небольшие распадки опять вниз. Из ельника дорога выныривала прямо в деревню Перевоз. Летом здесь был паром, зимой же просто дорога по льду. Тимофей Ожёгов, державший перевоз, был ещё в силе. Сам тягал паром, помогал загонять подводы, зимой он рыбачил подо льдом, охотился. Была у него и ночлежка, припозднившиеся путники ночевали здесь. За небольшую плату давали место, кормили самого и кормили коней, если было нужно. Сам Тимофей силой был одарён с рождения. Однажды на паром в конце дня заехали три здоровых мужика. Мужики, как мужики. Посреди реки вытащили ножи и предложили отдать выручку. Два лиходея, которых Тимофей успел схватить за руки, и не поняли, как оказались в воде, третий спрыгнул сам, не дожидаясь приглашения. Тимофей распряг коня и столкнул его в воду. Поднатужив-

шись, и телегу перекинул через невысокие перила. Всё это делал молча. Уже потом, в конце, сказал, чтобы деньги за переправу положили на паром. Каково же было его изумление, когда утром он увидел копейку за паром. Сначала он подумал, что потерял кто-то, но потом вспомнил, что вчера здесь копейки не было. Усмехнувшись, положил деньги в карман.

Увидев Егора, Тимофей махнул рукой:

– Как поживаешь? Опять в Тайшет поехал?

– Здорово, Тимофей! Дела всё, надо ехать.

– Поосторожней, Егор, волки о двух ногах развелись. На той неделе обчистили мужика из Шелехова.

– Спасибо, что предупредил. Буду наготове.

– Езжай по реке, хоть дальше, но спокойней.

– Спасибо, Тимофей.

Егор не испугался, но ружья положил под руку, так надёжней. Одно дал Насте. Что-что, а стреляла она ловко, смолоду научена. Уже после обеда, проезжая мимо леса, Егор заметил людей, выходивших из леса наперерез обозу. Только у одного было ружьё, другие были с топорами.

– Стреляй сразу, не разговаривай,– сказал он Насте. – Они знают, зачем идут. Настя спокойно сидела на возу и смотрела на разбойных людей. Уверенные в себе, они медленно шли по снегу. Обозу некуда было деваться: дорога узкая, не развернёшься, но Егор и не думал разворачиваться.

Тот, у кого было ружьё, помахал им над головой, обращая внимание на оружие. В тот момент с обоза раздался выстрел. У ног бандита взметнулся снег. Тот в первую минуту не понял, а пока разглядывал, услышал голос:

– Забрось ружьё подальше в снег, а то я не промажу.

Когда у его ног взорвался второй фонтан снега, бандит забросил ружьё в снег.

– И не думайте шевелиться, уговаривать не буду, – сказал Егор.

Обоз уже прошёл, а разбойники стояли, смотрели вслед уходившей добыче, потом развернулись и нехотя подались в лес.

– Хорошо стреляешь, на охоту надо взять, – усмехнулся Егор.

– С испугу, – спокойно ответила Настя.

– Тебя лучше не пугать, – расхохотался он.

– И не пугай, – улыбнулась Настя.

Фёдор тоже соскучился по родителям, он не отходил от них, пока не легли спать. Настя всплакнула и сказала, что больше не поедет без сына никуда. О налёте не вспоминали. Егор даже не рассказал об этом Ручкину.

– Весной будет большой поток переселенцев, есть сообщение. Война с Японией ускорила освоение Сибири. На Востоке маньчжуры делали попытки присвоить территории, опять были стычки с казаками. Есть жертвы. Там тоже много неосвоенных мест, много золотоносных речек. Убивают старателей. В верховье Бирюсы усилили охрану приисков, бывают нападение бандитов. Есть сведения, что и у нас появились любители бандитского промысла, нападают, но не на всех. Получают вооружённый отпор, если так пойдёт, то скоро прольётся кровь.

– Стрельба будет, это точно. У нас все охотники, а они не спустят, – сказал Егор, но не рассказал ничего о нападении, не стал тревожить друга. Но про себя решил, что надо помощника брать с собой, от греха подальше.

18

Весна пришла ранняя. В апреле пригрело солнышко, а уже в начале мая подули тёплые ветры, прошли дожди, и снег исчез. Днём стояло тепло, и ночью до морозов не доходило. Земля прогрелась быстро, пахать стали рано: боялись упустить влагу.

Лаврен Кузьмин заканчивал пахать свой участок, пашня подходила к самому лесу. Кроме трёх саженей государственных, Лаврен ещё припахал изрядно. Никто не покушался на эту землю, а землица родила хорошо и находилась рядом с домом. Хлеба хватало, овса тоже не просили, картошку садили рядом с домом, потому как это самое тяжёлое дело и самое позднее. Начал пахать с утра, помогали сыновья Илья и Нестор. Сыновья были погодками, сейчас уже почти мужики, пора женить обоих. Пахали попеременке, один из сыновей ходил за плугом, другой вёл коней в поводу. Кони были молодые, обученные первый год в работу, по пять лет им будет осенью. Свои кони, их не гнали в работе, жалели, пусть ещё попривыкнут, а то запалятся в молодости, пропадут лошадки. К вечеру, когда работы оставалось совсем немного, кони вдруг зафырчали и отказывались идти. Лаврен разозлился было, но, внимательно

посмотрев в сторону леса, увидел медведя, сидевшего на валёжине и смотревшего на работников.

– Илья, принеси-ка ружьё, пулей заряди, вон медведь сидит.

Илья пошёл за ружьём, вернулся быстро, но медведь, почуяв опасность, при приближении Ильи скрылся в лесу.

– Смотри, смелый какой, – восхитился Нестор.

– Может, голодный, только из берлоги вылез?

– Какой бы ни был, это медведь.

– А небольшой, – сказал Илья, – пестун, скорее всего.

– И у пестуна силы хватит голову свернуть. Чего он сидел? Не боялся совсем.

– Уйдёт, больше не появится.

Допахали поле спокойно. Больше кони не беспокоились.

Но медведь не ушёл, он ходил вокруг деревни. Женщины пошли за черемшой к болоту – он их там напугал. Приходил к Камышлееву в усадьбу, собаки подняли такой лай, что было слышно в деревне. Никола спустил кобелей, так они угнали его на болото. Трифон встретил его возле своей мельницы. Уже люди боялись ходить в лес, тогда мужики решили устроить облаву на медведя. Собрались на краю деревни, спустили собак. Некоторые кобели затеяли драку меж собой, другие пошли в лес. Дерущихся собак разогнали пинками.

Вскоре из леса донёсся собачий лай и рёв. Все поспешили на шум. Одни собаки окружили медведя и не давали ему подняться, хватая за «штаны», другие молча сидели и смотрели на этот шум с любопытством. Третьи, поджав хвосты, летели в сторону дома, едва не посбивав с ног охотников.

Стреляли все сразу. Медведя застрелили, при этом убив одну и ранив двух собак, хозяева собак матерились. Медведь оказался молодым, скорее всего, он наблюдал за всеми из любопытства. Но зверь есть зверь, поди, разберись, что ему надо, и что он вытворит в следующий момент.

– Хорошо, что друг друга не перестреляли, – сказал Никодим Фирсанов. – Была бы охота.

– Не каркай,– осадили его, – сам, небось, тоже палил?

– Нет, чего я буду в собак палить? Из-за них и медведя не было видно.

– Медвежатник, что ли? – спросил Лятин.

– У тебя понятия нету? Собаки кругом, а ты палишь.

Сначала мужики разругались, а потом и помирились, вспоминая, действия каждого.

– С медведем что делать?

– А чью собаку застрелили?

– Мою,– сказал Мехонов. – На цепи был бестолковый, а сгинул достойно.

– Может, ты сам и пристрелил его? – захохотали мужики.

– Я тоже стрелял, там пойми, от чьей руки пал кобель.

– Медведя пострадавшему, – решили все единогласно.

Вечером в деревню пришёл Егор, попросил собрать мужиков.

– Я пришёл просьбой. После посевной надо помочь ставить жильё. Бригада будет работать, но сил не хватит. Сразу приедут порядка десяти семей, надо до осени собрать дома. Да, как я понимаю, молодожёнам надо делать. Меня просили не оставить в зиму поселенцев под открытым небом. Всем вам помогали, и вы должны помочь. В одной деревне жить, друг другу в глаза глядеть. Что скажете?

– Работы много, за один присест не сделаешь. Придёт время, и сено косить надо будет.

– Это само собой. Для себя в первую очередь, всем работа будет оплачена. Нужны руки, – добавил Егор.

Помочь согласились все. Кто от чистого сердца, кому деньги нужны, а кто просто не хотел выделяться.

Егор только вчера приехал из Тайшета. Ручкин рассказал, что едет большая партия в Тайшет. Часть людей останется здесь, но семей десять Илья Ильич пошлёт в Камышлеевку. В наших краях планируется поселение в Щетиновке, Шелехово и дальше по Бирюсе. Расселять будут и возле Тайшета, на расстоянии вёрст десяти, пятнадцати. Народу будет много, в этом году и в следующем такая же ситуация. Вот и закрутилась карусель, поутихли бунты в стране, продолжилось дело с переселением. После выступлений в стране оказалось много желающих уехать в более спокойные и сытные места.

Подписав договор, получив финансовую помощь на строительство, Егор забрал семью и выехал домой. Фёдор подрос за зиму, старался помогать отцу, грузить вещи. Ему очень хотелось домой, там были деревенские друзья-сверстники, с которыми играли, ходили на рыбалку. Хотелось поскорее их увидеть, прогуляться

вокруг дома, посмотреть, где нынче понастроили гнёзда птицы. Покупаться в Дунайке. Как ему не хватало всего этого здесь. Он устроился рядом с отцом, управляя лошадью.

– Ты сам управишься? – спросил он сына.

– Маленький, что ли?

– Тогда управляй сам, а я к матери поближе подвинусь. Не испугаешься в лесу?

– Чего в лесу летом бояться?

– Как чего? Недавно прямо возле нашего дома медведя застрелили. А ты говоришь, кого бояться.

– Серьёзно, что ли? – спросила Настя.

– Ещё как серьёзно. При этом убили одну собаку, и двух поранили, – Егор со смехом рассказал про горе-охотников.

– Хорошо, что медведь молодой был, помял бы и собак, и охотников.

– А ты чего не помог?

– Я был в Туманшете у Игната.

– Как они поживают?

– Живут, нормально. Деревня у них большая стала, раза в два больше нашей.

– У нас с голого места строить стали, а там уже домов пятнадцать было. Что у нас дома?

– Всё хорошо. Чисто, тихо, уютно, только вас нету. Сынок, забыл тебе сказать, у нас жеребёнок маленький есть, с тобой хочет познакомиться.

– Как его звать?

– Вот сам и назовёшь. Я думаю, ты за ним будешь ухаживать.

– Конечно, я, кто же ещё?

Они всю дорогу болтали, словно полжизни не виделись. Как хорошо им было вместе, Фёдор заправски сидел за кучера.

– Ты про этих ничего не слышал? – вдруг спросила Настя.

– Про кого?

– Зимой было.

– Да постреляли вроде бы их. Ограбили они мужика с Догадаевки, его сыны приехали специально, да постреляли. Говорят так, а как на самом деле – никто точно не скажет. Но с тех пор тихо стало. Мне Тимофей Ожёгов рассказывал. А он всё знает. Волков даже нынче не было, даже следов не видел, но я из дома не ходил

никуда. Никола петли ставил на зайцев возле дома, поймал с десяток. Вот и всё. На перевозе, пока Тимофей гнал паром, Егор успел поплескаться в холодной в это время воде. Река была чистой, лёд прошёл, вода упала. Большого половодья ещё не было, снег в верхах только начал таять. Пройдут дожди в верховье, каждый распадок подкинет водицы в Туманшет, вот тогда покажет он свою силушку.

– Выучился? – обратился Тимофей к Фёдору.

– Первый класс закончил, – сказал гордо Федя.

– Ишь, ты? А учился хорошо?

– Хорошо.

– А не врёшь? – спросил Тимофей.

– Не приучен врать.

– Ну, если учился хорошо да врать не приучен, залезай тогда, а иначе не повёз бы.

Егор улыбнулся рассуждениям сына.

– Видишь, Петрович, не приучен врать-то сын. Придётся везти.

– Придётся, – согласился Егор.

Вечером уже были дома. К их приезду Никола стопил баню. Перед баней, Фёдор пошёл смотреть жеребёнка, и, угостив его кусочком хлеба, побежал домой.

Напарившись с сыном, Егор сидел и попивал квас из березового сока. Благодать дома. С полотенцем на голове пришла Настя.

– Попей квасу, – Егор подал ей ковш.

– Холодный?

– Нет, согрелся уже.

Настя не пила после бани ничего холодного, могло разболеться горло. Зная за собой такое, она осторожничала.

– Погодите маленько, сейчас соберу поесть, – сказала она и легла на кровать отдохнуть.

Фёдору было не до еды. Он разглядывал картинки в новой книге.

– Тять, а где медведя стрелили, покажешь?

– Бояться не будешь?

– Чего бояться, медведя убили же

– Покажу. Потом как-нибудь, время ещё будет, целое лето впереди.

Фёдор опять стал смотреть картинки. Поужинали поздно.

Хороший месяц июнь для работы. Светает рано, а солнце садится нехотя, работай да работай, пока сила есть, пока не трясутся коленки. До тех пор, пока руки задрожат от работы и не станут держать кружку воды. Благодарный месяц июнь. Ещё не палит жарой, не выжигает потом глаза. Всё лето такое бы. Когда придёт время косить сено, будет жарко. Рано поутру, когда росой смочена трава, бодрит свежесть, но косить невозможно: откуда ни возьмись, вылетает чёрная куча гнуса. Лезет в глаза, в рот, за шиворот, и нет от неё спасенья, не помогает и дёготь. Только когда солнце поднимется повыше, можно брать косу и валить ровные ряды травы. Какой стоит дурман, невозможно дышать, пьянеешь. До обеда коси, коса, пока трава не просохла до самого корня. В самую жару косить невозможно: солнце прожигает через рубаху, пот заливает глаза и выедает солью. Часа два косари валяются в тени, пока пройдёт самый жар. После обеда обычно появляются облака и спасительный ветерок, настаёт время подворачивать валки. Сено, скошенное раньше, просыхает с одной стороны, его надо перевернуть, пока есть ветер, он быстро просушит остатки. А ближе к вечеру надо сложить копны, в копнах сено не пропадёт. Хорошо сложенные копны любой дождь не пробьёт. Так и готовят вперемежку: косят, сушат, складывают копны, Потом, когда всё сено будет в копнах, станут ставить зароды да огромные стога. Ребятишки на конях таскают копны к одному месту, длинную крепкую верёвку одним концом привязывают к хомуту, другой заводят вокруг копны и привязывают к хомуту с другой стороны. Конём срывают копну с места и волокут туда, где закладывают зарод. На землю укладывают длинные берёзовые ветки, на них и складывают сено. В каждой семье есть свой специалист ставить зарод. Не любой умеет правильно сложить и утоптать стог. Если плохо сложить, пробьёт дождём, намочит сено, и тогда «сгорит», сопреет изнутри, покроется белым налётом и почернеет. С таким сеном зимовать – молока не видать. И скотина голодная будет, не годится в корм такое сено.

Много сделали мужики за июнь, поставили четыре сруба. Ещё начатых было три. После сенокоса продолжили, старались все. На виду каждый старался отличиться. Дело шло, к середине августа двенадцать незаконченных домов стояло. Где-то ставили крышу,

ложили печи. Чтобы подбодрить как-то людей, Егор выдал половину денег. Заплатил хорошо, некоторые подумали, что это всё заработанное, и были рады такой сумме, но когда узнали, что полный расчёт будет в конце работ, взялись с новой силой. Такие деньги где заработаешь, а тут дома. Даже скептики и те работали хорошо. Дома ещё не доделали, как приехали переселенцы. Подоспели к отделке. Переночевали у костров, и ближе к обеду Егор собрал всех.

– Называйте фамилию, я запишу всех, потом будете тянуть бумажки, кому какой дом выпадет, чтобы не было скандалов и обид. Дома не все готовы, но до холодов всё будет сделано. Так приходилось заселяться всем новосёлам, самым первым ещё хуже. Скандалов не устраивать, кому не понравится место, со временем может построить дом в другом месте. Если отдаст дом для поселенцев, то получит бесплатно материалы и помощь. Если захочет оставить старый дом себе, строиться будет за свои деньги. Теперь, что делать дальше. Скот будет куплен, дрова готовить будете сами. Кормов тоже купим на первую зиму, дальше – это ваша забота. Покосы чистить будете сами, место есть. Дополнительные земли корчевать и чистить можете артелью или сами, как пожелаете. В деревне есть кузница, мельница, есть хороший столяр. Всё это люди сделали сами, они и хозяева. О работах договариваться самим, но самое необходимое будет сделано бесплатно. Всем ясно? Если будут вопросы, то меня зовут Егор Петрович. Где меня найти, каждый деревенский знает. Начнём.

Егор медленно записывал: Карповы, Башевские, Малутины, Николаевы, Ивановы, Фурсовы, Селезнёвы, Аксёновы, Соколовы, Королёвы. Бумажки сложили в кепку. Подходили к дому, Егор вытаскивал записку и громко читал фамилию. Новые хозяева растерянно стояли перед домом, потом шли к своему углу, о котором мечтали больше всего. Открывали двери и несмело входили. Два дома, которые строили молодожёны, делали отдельно. Сбылись мечты не о сладкой жизни, о человеческой жизни. Первые поселенцы прожили уже десять лет, здесь, в этой деревне. Когда все дела закончатся, надо отметить юбилей. Деревне уже десять лет, а в ней нет ни одного старожила, все переселенцы. Прижились, освоились. Уже и детей рожают, строятся. Есть ещё место, пусть строятся.

19

Заселение последних поселенцев прошло буднично. После тяжёлой работы не хотелось праздников, просто устали за прошедшее лето. Заработали хорошо, но после такой работы ничего не радует. До холодов все зашли под крышу, всё, что можно было, доделывать самим хозяевам под крышей, да с тёплой печкой. В это счёт не шло: неизбалованные люди, на разные мелочи внимания не обращают. Не до мелочей, разные чувства на душе у людей, но больше удовлетворения. Всё ж свой угол, и все невзгоды забываются.

Хорошо, если есть силы да помощь подрастает, сыны подставляют плечо. А у кого только дочки? Тем просвета не видно. Растишь не себе помощников, придёт время, отдашь чужим людям, да ещё надо приданого приготовить, да так, чтобы не обидеть. Куда ж без него, никому не нужна будет и красавица, разве, богачу какому, для баловства. Вот и рассуждай человек, когда тебе хорошо, и где тебе рай. Всё равно, радости больше, гнать их надо – скуку да уныние – сожрут, не подавятся. Чего сопли распускать, один раз живём, глядишь – Господь не обойдёт своим вниманием, да подсобит, скрасит жизнь. Хотя, куда уж краше, бесплатно привезли к чёрту на кулички, дом новый дали. Пусть не хоромы, пусть небольшой домик, но свой. Землицы отрезали клин, только какая та, земля, мать или мачеха – время покажет. И не убежишь назад, назад бесплатно не повезут. И куда везти из своего угла? Чудны дела твои, Господи.

Так и по-другому думали новосёлы. Хорошие мысли были или тоску нагоняли, а жизнь продолжалась. Приближалась зима, нужны были дрова и в большом количестве. Пока не было снега – ходили поблизости с участком, пилили сухие вершины сосен, лежавшие под ногами, всё, что осталось от дерева, когда отрезали деловую часть, то, что не сгодилось в строительстве. Потом на телеге подвозили чурки к дому и складывали. Не знали ещё новосёлы, что, если сейчас не постараться, зимой ещё хуже будет. Нужно искать сушины, засохшие на корню деревья, валить их, а потом по пояс в снегу вывозить на санях. Без дров не перезимуешь.

Егор переговорил с первыми поселенцами о юбилее. Всё ж вместе прошли этот путь, а десять лет – немалый срок, попро-

буй, проживи его. И самой деревне тоже десять лет. Сколько ей на роду отмерено, кто знает? Вот и стоит отметить день рождения, как любимому ребёнку, которому много отдано. Кем он станет, этот ребёнок, какая доля ему выпадет. Всё будет потом, а пока же он любим и потакаем. Начали праздновать у Камышлеевых, а потом ходили по всей деревне, от дома к дому, каждому честь и уважение. Праздновали всей деревней.

– Я уж и забыл, что жил где-то, – говорил пьяненький Фрол Погодин. – Привык, как будто так и надо.

И он разворачивал гармонь и распевал похабные частушки.

– Как один день пролетел,– вспоминал Антип Кузнецов,– уже здесь два внука народились. Вот тебе и один день.

– Да, ты у нас куркуль, – крикнул Фрол – второй дом построил. Я один обжить не могу, а у него второй уже. Ещё строить не собираешься?

– Чего ж не собираюсь? Собираюсь. Никиту оженить собрался, дом и ему строить надо.

– Кого в сваты берёшь? У меня дочка подросла, бери в родню.

– Молчи, дурень старый, – шикнула на него жена Нюшка, – зенки зальёт и болтает, что попало.

– Девка у тебя неплохая. Наверное, не сидит днями с удочкой.

– А кто мне всё делает? – вдруг заегозил Фрол.

– Да, ладно, скажет Никита к тебе идти – пойду к тебе, – миролюбиво сказал Антип.

– Можешь не ходить, не отдам дочку, – упёрся пьяный Фрол.

Все захохотали.

– Хорошая деревня у нас, – тихонько проговорил Кузьма Захаров, – сколько дней я думал: надо было ехать или нет. Вот теперь поймал себя на мысли, что не стыдно детям в глаза глядеть. Как было там? Придёшь – дети голодные глядят на тебя, а не вытащишь ли ты корочку из кармана. Или забыли?– обратился он ко всем.

– А здесь кто голодом сидел, даже в самый плохой год? Когда жилы лопались от работы, разве не было куска хлеба? Вот и стоило ехать. Смотрю, а дети кусок хлеба на столе оставляют, разве там было такое? А ещё скажу вам вот что: на другой год или на третий поехал я по другим деревням продавать кадушки. Думку держал: посмотреть, а может, в других деревнях получше пристроились.

Посмотрел, сравнил, с людьми поговорил и понял, что лучше, чем у нас, нет. И чьими стараниями?

Люди стали крутить головами, выискивая Камышлеева. Егор смутился и покраснел.

– Спасибо тебе, Егор Петрович. Новенькие поговаривают, мол, барин, раз по имени отчеству. А я скажу: не как барин он с нами возился, а как отец. Тут некоторые говорят, мол, наживается на нас. Наживается, не без этого, но как отец на детях. Скажите, у кого он лишнего взял? Кому не доплатил? Вот и выходит, что выпить за тебя надо, Егор Петрович.

– Наговорил, прямо я покраснел, – сказал Егор. – Я скажу вот что. Кто хотел, у того получилось, значит, вы хотели больше всех. Мы хотели больше всех,– поправился он. – И у нас получилось, как надо. Другим помогали. Где-то работой, где и добрым словом, бывало не за деньги, а от души. И это было, и мне не стыдно смотреть вам в глаза. Всегда понимали слова, умели говорить. Если выпить, то за нас всех. Мы все в одной деревне. А ей десять лет сегодня. За нас!

Опять заиграла гармошка, веселье вылилось на улицу. Продолжалось празднование ещё два дня. Остановил всё выпавший снег, выпало сразу много. За одни сутки навалило основательно, прикрыло все огрехи. Сразу стало торжественно и празднично, ровные белые дымы тянулись в небо, растворяясь в синеве. Хозяева расчищали тропинки возле дома и во дворе. Детишки мяли красоту, создавая своё, лепили из податливого ещё снега снеговиков, швыряли снежками друг в друга и прохожих. Кто-то ругался, другие, вспоминая своё детство, отвечали. Тогда все дети дружно атаковали взрослых. Настроение было весёлое.

Через полмесяца приморозило немного, настала пора возить дрова домой. Пока снег неглубокий, можно в лес проехать. Дрова готовили весной, когда сходил снег, старались пилить недалеко от дома, где позволяло место. Валили подручные деревья, распиливали их на чурки и кололи на четыре, пять частей, так лучше сохнут. Складывали в поленницы, чтобы не ковыряться под снегом. Потом, когда выпадет первый снег, на санях за несколько дней перевозят домой. Так же было и с сеном. Где сена было много, ставили большие зароды. На лесных полянах ставили копна из расчёта на один воз. Приедут, раскопают снег, погрузят на сани – и домой.

Старались увезти всё, потом по глубокому снегу не наездишься. Каждая семья делала по-своему, никто не указывал.

Зимой по лесу можно ходить только на лыжах. Снег мягкий, не тронутый ветром, лишь немного присыпанный хвоёй и небольшими ветками. Тихо в лесу зимой. Разными следами прошиты сугробы, как нитками, от кустика к кустику, от дерева к дереву. Только зайцы набивают тропы. Приморозит такие заячьи дороги – не проваливается зверёк, носится, согреваясь от мороза, ничего не видит. Ловят косых в петли, наставленные на тропах. Хорошая поддержка крестьянскому столу. И шкурки идут на шапки да на рукавицы, тёплые и лёгкие. Лаврен Кузьмин наловчился шить детские шубки и душегрейки. По дому хорошо ходить, можно и во двор выскочить на минутку, спину не застудишь. Зимой все ходят друг к другу на посиделки, мужики играют в карты, а женщины вяжут носки и рукавицы и разговаривают на разные темы. И о прошлом, и про детей, и всем косточки перемоют. Так проходят зимы, а иначе хоть волком вой. Дни короткие, зато вечера да ночи длинные, когда тёмные, ничего не видать, а другой раз будто днём. Звёзд на небе, что ромашек на лугу, да месяц развалится боком. Снег блестит, как на солнце, мерцает, охватывает сугробом крыши домов. Маленькие окошки выглядывают из сугробов, и мерцает в них то яркое, то тусклое, а где и совсем темно. И каждый знает: где ярко, там керосин в лампе жгут, где тускло – там лучина мерцает, а уж где темно, там спать завалились или сидят и смотрят в окно, да думы разные думают. Хороша зима: отдых даёт крестьянину, но уж больно длинна, устаёшь от неё. А придёт время погожее, и там хоть дни длинные, да всё не переделаешь, много забот, да дел. Всё бегом, да спехом. И, всё равно, едва успеваешь уладить всё, а там снова зима.

Кузьма Захаров с утра стучал у себя в столярке. Поставил печурку маленькую и подтапливал стружкой с опилками. Вот и хорошо, тепла сильно не надо, лишь бы руки не мёрзли. И стучи себе понемногу. На стук зашёл Трифон Суренков.

– Ишь, приспособился, тепло, хорошо. И заделье нашёл.

– Чего его искать? У меня вся работа здесь: и зимой, и летом. Не под крышей, так во дворе.

– Заказ какой, что ли?

– Новосёлы попросили собрать пару столов да десяток табуреток. Соберу. Чего не собрать? И к весне кадки делать надо. По-

том спохватятся, пойдут, а у меня уже есть. Лодку летом надо раскрыть, время займёт Лыжи надо загнуть, на лето дел много.

– Лыжи с чего делаешь?

– Как и все, с ёлки. Крепкие, гибкие получаются, сами бегают.

– У меня тоже работы много летом будет. Упряжи сколько готовить. Сейчас с материалом плохо, заказывать надо. Вот и хожу как неприкаянный, был у Антипа, тоже мается, сидит, валенки подшивает.

– Антип зато летом не выходит из кузни.

– Летом у всех работы хватает, сейчас заняться нечем.

– Валяйся на печи да плюй в потолок.

– Не валяется.

– Гляди-ка, живём, заняться нечем. Как баре стали. На тех, бывало, смотришь да думаешь: вот бы так с месяц хотя бы побездельничать.

– Теперь понимаю, какая это тяжёлая работа – бездельничать.

– Тебе, Трифон, хрен угодишь. То солнце высоко, то тучи низко.

– Не говори. Сам смеюсь над собой.

– Барина он пожалел. Ну, напейся хоть, всё время пройдёт быстрей.

– Я тебе толкую уже час, давай по маленькой выпьем, одному несподручно.

– Да нешто я против? В этом деле я всегда согласный, – оживился Кузьма.

– Не суетись, у меня всё с собой.

Трифон вытащил тряпицу, развернул её. Там лежала краюха хлеба и несколько кусочков порезанного сала. Кузьма достал из шкафчика стакан. Когда выпили пол-литру Трофима, Кузьма достал свою заначку. Часа через полтора из столярки доносилось дружное пение. Вот и ещё один зимний день прожит.

20

В 1910 году учредили Тайшетскую волость, Канского округа, Красноярского уезда, Енисейской губернии. Тайшет увеличился до четырёхсот дворов с населением около полутора тысяч человек. За десять лет народу приехало огромное количество, и большая часть

осталась в Тайшете, в Суетихе, в близлежащих сёлах. К десятому году железная дорога стала перевозить грузов столько, что уже и были перебои с перевозками, не хватало вагонов и паровозов. Эхо беспорядков 1905 года достигло и Тайшета. Пусть с пятилетним опозданием, но пришло. Пока большинство революционеров выловили и отправили в ссылки в Сибирь, прошли годы. Теперь начался разброд и шатание здесь, пусть мирно ещё, пусть не было никаких бунтов, но ссыльные не сидели сложа руки. Велись разговоры с рабочими железной дороги, лесозавода, там, где работало большое количество рабочих. Самого владельца лесозавода Жернакова не было, всем правил управляющий. Мужик он был вороватый и наглый, не доплачивал за заготовку леса, уменьшал объёмы, воровал везде, где мог. Недовольство росло. Люди организовывались, читали литературу, поставляемую из Новониколаевска, Иркутска. Вместе с тем, ссыльные обучали детей рабочих, тем самым привлекая к себе всё больше симпатий. Служащие ничего не предпринимали, да и зачем? Им жилось неплохо. Всё больше росло напряжение среди разных слоёв, особенно были недовольны купцами, потому что они были на виду и вели разгульный образ жизни. Трактиры не закрывались. Подвыпившие люди носились по селу на упряжках, давя нерасторопных кур и распугивая зазевавшихся прохожих. На железной дороге неизвестно к кому предъявить претензии. Вот в этих случаях ссыльными и объяснялось, кто кровососы, с кого надо спрашивать. В сёлах росло недовольство переселенцами. Неспокойно стало жить, не все смогли устроить свою жизнь. Многие прозябали так же, как и на Родине, но возвратиться назад возможности не было. Деньги растрачены, а заработать не получалось. Такие готовы были работать за половину зарплаты. И работали. Казённые предприятия не позволяли себе так относиться к рабочим, а вот промышленники не стеснялись.

Егор разговаривал с Ручкиным. Он никак не мог понять, что же случилось с людьми. В Сибири люди всегда жили вольно, но в послушании, не преклонялись перед людьми, но подчинялись закону. Были и здесь нерадивые, кто всегда работал абы как и жил так же, но кто хотел выбраться из нужды, мог это сделать. Работай, не ленись. Хочешь – паши землю, расти хлеб, нет желания – лови рыбу, реки полны. Можешь охотиться, без куска хлеба не останешься. Вырасти в огороде картошки, набери грибов и ягод, корову держи,

другую скотину – сено косить везде можно. А здесь что? Плохо платят тебе – так найди другое место. Не ходи и не ной, никто тебя кормить даром не будет.

– Так и раньше жили. Как могли, так и пробивались, но помалкивали. А сейчас ссыльные науськивают недовольных, мол, надо пойти, стребовать с купцов. Пойди да стребуй, а он закроет лесопилку. Что тебе ничего не достанется – ладно, но многие другие потеряют кусок хлеба. Их устраивают условия. Я с тобой, Егор Петрович, давно поговорить хотел. Хоть и едут сейчас люди сюда на поселение, я к тебе не буду посылать больше. Понимаешь, Егор, дорог ты стал мне за эти годы, не хочу я тебя подставлять. Не те люди едут сейчас, не те. У тех в глазах добро было, а сейчас всё больше злые какие-то. Условия не поменялись, но сколько сейчас ругани и споров! Как представлю, что к тебе поедут такие вот горлопаны, ну, не знаю, что ты будешь с ними делать. У тебя много осталось материалов?

– Я уже и сам не хотел подряжаться. Устал чего-то. Буду пока работать с Зюзенцевым. Отдохну. Материалов осталось немного, строятся сейчас уже дети новосёлов, детишек рожают, жизнь идёт. В деревне уже больше тридцати дворов. Скандалов не слышал между людьми, может, потому, что скандалистов нет. Не шумно живут, ладят меж собой.

– Попадутся крикуны, разбередят деревню – тогда прощай покой. Перегрызутся все. Я таких говорунов посылаю в низовье Бирюсы. Там старожилы сильны, не позволяют дурить. А у тебя все переселенцы. Пусть спокойно поживут.

– Не хотелось бы свары, я не люблю споров. Начнут руками махать, горлопанить, а чего хотят, толком объяснить не могут.

– Заметил, что тебе покой больше по сердцу. Всё больше молчишь, а дело тебе можно любое доверить.

– В тайге привык молча. Там поговорить можно в зимовье, если есть с кем. А целый день один по лесу шатаешься, плашки проверяешь да ловушки. Сам с собой не поговоришь. И, вообще, языком чесать – не мужское дело.

– Верно. Дома всё хорошо?

– Хорошо. Фёдор в лесу находится, да на реке, дома не бывает. Настя с грядками воюет. Заняты все делами, один я вот катаюсь туда-сюда. А у нас и в деревне спокойно, размеренно, у каждого

свои дела. Я вот что думаю, Илья Ильич, а на всю эту заразу, которая расползается тут, управы нет никакой? Ведь, если подумать, то полыхнуть может. Когда кровушку прольют, то одумаются, а не воротишь ничего. Урядник, пристав, полицейские – ничего не видят?

– Пока только словами грозят, не трогают, побаиваются лить масло в огонь. Ждут, что всё само собой и стихнет.

– А как не стихнет? Хорошо, что пока у нас ничего нет.

– Вот я тебе и не посылаю пока людей, а ты не пускай своих людей далеко, чтобы не видели ничего да не болтали зря.

– У меня только Мыльников ездит за товаром, надо с ним поговорить, чтобы не болтал лишнего. Больше, никто и не ездит никуда, и некогда, лето короткое, не успеешь и делов всех поделать.

– Люди довольны? – спросил Ручкин.

– Живут. Не все в достатке, но веселей живут, чем работные люди рядом с депо в Тайшете. Здесь в бараках ютятся, бараки чёрные, всё мрачно. Нет, у нас веселей. Но если случится зараза в деревне, то найдутся и у нас любители порассуждать, особенно из последних прибывших. Те, кто раньше приехали, уже приноровились, у них всё хорошо.

– Всё ж опора у тебя есть.

– Я и не собираюсь беседы проводить, пусть сход и решает сам. Спросят, скажу своё мнение, а так пусть сами, как хотят, мужики не глупые, у каждого детей да внуков по полдома. И на каждого не угодишь, а у общества слово сильное.

В деревне стучали топоры. За последние два года справили четыре свадьбы, дети росли, создавали семьи. Поначалу жили у родителей, а потом строили себе дома. Но строить приходилось своими силами, и стройки затягивались не на одно лето. Зимой сруб рубить не будешь, а летом другой работы хватало. Только Васька Бутьянов не стал строиться. Отца схоронили, а мать с братом бросать не захотел. Решили, когда понадобится младшему дом, тогда и будут думать.

Возле домов стали ставить палисады. В них высаживали черёмуху да рябину, приносили колючий шиповник. Ставили хорошие ворота да калитки, на ставни резали деревянные кружева. Всё это радовало глаз. Начал Кузьма Захаров. Сначала все ходили, смотрели. Кто просто останавливался, разглядывал, кто мимоходом бросал взгляд. Потом у Кузьмы заказал резные наличники Мыльни-

ков. И пошло. Один перед другим старались, переплюнуть соседей хотели.

Вечерами по всей деревне неслись весёлые переборы гармошки, иногда украшенные чистыми девичьими голосами. Отражаясь от окружающего с одной стороны плотной стены леса, песни неслись с горы, усиливаясь прохладным плотным воздухом над речкой, и исчезали в полях. Особенно завораживали своим пением Марийка Погодина да Иринка Кузнецова. Две подружки так на два голоса расширяли песню, что частенько гармонисты переставали играть, боясь спугнуть красоту и восторг. Откуда это у них? Никто из родных не славился пением. Видно, душа русская, рождённая где-то далеко-далеко в родных краях, вырывалась из груди, признавая новое место своим. Далёкое, суровое, но давшее кров, хлеб и желание петь. В диковинку многим новосёлам были такие концерты, мало веселья и радости выпало на их долю. И теперь уже и постарели, вроде, неприлично сидеть у костра и петь песни, если только не пьяны. А душа просит-то. И они в темноте садились у окна, слушали и радовались своему тихому счастью. Радовались песне, не спетой ими самими, но подхваченной детьми. Радовались, что не надо думать, чем кормить детей завтра, радовались свадьбам детей, даже не своих, а соседских – потом соседи порадуются за твоих. Радовались за внуков, которые родились уже здесь, и никогда не узнают про ту, другую, родину. Радовались работе на своём поле: смолотить цепами, провеять лопатами зерно, а потом из новой муки постряпать хлеб. Это ли не радость? Замешивают тесто ещё с вечера, чтобы за ночь набрало силу, поднялось. Хозяйка встанет рано, затопит печь. Для хлеба и печь затапливали по-особенному, дрова в поде складывали колодцем. У каждой хозяйки были свои премудрости. Прогорят дрова – выметет хозяйка все угли и золу, а потом на деревянной лопате тщательно вымешанное тесто ставится в печь. Каждая печь выпекает по-своему, и хозяйка знает характер печи и возможности. Проходит время, и ковриги, пышущие жаром, ложатся на лавку, покрытую чистым полотенцем, потом их сбрызгивают молоком и закрывают другим полотенцем. Хлеб должен отдохнуть. Когда просыпаются ребятишки, хлеб уже готов, запах разносится по улице. Ничего нет вкуснее, как отломить сбоку наплывчик, твёрдый, хрустящий, и грызть, запивая парным молоком. Мать ругает ребёнка, чтобы не портил все ков-

риги, да где там углядишь? Ругается больше по привычке, потому что это не последний кусок, и через несколько дней опять будет свежий хлеб. Разве это не радость крестьянину? А когда приносят в дом только родившегося телёнка, ещё мокрого, но уже вставшего на ноги и лижущего шершавым языком пальцы. Жеребёнок, прыгающий около кобылицы, вертящий кудрявым хвостом. И, слушая песни, каждый думал о своём, каждый понимал, что Бог увидел их страдания и дал возможность подняться с колен. Всем дал равные условия, и все постарались не упустить счастливый случай.

Все жители деревни по-разному, кто больше, кто меньше, но были рады тому, как сложилось их настоящая авантюра с поездкой за новым счастьем. Многие побоялись отправиться в неизвестность, не захотели бросить малое, что имели: полуразвалившиеся избушки да клин земли, который и обрабатывать было нечем и некем. Счастливы ли они? Кто теперь знает? Не спросишь теперь.

21

Большой компанией выехали заготавливать орех. Год урожайный выдался. Август стоял тёплый, шишка вызрела рано и в середине сентября хорошо шла из-под колота. Колот – это длинная жердь с чуркой на конце. Вырезали в чурке паз клином, вставляли крепкую жердь. Этим колотом били по стволу кедра, шишка отрывалась и летела вниз, а там – берегите головы. Шишка не разбирает, куда ей падать, бывало, что и синяки носили от шишек. Стукнешь по стволу – полетел вниз кедровый урожай. Кто-нибудь решает посмотреть, а всё ли слетели, и в это время шишка, запутавшаяся в хвое, и прилетит любопытному под глаз. Не смертельно, но неудобно, и становится неудачник объектом насмешек. Потом шишки собирают в мешки, носят на табор. А уж там те, кто не может таскать тяжёлый колот и мешки, шелушат шишки, освобождают орехи. На валёжине стёсывали край, делали ровным, как доска, потом насекали зубцы. Из толстого сука вырезали рубель, удобную доску с ручкой и такими же насечками, как на валёжине. Шишку клали на насечки, били по нему рубелем и, прижимая, прокатывали. Шишка рассыпалась, и всё содержимое падало под валёжину на расстеленный полог. Потом всё просеивали на разных ситах и откидывали, освобождая от шелухи и пустых орехов. Для

такой работы нужно много рук, и поэтому ездили большими артелями. Потом поровну делили орех и выносили к реке, переплавляли на другой берег, а там грузили на телеги и на лошадях вывозили домой. Из деревни тоже поехали на лошадях, вещей было много, зачем надрываться самим, если есть лошадь и телега. Переплавлял Фрол Погодин, потому что заход в кедрачи был в том месте, где рыбачил Фрол. Гнать лодку снизу или спускать сверху, а потом на шесте поднимать её против течения никому не хотелось. А Фрол был только рад, всегда приятно быть полезным обществу. Здесь можно вести себя важно, тем более, что нынешние шишкари не ровесники Фрола, а безусые юнцы, с которыми можно вести себя солидно. Двое его сыновей, Пашка да Гришка, тоже в компании. Пусть поработают, в артели не посачкуешь: там все на виду. Старшим с ними пошёл Трифонов Иван. У Ивана сыновей нет, только дочки, а их не пошлёшь. Шишки бить – дело серьёзное, вот и приходится ходить самому. Да и ладно, хоть и тяжела работа, но с молодыми хорошо, весело. У них силы не меряно, не устают, и чего не поработать на сытый желудок. На голодное брюхо попробуй. Подросли ныне пацаны: Козловы Васька с Гошкой, Селезнёвы Вовка с Данилкой, Ванька с Димкой Лятины, Томаев Илья, Бутьянов Мишка. Сколько их подросло, даже не заметили. Свои, деревенские.

– Фрол, давай уже начнём перевоз.

– У меня всё готово, загружайтесь по очереди, – Фрол спустил нос лодки на воду.

Грузили вещи, садились по одному, по два. Шесть раз пришлось Фролу промерять реку шестом, никто на реке не правил веслом, всё больше шестом. А садиться на скамеечку, управляя лодкой, не полагалось, только стоя и с шестом в руках. Не у всех получалось поначалу, но со временем приноровились.

– Иван, когда вас встречать надо? – спросил Фрол. – Как вы рассчитываете?

– Через три дня. Если раньше выйдем, пошлём за тобой. Продукты кончатся – и домой, с такой командой быстро закончим.

– Пашка взял ружьё, подстрелит вам еды.

– Главное, чтобы не постреляли друг друга.

– Ты уж сосем, Иван, что он ни разу на охоту не ходил?

– Да это я к слову.

– Ну, Бог в помощь.

– Спасибо на добром слове. Поднимайтесь, забирайте всё и пойдём.

Иван пошёл первым. Он уже бывал на шишкобое, знал дорогу. Да и заблудиться было негде, по распадку иди до самого верха, а там – и кедрачи, и табор.

Поднимались с полчаса по чистому распадку. Тропа уже еле заметная, нечасто ходят по ней, но остаётся след от артели, не один человек прошёл. Пришли на старый табор. Там целые кучи высохшей прошлогодней шелухи, она толстым слоем лежит на земле. Тепло и мягко спать на ней, как на соломенном матрасе. Быстро сделали шалаш, разложили вещи, и стали готовиться к завтрашнему дню. Иван стал мастерить колоты, в такой компании одного будет мало. Пашка Погодин взял ружьё и подался посмотреть шишку, пройтись по кедрачу, определить, откуда лучше начинать бить. Всем нашлась работа: кто-то готовил дрова, устраивали табор, делали рубели. На костёр поставили большой котелок для чая. Всё делалось молча, со знанием дела. Деревенские дети не росли бездельниками: попробуй, поленись, не поработай, сразу острый язык прилепит прозвище, от которого за всю жизнь не отмоешься. В глаза говорить не будут, а за глаза всё равно только по прозвищу называть будут. И вся жизнь может пойти насмарку, девки отворачиваться станут. Чтобы что-то изменить, нужно заработать другое прозвище, чтобы не было стыдно.

Раздались два выстрела. Недалеко, поэтому неожиданно и раскатисто. Все повернулись в ту сторону, но больше ничего не произошло. Люди опять занялись своим дело. Только через полчаса, когда уже стало темнеть, появился Пашка. Через плечо он нёс глухаря.

– Вот, обед на завтра будет хорош, – сказал Иван, – чего два раза палил?

– Влёт стрелял, первым подранил, пришлось добивать. А то, он удирать собрался, потом его в траве не сыщешь.

– Да, без собаки не найдёшь.

Устроившись на шелухе, молодые ребята слушали похабные анекдоты Ивана, посмеивались да подкалывали разными вопросами. Весело, спокойно всем.

Иван поднялся рано. Ещё только стало светать, молодёжь сладко спала. Иван принёс из ручья воды и раздул оставшиеся угли,

подбросил дров. Скоро закипит чайник, и тогда можно будить работников. Иван не стал теребить глухаря, просто снял шкуру вместе с перьями, разрубил птицу и залил водой. Глухарь старый, и варить его надо долго. Сейчас отмокнет немного, потом, когда все разойдутся, можно будет ставить на огонь, и когда закипит, поставить на край. Долго томиться будет мясо, зато навар хороший будет. Потом добавит картошки, и суп готов. Ещё несколько минут Иван сидел, смотрел на костёр, слушал тишину. Потом взял пустой котелок, постучал по нему половником и крикнул:

– Подъём!

Зашевелились работники, стали подниматься. Иван отправил всех умываться и приступать к завтраку. Когда все ушли, захватив с собой мешки, стало тихо. Вскоре застучали колоты – тук, тук. Недолгая пауза, и снова. И снова. Иван поставил на огонь варево. Теперь надо к обеду приготовить еду и думать, что сделать на ужин. Потом, после ужина, при свете костра все будут шелушить шишки, работа не тяжёлая, но много её. А завтра днём Иван будет отсеивать орех, и варить обед, и готовить ужин, и опять отсеивать. Вечером всё повторится. Чистый орех будет лежать да подсыхать, пока не придёт время засыпать его в мешки. Потом двое самых сильных парней понесут мешки с орехом к реке. Там оставят в укромном месте: брать всё равно некому, не обучены люди брать чужое. Не тобой положено – не тебе и брать, так говорят здесь. Потом вернутся за другой партией, пока не наполнятся все мешки. Последний раз пойдут все, каждый понесёт свой мешок. А пока дело к обеду, и уже много наносили шишек и высыпали неподалёку, где будут шелушить. Всё чаще несли мешки, высыпали их и уходили и снова несли. Обедали шумно. Ещё не успели устать, потому смеялись и шутили друг над другом. Весело, дружно, как одна семья. Глухарь понравился всем, но молодым и здоровым оказалось мало мяса, добавляли супом с хлебом. Хорошо в лесу обедать, кусок хлеба с супом – вкуснотища. После обеда полежали, отдохнули немного и снова пошли работать. Вечером Пашка Погодин принёс зайца и ещё одного глухаря.

– Зайца-то зачем бить? Шкурку выкинуть можно.

– Едва отбился от него. Чуть не затоптал меня. Я ему говорю: пошёл вон, а он в драку, – серьёзно говорил Пашка.

– А чего вы там не поделили? – спросил Иван.

– Наглец попался, матерился страшно.

– А как ты понял его?

– Чего я, маты не понимаю?

– Заячий язык понимаешь?

– Да он по-русски меня крыл, я ж говорю, едва отбился.

– Иди, помело, – отмахнулся Иван.

Все захохотали.

Работа шла весело. Перешелушили все шишки, приготовили работы на завтра. Угомонились не скоро, затихли понемногу и засопели.

На четвёртый день с утра просеяли весь орех, затарились и отправились домой. К вечеру должны дойти до реки, там будет ждать Фрол с лодкой, да домашние с лошадьми. Оттуда на телегах повезут орехи, не по одному мешку набили.

Переплавлялись долго. Пока перевезли мешки, пока людей, время было к вечеру. В последней партии плыл Пашка. Когда садился в лодку, бросил пару глухарей.

– Чего не съели там? – спросил Фрол.

– Это я подстрелил, пока спускались к реке.

– Есть птица?

– Хватает. День походить, да с собакой, можно настрелять. Если подранишь, без собаки не найдёшь.

– Может, завтра и съездим, пока погода стоит? – спросил Фрол сына.

– Поехали. Ты тоже пойдёшь?

– Нет, я корчаги поставлю, пока ты ходишь, а потом к вечеру сниму их совсем, скоро уже снег будет.

В деревню въезжали победителями. Их уже ждали. Всем хотелось побаловаться орехами.

На другой день Пашка настрелял десяток глухарей, а Фрол наловил два ведра ельцов. Да ещё Фрол выловил тайменя, царь-рыбу здешних мест, несколько недель назад приметил он матёрого хищника и решил выловить. Фрол заказал Антипу хороший кованый крючок, приготовил крепкую бечёвку и чурку. В чурку вбил толстый гвоздь и привязал к нему бечёвку. К другому концу бечевы прикрепил крючок, наживкой привязал заранее выловленную мышь. Когда сын скрылся в лесу, Фрол заплыл выше ямы,

где видел тайменя, и выпустил мышь. Она поплыла, оставляя след, и таймень схватил быстро. Фрол едва успел выкинуть чурку за борт. Таймень несколько часов гонял чурку от переката, до переката. Фрол спокойно сидел в лодке и ждал, когда рыба ослабнет. Когда чурка затихла в одном месте, Фрол поплыл посмотреть, что там. Рыбина ещё немного сопротивлялась какое-то время, но обессилела и затихла. Фрол вытащил тайменя на галечник. Добыча оказалась фунтов на тридцать. Пашка долго разглядывал диковинку и качал головой:

– Ну, ты, батя, выловил чёрта.

Фрол только улыбался.

Отец с сыном были довольны поездкой, довольны и добычей, только матери работы привезли. Надо почистить и посолить рыбу, да обработать птицу, чтобы не пропала. Соседи приходили посмотреть на добычу Фрола.

До полуночи провозилась мать с добычей, но радостно было женщине. Разве это работа, когда достаток в дом. Готовые тушки птиц разложила в сенцах, чтобы занести в ледник.

22

А утром выпал снег. До Покрова ещё две недели, снег может и не удержаться, а понаделать грязи и исчезнуть. Когда все осенние дела переделаны, можно и переждать какое-то время, но нельзя в один миг отдохнуть от работы. Слоняться без дела по двору – занятие не очень приятное, и каждый добрый хозяин ходит по усадьбе, заглядывая по углам. Ищет, где ещё можно приложить руки, пока не настали холода. Там поправит мелочь какую, в другом месте починит что-нибудь. Зима потом все мелочи сосчитает и выложит в самый неподходящий момент. В такие дни сельские мужики собираются в кузнице, подальше от женских взглядов, да окриков. Не боится волк собаки, да не хочет склоки. Пока ещё морозец не прижимает, снегу немного – в кузнице идёт работа. Зимой можно растопить горн, но только по срочному делу, а мелочи нужно доделать по теплу. Не сговариваясь, к Антипу подтянулись Трифон Суренков, Томаев Прохор, Морозов Фёдор, Трифонов Иван. Расселись, кто где приспособился. Сын Никита, здоровенный парень, спокойный, даже стеснительный, помогал отцу. Никита повыше и пошире в плечах

отца и старшего брата Ивана. Такой увалень с открытой душой неизбалованного ребёнка. Он никогда не перечил отцу словом, но, если понадобится, молчком сделает по-своему. Антип ругал неслуха, но Никита только улыбался и продолжал работать. Несмотря на свой могучий рост и силу, черты лица были нежные, материнские. Никто в деревне не пытался задирать Никиту. Поймает за руку, так сожмёт, что после этого про всё забудешь. До чего же он нравился девчонкам, но ни с кем не хороводился. Тайком поглядывал на Иринку, Ивана Юшкевича дочку, да только мала она ещё была, пару годиков подождать надо. Никита заканчивал очередную подкову, выбивал последние искры из металла. Ему чего-то не понравилось, и он вместо того, чтобы бросить подкову в кадку с водой, положил снова в горн и стал разогревать.

– Чего ты там усмотрел? – спросил Антип недовольно. – Хороша подкова.

Никита вынул разогретую заготовку, быстрыми ударами молотка поправил одну сторону и только тогда бросил в воду.

– Гляди, какой настырный! – удивился Фёдор.– Пока по-своему не сделает, не бросит. Молодец.

– Не будешь настырным, ничего не добьёшься, – заметил Трифон.

– Антип, не боишься, что сын переплюнет в работе? – спросил Фёдор.

– Чего бояться? Сын должен ловчей отца работать. У него и рука твёрже, да и глаз поострей. И будет, кому отдать дело, худо, бедно, а без куска хлеба не останется.

– Это верно. Любое ремесло прокормит, Трифон вон с мельницы имеет.

– А ты не завидуй. Свой хлеб я, как и ты, выращиваю. Мельница у меня больше для души, вон Антип знает. А что она прибавку в дом приносит, так это и хорошо. Я со своих по-божески беру, не в пример другим мельникам. Так что не завидуй.

– Да я не к тому. Просто любое дело – оно всегда дело. Иду сейчас мимо Захаровых, а Кузьма тюкает уже, тоже любит свои деревяшки. И, казалось бы, стругай себе плашки, собирай под обручи – вот и кадка. Ан, нет. Попытался я как-то собрать, ну, думаю, «не Боги горшки обжигают», собрал.

– И что? – спросил Трифон.

– Баба моя увидела, топором разбила, чтобы, не дай Бог, люди увидели. Вот, что. Пришлось заказать у Кузьмы.

– Кузьме не рассказывал?

– Нет. От него только насмешки, похоже, ему некому передать будет своё ремесло. Петька-то его не хочет заниматься кадушками. Останется деревня без кадушек.

– Ты смеёшься, а вот в округе кто ещё может похвалиться этим ремеслом. Не будет на месте такого работника – будешь рыскать по округе, искать несчастную кадку.

– Зато у Кузьмы старшие дочки такие безделушки ловкие делают из бересты, – сказал Антип. – Сидим мы с ним у него в сарайчике, летом было. Попросил я попить воды. Подаёт Кузьма мне кружку, сплетенную из бересты, я даже подивился. Так ловко собрана, что я долго разглядывал. Набрал воды – не протекает, попил да оставил воды, думаю – посмотрю. Кузьма увидел, засмеялся, говорит, что давно сам всё испытал, не убегает вода. А ещё сказал он, что молоко долго не прокисает в такой посуде. И резных штучек всяких наделано, на стенках висят в доме, хлеб тоже в такой посудине. Вот тебе и дочки. А ремесло доброе у них. Только я не пойму, где они научились. Спросил Кузьму, говорит, что в Еланке у кого-то подсмотрели главное, а потом и сами добились красоты. Захотеть надо. У меня старший сын может работать с железом, но не лежит у него душа. Сделает всё правильно, а вот не станет лишний раз править, как Никита.

– Новость слыхали? – спросил молчавший до сих пор Прохор Томаев.

– Какую новость?

– Волнуется народ в Тайшете да в Суетихе.

– Чего волнуется? – переспросил Иван.

– Недовольный народ. Кто-то жирует, а большинство с голоду пухнут.

В кузнице надолго повисла тишина. Даже Никита перестал стучать и присел на чурку. Мужики задумались каждый над своим. Не забылось ещё, как голодали сами, но не хотелось верить, что теперь, когда у них уже всё нормально, где-то там кто-то голодает. Хочется всё прошлое выкинуть из памяти, но каждый раз старая жизнь догоняет и бередит душу.

– И чего хотят люди? – спросил Антип.

– Забрать у богачей всё да поделить.

– А, как не отдадут?

– Силой забрать.

– И на всех поделить? – после долгого раздумья переспросил он.

– На всех.

– А хватит ли на всех-то, и не передерутся все, когда делить чужое будут?

Опять мужики замолчали. Каждый решал, как можно поделить чужое без обид.

– И как будут определять, кто богатый, а кто нет? – подал голос Трифон.

– Сходом определят, – сказал Прохор.

– Выходит сами и определяют, сами отбирают, сами делят. И кто эти сами?

– Так рабочие на дороге, лесопилке, прочие.

– У рабочих на лесопилке ничего за душой нет, у дорожников тоже. Им хочется поделить чужое, своего не убудет. А в деревне тоже всё делить будут?

– И в деревне тоже.

– К примеру, у нас кто богатей, у кого надо забрать и кому отдать?

– У нас богатей один.

– Кто?

– Камышлеев, кто же ещё? На нашем горбу нажил своё богатство.

– Вот что я тебе скажу про Камышлеева. Может, ты уже слышал, если нет, так послушай. Мы первыми пришли с мужиками посмотреть место, которое нам предлагали. Здесь, где сейчас деревня, стоял лес. Ничего не было. Место нам показал Петрович. Сказал, если нравится – стройтесь. Мы тогда долго ругались меж собой, Трифон скажет, он был с нами. Я был против, чтоб селиться здесь, а Трифон настоял, чтобы остались здесь. И устали мы к тому времени уже скитаться, я до сих пор говорю спасибо Трифону, что настоял на своём. Тогда у Камышлеева уже было всё, что стоит сейчас. Только всё новое. И строился он один. На свои деньги, не то, что мы. И лесопилка была, кирпичи обжигал. Лишнего из наших денег не брал, но ты спроси в других деревнях, как

им пришлось строиться. Ведь ты, Прохор, получил свой дом за свои деньги, а не строил сам. Вот и получается, что он потратил твои деньги на тебя. Просто государство больше доверяет таким, как Камышлеев, потратить деньги на тебя. Слава Богу, у тебя всё есть. А если бы ты получил все деньги на руки, неизвестно, жил бы ты в своём доме или нет. Вот и рабочие, которые на дороге работают, да в других местах, получили деньги на руки, теперь недовольны, чужое им подавай. Вам было дадено своё, государство выделило, берите, стройтесь, обживайтесь. Не смогли своё удержать в руках, как же вы чужое удержите? Вот и нужны такие, как Камышлеев, но где их искать? Конечно, дерут три шкуры с рабочих, но кто виноват? Кто ж виноват, что сами думать не хотим. Я тебе скажу так про Камышлеева: пусть не каждый день за него молить бога, но хотя бы раз в году, а свечку за здравие ставить в церкви надо. И я ставлю. И другие, кто понимает всё, тоже ставят. И ещё Прохор, я понимаю, что ты и нас с Трифоном в богачи пристроил. Не знаю, как Трифон, а я богач. Никогда так хорошо не жил. Ты, Трифон, жил?

– Нет, и я не жил.

– А ты сам, Прохор, жил лучше?

– Да я говорю, то, что слышал.

– Нет, ты скажи, жил ты лучше или не жил? – настаивал Антип.

– Не жил, – почти злобно выдохнул Прохор.

– Так живи и радуйся. Чего ты всякое слушаешь. Тебе повезло больше, чем другим. А всех голодных не накормишь. Вот и рассуди сам.

– Я же сказал, что просто передал новости и всё.

– Ладно, пусть новости, но у тебя есть сомнения, вот я и хочу сказать тебе свои мысли, просто порассуждать. Вот, к примеру, заберёшь ты у меня кузницу, и как будешь делить её со всеми поровну? Или ты хочешь доход от неё делить, а кто будет в ней работать? Меня заставишь, или Никиту моего? Вот и выходит, что отберёшь кузницу, и вся деревня останется без кузни, так же и с мельницей. А у Захарова что отбирать? Заготовки да руки его ловкие? Так посмотреть, и тебя, Прохор, можно причислить к богатым, да отобрать у тебя всё.

– Чем я так богат, что у меня можно отбирать? – удивился Томаев.

– А давай разберём. У тебя два коня есть, и хороших два коня.

– Ну.

– Две коровы есть, другая скотина. Хлеба ты собрал достаточно до нового урожая, я думаю и излишки есть. Есть?

– Немного есть, – согласился Прохор.

– А у тех, кто недоволен, хоть десятая часть твоего богатства есть? Нету. Вот и тебя можно обобрать.

– Разговор идёт не про таких, как мы.

– Дай волю всех причислят к богатым, и ты не увернёшься.

– Антип, ты про Камышлеева правду говоришь, у него уже всё было, когда деревню строить начали?

– Трифон подтвердит, у Фрола Погодина спроси, у Захарова, у Кузьмина. Мы тоже поначалу меж собой разговоры говорили, а потом-то как довольны были. И сам Егор Петрович из таких же, как и мы сами. Отец у него был охотником, рыбаком, потом завёл хозяйство. Дал денег сыну на дом. Настасьин отец, тот побогаче, отвалил за дочь приданое. Петрович разумно использовал деньги, потом и сам стал зарабатывать.

– А где они?

– Где-то в низовье Бирюсы. Далековато отсюда.

– Только жить стали немного получше, опять чего-то затевается, – угрюмо промолвил Трифон. – Это к нам отголоски пятого года дошли, так понимать надо. И ведь не проскочит мимо, зацепит. Вот в чём беда. А так не хочется. Как сейчас хорошо. Вот тебе речка, лес, тишина, покой, поле рядом, в семье достаток. Нет, надо перековеркать, измесить всё в грязи, а потом сколько отмываться придётся. А как до крови дело дойдёт? Там не отмоешься. И пойдёт всё наперекосяк. Нет, Прохор, не поддерживаю я тех, кто колобродит там. Не поддерживаю. И своего просто так не отдам. Если мне и дали денег, чтобы я здесь прижился, так я прижился, налоги уже справно плачу, а остальное моё, и не отдам никому, и другой тоже не отдаст. Если дойдёт до того, умоется наша землица кровью, ой, как умоется. Нельзя доводить до этого.

Трифон поднялся и вышел из кузницы.

– Прав Трифон, – сказал Кузьмин. – Хорошо тому дележи устраивать, которому своего терять нечего, а чужое, глядишь, и прилипнет к рукам. Только надолго ли?

– Да, дела, – промолвил Морозов.

Мужики встали все разом и пошли по домам. Не было радости от разговора ни у кого, словно ножом по живому прошлись. Хотя осталась надежда, что это не дойдёт до деревни, это там, далеко, а здесь всё останется по-старому, ничего не изменится. И завтра, и после мужики также придут в кузницу, будут говорить о своём, а то и сообразят по стаканчику. После стаканчика и разговоры другие, и темы. Нет, никто не хотел менять свою жизнь, никто не зарился и на чужое. Своё бы удержать да детям передать.

После обеда солнце съело снег. Удивительно, но грязи не прибавилось. Просто снег пушистый был да лёгкий, вот и исчез легко, без слякоти. Только на траве осталась роса крупными каплями. Солнце искрилось в них и резало глаза.

– Я домой пойду, приберись здесь, потом закрой кузню, – сказал Антип и пошёл, слегка сутулясь.

Никита не торопился домой, чего там делать? Достал из тайничка свои поделки: он пытался сделать цветы из железа. Уже готовы были колокольчик, огонёк, ромашка. Ещё хотелось сделать саранки, что росли за рекой на горе. Там было место в несколько десятин, прямо на склоне, где росли разные цветы, которые в округе нигде больше не встречались. Почему так вышло, никто объяснить не мог, были любители, которые выкапывали их, приносили в палисады, но не приживались они в садах. Никита же молотком и зубилом распускал листья и лепестки, раскручивая их. Смотришь, а листочек словно ветром колышется. Только одного цвета все поделки, вот бы раскрасить. Никогда не завянут. Никита смотрел за цветком, запоминал, а то и рисовал угольком, чтобы не упустить самое важное в цветке – его неповторимость. Баловство, конечно, но нравилось подчинять себе металл. Заработавшись, Никита не услышал, как зашла сестра Иринка.

– Кому цветочки делаешь? – спросила она беззаботно.

– Чего пришла? – Никита любил сестру, но своих секретов ей не раскрывал.

– Тятя звал домой.

– Случилось чего?

– Ничего не случилось, просто сказал, чтобы домой шёл ужинать. Поздно уже.

– Я сейчас доделаю и пойду.

– Можно я с тобой посижу?

– Только не мешай.

– Ладно.

Никита ещё несколько раз нагревал заготовку, гнул, рубил, разводил в стороны. Всё отчётливей в куске железа проявлялся цветок. Когда дело было закончено, Иринка стала рассматривать цветок.

– Смотри, как ловко получилось? Кому делаешь?

– Никому. Просто делаю и всё.

– Мне подаришь?

– Тебе зачем?

– Надо!

– Посмотрим.

Никита спрятал цветы, и они вместе пошли домой.

23

Мыльников сидел расстроенный. Уже заканчивался графинчик водки, а хмель его всё не брал. Супрун, с которым он имел дело, которому он сдавал товар, вдруг не захотел продолжать с ним, с Осипом Мыльниковым, дела. Сказал, что у него появились другие поставщики.

– Как же так, Иван Корнеич, мы столько лет работаем вместе? Разве ж я тебя подводил? Всё делал, как надо,– умолял Мыльников.

– Дорого просишь за товары, мне за меньшую цену предлагают, – говорил Супрун, развалившись за столом, разглядывая бумаги.

– Ну, как же дорого? Нисколько не дорого. Я себе в убыток, почитай, вожу. И у тебя за хорошую цену отовариваюсь.

– Будет ещё дороже. Времена неспокойные. Гляди, что сворачиваться придётся и вовсе.

– Какие времена не такие? Всё, как всегда.

– Ты слепой, что ли? Кругом косые взгляды, того и гляди «петуха красного» пустят. И в харчевню людишки перестали ходить, закрывать буду, – говорил Супрун.

Но было понятно, что он под это дело хочет взвинтить цены. Осипу цены никак нельзя поднимать: кто будет брать товары? Тогда и продавать ему не будут в деревне ничего. С чем тогда ехать? Всё навалилось сразу. Надо что-то думать, может, в Суетиху съездить к Жоголеву. У него есть своя лесопилка, рабочие живут там

же, рядом с лесопилкой. Наверняка можно сговориться, но надо ехать, посмотреть, а потом и разговаривать. Надо собрать хороший товар, преподнести подарки. Любят господа заводчики подарки, за подарками дело не станет, соболя, слава Богу, есть. Лишь бы дело сладилось. Супрун намекнул, что если снизить цены, то, возможно, и продолжит вместе работать. Партию товара взял по старой цене, но сказал, что последний раз, давит, думает, что податься некуда. Может и некуда, если не пробовать. Надо прямо сейчас поехать на лесопилку Жоголева и прикинуть, с какого конца подъехать к нему. Обоз с товарами для своей лавки он отправил с работником, под присмотром сына Алексея, а сам налегке отправился в Суетиху.

Походив вокруг бараков, заглянув в местную лавку, Мыльников прикинул, что можно предложить. Небогато было в лавке, мясо заветренное, разносолов совсем нет. Рядом река, а рыбы нет. Как же так? Много чего высмотрел Осип, потом пошёл в контору. Контора не сильно выделялась среди бараков.

Жоголев, полноватый, среднего роста, но достаточно подвижный мужчина, встретил Мыльникова с недоумением. О таком промышленник даже не слышал. Раз пришёл, то чего гнать.

– Осип Антонович Мыльников, – представился лавочник, – имею лавку в Камышлеевке. Вожу товары из Суетихи, Тайшета. Могу предложить рассмотреть выгодное предложение. Чтобы не гонять пустые обозы, могу поставлять в вашу лавку такие товары.

Мыльников стал перечислять то, чем мог обеспечить Жоголева. Чем-то понравился ему этот деревенский лавочник. Конечно, такие товары он мог бы и здесь привлечь и дешевле, но преданные люди ему нужны везде. Мало ли что, пока все развернутся, а там свой человечек. Не просто какой-либо, а тот, что в рот будет заглядывать.

– Где же такая Камышлеевка, не слыхал? – сделал равнодушный вид Жоголев.

«Раз стал разговаривать, значит, можно и договориться», – сразу смекнул Осип.

– На Туманшете. Если напрямую, то вёрст шесть от устья.

– Через Перевоз, что ли?

– Да, да!

– А деревня Туманшет далеко ли?

– В пяти верстах. Рядом.

– Слышал, там знатные охотники живут?

– Живут.

– Ты у них пушнину можешь скупать? Только хорошую. Если что доброе привезёшь, возьму в любом количестве и цену дам хорошую.

– Можно и пушнину. Договоримся, за какую цену возьмёте, так я прямо и поеду туда. Охотники должны выходить из тайги на днях. Можно и сторговаться сразу, чтобы не перехватили.

– По рукам. Часть денег для покупки пушнины я дам сейчас, а полный расчёт по результату.

– По рукам.

Два торговых человека остались довольны. Жоголев переправлял пушнину в столицу, там за неё давали бешеные деньги. Выгода была верная. Он скупал шкурки в низовьях Бирюсы, и в верховье. Теперь наладит скупку на Туманшете. В хорошее время пришёл этот Мыльников Осип Антонович, вовремя.

В то же время Мыльников думал, что он совсем не прогадал, заехав в Суетиху. Пусть теперь Супрун локти кусает, пушнина теперь от него ускользнёт. А брал он её изрядно. Мыльников ездил за пушниной не только в Туманшет, но и в Цыганки, в Еланку, в Светлое, Тропу, везде люди нуждались в товарах, а рассчитывались пушниной. Осип с такой торговли имел хорошую выгоду. Дома Камышлеев запретил торговать плохими товарами, а в дальних деревнях этот товар разбирали, только вези. Мыльников знает цену, только хороший товар и закупается дорого, а подпорченный ничего не стоит, а продать можно довольно прибыльно. Нет, совсем не зря заехал в Суетиху Мыльников. Неизвестно, кто больше потерял – Осип или Супрун. Ой, неизвестно. Мыльников взял в лавке водки и, довольный собой, направился домой.

Обоз Осип нагнал на Перевозе. Он двигался медленно, кони устали, не стоило загонять их, чтобы прибыть домой на полчаса раньше. Осип забрал сына к себе и поехал вперёд.

– Завтра быстро разберём товар и уже послезавтра поедем по деревням, распродавать.

– Чего спешить? – спросил Лёшка.

Он был нерасторопный. Осип никогда бы не взял себе такого помощника, но куда деваться – сын ведь. Надо приучать к делу. Живет ни рыба, ни мясо, пнёшь – пойдёт, не толкнёшь – так и бу-

дет сидеть, смотреть в окно. Такого хорошо в лавке держать: смотрит за товаром, обслуживает покупателей и ладно. Не вспотеет на работе, весь в мать. Вот и подбирает Осип работников расторопных, быстрых в деле. Только работники воруют, а этот и своровать для себя поленится.

– Поедешь со мной, будешь помогать, да языком не болтай лишнего. Хотя тебе и сболтнуть лень, вот уродился, помощник.

Алёшке хватало ума не спорить с отцом. А, скорее всего, лень спорить. Знает, что отец пошумит, а деваться некуда, не выгонит.

– Ладно. Надо ехать, так поедем.

Через два дня Осип был уже в Туманшете. Заехал к Игнату Комову, тот был в деревне главный, мимо него дело не сделаешь. Приходится кланяться. Ничего непотребного Осип не собирался делать: только договориться о покупке всей пушнины, которую охотники готовы продать. Раньше так не делали, Покупали какую-то часть и только. Зачем понадобилась вся, объяснять всем не было желанья, а Игнату говорить надо. Тоже не допустит обмана для своих односельчан. Дружки с Камышлеевым. Да и пусть, обманывать Осип не собирался, а скупить всё надо было. Тем более, что деньги были выделены.

– Здорово, Игнат, – поздоровался Мыльников.

– Здорово и тебе. Привёз чего?

– Тебе нужно чего-нибудь?

– Да чего мне нужно? Есть всё, – буркнул Комов. – Пойдём в дом, поговорим.

– Угадал, разговор есть.

– Чего там гадать, воровская твоя душа.

– Чего уж так сразу?

– Говори, зачем приехал, – Игнат присел на скамейку.

Мыльников сел рядом.

– Охотники вышли из леса?

– Значит, шкурки понадобились, – кивнул Игнат. – Я так и думал. Скажи свою нынешнюю цену на меха, а я послушаю.

Мыльников стал называть цену. Немного завысил против прошлого года.

– Чего вдруг раздобрел? Ай, беда какая?

– Просто человек хочет скупить хороший мех, цену даёт он, а я посредник и только.

– Когда рассчитываться будешь? Опять после продажи, или свою рухлядь будешь предлагать.

– Расчёт сразу. Поговори со своими охотниками, чтобы не продавали никому. Я заберу, не обижу.

– Поговорю, только я сам присмотрю за тобой. Я с тобой договариваюсь, я и отвечаю. Приезжай через неделю, выйдут последние, зараз и посмотришь всё, и выберешь.

Только в Туманшете так разговаривал Осип. Там жили ловкие охотники, добывали соболей, белок, рысей. С ними нельзя говорить нахрапом, они знают себе цену. Потому и вёл себя так Мыльников. Завтра с утра поедет в другие деревни, там разговор будет другой, и цены будут другие. Там и на товары будут менять.

Утром двумя подводами поехали сначала в Цыганки. Деревня, что в четырёх верстах к югу, небольшая, полтора десятка домов. Люди живут небогато, промышляют в основном охотой, да держат скот, покосы имеют хорошие, и под пашню есть место. Зерна хватает себе и для скота, лишнего не производят. Нечем. Кони не у всех, а взял у кого – отдай зерном. Здесь намного хуже устроены люди, чем в Камышлеевке и Туманшете. Нет крепкой руки. Живут больше сами по себе, артелью не работают, не помогают друг другу.

Мыльников заехал к Ивану Панкратову. У него всегда и останавливался. Завидев обоз, люди сами потянулись к Панкратовой избе. Осип скупал пушнину, меняя на товары, иногда, когда просили, давал и деньгами. Зачем злить народ? Через два часа покупателей больше не было. Упаковав пушнину, Осип направился в Еланку. Еланка – деревня серьёзная. Там жили тоже переселенцы, но не нынешние, а давешние. Поляки, сосланные за бунтарство и бузу. Жили они здесь уже лет тридцать, можно сказать, местные. Хозяйства крупные, детей помногу. Многие занимались охотой. Здесь тоже надо аккуратно разговаривать, просто мужики серьёзные. В Еланке Мыльников останавливался у Ивана Осмоловского. Семья у Осмоловского была многодетная: и сынов много, и дочек. В люльке покрикивал самый младший Сашка. Родился как раз в сенокос, хорошенький парнишка, да крикливый больно.

– Дай ему титьку, что ли, пусть помолчит немного, – сказал Иван.

Присосался Сашка, да затих, потом и уснул.

– Рано приехал, – сказал Иван, когда стало тихо. – Мало, кто вышел из тайги. Нынче снег невелик, так ещё промышляют. Ходить хорошо, ловушки и плашки не задувает.

– А есть, кто вышел?

– Есть.

– С добычей?

– Да, поговаривают, что не пустые. Завтра с утра расторгуешься, заночуй у меня, чего на ночь глядя торги разводить?

К обеду Мыльников свернул торговлю и направился в Светлое и Тропу. До вечера, закончив дела, направились домой. Ночь выдалась светлая, полная луна ярко светила в глаза, звёзды мерцают, как снежинки под луной.

Домой приехали к полуночи.

Через день Осип с новым обозом поехал в Суетиху. Только спустя неделю вернулся пьяненький, но весёлый. Ходил по дому, одетый в купеческий сюртук чёрного толстого сукна на три пуговицы, обтянутые синим шёлком, В сапогах с высокими голенищами, в широких, в полоску, брюках, заправленных в сапоги. Купец средней руки и только. Напевал себе под нос. Никому ничего не рассказывал, а спросить у него не решались. Раз весёлый, значит, всё хорошо. Никто не знал, как подошли они друг другу, Жоголев и Мыльников. Каждый имел свою корысть, и каждый остался с прибылью.

А потом Осип запустил диковинку, которую приобрёл для большей солидности – граммофон. Пластинок было немного, но Мыльникову обещали подвести ещё. А пока можно было послушать цыган, да ещё какой-то мужик то ли пел, то ли гудел что-то непонятное. Обещали привезти что-нибудь красивое, жалостное, тогда можно будет поставить эту штуковину в магазин. Пусть люди ходят да слушают.

24

Мишка Сушкевич долго не мог привыкнуть к Сибири. Зимой – морозы, даже воздух густеет, режь его кусками и глотай. А летом – жара да гнус, от которого только и спасаешься дёгтем. Не только сам, а и скотину, не помажешь – можешь на пастбище не выгонять. Коровы поднимут хвосты, понесутся, обезумев от боли.

Пастухи ничего не могут поделать. Только дымокуры и спасают, стадо стоит возле дымокура, не пасётся, а спасается от слепней да комаров. Потом приспособились. Прежде чем выгонять скот на пастбище, мазали дёгтем. Возле дома стали выкашивать траву, тем и спасались, вместе с травой исчезал и гнус. По вечерам на скамеечке лясы точили, да орехи щёлкали. Погнала в дорогу Мишку да его жену Алёнку из родной Белоруссии беспросветная нужда. Было два выхода для молодой семьи: идти батрачить на пана или ехать в даль далёкую за призрачным счастьем. Ни у Мишки, ни у Алёнки ничего не было за душой. Свела их любовь. Оба были не последние люди в деревне, красивые, здоровые, весёлые. Всё было просто, пока не родился сын Васька. Нужда нависла драным мешком над головой. Вроде и видны просветы, а потянулся к ним – опять темнота, хоть в петлю головой. Вот тогда и появились служивые люди, обещавшие «манну небесную». Верилось с трудом, но зародилась маленькая надежда. Она, как маленький червячок точит яблоко, стала изводить и так невыносимую жизнь. Поговорил с Алёнкой. Она тоже думала об этом, махнули рукой на всё и поехали. Брать с собой особо было нечего. Взяли по маленькому узелку да Ваську за руку и пошли, не оглянулись.

Уже в пути сошлись с земляками Юшкевичами. У Ивана и Марии было две дочки, и судьба похожая. Решили держаться вместе, всё легче. И ребятишки быстро сошлись. Когда в деревне предложили дома выбирать, то решение жить по соседству было общим. Первая зима была особенно тяжкой. Невиданные холода. Спасибо, что деревенские помогли с одеждой. Единственно, что радовало, всегда был кусок хлеба. Корова досталась хорошая, только очень привередливая. Долго привыкала к новой хозяйке. Характерная корова, попробуй ударь прутиком, хозяин, – так молока получишь половину. А двухведёрница отменная, не у всех в деревне такие коровы. Постепенно стало легче жить. И дочка Марийка родилась, и ещё будут дети. Кормить есть чем, а вырастут, и не заметишь. Алёнка улыбаться стала, а то совсем сгорбилась. Теперь красавица такая, которую он и полюбил. Эх, да достаток такой бы на Родине. И где она теперь, Родина? Деревня Выселки, что рядом с Гродно. Стало жить легче – появилась тоска по полям родным, околкам, речушке, спрятавшейся в траве, по садам весенним, чистым и благоуханным. Иногда так сдавливало внутри, что вышибало слезу.

Прятался, стыдно было. Алёнка тоже скучала, но вида не показывала. Тогда решил Мишка сделать у дома сад, чтобы по весне пусть не яблони и сливы, пусть черёмуха, но пахнёт белым дурманом, радует душу. На вторую весну походил Мишка по округе, посмотрел, что в лесу достойно взгляда, а осенью принёс из лесу черёмуху, рябину, калину, кусты шиповника, сибирских диких роз и разбил сад перед домом. Оградил палисадником, чтобы скотина не потравила. На следующую весну уже радовался редким цветочкам прижившейся черёмухи.

– «Блажь» у мужика, – поговаривали сельчане.

Но неожиданно эту «блажь» подхватили ребятишки. Девчонки уговорили мальчишек, и те натаскали саженцев.

А Мыльников вообще учудил. В Тайшете один из купцов привёз диковинных к тому времени саженцев тополей. Осип увидел, как сажают их возле церкви и по Трактовой улице. Когда сажальщики зазевались, Мыльников стащил пять саженцев и привёз в Камышлеевку. Смеялся. Говорил, что мог и купить, но тогда неизвестно, прижились ли бы деревца на новом месте. А так следующей весной, напротив мыльниковской усадьбы зеленели маленькие тополя. Их загородили от скота, и каждый изредка подходил, любовался ими и сравнивал с осиной. Ничего не росло так быстро, как эти тополя, может, потому что ворованные. Расцвела деревня. По весне такой дурман от черёмухи, аж голова кругом.

Не сразу, но стала уходить тоска. Заботы всё больше отвлекали от больного, радовался Мишка и малышке дочке. Она уже сибирячка. Радость и отрада. Васька тоже обвыкся, дети быстро забывают плохое. Чего ж теперь? Привыкать надо! И Алёнка однажды призналась, что не зря там всё бросили. Конечно, не зря. Человеком себя почувствовать всегда приятно. Не батрак, а хозяин, не побирушка какая-нибудь. И смотреть всем можно в глаза, а не прятать взгляд от стыда.

Растаял снег. Бурая сухая трава громко шуршала в просыпающемся лесу. И не нужна тишина, всю зиму тихо в лесу было, можно и пошуметь. Мишка Сушкевич, как и многие жители деревни, направился в лес. Пришла пора побаловаться берёзовым соком. И не только попить сладкий берёзовый нектар, но и заготовить сока на лето. В погребе сок немного закиснет, и будет квас, куда с добром. Такого сам не сделаешь. Недолго длится страда, неде-

ля, другая, и не станет сока в берёзе. Потом жди следующей весны. Сок собирать – дело нехитрое. Вырубаешь небольшое корыто и ставишь под берёзу. Надрубаешь ствол и вбиваешь небольшой клинышек. Сок из прорези по клину бежит в корыто. Теперь сиди и жди, когда наберётся бадейка, свёрнутая из бересты. Приложишься к бадейке – не оторвать. Холодный, сладковатый напиток бодрит да ещё требует хлебнуть. Мишка уже наставил с десяток корыт. Завтра приедет на телеге с кадушкой, соберёт из корыт сок и поставит снова. И так неделю будет ездить каждый день. Когда сока не станет, соберёт корыта да сложит в сухое место, чтоб не погнили. Скоро начнётся посевная пора, пригодится сок. Мишка присмотрел ещё и цветы. Вот подснежники зацветают, а там огоньки проклюнулись. Ещё прошлым летом он выкапывал колокольчики, ромашки вместе с дерном, так приживаются лучше. Целое лето будут цвести разные цветы, радовать глаз. Посмотришь на них, и спокойнее становится на душе. И пусть его считают чудаком, но ему нравится, Алёнке с детьми нравится, а другим он и указывать не будет.

Не только цветами занимался Мишка. Попросил как-то Мыльникова привезти ему картошки из Конторки: поговаривали, будто там хорошая картошка. Мыльников сперва посмеялся, а потом, когда узнал, что Мишка хочет развести другой сорт, привёз ему мешок и денег не взял. Сказал, чтобы на следующий год рассчитался новой картошкой. Новый сорт получился удачным. Старая картошка была хороша, урожай добрый, но к весне чернела, скармливали скоту. Новая пролежала зиму хорошо, да и на вкус была получше. Следующей весной Мишка садил два сорта – старый и новый, разделяя их полосой овса. Картошка была уже и на продажу. И в маленьком огороде каждый год старался вырастить что-то новое. Семена ему привозил лавочник. Огурцы, капуста, морковка росли у Мишки лучше всех в деревне. Всё свободное время возился с огородом. Помогали пропалывать Алёнка и дети. Насмешки в деревне прекратились, когда люди увидели результаты. Бабы завидовали потихоньку:

– Смотри, как повезло Алёнке: мужик и на огороде всё сам делает. А тут и дом на твоих плечах, и скотина, и огород.

Ну, а сохранить урожай Алёнка умела лучше всех в деревне. Хрустящие огурчики из бочки да золотистая капуста так вкусно не

удавались никому. Ходили бабы, выведывали секреты, но ничего нового не узнали. Алёнка и не скрывала, как она делает. Вроде, так же, как и все, только выходило совсем не так, как у всех. Это как и с хлебом – пшеница с одного поля, мука с одной мельницы, а хлеба одинакового в деревне не найдёшь. У каждой хозяйки свой вкус. Так, видно, и тут. Бабы сошлись на том, что «лёгкая рука» у Алёнки, потому и всё вкусней. Невдомёк было бабам, что делала Алёнка не абы как, а с душой, с песней. А чего не петь, когда каждый день в радость? Чего не радоваться, когда солнышко всё утро гуляет по светлым вихрам ребятишек. Кот вон сидит на окне да муху лениво гоняет. Муж не слоняется в поисках чего-нибудь, а делом занят. И приятно позвать его к завтраку и подать чугунок с картошкой, да хлеба, да молока кринку. И постоять, прислонившись сзади, или присесть сбоку и смотреть на довольное семейство, подливая молока в кружку. Разве есть счастье больше? Потому у Алёнки любое дело спорится, что хорошо ей самой и любимым деткам, да мужу. А ещё потому, что под сердцем носит она ещё ребёночка, который родится в тепле и достатке.

25

Сено косили на берегу речки. Солнце палило исправно, с утра было немного полегче, а уже к обеду некуда было спрятаться от зноя. Воздух волнами поднимался от земли, трава словно раскрывала все свои внутренности и выплёскивала все запахи без остатка. Жара и запах скошенной травы кружили голову, делали тяжёлыми руки и ноги, дышать становилось тяжело. После обеда, в самое пекло, не косили, никаких сил не хватало, валялись в шалаше или в тенёчке под густой елкой. По самому берегу их много росло. На дрова елку пилить – себе каторгу устраивать. Елка – дрова хорошие для чистки печи, как и осина, но колоть их невозможно. Мелкие сучки пронизывают ствол поперёк, словно пробивают деревянными гвоздями. Попробуй расколоть чурку, сбитую гвоздями. Топить елкой, если нет снега, – опасно. Слишком много искр выплёскивается из трубы, гляди и пожар случится. Но искры, пролетая через дымоходы, поджигают сажу, вспыхивая, она прожигает дымоход. То же происходит и с осиновыми дровами. Только осину заготавливать намного легче, и искрит она меньше.

Никита Кузнецов лежал под елью на самом берегу речки. Купаться в ней не будешь: воробью по колено и вода холодная в любое время. Слишком много родников дают воду реке. И бежит она в тени тех же елей, ивняка до смородинных зарослей. Кислицы тоже хватало. Никита было уже задремал, но, услышав шорох, обернулся. Иринка Юшкевич, раскрасневшаяся от жары, скинула платочек, наклонилась к воде и стала брызгать себя водой. Потом сполоснула руки и лицо. Намочила беленький платочек, без которого в такую жару опасно находиться на солнце, собралась уходить.

– Ира, иди сюда, здесь прохладно, – позвал Никита.

– Тьфу, чёрт красивый, напугал, – вздрогнула Иринка.

– Разве, черти бывают красивые? – спросил Никита, поражаясь своей смелости. Он даже и сам не понимал, как осмелился окликнуть девушку.

– В зеркало посмотри, увидишь, – спокойней сказала Иринка, но подошла и присела на самый краешек берега.

– У тебя руки подгорели, – сказал он, кивком указывая на покрасневшие места, которые не были закрыты рукавами.

– Наверное. Побаливают немного.

– Много ещё косить?

– Хватит. Работников немного, и жара стоит, сколько времени пропадает.

– Да, жарко.

– Я, правда, на чёрта похож? – Вдруг спросил Никита.

Иринка громко расхохоталась.

– Это тебя так девчонки зовут!

– Почему?

– Нравишься ты многим, а ни на кого не сморишь. Говорят, что ты заколдованный. Значит, чёрт. Смотри, сглазят тебя, что тогда делать будешь.

– А как чёрта сглазишь?

– А, вот, расколдуют разными приворотами и присушат к кому-нибудь. Что тогда делать будешь?

– А ты присуши. Может мне и понравится.

– Я на тебя глаз ещё не положила, – хохотала девушка. – Вот присмотрюсь получше, а там видно будет.

– Присмотрись, – Никите было легко и приятно с девушкой.

– За меня пошла, если бы позвал? – вдруг спросил он.

– А ты позови, поглядишь, пойду или нет.

– Иди за меня, – Никита встал.

Иринка тоже поднялась и вызывающе посмотрела ему в глаза, рассмеялась и побежала на свой покос.

– Осенью сватов жди! – крикнул он вслед.

Она не обернулась, просто бежала и смеялась на ходу.

Никита чувствовал себя глупцом. Чего ахинею понёс? Нравилась ему Иринка, как глянет на неё, даже дышать забывал. Она же никогда и не смотрела на него, а теперь он сам вдруг всё сразу сказал. Стыдно стало. Разве так можно простыми словами говорить об этом. Цветы там какие сорвал бы. С вечёрки ни разу не проводил, какими глазами он теперь посмотрит Иринке в глаза. А если она всем расскажет, вся деревня будет потешаться над ним.

Никита сам себя затравил думками, что даже в тени ему стало жарко. Он пошёл в прокос, взял косу, поправил оселком и стал докашивать остатки покоса. Отец с удивлением посмотрел на сына. Какая оса его укусила? Но ничего спрашивать не стал, мало ли чего. Вообще, он сам себе на уме, но нечего лезть в душу. Захочет – скажет.

Но Никита никому ничего не сказал.

Закончился покос, молодёжь снова ходила на вечёрки. Играла гармонь, пели песни. Вальсировали пары, крутили кадриль. Никита и раньше не часто ходил к костру, а теперь вообще боялся показаться на глаза. Ему казалось, что каждый будет смеяться ему вслед. В глаза не посмеют, а за глаза будут шептаться. А девки и частушку состряпают и ославят на всю деревню, проходу не будет. У них быстро это получается.

Никита целыми днями и ночами пропадал в кузнице. Днём делал заказы, а по вечерам крутил из железа цветы. Много уже было и все разные.

– Что делаешь? – вдруг раздался голос.

Никита вздрогнул внутри, но вида не показал.

Он сразу понял, кто там. Медленно повернувшись, спросил:

– По делу? – осознавая, что говорит глупость.

– Без дела нельзя? – улыбнулась Иринка.

– Можно. К нам много кто заходит.

– Кто?

– Ну, мужики деревенские. Приходят посидеть, поговорить.

– Тогда я тоже поговорить.

– Говори.

– Ты на вечёрки не ходишь? – спросила она, словно не знала.

– Не хожу.

– Почему?

– Никто не зовёт.

– А если я позову? Придёшь?

– Проходи сюда, чего там стоишь.

– Там грязно.

– Иди, чего покажу, – сказал он и вытащил кованые цветы.

Разложил их на верстаке. Иринка подошла, стала разглядывать. Брала каждый цветок, крутила в руках и клала на место. Резко повернулась к нему и, глядя в глаза, спросила:

– Про сватов мне послышалось? – и она хитро улыбнулась.

У Никиты перехватило дыхание. Он смотрел на девушку и молчал, не мог выговорить ничего.

– Значит, послышалось, – заявила Иринка и, положив цветы на верстак, направилась к двери.

– Нет, – выдохнул Никита, – не послышалось. Жди сватов.

– Когда?

– Скоро.

– А цветы красивые.

Она засмеялась и побежала в горку.

Осень пришла плаксивая и нудная, но потом смилостивилась. Установилась солнечная и тёплая погода. Подсыхало с трудом. Картошку копали уже около недели, складывали в кучи и накрывали ботвой. В последний день, когда копать оставалось совсем немного, кучи раскрыли и стали просушивать, а к вечеру – затаривать в мешки и на телеге возить домой. Часть сложили в яму, вырытую прямо на меже. Глубокая яма закрывалась досками и ботвой, потом её заносило снегом. И никто ничего не трогал до весны. Весной яму открывали, картошка была, как свежая, её хватало на всё лето.

Никита таскал мешки один. Работа нетяжёлая, взял мешок, закинул на плечо, пронёс немного и высыпал в подвал. Мать с сестрой Иринкой набирали картошку из куч и затаривали мешки.

Потом мать пошла управляться со скотиной, остались Никита с сестрой.

– Никита, ты пойдёшь на вечёрку? – спросила сестра.

– Зачем?

– Кое-кто просил тебя прийти.

– Кто это?– повернулся Никита.

– Тебе лучше знать. Меня просили тебе передать, я передаю, а там, как хочешь. Можешь и не ходить, тогда и останешься один. Уведут невесту.

– Кто? – спросил брат.

– Значит, есть невеста, – протянула Иринка. – Давай закончим быстрей, мне тоже хочется вечером погулять.

– Тебе язык хотелось почесать?

– Нет, правда, просили передать.

– Ладно. Давай работать, там видно будет.

Антип приболел. Промок под нудным осенним дождём, потом продуло немного. Сейчас побаливала спина. В огороде он работать не мог, но слонялся по двору, топил баню да делал разные мелочи. Баню он полюбил здесь, в Сибири. Там на родине, бань не было – мылись в печке в шайке. Париться не парились и не знали, что это такое. После первого раза всё было противно: жара, дышать нечем. Горят ногти и уши, волосы трещат. Дым выедает глаза, сколько ни проветривай баню. Потом привыкли. Даже жена Дуська привыкла. Сначала баня была общая в деревне, когда жило только пять семей, но потом, когда Антип построил другой дом, сделал свою. Поставил её посреди огорода на меже. Бани часто горели, потому их ставили подальше от строений. Никита с Иринкой, весело болтая, везли на телеге последнюю картошку домой. Осталось смолотить пшеницу и рожь, потом немного овса, да прибрать, а там и поджидать зиму можно. Так понемногу и другие дела поделаются.

– Мать, иди баню помой, протопилась уже, вон и работники наши идут.

Евдокия пошла готовить баню. Нужно было помыть от налетевшей сажи лавки, на которых сидели и мылись, и полок. Потом протереть пол и бросить на каменку ковшик другой кипятка, чтобы камни тоже очистились от сажи. Пока мать готовила баню, Никита переносил картошку, а Антип распряг коня. Вскоре отец с сыном пошли париться. Когда на улице было не холодно, то раздевались в предбан-

нике – холодной пристройке, где было скамейка, на которой отдыхали после парилки, здесь же висели веники. Веники были разные. Немного было жёлтых веников, которые готовили, когда лист на берёзе только распускался и был ещё липкий. В листьях таких веников находилось много дёгтя, который очень полезен для кожи. Другие веники, которых готовили много, резали после Ивана Купалы две недели, как раз до покоса. Высыхая, эти веники не желтели, лист у них крепко держался, хватало на несколько походов на полок.

Запарили сразу четыре веника, чтобы всё было под рукой. Антип надел шапку на голову, рукавицы и полез на полок. Никита подал ему таз с холодной водой. Первый ковш кипятка брызгами разлетелся по камням. Пар горячим жаром заполнил помещение. Прошло немного времени – жар распространился повсюду и немного растаял. Немного привыкнув, Антип кивнул сыну. Тот плеснул на каменку уже полковшика. Белое облачко пара, едва появившись, растворилось, жар приятной волной коснулся тела. В этот момент и веник коснулся спины, на коже появились пупырышки. «Гусиная кожа». После этого можно начинать понемногу добавлять веничком. Когда кожа начинает гореть, веник окунают в таз с холодной водой, и парилка продолжается. Наконец Антип, обессиленный, слез с полка и вышел в предбанник. Тяжело дыша, он наслаждался прохладой. Немного глотнул холодной воды, много нельзя – прохватит горло. Пока отец отдыхал, с веником управлялся сын, здоровья у него было побольше, сердце покрепче, и пару он поддал посильней. Отдохнув, Антип, было сунулся в баню, но оттуда так дохнуло жаром, что он отпрянул.

– Никита, ты что, сдурел? – заорал Антип, – как ты там терпишь! На полу не усидеть!

Никита, улыбаясь, весь малинового цвета, пышущий жаром, вышел в предбанник и сладко жмурясь, сказал:

– Хорошо.

– Сдурел совсем, – проворчал отец, – открывай дверь, не войти.

– Хорошо, – повторил сын, сидя на скамейке, и закрыл глаза, – отдохну и ещё схожу.

Отец с сыном сидели в предбаннике уже одетые, не в силах подняться и идти.

– Здоров же ты париться,– сказал отец,- да и в работе тоже горазд. Женить тебя надо уже, а тебя из дому не выгонишь. Так и просидишь всю жизнь на родительской шее.

– Жени, – буркнул сын.

– Так на ком женить? Ай, высмотрел кого? – подозрительно посмотрел Антип.

– Иринка, Ивана Юшкевича дочка.

– Это которая? – спросил Антип, словно не знал, – старшая, что ли? Ничего, справная. А чего, как раз и время. Сосватаем, а через месяц и свадьбу отгуляем. Или шутишь?

Были у Антипа сомнения: дома сидит по вечерам, днями в кузне, где это он сговорился?

– А как погонят сватов-то, что тогда делать?

– Какие сваты будут, так и погонят, – заулыбался Никита.

– Чего скалишься? Ни слова толком не выбьешь, ничего не скажет, скалится да делает всё по-своему.

Отец шёл из бани впереди и ворчал, сын шёл позади, улыбался, думая о своём. Уже вечером, сидя за столом, Антип сказал:

– Слышишь, мать, жениться наш младший надумал. Говорит, сватать надо идти.

– Сиди, старый, несёшь ерунду, – сказала мать, взглянув на сына.

– Чего ерунду? Сказал мне, что выбрал себе невесту. Вот и думаю, шутит он, или правду говорит. У него сразу ничего толком не выбьешь.

– И кого ж он выбрал?

– Будут у тебя две Иринки,– сказал отец.

Сестра прыснула в кулак. Ей было известно, о ком идёт речь.

– Цыц, хохотушка,– приструнил отец, – нечего тут смешки разводить.

Непонятно стало, шутит отец или нет.

– Так серьёзно, что ли, – растерянно спросила мать. – Ты-то чего молчишь? Кто за тебя пойдёт, если у тебя каждое слово щипцами вырывать надо?

Никита ел молча. Пусть поговорят, понимал, что ещё шутят над ним, но не обижался. Сейчас наговорятся, а потом и он скажет.

– Скажи матери, кого ты выбрал, – кивнул отец, – не мне же называть.

– Иринка, Юшкевича Ивана дочь.

– Ишь, ты? Так она молодая ещё, – всплеснула руками мать. – Сколько ей?

– Девятнадцать скоро будет, – сказала сестра.

– Нет, в самый раз. А, чего? Пора и жениться. Сговорились, что ли?

– Я ему и говорю, а если погонят нас, чего тогда? Сказал, чтобы лучше сватали.

Пока отец с матерью переговаривались, Никита оделся и пошёл на вечёрку. Посреди деревни была небольшая площадь. Вниз к реке шёл широкий прогон для скота. На этом прогоне с краю стояла и кузница, а выше тоже был прогон, широкое место. Там и проходили вечёрки, собиралась деревенская молодёжь. Играла гармошка, пели песни, танцевали. Иногда и стычки были среди парней, но это случалось редко. В деревне все жили мирно. Вокруг кострища стояли чурки, на которых сидели, поленница дров, специально для этого приготовленная. Собирались тогда, когда начинало темнеть, первыми приходили те, кто помоложе, разжигали костёр. Потом подтягивались и остальные, кто желал. Потом, когда все расходились по домам, влюблённые парочки куда-нибудь укрывались от ненужных глаз.

Никита присел на чурку и стал ждать Иринку. Её ещё не было. Не было и подружки, Светки Морозовой.Они всегда приходят вместе. Пацаны, которые помладше, потихоньку покуривали самосад. В деревне немногие курили, но табак выращивали для домашних нужд. То моль потравить, то в огороде табачным настоем опрыскивали рассаду от всяких гадов. Пацаны воровали табак, крошили листья да покуривали. Хотелось казаться повзрослей. Никита задумался и не заметил, как подошла Иринка.

– Пришёл? – спросила она неожиданно.

Он поднял глаза и улыбнулся.

– Уже хорошо. Подвинься, я присяду, – она сама немного подвинула его и, присев рядом, открыто посмотрела ему в глаза.

– Уже думала тебя из дома на верёвке вытаскивать. Как старик какой, прирос к лавке. То на работе сидишь, не выдернуть. Проводишь меня сегодня?

– Провожу, – сказал он, улыбаясь.

Ему нравилось, что она так много болтает, что совсем не смущается, как он. Сидит рядом, смеётся, хлопает большими ресницами, что-то показывает руками. Улыбка на его лице, как прилипла. Ему больше ничего не хотелось, просто видеть её, слышать.

– Уснул, что ли? – дёрнула она за рукав, – я спрашиваю, завтра будешь работать?

– Где? – очнулся он.

– В кузнице.

– Да, пока ещё стоит погода.

– Приду посмотреть на твои цветы, не рассмотрела в первый раз.

– Приходи. Посмотри.

– Хороший ты собеседник. Говоришь и говоришь, просто слово некуда вставить, – уставилась она на него.

Он улыбался и молчал.

– Правильно, не люблю тех, кто больше меня болтает.

– Это кого не любишь?

– К примеру, Сашка Морозов. Того не останови, он и во сне говорить будет.

В этот момент подошёл Сашка:

– Ирин, пойдём танцевать? Чего уселась, как старуха? – крикнул он.

– Уйди, – сказал Никита, улыбаясь.

Сашка взглянул на него и понял, что лучше уйти.

– А я хочу танцевать, – заявила Иринка.

– Иди. Никто не держит.

– Нет, я раздумала. Сегодня не буду танцевать. Сегодня выходной, буду слушать тебя. Рассказывай.

– Чего рассказывать?

– Чего, чего? Сейчас придумаю, чего.

Иринке очень нравился этот добрый, красивый, немногословный увалень. Она даже представила, как он берёт её на руки и несёт по полю, где полно цветов. Она зажмурила глаза – так ей стало сладко.

– Про цветы! Расскажи про цветы, как ты придумал их делать.

– Увидел на другом берегу Туманшета, мы с ребятами плавали туда. Таких цветов я больше нигде не видел, потом пришло в голову сделать.

– Отец что сказал?

– Я не показываю ему. Ругаться будет, скажет, что баловство, да и только.

– Я со Светкой приду, можно?

– Можно.

– Нет, я одна приду.

– Приходи, как хочешь.

Они вскоре ушли от костра в сторону берёзовой рощи. За огородами стояла небольшая, чистая берёзовая рощица. Ещё когда стали застраивать деревню, решили рощу не трогать, пусть стоит на радость всем. Даже сок берёзовый там не берут. Возле рощи валялись два сутунка, два коротеньких ошкуренных, давно высохших брёвнышка, приспособленных под скамейку. Возле костра сразу раздались шепотки. Все сразу заметили, что Никита под ручку ушёл с Иринкой. Удивлялись, как это ей удалось подцепить такого парня, о котором многие мечтали. Поговаривали, что без колдовства не обошлось. Но ещё больше разговоров было, когда на следующий день к Юшкевичам пришли сваты. Дело сладили быстро и полюбовно, свадьбу сыграли через месяц, когда со всем уже управились. К тому времени выпал снег. Ряженые упряжки полдня носились по деревне, потом умчались в Туманшет, в церковь. Гуляли свадьбу шумно, и целую неделю, а через месяц была ещё свадьба Мехонова Макара и младшей дочери Суренкова, Ксении. Деревня веселилась ещё неделю.

Много уже свадеб прозвенело бубенцами по единственной деревенской улице. А сколько ещё прозвенит?

26

Шагап Ибрагимов нёсся на крепком молодом жеребце по деревне. Конь испугался чего-то и понёс, не слушая узды. Парень изо всех сил тянул повод на себя, но жеребец не реагировал. Кое-как удалось направить коня из деревни вниз к реке. Там уже, отпустив узду, Шагап покрепче сжал коню бока, вцепился пальцами в гриву. Жеребец почувствовал свободу, задрав вверх хвост, летел с горы.

– Кто это так с ума сходит? – спросил Антип.

Он спустился к реке ополоснуться. Вдруг видит: с горы кто-то летит на коне. Сначала Антип ругнулся, оценивая такие скачки, но потом понял, что лошадь просто понесла и она не управляется.

«А молодец, что вывел из деревни, здесь конь успокоится и остановится. Только бы не споткнулся».

Конь не споткнулся, просто перед самой рекой резко выставил ноги вперёд, присел, останавливаясь, наездник кубарем слетел в реку. Куча брызг разлетелась в стороны. Когда всё успокоилось, Антип увидел, что наездник лежит в реке и не пытается подняться.

– Убился! – крикнул он и бегом побежал к наезднику.

Конь стоял рядом и храпел. Антип поднял Шагапа, чтобы тот не нахлебался воды, парень раскрыл глаза, приходя в себя.

– Живой? – Антип стал ощупывать руки парня. – Целый, вроде. Повезло тебе, парень, просто немного зашибся и всё. Вставай, чего в воде сидеть, давай пойдём в кузню, там обсушишься.

Антип помог стать парню встать и повёл в кузницу. Жеребец поплёлся следом. Деревенские кони были домашние, послушные, потому и ходили за хозяином. В кузнице горн горел вовсю, работал Никита. Работы было много, и Никита взял её на себя. Ему надо денежку зарабатывать, дома жена молодая, родить должна к осени.

– Никита, дай-ка огня побольше, человеку обсушиться надо,– сказал отец. – Чуть было не убился малец, повезло, в речку свалился. Понёс, что ли? – спросил Антип.

– Кто-то укусил его. Может, слепень или шершень ударил, – ответил Шагап.

Парень он был тихий, не видно, не слышно, но если кто пробовал задирать его, то получал достойный отпор, несмотря на возраст и силу. Шагап мог умереть, но обидчику не спустить, кто бы там ни был. Вся семья Ибрагимовых жила тихо, не на виду, наоборот, старались, чтобы никому не мешать. Нет, они не были какими-то отшельниками, вместе со всеми бывали на гулянках, но держались тихо. Поначалу говорили они совсем непонятно, сам Шухрат знал по-русски, а его жена, Фатима, только немного понимала, но говорить стеснялась. Шагап, единственный их ребёнок, рос тихим и неприметным. Поначалу стеснялся, что не понимал сверстников, хотя особо никто и не задирал его, но он всегда был настороже. Постепенно обвыкся, стал говорить хорошо, но характером остался прежним: немногословным с друзьями и уважительным к старшим, старательным и работящим.

Ибрагимовых привёз Егор Камышлеев. Ездил по каким-то своим делам в Щетиновку. Туда привезли большую партию переселенцев из Казани. Татары жили своей общиной, свой быт, своя вера, традиции обосабливали их от других поселенцев. Среди новосё-

лов были разные люди, много бедных, поехавших за счастьем. Но были и другие, у которых были и деньги, и золото. И промышляли они его разбоем. Чтобы скрыться от закона и от мести, некоторые купили себе разные бумаги, по которым и уехали. Ибрагимовых было много, больше половины партии, связывали их родственные узы. Партия из Казани была большая, многие из той партии осели в Тайшете, в районе Первой и Второй Зелёных улиц, да по Проходному переулку, соединявшему их. В народе это место получило название «Татарский аул». В этом районе и разговаривали только по-татарски. Здесь же соблюдали все свои традиции.

Клан Ибрагимовых подался подальше от посторонних глаз. Поначалу им назначили место поселения Щетиновку. Они пробыли там полгода, место не понравилось: болотистое, нередко в половодье затапливалось. Поехали посыльные, получили разрешение выбрать место самим, выше по Бирюсе. Они поднялись по Бирюсе выше деревни Благодатской, перешли реку и подались в тайгу. Там нашли подходящее место и построили деревню Калтоши. Рядом стояла ещё деревня Еланка, где проживали разные люди разных национальностей. Часть татар осталась в Еланке, остальные поселились в Калтошах. Потом некоторые семьи уходили ещё выше по Бирюсе и селились отдельно. Молодые парни уходили за золотом в самые верха Бирюсы к Саянам и оставались там.

Пока ждали разрешения на переселение, у Шухрата произошёл конфликт с сородичами, дело дошло до поножовщины. Кое-как конфликт удалось унять. По случаю Камышлеев был в Щетиновке. Когда Шухрат узнал, кто это такой, он подошёл и попросился к нему в деревню. Егор взял. Тем более, что документы на него сразу же и отдали, отдали и часть денег, которыми руководил старший из клана. Пока Шухрат собирался, ему привели пару коней и Егору принесли остальные деньги. Кто-то из местных сказал, что в управлении по поселениям у Камышлеева есть связи. Чтобы не раздувать скандал, всё, что причиталось Шухрату, отдали. Когда приехали в Камышлеевку, Егор сразу сказал, чтобы над новенькими не было никаких шуток, и Ибрагимовых никто не обижал. Сам Шухрат оказался знающим лошадиные болезни, выручал своих сельчан, да и из окрестных сёл приходили за ним. Первую зиму Ибрагимовы прожили в пристройке при магазине, были сторожами и помогали Мыльникову понемногу. За жильё

Осип денег не брал, даже по праздникам сам подносил разные подарки. Веру свою поначалу поддерживали крепко, потом сам Шухрат стал пропускать намазы, а вслед за ним и сын Шагап. Хотя придерживались праздников, но не было строгости, но и совсем без веры нельзя. По весне начали строить новый дом, делали всё на русский манер, как и всем. Когда осенью зашли в свой дом и справили новоселье, все были настолько рады, что Шухрат, раньше никогда не пивший, первый раз в жизни напился. Болел так сильно, что после того больше и не пробовал. Только никогда не ел свинину, душа не принимала. Никто и не настаивал. Если и интересовались чем-то люди, так из любопытства и интереса, при этом уважая чужие нравы.

– Ну что, обсох? Руки, ноги целы? – спросил Антип.

– Целы, – сказал Шагап.

– Остальное до свадьбы заживёт. Ладно, я пойду.

Он вышел за дверь и уже оттуда сказал:

– Шагап, у тебя конь, как собачонка, никуда не отходит. Где хозяин, там и он. Ты его не ругай, всякое случается, скотина всё ж. Человек с разумом, а что только ни творит.

– Я знаю, он не виноват.

– Ишь, голос услышал, ушами стрижёт. Хорош у тебя конь. Такого в плуг жалко ставить, только красоваться на нём.

Шагап покраснел, словно хвалили его самого. Но за коня он был доволен больше.

– Чего случилось? – спросил Никита, молчавший до сих пор.

– Маркиз сбросил, – ответил Шагап, – сперва понёсся, а потом в реку бросил меня. Шибко ударился головой, отец твой достал.

– По-чудному ты назвал его. Где такое слово взял? Что такое – маркиз?

– Дашка Антонова читала книжку, там и слышал это слово. Что это такое, я не знаю. Наверное, что-то хорошее, как у меня конь.

– Ладно, пойдём домой, – сказал Никита, вытирая руки.

Вороной жеребец, успокоившийся, не отходил от кузницы. Когда Шагап вышел, конь поднял морду и фыркнул.

– Иди, ты меня сбросил, – проговорил Шарап, отворачиваясь.

Конь зафыркал сильней, потом медленно побрёл следом.

– Гляди, прощения просит, – удивился Никита.

– Он всё понимает.

– А, ну-ка, прости его, чего делать будет.

Шагап погладил коня по лбу. Тот замотал головой, пристроился рядом и пошёл наравне.

– Это ж надо? Ты специально учил?

– Нет, он с сосунка со мной, привык. Знает, что я хочу.

– Маркиз. Чудно, как-то,– сказал Никита и повернул домой.

Шухрат только покачал головой, когда сын пришёл домой, мать пригрозила ухватом, но ругаться никто не стал. Чего ругаться, если конь понёс? Сколько телег разбито, и людей погибло немало. Раз сегодня обошлось, значит, Аллах милостив к их сыну. Не дал им бог больше детей, сколько молилась Фатима, сколько просила. Наверное, после того и стал Шухрат ослабевать в вере. Не стал столько молиться, как раньше. Ничего в жизни не переменилось, значит, достаточно и того, что есть. Но кроме всего, есть у Шухрата мечта женить Шагапа. Парню восемнадцать лет, пора женить, только Шухрат будет женить сына на единоверке. Обязательно на татарке. Много татар в Тайшете. Поедет Шухрат в Тайшет присмотреть невесту сыну. Маленько ещё соберёт денег на калым и поедет.

27

Селезнёвы жили просто, были рады каждому дню. Легкие на подъём, пребывали в нужде, но не унывали. А когда появилась возможность куда-то поехать, да ещё за казённый счёт, да за красивым будущим, то они ни минуты не сомневались, что это им как раз и надо. Два сына, уже достаточно взрослых и смышлёных, да младшенькая дочь – вот и всё богатство, что было нажито. Взяв с собой детей, поклонились деревне, в которой ничего не осталось, кроме полуразрушенной избушки, пошли прочь. С соседями жили по-разному, но никто не одобрял их отношения к жизни. Для многих улыбка на лице, когда детей кормить нечем,- что-то непонятное. Когда люди хмурые и унылые, это понятно, но всё иное осуждалось. Витька с Натальей особо внимания не обращали, жили, как умели. И, в конце концов, всё у них было не хуже и не лучше, чем у многих других, только они не изводили себя. Сыновья, Вовка с Данилкой, были обыкновенными деревенскими ребятишками, ничем особо не отличались. Озорничали и дрались наравне со всеми. Только попадало им от родителей поменьше, чем многим

другим. А вот Галька была совсем другая. Важная, неулыбчивая, всегда серьёзная, и в кого она такая? Витька иногда в шутку расспрашивал жену, но и для неё это было загадкой. К ней относились как к самой младшенькой, но она не принимала особых условий ни от родителей, ни от братьев. В этой семье относились к дочери и сестре как к странному ребёнку, которого жалеют больше других и балуют больше других. Самостоятельности дочери поражалась сама мать. Галя, будучи ещё маленькой, если начинала убираться дома, то, как говорится, «вылизывала» всё. И попробуй её оторви от этого, она устраивала такую истерику, что тревожились соседи. Любое дело доводила до конца. Грядки на огороде, которые она пропалывала, были идеальными. Когда братья пытались что-то подстроить ей, она укоризненно смотрела, но переделывала всё по-своему. На весёлые проделки братьев лишь чуть улыбнётся глазами да отвернётся. В семье её любили, на улице никто и не пытался обидеть её: два старших брата за сестру стояли горой.

Парни выросли и на вечёрках уже гуляли с девчонками. Гальке было только четырнадцать, она никуда не ходила не потому, что была мала, просто ей было неинтересно. Её сверстницы постоянно были у костра вечером, у них своя компания. Там были и мальчишки одного возраста, были свои гармонисты и песенники. Правда, песни переходили от одного поколения к другому. Побывав несколько раз у костра, послушав песни, Галька больше не пошла. Скучно.

Камышлеевка понравилась Селезнёвым. Деревня стояла на чистом сухом месте. Кругом лес, есть речка под горой. Главное, люди были в одинаковом положении. Все приезжие. В отличие от других, Селезнёвы не вспоминали прошлое, ничего хорошего там не было, а радовались настоящему. Сосед Андрей Козлов спрашивал:

– Ты чему, Витька, радуешься?

– Хорошей жизни радуюсь. Живу, как наш бывший помещик. Пара коней есть, пара коров, овцы, куры, ну, куда с добром лучше жить? Как посмотрю, так смеюсь, что я, пожалуй, побогаче помещика.

– Это как? – недоумевал Андрей.

– Помещик своего богатства не знал. Был у него управляющий, вот тот знал, где помещика добро, а где уже не его. А я сам знаю, где моё, а где не моё. Тот управляющий был богатством не менее

помещика, умел прибрать к своим рукам, что плохо лежало. Так, что помещик не мог радоваться своему, а я могу. Вот ты, Андрей, тоже не можешь радоваться, ты не из помещиков, случаем?

– Какой я помещик, если с тобой вместе приехал?

– Скрытый. Наверное, по вечерам вытаскиваешь свои денежки да пересчитываешь, – на полном серьёзе говорил Витька.

– Чего бы я тогда поехал к чёрту на кулички, если бы денег было много? Сам рассуди?

– Так я и рассуждаю. Ты же поехал не за свои деньги, а за казённые, а свои припрятал. Вот, можно сказать, и удвоил свои капиталы.

– Ты чего метёшь? – возмутился Андрей

– Метёт метла, да всё с угла, а ты к себе пригребаешь.

– Да ты! Да ты, что думаешь? Просто так на человека поклёп! Что думаешь, на тебя, управы не найдётся? – ругался сосед.

– Да.

– Что, да?

– Ты угадал, не найдётся, – спокойно сказал Селезнёв.

Андрей почувствовал подвох.

– Это почему? – уже спокойней спросил он.

– А кто её искать будет, управу эту? Ты не пойдёшь, а мне твоя правда не нужна.

– Ты, Витька, склизкий, как налим. Вроде, вот он, а возьми его, и зла на тебя не остаётся.

– А я-то старался, думал: сейчас поругаемся с соседом, потом мировую выпьем. Вся пьянка пропала.

– Ну тебя к чёрту, – Андрей плюнул под ноги и пошёл домой.

– Вот так всегда, – крикнул вдогонку Витька, – пообещают выпить и не дадут, только и остаётся – смеяться. Эй, помощники! – крикнул Витька сыновьям. – Давай работать.

Они втроём достраивали новый хлев. Старый был ещё хорош, но маловат, для всей скотины не хватало. Теперь будет в самый раз.

– Что рты разинули? – спросил он сыновей, – на речку удрать хотели?

– Была надежда, что вы с соседом сообразите на двоих, – сказал Вовка. – Тогда бы и можно было.

– У куркуля не выпросишь сухаря, давайте-ка накроем быстренько крышу, да вместе сходим, сполоснёмся.

– Слово? – спросил младший Данилка.

– Слово! Только когда я его держал, не помню.

– Так сегодня и начинай.

– Если от матери сумеем удрать, то так и быть, держать буду.

– Мы у неё спросим, она отпустит, – сказал Данилка.

– Вот ты большой уже, а не знаешь, что если пойти с разрешения, то или вода будет холодная, или поскользнёшься. В общем, удачи не жди.

– Зато и ремня по мокрой жопе не жди, – заметил сын.

– Вот это верно. Согласен, Данилка, я с тобой, только я не помню, когда это мать нас ремнём лупила.

– Не лупила, но в голове надо держать.

– Смотри, Вовка, и учись. На полверсты впереди видит. Надо матери подсказать, а мы с тобой посмотрим.

Переговариваясь, подтрунивая друг над другом, Селезнёвы быстро закончили крыть крышу. Убрали из-под ног остатки досок, да весь мусор. Отец с сыновьями пошли на речку. Когда вернулись, на скамейке у дома сидела мать с вожжами на коленях. Отец с сыновьями остановились перед матерью.

– Я говорил про ремень, а здесь ещё и хуже, – сказал Данила.

– Накаркал, – фыркнул Вовка.

– Вот тебе и полверсты, а то он на пять вёрст видит, – сказал отец.

– Ну, с кого начнём? – строго спросила мать.

Сыновья, не сговариваясь, пальцами показали на отца.

– Предали! Доча, спасай!

– А что, во дворе нельзя порку устроить? Чего людей смешить? – сказала Галька и скрылась за калиткой.

Все дружно засмеялись, потом обнялись и пошли ужинать.

Просто мать случайно подслушала разговор сыновей с отцом, подыграла немного. Зато у всех хорошее настроение. Хлев закончен, и все дела на сегодня завершены – чего бы и не посмеяться.

28

Туча выплывала между Туманшетом и Цыганками. Выползала чёрным клином, затягивая всё небо, наполняя тревогой и страхом. Немного не доходя до деревни, словно зацепившись за макушки

старых елей, устроившихся вдоль реки, туча чуть-чуть повернулась и зависла над полями, недавно отвоёванными у тайги. Круговерть началась сразу: молнии сверкали во всех направлениях: влево, вправо, вдоль горизонта – грохот не умолкал ни на минуту. Молнии не только сверкали, с яростным шипением они ударяли в макушки огромных лиственниц, которые остались нетронутыми на полях. Раскалывая их вдоль, по всей высоте, валили на землю и поджигали. У некоторых деревьев отрывало только макушки. Даже ливень, сплошной стеной лившийся на поля, не сразу смог потушить ярко горевшее смольё. А по деревне ветром пронесло немного крупных капель, не намочивших даже пыль на дороге. Гроза продолжалась, то усиливаясь, то утихая, около часа, потом повернула и быстро ушла на юг, в сторону Еланки. Вдруг стало тихо. Только на не засеянных ещё полях горели пни, дымились крупные сучья и стволы, чёрные дымы от костров тянулись вдогонку за тучей и исчезали за лесом.

– Настя, Фёдор, поторапливайтесь, пока туча не вернулась и не прихватила нас в пути.

Егор Камышлеев собирался в Тайшет. Ехал он с женой, сын оставался дома за хозяина. Фёдор, крепкий в отца юноша, любимец местных девушек, длинные русые вихры завивались крупными кольцами, в карих глазах добрая улыбка. Ему уже шёл семнадцатый год, парень рос толковый, любознательный. Егор думал пристроить его учиться дальше. В Тайшете ничего подходящего не было, а отправлять куда-то далеко родители побаивались – сын был единственный. Хоть и старались не показывать вида, но «тряслись» над ним. Фёдор был самостоятельным, как и все выросшие в деревне дети. Ненужной, постоянной опекой он тяготился, поэтому не считал нужным говорить родителям, что собирался делать, куда пойти. От этого у матери иногда случалась истерика. Однажды, год назад, Фёдор с ружьём пошёл пострелять уток на озеро, но через час пришёл и попросил отца помочь ему. Запрягли лошадь и поехали к озеру, а там у самого края болота лежал убитый медведь.

– Это ты его? – спросил отец.

– Случайно вышло, – стал оправдываться сын, – столкнулись почти нос к носу, что делать было?

– Повезло тебе, что он молодой, пестун, а так бы не разошлись, – пробурчал Егор.

В душе он был доволен, что сын не стушевался, а принял решение. Когда добычу привезли домой, то мать устроила скандал. Досталось не только сыну, но и отцу, Егор впервые видел Настю в таком состоянии. Сыну пришлось дать обещание матери с медведями не связываться. После этого отец посмеивался над сыном:

– Встретишь медведя, сразу говори ему, что у тебя слово матери дадено не связываться.

Сын только улыбался, но жил по-своему: мог уйти на рыбалку и остаться на ночь, никого не предупреждая. Мать каждый раз отчитывала его, он никогда ни словом не перечил ей, стоял, опустив голову, слушал нотации, потом обнимал мать, и спустя некоторое время…опять слушал нотации. Отец не вмешивался, понимал, что парень должен вырасти настоящим мужиком, а не домашней рохлей. Егор несколько раз пытался говорить с женой, она соглашалась, но каждый раз всё повторялось.

– Фёдор, мы приедем через несколько дней. Истерик для матери не устраивай, ты уже взрослый.

– Не буду, – кивнул сын.

И было непонятно, шутит он или говорит серьёзно.

– Сына, покушать не забывай, – как маленькому наказывала Настя.

Фёдор кивал головой, соглашаясь. Мать он любил очень, как и отца, старался не огорчать её, но всегда получалось наоборот. Он стыдился своих поступков, старался не делать их, но в самый последний момент весь внутренний надзор куда-то исчезал, никто и ничто не останавливало. А когда дело было сделано, это внутренне табу возвращалось и посмеивалось над Фёдором, и он опять выслушивал наставления матери. По характеру Фёдор был немного странным. Он часто бывал заводилой в деревенской компании, а другой раз приходил в кузню и мог часами молча смотреть на то, как огонь и молоток справляются с крепким железом.

– Ты все гляделки просмотришь, – иной раз по-доброму ворчал Антип.– Подсоби-ка лучше, покачай меха.

Кузнецу нравился этот любознательный парнишка. Плохо, что стеснялся спрашивать, но если Антип начинал рассказывать, слушал, боясь упустить каждое слово, а покачать меха – это было просто счастье.

Но не только в кузнице обитал Фёдор, мог зайти к Захаровым и целый день смотреть, как Кузьма собирает кадушки или мастерит табуретки. Тоже внимательно слушал, когда рассказывали, но сам не спрашивал. Стеснялся. По деревне начинали ходить слухи, мол, какой любознательный, а этот «умник» уже в компании ребятишек, таких, как и он, уже ловил бурундуков и приручал их, купая в бочке с водой, потом отпускал на волю. Ничего особенного в Фёдоре не было, разве, что он был сыном Егора Камышлеева, по фамилии которого названа эта деревня. И ещё у Фёдора была страсть к чтению. Читал он много, но в основном зимой, летом не находил на это времени, особенно любил про путешествия и историю. Достаточно много знал для своего возраста, но никому ничего не рассказывал. Только иногда у костра, когда попросят сверстники, он мог что-то рассказать про разные страны разные истории. Деревенские мальчишки, не избалованные этим, слушали, не перебивали, только в конце рассказа иногда вздыхали, иногда что-то уточняли.

Егор с женой ехал в Тайшет провожать друга: Илью Ильича переводили в Иркутск. Дома у них всё было готово: вещи собраны и уложены в коробки и узлы. Осталось самое малое – попрощаться с друзьями. Был накрыт стол специально для Егора с Настей. Это были самые лучшие друзья, с которыми можно было говорить обо всём, к которым можно было приехать запросто без приглашения и прожить недельку другую. Они были как родные.

– Егор, может, и вы за нами, в Иркутск? Там перспектив больше, – спросил Ручкин.

За последнее время он стал сдавать. Больше обозначились морщины, стало много седины, а вот Екатерину Павловну время щадило. Она не менялась, была всё такой же приветливой, весёлой, хотя всё так же иногда на неё нападала хандра, всё так же грусть переходила в хорошее настроение.

– Чем я там буду заниматься? К тем перспективам нужны хорошие деньги или, на крайний случай, большая удача, а у меня здесь помаленьку дела идут, но просьба к вам есть. Хотелось бы Федора пристроить учиться куда-нибудь, там доступней. Просьба присмотреть там что-нибудь подходящее да весточку дать. На первое время Настя поехала бы, а потом видно станет. Возможно, и дом придётся купить.

– Про это разговор лишний. Мы с Катей уже об этом говорили, мне дают дом, там будет место и Фёдору, и Насте. Город большой, не Тайшет, так что там надо держаться вместе. К этой осени и посмотрим, куда вашего сына определить, возможно, придётся привезти пораньше, подготовиться надо. Про жильё и не думай, я тебе письма буду писать на почту, а ты спрашивай каждый раз.

Настя с Екатериной Павловной уже вытирали слёзы, прощание без слёз – это не прощание, а уж тут, как и положено. Сидели долго, вспоминали, как познакомились, как случайным ветром занесло Ручкина в те места, как понравились люди. Только сейчас Илья Ильич рассказал, что не просто из любопытства поехал он тогда смотреть места. Должны были ехать люди на разведку, заключать соглашение с местными старожилами на землю, на место, а Ручкин решил посмотреть места незаселённые. В старых деревнях случались конфликты из-за земли и довольно часто, а здесь спорить было не с кем. И получилось неплохо, деревни выросли, обстановка хорошая, проблем с землёй не было. И в этом эксперименте участвовал Камышлеев, сам того не зная, и всё получилось хорошо. Теперь поток переселенцев уменьшился, появилось много совсем новых деревень по всей округе. Растёт Тайшет, открываются разные промыслы и заведения. По мере уменьшения потока поселенцев, Чуркин стал сильно мешать многим не чистым на руку чиновникам, имевшим свои деньги с поселенцев. Чтобы честный Ручкин не мешал, ему устроили повышение. Это было хорошее повышение, с хорошим денежным довольствием, но подальше от Тайшета.

«Пусть там честность свою показывает, если она там кому-то нужна».

Ручкин подчинился, выбора всё равно нет.

Утром Ручкины уехали. Егор отправил Настю посмотреть товары в лавках, а сам заехал к Зюзенцеву. Дела у них складывались хорошо, договоры исполнялись. Зюзенцев был помешан на купеческом слове, а Егор от дедов своих был человеком слова. Купец был всегда рад Егору, как всегда человек радуется чему-то доброму и светлому.

– Егор, ты мой свет, Петрович, каким ветром тебя занесло, вроде бы не к сроку ты подоспел?

Егор рассказал об отъезде Ручкина.

– Хороший человек – твой Ручкин, но совести в нём с избытком. Хотя у меня всегда с ним было всё правильно. Я и сам люблю по-честному, но иногда надо и ускорить процесс. Жалко, съедят его в Иркутске.

– Почему съедят? – спросил Егор.

– Большой город – это тебе не твоя деревня. В городе, как в своре собак, поймал кость – это ещё не значит, что она твоя, а уж если не поймал, да не подрался за неё, сгинешь.

– Он и здесь жил на жалованье, неплохо жил.

– Это как посмотреть. Неплохо относительно тебя, а вот супротив некоторых других, так очень даже мелковато. Даже некоторых чиновников возьми. Бумажная душа, а гонору сколько, и берёт – не подавится.

– Не давай, – улыбнулся Егор.

– Наивный ты человек, Петрович, добрая душа. Вы с Ручкиным одного поля ягода, хотя ты торговый человек. Всё не пойму, как ты ещё не разорился.

– Хорошие компаньоны.

– Ох, льстишь ты мне, Егор, ох, льстишь, но приятно слушать.

Оба весело рассмеялись. Переговорив по делу, Егор поехал искать жену. Настя уже успела купить всё, что было нужно, и ждала Егора недалеко от церкви. После обеда они отправились домой. Ночевать им предстояло в Конторке, там жил земляк из Федино, которого, как и Егора, занесло в эти края. Вечер проговорили, вспомнили всех своих родных и деревню, а наутро отправлялись домой.

Тимофей Ожёгов скучал на берегу. Сегодня работы было мало, но ещё только полдень, может, и будет чего. Паром работал исправно, возил повозки да верховых, народу в этих краях прибавилось.

– Чего скучаешь? – спросил Егор, подъезжая.

– От безделья. И работы нет, и не уйдёшь.

– Чего не уйдёшь? Крикнут, кому надо, услышишь, дом-то рядом.

– Недовольных много стало, выговаривают. А ты знаешь мой ответ. Вниз головой с парома – и все дела. Жалобы есть, от урядника предупреждение было. Скинул так одного, а он оказался какой-то большой чин, шуму было много. Дело чуть до кутузки не дошло, слава Богу, обошлось.

– У тебя тоже деревня растёт.

– Всё, некуда больше. Поля сеем и то на другой стороне, и покосы здесь же, а теперь надо всё дальше уходить. А с той стороны бедокурить стали, то хлеб потравят, то сено скосят, бывало, что и готовое увозили. Поехали по следам, не нашли, следы ушли до Конторки, а там и затерялись: деревня большая, ни у кого не спросишь. Никто и не скажет, за воровство спрос особый, за донос тоже.

– Как меж собой, не ругаетесь?

– Делить нечего, так и не ругаемся. Разве что по пьяному делу когда, так то баловство одно. Чего там говорят в Тайшете, суетятся все, бегают друг за дружкой?

– Нет, нормально живут, не бегают.

– Тут один говорил мне, что на базаре ходят друг за дружкой, толкаются.

– На базаре может быть. Там народу много ходит, особенно по праздникам.

– У нас хорошо, не пихаются. Простор.

– Хорошо, – согласился Егор.

Приятно подъезжать к дому, здесь тишина, покой, отдых. Спустившись с горы, конь зафыркал возле реки, Егор приостановил коня, пусть попьёт. Но конь пить не стал, фыркая, он не хотел идти домой. Егор понял: что-то произошло. Он быстро вытащил из телеги карабин, который всегда возил с собой. Были причины.

– Настя, держи вожжи, я сейчас.

С карабином в руках он быстро направился к дому. На крыльце сидели Фёдор и работник Никола, у сына в руках ружьё. Посреди двора лежал огромный медведь, рядом – растерзанная собачонка. Егор молча присел рядом и спросил сына:

– Ты?

Тот кивнул.

– Опять нос к носу встретились?

– Сам припёрся, похоже, подранок. Собачку поймал, больше ничего не успел. Я дома услышал собачий лай, понял, что зверь пришёл, стрелял прямо с крыльца.

– Не говорил ему, что матери слово дадено с медведями не встречаться.

– Не успел.

– А ты где был? – спросил Егор Николу.

– У себя, во времянке. Прилёг немного, что-то недомогаю. Слышу: выстрелы, выскочил – а он и не дёрнулся даже.

– Давно?

– С полчаса.

– Что матери скажешь?

– Помолчу, – ответил сын.

– Никола, приведи лошадь, у реки стоит. Насте ничего не говори, сама увидит.

Когда Никола ушёл, Егор спросил:

– Страшно было?

– Не понял.

– А сейчас?

– Сейчас-то чего?

– А лохматый где? – Егор увидел, что нет кобеля, лохматого молодого волкодава. Он сидел на цепи и сторожил хозяйство.

– Ещё вчера сорвался и удрал в деревню. Там собачья свадьба – нескоро появится.

– Повезло ему, а этот просто герой.

– Когда я выскочил, он уже готов был.

Конь фырчал, но шёл домой. Настя увидела медведя, посмотрела на сына, спросила:

– Ты цел?

– Да, – ответил сын.

– Я так понимаю, что и этот сам пришёл?

– Сам.

– Не к добру это, – сказала Настя и пошла в дом.

Отец с сыном переглянулись, буря, которую они ожидали, пронеслась.

– В прошлом году и нынче в одно и то же время к тебе пришли. Что-то не так. Слишком близко около деревни шатаются, развелось много: никто не бьёт. Теперь и днём с ружьём в лавку надо ходить.

– Подранок, Никола смотрел. Кто-то бросил подранка, возможно, тоже столкнулся, выстрелил от страха, да убежал, а он пришёл в деревню. Хорошо, хоть сюда, а там, наверху, ребятишки на улице гуляют. Делов бы натворил.

– Надо предупредить, может, еще какой придёт, – сказал Егор.

– Петрович, вещи домой носить? – спросил Никола.

– Да, носи. Потом с медведем что-то надо делать. В деревне спроси, может, мясо кому нужно, раздай.

– А шкуру?

– Это Фёдора добыча, шкуру оставь.

– Пойду к маме схожу, что-то с ней не так.

– Сходи, – сказал Егор, а сам пошёл посмотреть медведя.

Осмотрев его, определил, что по медведю стреляли три раза. Два свежих выстрела, и один на передней лапе с почерневшими подтёками крови.

Фёдор вошёл в дом. Мать сидела у окна. Смотрела куда-то вдаль, о чём-то думала.

– Мама, ты чего?

– Ты просто герой, – сказала она и улыбнулась.– Защитник.

– Просто так получилось, – смутился он.

– У хороших мужчин всегда любое хорошее дело – случайность. Не к добру это. Ох, не к добру. Медведь сам во двор пришёл.

– Подранок это.

– Подранки в лесу караулят, а в дом не пойдут. Плохая примета. Сынок, готовиться будем, учиться надо ехать. Ручкины обещали помочь устроиться.

– Хорошо. Я буду готовиться.

– Вот и ладно, – сказала мать, обняла и поцеловала его в лоб.

– Какой большой стал, не достать.

29

Конец июля выдался дождливым. Половина сена была скошена, другая стояла нетронутая. По утрам вставало солнце, предвещая хороший день, но в обед, когда подходило время переворачивать скошенные валки, вдруг натягивало тучку. Кратковременный, на четверть часа, небольшой дождик портил всё дело, день проходил насмарку, одно слово – сеногной. Но старались ловить момент, ставить копны. Завершать сенокос пришлось долго, только к середине августа кое-как управились.

С тяжелым сердцем ехал Егор домой, вчера он отправил жену с сыном в Иркутск. Ручкин, как и обещал, написал письмо, в котором сообщал, что всё готово, пусть Настя с Фёдором выезжают. Училища есть всякие, можно выбирать, от военных до разных

гражданских. Собирались недолго. В Тайшете узнали страшную новость: началась война. Обсуждали произошедшее событие поразному. Некоторые говорили, что это ненадолго, другие, наоборот, толковали, что немец – враг сильный, быстро не успокоится. Каждому было дело до войны, каждый понимал в политике больше соседа, а потому имел право делать выводы. Встреча людей в любом месте начинались так:

– А вы знаете?

– А слышали?

– Нет, точно известно, что…

Каждый считал себя большим специалистом в политике, особенно те, которых война напрямую не затрагивала. У кого нет родных призывного возраста, годных для войны.

– Видишь, и случилось беда, – сказала Настя, – давно надвигалась. Что делать будем, поедем или вернёмся?

Егор обнял жену, потом посмотрел ей в глаза и сказал:

– Настенька, надо ехать. Потом будет возможность или нет, кто знает, а война? Разве ее никогда не было? Десять лет назад с японцами была, пережили, и сейчас как-нибудь осилим.

– Понимаю я всё, а страшно мне чего-то.

– Мне тоже не хочется войны, а что делать? Не мы решаем. У царя голова не нашей чета, раз затеяли дело – значит, нельзя было иначе. Даст Бог, закончится всё быстро, потерпи, голубушка, – Егор уговаривал жену, а у самого настроение было не лучше.

Понятно, что война где-то там, далеко, и сыну только семнадцать. А как затянется всё это, и сыну достанется на его долю и кровь, и боль. Разве только если выучится на кого, да не пошлют воевать. Конечно, раз империя в опасности, то надо кому-то встать на защиту, но когда касается своей кровинушки, тяжело благословлять на смерть, ох, как непосильно. Нет, надо учиться, надо ехать.

Поезд отправлялся ближе к вечеру. Егор стал собираться домой, вдруг к нему подошёл молодой мужчина. Знакомы лично они не были, но Камышлеев помнил его в лицо, это был один из служащих, работавших с переселенцами.

– Вы меня не помните?

– Вы работали с Ручкиным, – сказал Егор.

– Правильно, – обрадовался мужчина.

– Я не знаю, как вас зовут, извините.

– Это не важно. Я хочу вас предупредить, что к вам в деревню придут воинские люди – мобилизация объявлена. Фамилии я не помню, но по вашей деревне уточняли списки. Камышлеевка, правильно?

– Да.

– Предупредите, пусть люди успеют собраться.

– Когда приедут?

– Дня через два, три. Не позже.

– Спасибо.

– Ладно, я побежал, – сказал мужчина и стал быстро удаляться.

Он шёл не оглядываясь, шёл быстро, втянув голову в плечи, будто его морозило, или он скрывался от кого-нибудь. Егор долго смотрел вслед, и подумал:

«Вот и пришло горе в деревню, вот и услышит деревня страшный бабий вой. Слишком всё было гладко, пора и честь знать. Вот и начинается чёрная полоса. Эх, горе – горюшко, как же без него-то?»

Егор давно уже трясся на телеге, а мысли всё больше одолевали его.

«Как же теперь быть? Сколько времени понадобится на войну? Как коснется она его, Егора Камышлеева? Столько потрачено сил, а придётся бросать всё. Сын уже не вернётся домой, чего ему тут делать? Где-то приспосабливаться надо в другом месте, людном, где грамотному человеку почёт и уважение. А здесь, что? Прав Ручкин, надо перебираться отсюда. Хоть хорошее место, но для таких, как Егор, кто не стремится к знаниям и живёт в своём мире.

Так Егор и не собрался строить дом в деревне, не захотел вместе со всеми. Здесь во двор никто не заглядывает, собак не злит. Как же жить в городе? А, может, не в городе, а присмотреть место в недалёкой деревне да и поселиться? Чем заниматься тогда? Землю пахать, хлеб растить? Но землицу просто так никто не отдаст, а дадут кусок леса, вот и отвоёвывай себе пашню. И государство три десятины пашни не предоставит. Так, что выходило и так плохо, и эдак».

До Конторки добрался уже потемну, остановился в ночлежке. Там и узнал, что здесь уже знают про мобилизацию. Народ шумит. Кто плачет, кто самогон хлещет да песни поёт. Кому война, а кому

причина погулять на проводинах, а их будут делать в каждой семье, которую коснётся проклятая война. Поговаривают, что будут брать не только молодых. Вот и подумай, кого отправлять надо: сына или мужа? А кого жальче? Как поделить? Отправить – полдела, а как дожидаться? Вот и прольются ещё слёз не ручьи, а реки. Придёт ещё бессонных ночей череда. Да вскакивание на каждый стук в калитку и на топот лошадей».

Тимофей Ожёгов рыбачил прямо с парома. Тягал крупных ельцов, бросал их в холщовую сумку.

– Торопишься? – спросил он Егора.

– Куда торопиться? Мои уехали, дома никого нет. А ты, никак, ушицы захотел?

– Приспичило. Ты знаешь, как будто никогда не ел, так захотелось, сил нет. Жена уже и картошку поставила, а я сейчас десятка два поймаю, да поплывём. Здесь лучше берёт.

– Новость слышал?

– Про войну, что ли? Если про войну, то слышал.

– Мобилизация будет, завтра, послезавтра приедут забирать на войну.

– Иди ты! Не увернулись мы, как в японскую.

– Значит, посерьёзней дело будет.

– То-то и оно, что посерьёзней. Хлебнут горюшка наши люди. Многие не вернутся. Будет и вдов, и сирот в округе. У меня уже голова опухла от разных дум.

– Тут думай, не думай, а вынь да положь, – сказал Тимофей, сматывая удочки.

– Ты лови ещё, чего свернулся.

– Хватит, полсумки есть. Обрадовал ты меня новостью.

– Поеду тогда своих порадую. Уже сегодня бабы завоют. Хорошо, что живу в отдалении, а так совсем тошно.

Лошадь медленно плелась по лесной дороге, среди ельников было сыро и сумрачно, оттого и тихо. Будто всякая живность обходила это место. В самой низине, у речушки, Егор остановился, зачерпнул фуражкой воды. Напившись, он сел на валёжину и опять задумался:

«Как там устроятся мои? Настя не городская, заскучает сразу. Всё ж, город – это непросто. Егор сам не бывал в больших городах, не знал, какая она там, жизнь. А представлять – дело не при-

быльное, только расстраиваться. Сын-то быстро пообвыкнет: им, молодым, в радость всё новое. Рядом с ним, может, и Насте будет полегче.

Прожили они с женой уже четверть века, а как один день. Нисколько не наскучили друг другу, всё это время не спорили, не ругались. Сына вырастили. Правда Бог дал только одного ребёнка, да и то поздненько, но спасибо и за это, есть ради кого жить. Воспитанием в основном занималась жена, но вырастила самостоятельного, крепкого парня. Он двух медведей завалил случайно. Случайно можно только злого духа в штаны пустить, мешок муки поднимая».

Егор улыбнулся, вспоминая спокойное лицо сына:

– Подранок, сам пришёл.

Только Егор знал, что такое подранок, как с ним сладить. Нет, хороший сын вырос.

Только к вечеру Егор приехал в деревню. Увидев, что дымится труба в кузнице, решил заехать поговорить с Антипом. Рассказать ему новость, пусть сами по деревне разнесут. Возле кузницы никого не было, Егор привязал лошадь и вошёл. У горна Никита, младший сын Антипа. Никита стучал молотком по какой-то странной детали.

– Здоров, кузнец.

– Доброго здоровья, Егор Петрович, – случилось чего?

– Случилось. Отец где?

– Отец дома. Если что сделать, так я сделаю.

– Чего ты там мастеришь? – спросил Егор.

– Вертушку на крышу,- Никита показал флюгер.

– Ловко,– отметил Егор, разглядывая фигурку лошади, вставшую на дыбы.– Мастер прямо.

– Отец говорит, что это баловство.

– Зря говорит, красиво.

– Так чего сделать, коня подковать или отремонтировать что.

– Я хотел с твоим отцом поговорить. Ладно, домой заеду.

Егор вышел из кузницы и увидел Антипа, идущего к нему.

– Увидел, что поехал сюда, пошёл узнать: беда какая, что ль?

– Здорово, Антип! Давай присядем здесь, на воздухе, разговор есть. Слышал, что войну государство затеяло?

– Все уже знают. Бабы молятся.

– Мобилизацию объявили. Завтра, послезавтра к нам заявятся. Мне один человек сказал. Говорил, что уточняли списки. Если списки, то не одного и не двух заберут, понимаешь, чем всё кончится? Заберут наших парней на бойню.

– Да, новость так новость. Пожили спокойно, подавай нам войну,– Антип смотрел на реку и качал головой.

– И сколько человек будут брать, неизвестно?

– Ничего не знаю. Я случайно одного человечка встретил, я и, звать его как, не знаю. Он меня помнит по поселенческим делам, так и сказал, что по деревне Камышлеевка проверяли списки. Не только одна наша деревня, другие тоже, но наша вместе с ними. Вот такое дело Антип. Надо людям сказать, чтобы никуда не разбегались: за дезертирство каторгой пахнет.

– Расскажем. Недолгое дело.

– Хорошо, Антип, поеду я домой, устал чего-то, как никогда.

– Отправил своих-то?

– Отправил, тоже думаю, как они там?

– Ничего, справятся. Самостоятельные.

– Поезжай, Петрович, сообщи всем. Спасибо, хоть заранее узнали, а то приедут, заберут в один день, попрощаться не успеешь.

Ворота открыл Никола. Взял коня под уздцы и повёл на край двора, где стояли ещё две телеги.

– Никола, распрягай да заходи. У меня немного выпить есть.

– Ладно, – сказал работник.

Никола уже много лет работал у Егора, был почти за члена семьи. Он был одинок, и никто и нигде его не ждал. Хорошее отношение всей семьи радовало его. Никола редко выпивал, как и хозяин, но иногда не отказывался. Жил во времянке во дворе. У него было чисто, побелено, стояла кое-какая мебель: кровать, стол с табуретками, шкафчик с посудой. Настя попросила его следить за своим жилищем, помогала два раза в год белить. Фёдор его звал и вовсе дядей Колей. Никто не возмущался. Фёдор помогал ухаживать за лошадьми, ходил вслед за Николой да расспрашивал про всё. Никола рассказывал ему сказки, которые помнил из детства, сам придумывал на ходу, скучал без младшего Камышлеева, когда его не было.

– Садись ближе, чего, как не родной.

– Ничего, я и тут достану.

– Садись ближе.

Они сидели молча. Выпивали, закусывали, каждый думал о своём и ничего не говорил. Выпили бутылку в полной тишине. Никола поднялся и сказал:

– Я пойду. Дела ещё есть.

– Иди. Спасибо, что поговорил со мной.

Никола удивлённо посмотрел на Егора:

– Другой раз помолчать намного лучше, чем болтать, о чём попало.

30

За новобранцами приехали на следующий день к вечеру. Приехали верхами два офицера и два прапорщика. Они прямо проехали к Камышлееву, точно заранее знали дорогу. Егор сидел на крыльце, пытаясь разобраться со своими мыслями и сомнениями. Он заметил всадников, спускающихся с горы, таких здесь никто не видел. Это были первые воинские люди, появившиеся в этих местах. Егор понял, кто эти люди, была мысль, что они проедут мимо. Не проехали. Медленной рысью заехали в ворота и остановились у крыльца, прямо перед ним. Хозяин поднял взгляд, но сам продолжал сидеть, очень не хотелось никого видеть.

– Ты, что ли, будешь, Камышлеев? – спросил старший из них, человек невзрачного вида и неопределённого возраста.

Разговаривал, будто слова перекидывал через губу. «Белая кость» да и только.

Егор молча продолжал смотреть на него, не нравились ему эти люди. Заехали – ни здравствуй, ни до свидания, крутятся тут перед ним.

– Чего молчишь?– спросил другой, полноватый, с большими усами.

– У нас принято здороваться, если зашёл в гости, – буркнул Егор.

– Ладно, не сердись, – сразу пошёл на попятную старший.– Устали мы, целый день в седле.

Он тяжело слез с коня, присел несколько раз, разминая ноги.

– Если разрешишь, мы остановимся у тебя. Несколько местных жителей мобилизуются в армию, мы приехали за ними.

– Когда забирать будете?

– Завтра соберём сход, и на сходе огласим список.

Егор встал, протянул руку:

– Список покажи.

– Не положено.

– Почему?

– Могут разбежаться. Такое уже было, потом ловить придётся.

– Ты сюда за солдатами приехал или за дезертирами? Давай, я сообщу людям, пусть ночку проведут, попрощаются.

Старший офицер не понимал, почему он подчиняется этому бородатому мужику, но список отдал.

– Никола! – позвал Егор работника, – стопи баню господам офицерам и сообрази на стол чего, я попозже приду. Да коней на ночь определи.

А сам взглянул в список и пешком пошёл в деревню.

Когда хозяин начинал хандрить, Никола сам затапливал баню, только она могла снять хандру. И в этот раз баня была уже готова. Старший офицер не захотел париться, а другие, выходцы из деревень, не упустили такую возможность. Парились со знанием дела, покрикивая, поддавая на каменку квасом. Потом, разомлевшие, сидели на крыльце и пили берёзовый сок из погреба. Пока господа парились, Никола собрал на стол разносолов. Поставил четверть самогона, про себя решив, что разные вина для господ – будет слишком хорошо. Раз хозяин отнёсся к ним с прохладцей, то нечего перед ними юлить.

Егор пришёл к Антипу, сказал:

– Пусть народ созовут, объявлю, кого забирать будут, пусть прощаются. И надо подумать, как их доставить до места, не пойдут же пешком. Я даже не спросил, куда их будут определять, но это завтра. Сейчас народ соберётся, поговорим.

– Ты уже смотрел список? – спросил Антип.

Егор просто кивнул головой.

– Ну? – Антип надеялся, что это не коснётся его семьи.

– Никита, – выдохнул Егор.

Антип сразу как-то сник. Он отвернулся от Егора и замолчал, пытался не показывать свою минутную слабость. Потом он повернулся и сказал:

– А чем мой Никита лучше других? Только женатый уже, да дитё есть. Бог милостив, может, и обойдётся.

Кузнец взял себя в руки.

На улице собрались люди. Егор вышел со списком.

– Вы всё знаете, приехали служивые забирать на службу наших односельчан. У меня есть список, я заранее прочитаю, чтобы было время подготовиться.

В толпе стали подвывать некоторые бабы. Это словно сигналом послужило для всех. Тут вышел Антип и прикрикнул:

– Цыц! Дайте слово сказать. Выть будете дома, нечего здесь сырость разводить!

Толпа притихла.

– Я прочитаю список, потом пойдёте по домам. Завтра надо будет обеспечить подводы и отвезти наших солдат до станции. Потом прикинем, сколько надо, и решим, кто поедет, и ещё. Я понимаю, что наши люди не трусы и не будут прятаться от призыва, но у господ офицеров есть такое мнение, я поручился за всех. Не подведите. Прошу, давайте пока без криков и без слёз, всем и так тошно.

Камышлеев открыл список и стал читать:

– Бутьянов Василий, Лятин Иван, Томаев Илья, Кузьмин Илья. Захаров Пётр, Кузнецов Никита, Погодин Павел, Мехонов Макар, Морозов Александр.

Егор продолжал читать, всего было семнадцать фамилий. Прочитав список, Егор добавил:

– С собой взять самое необходимое на первое время. Завтра по команде сбор здесь, всем быть готовыми.

Это было самое неприятное, что он сделал в деревне. Прошло столько лет, и никогда не приходилось делать плохо людям. Хотя лично сам Егор ни в чём не виноват, но всё равно на душе противно.

Офицеры были уже в изрядном подпитии. Егор присел рядом, протянул старшему список, налил себе самогона и, не приглашая ни кого, выпил. Легче не стало.

– Чего–то я не пойму тебя, хозяин. Твоих детей не забираем, чего ты-то сердитый? – сказал подвыпивший старший.

– Ты попривык, видно, к людскому горю, тебе всё просто.

– Ты как разговариваешь с офицером? – вдруг полезло из военного.

Егор поднялся и пошёл на двор.

– Я с тобой разговариваю, я тебя не отпускал!

– Ты мне не указ, – с угрозой сказал Егор, – и ты у меня в доме. Будь добр вести себя достойно офицерского чина. Не то будешь ночевать в хлеву со свиньями.

Офицер ошалел от такого отпора. Он молча выпил полстакана самогона и завалился спать прямо на скамейке. Другие офицеры посчитали за лучшее не вмешиваться в разговор. Тем более, что тоже были не очень довольны заносчивым командиром.

– Там в бане осталось парку? – спросил Николу.

– Да, там ещё хватит.

– Я, пожалуй, схожу.

– Что-то понадобится?

– Ты присмотри за ними, чтобы пожар не устроили.

– Присмотрю.

После бани Егор опять сидел на крыльце. Из деревни неслись звуки гармошки и пение. Посторонний никогда не понял бы, по какому поводу гулянка. В России всегда: встречают-плачут, провожают-веселятся. Только завтра будут выть да причитать. И потом каждый день смотреть на дорогу, надеяться и ждать, плакать по ночам в подушку и молиться.

На другой день к обеду вся деревня была в сборе. Старший офицер, немного опохмелившийся с утра, иначе не поднялся бы, снова зачитал список. Каждый, кого называли, выходил в сторону. Рядом стояли подводы для новобранцев. Офицеры были даже довольны предусмотрительностью.

– На прощание даётся час. Через час отправляемся! – объявил старший и поехал со своими спутниками к Егору отобедать.

Там был специально накрыт стол, чтобы хоть на немного продлить прощание. Егор сам подливал служивым, подкладывал холодного варёного мяса. Сам выпивал немного. Старший офицер ни разу не вспомнил вчерашнего разговора, а, может, и не помнил с перепою. Никола, по приказу Егора, положил офицерам с собой ещё самогона.

С площади никто никуда не пошёл. Расположились на месте – кто где приспособился. Тут же играла гармошка, тут же потихонечку в платочек плакали матери. У кого были жёны, держали своих суженых за руки. Никита сидел с маленькой дочкой на руках, Иринка прижалась к нему и изредка вытирала слёзы. Не только у Никиты был ребёнок, но и у Мехонова Макара, им было тяжелее всего. Если неженатикам поход на войну был приключением, то

для отцов семейств не всё было так просто. Антип тихо говорил Никите:

– Ты не беспокойся, все будут под присмотром и в помощи отказа не будет. Ты уж поаккуратней, не подставляйся зря.

Никита кивал и молчал, как всегда. Только грустные глаза выдавали его состояние, приходилось оставлять Иринку да крошку Марийку, которой ещё дела нет, кто, куда и зачем уезжает. Она спокойно посапывала на руках.

– Ничего, скоро закончится всё, ты уж перетерпи. Я быстренько вернусь.

Никита не допускал и мысли, что он может не вернуться и никогда не увидеть жены и дочки.

– Стройся! – крикнул прапорщик, который был самый трезвый.

Вот тут и раздался вой, которого так боялся Егор. Бабы заголосили и запричитали, ревели и матери, и жёны, и сёстры, и просто соседки, заодно уж. Горе – оно общее. Не в одном доме, а в целой деревне. Под стоны и причитания сели на подводы и отправились. Как только обоз скрылся в перелеске, причитания прекратились, но люди ещё долго не расходились. Смотрели вслед с тайной надеждой, что всё это не всерьёз, что сейчас все вернутся. Сельчане стали расходиться к вечеру, когда пришло время кормить скотину. Ей не объяснишь про войну.

Через день приехали провожающие. Рассказали, что в Суетихе призывников посадили в поезд и повезли в Канск, там было формирование частей. Рассказали, что доехали до Суетихи без помех, немного подождали, пока прибудут люди из других деревень. Потом всех загрузили в вагоны, которые уже ждали новобранцев. Над деревней какое-то время висела странная тишина. Даже ребятишки не гомонили на улице, как обычно. Но подошла осень, наступила страда и поглотила на время всё. Не до слёз стало, работы столько, что не переделаешь за день, а за работой так умаешься – не до слёз, сон валил моментально. Так продолжалось до самого снега, а потом появились другие заботы. Да ещё надо помочь тем, у кого помощников забрали на войну. Помогали спонтанно. Приходили молча, делали дело и уходили, не дожидаясь благодарности. И дрова помогли вывезти, и сено доставили, не оставили один на один с бедой. Вся осень прошла в ожидании. Никаких вестей не было. Только узнали

из газет, что сибирские части, сформированные здесь, успешно воевали в Польше, особо отличились в боях под Варшавой. Уже после Нового года пришло извещение, что сложил свою голову в Польше весельчак Пашка Погодин. Ещё больше затихла деревня, каждый уже боялся вестей с войны. В неведении хоть была надежда, а так сразу, как обухом по голове. Фрола схватил удар, у него отказала левая рука и речь. Он ничего не мог сказать, только мычал и плакал. Через месяц речь вернулась, но рука шевелилась еле-еле. Замолчала совсем в деревне погодинская гармошка. Всё чаще по воскресеньям женщины в чёрных одеяниях ходили в Туманшет в церковь. Всё серее становились будни, даже на Пасху не было обычного веселья. Горюшко, оно не красно солнышко, не слепит глаза, а выедает.

31

– Антипыч, да как же ты пойдёшь?

– Потихоньку доковыляю, дядя Тимофей.

– Не годится так. Раненому герою и транспорта не найдётся?– засуетился Тимофей Ожёгов. – Андрейка, запрягай коня, отвезёшь в Камышлеевку Никиту Антипыча.

– Да какой я герой, да ещё Антипыч? Молод ещё Антипычем быть.

– Георгиевский крест за просто так не дают. Ты мне не рассказывай, раны сами не появляются.

– Случай вышел, да и только,– смутился Никита. – Как наши, не слыхал?

– Худого не слыхал, значит, всё нормально. Андрейка, уснул что ли?

– Готово,– подогнал лошадь Андрей, самый младший сын Ожёгова.

– Доставишь до места. Садись, Антипыч, доедешь, как следует.

– Спасибо, – улыбался Никита.

Странно было ощущать такое внимание к своей персоне.

– Как наши земляки воюют? – спросил Тимофей, надеясь услышать о своих земляках из Перевоза.

– С ними был в разных полках, нас разделили в Канске. Сказали, мол, шибко шустрые, пока доберётесь до фронта, полстраны

пропьёте. Вот и разделили, чтобы не все вместе. Но не слышал, чтобы осрамились.

– От моего старшего сына весточки уже давно не было, – загрустил Тимофей.– Поезжай, твои-то знают, что едешь?

– Нет.

– Радости будет! Слава Богу, что хоть хромаешь, а на своих ногах, да с руками. А что хромаешь, это ничего. Тебе в догонялки не бегать, а шагом и похромать можно.

– Спасибо, дядя Тимофей. За сына не переживай, он парень бойкий, не пропадёт.

– То-то, что шибко бойкий. Привет там отцу передавай.

– Передам.

Никита Кузнецов отличился первым. Под польским городом Варшавой бросили их прямо на пушки. Бежали все, бежал и Никита. Пашка Погодин прямо под снаряд угодил, а Никите повезло, снаряд рванул немного в стороне. На левой руке отсекло два пальца. Добежали до развалин, там и хоронились, пока кончился обстрел. Потом стали оглядываться, кто цел. Тут и увидел Никита немецкого унтер – офицера неподалёку. Немец поначалу растерялся, а затем стал вытаскивать пистолет из кобуры. Но Никита подбежал и схватил здоровой рукой немца за руку. Да сдавил так, что немец заорал и бросил пистолет, так и привёл Никита немца в свои окопы за руку. Когда подходили к своим окопам, шальной пулей Никите зацепило правую ногу, повредило колено, нога стала плохо гнуться. В окопах долго хохотали над тем, как Никита за руку привёл немца. Потом в госпитале ему вручили Георгиевский крест, а ещё через пару месяцев списали со службы по ранению. Теперь вёз письма от Сашки Морозова и Петьки Захарова. Другие не успели передать.

– Ты, Андрейка, высади меня здесь, я посижу немного, – сказал Никита перед деревней.

Хотелось самому дойти до дома, тихо, неожиданно. Андрейка спорить не стал, развернулся и тихо покатил назад. Никита посидел немного в березняке, потом по прогону пошёл к своему двору, зашёл с огорода, сел возле крыльца. Жулька, небольшой пёс, старожил двора, узнал хозяина и стал ласкаться, крутить хвостом. Во дворе никого не было. Через четверть часа скрипнула дверь и вышел отец. Он не сразу заметил сына.

– Здорово, батя, – сказал Никита, как обычно, тихо.

– Здорово, ты чего тут? – Антип долго соображал.

Потом до него дошло, что это его сын, которого они вспоминают каждый вечер.

– Никита! Ты как тут?

Никита встал, обнял отца. Из дома выскочила Иринка, за ней мать. Иринка повисла на нём, мать прилепилась сбоку, обе заголосили.

– Цыц, вы! – прикрикнул Антип. – Живой же!

На крыльце стояла сестра и держала на руках дочку. Она тоже едва не плакала за компанию.

– Пошли в дом, чего мы на улице, – сказал отец.

Когда поднимались по лестнице, все заметили, что Никита хромает. Мать сразу стала собирать на стол, жена не отходила от мужа, дочка сидела на руках у отца и внимательно смотрела на него. Она его уже успела позабыть. Прибежал брат Иван, пожал руку и сморщился:

– Ну и лапища у тебя, медведь прямо.

– А ты и с медведем здоровался? – спросил отец.

– Чего с рукой?

– Ерунда. Работать можно.

– А с ногой чего? – спросил отец.

– Хромать буду, – ответил сын, смутившись, – ничего, работать можно. Дома засиживаться не буду.

– Да, это и без тебя справимся. Ничего. Ты не торопись, – махнул рукой отец.

– Списали по ранению. Сказали, что хромота не пройдёт.

– Хромого-то будешь любить? – спросил Антип невестку.

– Да, ну вас, с вашими шутками, – смутилась Иринка.

– Вот видишь, всё наладится.

Стали подходить односельчане. Те, у которых родные были на войне, и другие, которым ещё предстояло отправить своих сыновей на службу. Антип рассаживал всех. Жена уже собрала на стол, выпили по маленькой, потом Антип сказал:

– Расскажи людям про тех, о ком знаешь, все надеются о своих узнать.

Люди притихли, надеясь услышать новости о свих родных. Никита рассказал, как ехали, как попали в бой. Рассказал, как погиб Пашка. Другим повезло, только он, Никита, был ранен, а осталь-

ные воевали удачней. Всё у всех хорошо, теперь уже подучились, стали хитрее. Теперь уже не просто достать их и в открытом бою, и в осаде.

– Я привёз письма от Сашки Морозова и Петьки Захарова. Вань, подай-ка сидор.

Он подал два кусочка бумаги односельчанам. Письма тут же стали читать вслух. Сашка написал, что учудил Никита и за что дали ему Георгия. Сельчане смеялись и радовались, что тоже причастны к этому. А как же, Никита же наш, камышлеевский.

Ещё долго сидели, выпивали, смеялись и плакали, вспоминали прошлое. Люди уходили немного повеселевшие, будто встретились со своими близкими. Наутро Никита сходил к Погодиным. Рассказал всё, как погиб Пашка, где похоронили его. Фрол слушал и вытирал здоровой рукой слёзы, которые текли, не переставая.

– Ты заходи ещё, – попросил Фрол.

– Зайду.

Этот день прошёл в расспросах. Приходили ещё люди: все хотели сами всё услышать. Никита много раз повторял уже говоренное. На третий день Никита пошёл в кузницу, соскучился по запаху жжёного металла, по звону молотков, по шипению горна. Односельчане шли сюда с разными мелочами. Вроде заделье, а главное – в который раз услышать про то новое и далёкое, которое ждёт других камышлеевцев. Так прошла половина лета, Никита приспособился к новому положению. Работа спорилась, и он не чувствовал себя ущербным. Помогала Иринка, поначалу некоторую работу по дому она взяла на себя, но понемногу отдавала всё мужу. Раны затянулись, но боли ещё остались и уходили медленно. И молотком Никита управлялся исправно, и с косой справился. Только ставить зароды ему было не под силу, пришлось звать в помощь отца с братом. Но на следующий год Никита решил всё делать сам.

В начале сентября забрали ещё партию деревенских парней. Проводы были тяжёлыми. Уже знали, чем могло всё закончиться, но никто не пытался уклоняться. Честь прежде всего. И совесть, и уважение сельчан никто не хотел терять. Десять молодых парней увезли в неизвестность.

Егор Камышлеев занимался своим хозяйством. Выезжал из дома только по необходимости, на лето домой приехала семья.

Фёдор поступил в Горное училище и закончил первый класс из четырёх. Вдруг у него открылось большое желание к разным камням и рудам. Настя была рада тому, что сына удалось отговорить от военного кадетского корпуса, куда сын поначалу хотел поступать. Но потом его удалось сводить в музей минералов, и Фёдор заболел ими. Учился с большим желанием. Постоянно что-то читал, писал, занимался с большим усердием. По приезде домой, он тут же уговорил отца отправиться в верховье Туманшета. Егор сам не смог, но нашёл надёжного человека в деревне Туманшет. Пожилого мужика, в прошлом хорошего охотника, а потому и следопыта. На месяц они ушли в верха. Теперь Настя, хоть и переживала, но понимала, что тайга – это своё, родное, да и сын уже взрослый. Тем более, дело, за которое он взялся, нужное для учёбы. Просто взяла с него слово, что через месяц он вернётся. Настя дома отдыхала на своих грядках, рядом со скотиной, просто в своём дворе, где так хорошо и спокойно. Город высасывает все силы, там всё чужое, постоянно движущееся. Нет времени остановится и передохнуть. Поначалу хотелось взять сына в охапку и уехать домой, но стерпела. А сын, как только пошёл на занятия, сразу забыл про всё на свете, для него всё постороннее словно не существовало. Потом Настя помаленьку пообвыклась. Хорошо, что жили вместе с Ручкиными. Екатерина Павловна старалась, как могла, помогать осваиваться. Сам Илья Ильич днями находился на работе. После первого класса Фёдор был отмечен за успехи и получил небольшое задание по изучению родных мест. Не столько по изучению, сколько по сборам материалов.

И вот Фёдор заявился домой, привёз его Комов Игнат. Два рюкзака, набитых камнями, Фёдор тащить уже не мог, а бросить тем более. Сын весь светился от счастья.

– Много чего нового узнал? – расспрашивал Егор сына.

После бани они всей своей маленькой семьёй сидели за столом.

– Много. Столько нового, много и непонятного мне. Будет в чём разбираться в училище.

– Скоро уже ехать, как время быстро идёт, – Настя уже горевала.

– Тять, может, я один поеду? Чего маме там обитаться? Целыми днями сидит у окна и слёзы льёт.

– Я тоже так решил. Поедет, устроит тебя, да пусть домой едет. Дома делов хватает. И ты у нас взрослый, сам разберёшься.

– Я ей говорил давно, но она не хотела слушать.

– Меня послушает,– уверенно сказал Егор, – неслухов у нас нет.

В конце лета Егор увёз семью в Тайшет на поезд, а через месяц Настя вернулась домой. Теперь от Фёдора стали приходить письма. Читали вместе с женой, сидели, обсуждали, строили планы. Да ещё занимались хозяйством, которое было большое.

32

Шестнадцатый год подходил к концу. Страна воевала с переменным успехом. Там, где не было слышно выстрелов и разрывов снарядов, люди попривыкли, идёт война и ладно. Убивают людей? Но какая война без этого. На местах жизнь идёт своим чередом. Продолжают сеять хлеб, рожать и растить детей, справляют свадьбы, отмечают праздники. Пусть всё стало трудней, не хватает рабочих рук, но их никогда в достатке не было, стали управляться тем, что есть. А лёгкой жизни никогда и не было. Что такое лёгкая жизнь, про это в России и не узнаешь, не умеют здесь жить легко. Вот и тянутся разные трудности за людьми от рождения до кончины.

В Камышлеевку вернулись по ранению Ванька Лятин да Илья Томаев. Ванька был прострелен пулей насквозь. Рану залечили, но остался постоянный сухой кашель, пулей повредило лёгкое. Врачи сказали Ваньке, чтобы он перестал курить, но Ванька, как специально, не выпускал самокрутку изо рта. Илья весь побит осколками. Когда шли в атаку, впереди взорвался снаряд, очнулся Илья через двое суток. Осколков вытащили много, но не все. Боли мучили Илью периодически, врачи сказали, что осколки двигаются по организму. Так будет, пока они не остановятся где-нибудь или сами не выйдут. Фронтовики, молодые ещё мужики, быстро повзрослевшие на фронте, частенько собирались в кузнице у Никиты. Антип поначалу с интересом слушал их рассказы, но потом, когда это стало повторяться, уходил. Кроме того, Томаев с Лятиным вели какие-то непонятные разговоры про царя, про то, что армию предали, про то, что это не война, просто бойня. Все разговоры оканчивались этим. Мужики кому-то грозились, пока совсем не напивались. По-

том их разводили по домам родственники, которые знали, где их искать. Так продолжалось до снега. Никита не пил с ними, из-за чего друзья – однополчане упрекали его. Просто само пьянство было противно его организму. Он сильно болел с похмелья, а похмеляться не мог, потому и не пил. Ради чего? В разговоры Никита тоже не вступал, потому как не любил зря болтать языком и говорить про то, чего не знаешь и не понимаешь. Мужики рассказывали, что в частях появились люди, которые призывали прекратить войну и побрататься с немцами, гнать взашей своих командиров. Солдаты прислушивались к этим призывам, а офицеры стали вести себя потише. Были уже случаи откровенного бунта и хамства по отношению к ним. Лиха беда начало. Всё происходило от непонятной войны: то бились, то месяцами сидели друг против друга, изредка постреливая. Были и случаи дезертирства, а ещё призывали идти на Питер и спросить у царя ответ.

– Про что они говорят? – спросил как-то Антип сына.

– Не знаю, просто болтают по пьянке. При мне такого не было.

– То-то, что не по пьянке. Ведь на самом деле что-то происходит в стране. Уж не отголоски пятого года вертаются? Лихо тогда будет. Враг на рубеже да смута в доме- это просто не пройдёт.

– Не думай. Не случится ничего, – буркнул Никита, продолжая работать.

У него были свои заботы: Иринка родила ему вторую дочку. И Никиту, кроме своей семьи, больше ничего не интересовало, а уж тем более пьяные разговоры. Девочка родилась здоровенькая, сильная, никакие пелёнки не могли удержать её. Через некоторое время, как её завернут, она, немного покряхтев, высвобождала руки. Потом махала ими перед собой, иногда и пугалась их, но не плакала. Никита целыми вечерами сидел и наблюдал за дочкой, стараясь что-то понять, впитать в себя эти мгновения, этот тихий восторг детской улыбки. В воскресенье повезут дочку крестить в Туманшет.

Крестины праздновала половина деревни. Окрестили дочку Елизаветой. Первая, Ксения, уже большенькая девочка, крутилась между взрослым, понимая, что теперь всё не только для неё, пыталась привлечь и к себе внимание. Но подвыпившие взрослые уже, кроме себя, никого не замечали. Девочке стало очень обидно, и она громко разревелась. Никита взял её на руки и спросил:

– Кто тебя обидел?

От обиды девочка не смогла говорить, она только показала ручкой на люльку, где, не обращая внимания на шум, спала Лиза. Отец, поняв причину, прижал к себе дочь, стал объяснять:

– Это же твоя сестричка. Ты же с ней будешь потом играть. У других девочек нету сестёр, а у тебя есть.

– Как с ней играть, она не умеет разговаривать и сидеть, – противилась дочь сквозь слёзы.

– Так она подрастёт. Когда лето наступит, вместе будете на травке возле дома играть.

– Правда?

– Да.

Тогда я игрушки приберегу.

– Прибереги. Ты и маме помогай, с Лизой надо и нянчиться, тогда она быстрей вырастет.

Дочка успокоилась и уснула на руках у отца. Иринка унесла дочь в другую комнату, где потише.

Никита строить свой дом не стал. Поначалу, как вернулся с фронта, задумал строительство, но потом сестра Иринка неожиданно вышла замуж в Туманшет и уехала, и отец с матерью оставались одни в большом доме. Тогда отец и предложил жить вместе. Вместе немного полегче. Где мать за ребятишками приглядит, где и невестка поможет матери, и места в доме хватает. На том и порешили.

– Главное, чтоб две хозяйки на кухне поместились. Им всегда тесно вместе.

Но невестка со свекровью ладили. Умели вовремя уступить, не заметить, не услышать.

Старикам было невдомёк, как же они будут жить вдвоём, да ещё без внучат. Ксюшка – уже третья хозяйка на кухне, попробуй не дай ей помыть посуду или тряпку мыть полы. Она такую истерику выдаст, что и мать, и бабушка терпеливо ждут, пока Ксюша доделает своё дело. Работал Никита теперь практически один, отец приходил в кузницу, суетился по своим делам, но за заказы не брался. Если сын сам справляется со всем, чего в ногах путаться? Так и передал Антип своё ремесло сыну, и был доволен тем, что сын лучше будет как мастер. Всё делает ловчее и точнее. Вот старший Иван тоже всё может, но не так, как Никита. По большо-

му счёту Антип был всем доволен, всё больше раздумывая о своей жизни, приходил к выводу, что всё складывается хорошо. Лучше и не придумаешь. Разве мечталось о таком, когда сорвались с места и поехали покорять Сибирь. И покорили. Дети устроены не хуже, чем у людей, и внуки есть и ещё будут. Самим здоровья немного бы добавить, да и так ладно. Теперь только живи и радуйся.

Неожиданно помер Фрол Погодин. Горевал старик, горевал, да так и не оправился. Умер тихо. Жена Анна привела его из бани. Он прилёг, потом попросил чаю, да снова прилёг. А когда схватились, Фрол уже не дышал. В похоронах приняли участие все сельчане. Весёлый человек был Фрол. Ни одной гулянки не пропустила его гармошка. Простой, лёгкий в жизни был мужик, врагов не имел. И память по себе оставил хорошую ещё тем, что в каждом деревенском доме стояла печь, сложенная Фролом. И никто не пожаловался на его работу.

Каждый помогал, чем смог. Молодые ребята вырыли могилу, Кузьма Захаров собрал просторный гроб. Фрол был из первых пяти поселенцев, приехавших сюда, и для всех других он был уже местным. На похороны приехало много людей из Туманшета. Там тоже имелись печки, сложенные Погодиным, там тоже люди заслушивались его гармошкой. Были в Камышлеевке ещё гармонисты, но равных Фролу и тем более его сыну, Пашке, не найдётся. Жил человек не выделялся, а как ушёл, так сразу стало не хватать. Гришка, младший сын Фрола, парень тихий, застенчивый, остался старшим в доме.

Призадумались мужики о жизни, притихли разговоры. Теперь и собираться по вечерам у кого-либо не стали. Требовалось время. У каждого своё наболевшее, своё несбывшееся, а время летит. И не заметили, как пролетело два десятка лет только здесь, на этой новой, ставшей больше матерью, чем мачехой, земле. Здесь, в затерянном среди тайги месте, люди забыли, что такое голод. А молодёжь и вовсе не знала, что это такое, не знала и нужды, когда и одеть нечего. Здесь люди разжились своим хозяйством, не стали богатыми, но стали хозяевами своего. И когда кто-нибудь кричал:

– Эй, хозяин, – это не было насмешкой, это было обращение к равному.

Только здесь и почувствовали себя людьми. Разве может такая земля быть мачехой. И всё ладно, да только вот война не ко времени, а когда война к сроку? Теперь пошли разговоры, чтобы расшатать страну, словно и нет больше забот. Призадумаешься тут. А разговоров всё больше. Поезжай в Тайшет или Суетиху, да посиди в харчевне часок, такое услышишь, что перекрестишься не раз. К чему все эти разговоры? Ох, не к добру. И ведь позволяется такое говорить, никто не боится. И полиция молчит, словно и дела нет. Не понятно это камышлеевским мужикам. И спросить не у кого. Разве о таком можно спрашивать? А меж собой чего толковать, только что словоблудить, ничего путного не услышишь. Так и жили. Только стали примечать, что цены на базаре стали расти, да товару стало поменьше на прилавках. Есть ещё, да только не повыбираешь, гляди, что не достанется. Стали мужики не транжирить лишнюю копейку, у кого она завелась. Если и покупали какую вещь, то нужную и не на один день.

– Выдыхается держава, – сказал Зюзенцев.

Они были вдвоём в кабинете с Камышлеевым.

– Непосильная оказалась война.

– Не только война, – заметил Егор.

– Вот это «не только» – страшнее немцев. Если царь не прижмёт шатание в стране, плохо всё закончится, не избежать бунтов. Пострашнее, чем в пятом будет.

– Разве наверху ничего не знают, что творится в государстве?

– Боятся руки запачкать, а эти не побоятся. Вот попомнишь моё слово, – Зюзенцев налил коньяка и выпил.

– Будущий год покажет всё, вывернет наизнанку. Ты, Егор Петрович, пути к отходу готовь. Не хочется каркать, но чудится мне, что дело повернётся круто.

– Уж, так и круто.

– Вот расскажу я тебе. Пару лет назад одна гадалка предложила погадать. Попросила хорошие деньги, обещала рассказать такое, что я всю жизнь помнить буду. Я, было, посмеялся, но потом согласился. И она нагадала мне, что перевернётся мир вверх тормашками, брат на брата пойдёт, сын на отца. Таких страстей мне наговорила, не приведи Господь. Сначала я принял всё за «бред сивой кобылы», но потом стал присматриваться, что происходит. И сразу поверил, что так и будет. И уже всё началось тлеть, а когда

полыхнёт, все умоемся. Так что ты, Егор, приготовь себе схрон, чтобы мог переждать. Лишним не будет. И дела свои не раздувай, может, и бросить придётся. Будь настороже. Помалкивай и приглядывайся.

– Спасибо, – сказал Камышлеев.

– Думаешь, почему это я тебе сказал всё?

– Есть такое.

– Люб ты мне. Самостоятельный, не преклоняешься ни перед кем, честный. По таким, как ты, первым и ударит. Я вывернусь, а ты не сможешь противиться. Вот и предупреждаю. Пока будем работать, но на самом малом уровне. А если я окажусь неправ, то продолжим работать на прежнем уровне, мне с тобой нравится работать.

– Другие торговые люди тоже отходы имеют? – спросил Егор.

– За них не думай. Они не пропадут, разве по случаю. Эти не пропадут, склизкие шибко. О себе решай, про семью подумай.

Они допили бутылку и разошлись. Крепко засела мысль в голове у Егора, стал сопоставлять события и разговоры и понял, что всё сходится. На душе заныло, неужели там, наверху, не видят, что всё катится в пропасть. Теперь Егор стал думать, как ему быть в этой ситуации, как не попасть под жернова. Хотя и уговаривал себя, что у него нажито не воровством и разбоем, но понял, что зависть ничто не остановит. Егор поделился всем, что услышал, с женой, Настя ничего не ответила. Для неё это было слишком много. Тогда Егор предложил ей выход. Она согласилась.

Сразу после Нового года Егор поехал в Иркутск. Первое, что он хотел, это поговорить с Ручкиным, а потом сразу продолжить задуманное. Прямо с поезда он направился к Ручкину на работу, хотелось поговорить без промедления.

– Постарел ты, Егор Петрович, гляди, как седина обсыпала. Истинно купец сибирский.

– Почему сибирский?

– С бородой да с благородной сединой.

– Так и ты не помолодел, Илья Ильич. Я сразу расскажу о деле, об этом дома не стоит говорить.

Егор рассказал весь разговор с Зюзенцевым. Ручкин выслушал молча. Долго размышлял над сказанным, потом заметил:

– Есть в этом что-то. Если размышлять, то, может, и прав купец. Что ты хочешь делать?

– Хочу купить здесь небольшой домик и перебраться в Иркутск. Присмотрюсь, где-нибудь пристроюсь, не пропаду. Дом хочу хороший, но небольшой, чтобы в глаза не бросался. Сын всё равно ещё учиться будет, а потом работать в деревню не поедет, так что и мы при нём будем. Там у нас всё равно всё к упадку идёт. Если я сейчас не куплю дом, потом неизвестно, как дело сложится.

Ручкин согласился и взялся помочь. Через неделю Егор купил небольшой домик на улице Подгорной, недалеко от Знаменской церкви. Место понравилось. Рядом река Ушаковка, Ангара. Егор обставил дом мебелью и собрался ехать назад. В доме будет жить сын, с учёбой у него ладилось хорошо, учиться осталось ещё полтора года, а там работа в полевых условиях. Но возвращаться будет куда.

– На учёбу станет подальше бегать, зато в своём доме жить спокойнее.

– Это хорошо, гимнастикой можно не заниматься, – отговаривался сын.

– Теперь никто тебе не мешает, сам себе хозяин.

– Верно.

– Будет плохо, мать приедет к тебе. Ты пиши, если что.

– Справлюсь сам.

Отец немного пожил с сыном. Но время поджимало, и Егор уехал.

33

В конце февраля Егор с очередной партией товара поехал в Тайшет. Народ там бурлил, все обсуждали новость. В Петербурге революция, царь отрёкся от престола. Так много всего и сразу, как всё оценить, что предпринять?

Зюзенцева не оказалось в Тайшете. Егор сдал товар, получил деньги и срочно отправился домой. Вот оно и случилось, то, о чём говорил Зюзенцев, теперь надо потихоньку готовиться к отъезду. На этот раз дорога оказалась длинной, теперь Егор понимал, что эти места могут остаться в прошлом. Жаль будет со всем этим расста-

ваться. Столько лет проездил он по этой дороге, знал каждый кусочек, каждый метр, каждую колдобину непролазного «русского счастья». А теперь что? Бросить всё нажитое и ехать неведомо куда, незнамо зачем? А если взять ружьё и встать стеной за свой дом? Хорошее дело. Но пока никто ничего не отбирает, может, и не случится ничего, просто сказки это гадалкины. Горячку пороть не стоит, но присмотреться надо, с людьми поговорить. Решив не торопиться с выводами, Егор, успокоившись, поехал дальше. На перевозе рассказал новости Ожёгову. Тот сразу ничего и не понял, так и остался на берегу, переваривая новость. В деревне пока было тихо: новость ещё не просочилась сюда. Вечером Егор не пошёл никуда, решил пойти утром. Всё равно – зима, и все мужики сидят по домам.

– Придётся, Настенька, нам с тобой всё-таки готовиться к отъезду. Царь отрёкся от престола. Теперь страной правит неведомо кто. Какие-то временщики, а от них добра ждать не надо. Если царь не смог управиться, а уж этим выскочкам и подавно нечего делать. Нашли время играть с властью. Идёт война, а им игрушки.

– Как скажешь, Егоша. Поедем поближе к Феде, в такое неспокойное время надо быть вместе.

– Ну, не завтра ехать, надо всё хозяйство сбыть. Там приедем, тоже устроимся к делу. К лету или к осени управимся, потом и поедем. Ты, Настенька, никому не говори, нечего пересуды разводить. Знаю, зря это сказал, но вырвалось само собой. Ты уж не обижайся.

– Не обижаюсь я. Просто непонятно мне, жили, жили, а теперь бежать надо.

– Доигрался царь в пятом году. Надо было придушить заразу тогда, а теперь пожинает плоды и сам в первую очередь.

– Уж чего теперь. Пока будем жить, как жили.

Утром Егор пошёл к Антипу. С ним Камышлеев сошёлся больше всего. И доверие к нему было самое высокое. Надо поговорить с мужиками, узнать, что они думают.

– Здравствуйте всем, – сказал Егор, входя в дом. Клубы холодного пара, как охранник, ввалились следом.

– Доброго здоровья, Петрович, проходи. Раздевайся, сейчас почаёвничаем. Разленились зимой, поздно подымаемся. У нас только бабка – ранняя птаха, остальные дрыхнут до обеда.

Егор разделся, прошёл к окну. Сел так, чтобы быть не на виду.

– Садись к столу, чаю попьём.

– Разговор есть.

– Я уж понял.

– Такое дело, что надо поговорить со всеми мужиками. Можно у тебя собраться?

– Чего нельзя. Можно.

Надо собрать мужиков. Я новость привёз нехорошую, расскажу всем.

– Загадками говоришь.

– Узнаешь, скажешь, что это.

Мужики собирались с полчаса. За это время Егор с Антипом успели попить чаю.

– Мужики, царь отрёкся от престола, в стране правит какое-то временное правительство. Я думаю, что это касается всех, тем более, что война идёт. Вот и думайте. В Тайшете народ колобродит, там тоже свою власть собирают. Ссыльные голову подняли, тоже чего-то хотят. Вот хотел узнать, нам что делать в нашей глуши.

– Ну и новость! И чего теперь будет? Это как удар под микитки.

– Это точно, что царя сняли?

– Выходит, что точно. Кто таким шутить будет.

– Будем жить, как жили.

Просидели, проговорили пару часов. Но ничего путного не придумали, так и разошлись. Что делать, что решать? Это не семейное дело. Как поступить в такой державе, если раньше такого не было. Никто не решился советовать самого малого. Надеясь, что другие решат это лучше и умнее. Все разошлись и затаились, будто ничего не произошло. При встрече никто не вспоминал разговора, но уже приходили новости другие, от которых становилось ещё хуже.

Через неделю в деревню заявился человек, назвался представителем временного правительства Тайшета, попросил собрать жителей. В начале марта дни после обеда уже стояли тёплые. Народ собрался прямо на улице возле магазина.

– Я, Михеев Евсей Ильич, представляю временное правительство в Тайшете. По поручению нового правительства призываю вас бойкотировать все распоряжения бывших руководителей в Тайшете и близлежащих сёлах. Их время прошло. Пришло новое время. Царское правительство низложено, скоро к власти придут большевики. Всё в свои руки возьмут рабочие и крестьяне. Капиталисты и помещики уйдут как ненужный элемент. Крестьяне будут рабо-

тать на земле только на себя. Новая власть сменила полицию на милицию, разоружили пристава и урядников. Распустили всех из арестантского дома – потом Михеева понесло. Начал про мировую революцию и ещё про что-то. Мужики слушали и ничего не понимали. Говорил, вроде, по-русски, а, вроде, как и нет. Махал руками, брызгал слюной. Не понимая предмета разговора, сельчане стали потихоньку расходится.

Егор тоже стоял и слушал. Слова Зюзенцева подтверждались. И если мужики не нашли своего понимания, то вот, пожалуйста, нашлись доброхоты, пожелавшие всё разъяснить. И будут вдалбливать в голову, пока не добьются результата, если нет своего ума, от чужого взвоешь. И первая ласточка уже прилетела, а сколько их будет? И нет силы, которая остановит всё это. Пристава и урядников сняли, а это серьёзно. Сейчас и хулиганам не будет укорота. Что ж это делается? Вот тебе и гадалка, вот тебе и Зюзенцев. Как будто всё сам придумал. И ведь поверил гадалке, умный человек. Спасибо, что предупредил. Как начнут здесь богатеев притеснять, никто не будет разбираться. Припишут к богачам, а там, потом, что хочешь, делай. Давно ли спокойно жили? Не приведи, Господь, такого счастья.

Егор пошёл домой, уже полностью уверенный в своём будущем. Распродать всё хозяйство и уехать к сыну. Даже если и прокатится волна, кто будет их там знать. Будут поживать спокойно, да нянчить внуков, если бог даст.

Зачастили в деревню агитаторы. И всё внимательней слушали их жители, и после агитаторов стали вести разговоры на политические темы. Полезла зараза в людские души, уже хулили всех, даже не понимая, почему. Мужики, кто жил покрепче, отмалчивались, а кто был послабее, стали коситься на соседей, совсем забыв, что начало у всех было одинаковым. Эх, люди, люди, короткая у вас память. Давно ли артелью строили деревню, помогали друг другу. И вот теперь всё позабылось. Летом все разговоры вышли на второй план. Надо было работать. Разговорами сыт не будешь. После посевной – небольшой перерыв, потом – сенокос, затем – уборочная. И дальше по порядку. Даже агитаторов в это время не было. В деревне – только старухи да малые дети, все на работе, некому слушать агитаторов.

В сентябре, когда уже заканчивалась страда, случилось странное событие. Среди ночи загорелась усадьба Камышлеева. Горе-

ла ярко, высоко летели языки пламени, распускаясь на тучи искр. Из деревни бежали люди с вёдрами, с топорами, пытались таскать воду из речки. Из домочадцев никого рядом не было. И усадьба горела странно, сразу со всех сторон. Не было не только людей, но никакой скотины. Сельчане поняли, что усадьбу просто сожгли, и всем стало ясно – кто сжёг. Люди долго стояли, смотрели на пламя, вспоминая Камышлеева, его Настю, сына Федьку. И на глазах наворачивались слёзы, стало понятно, что ушёл ещё один близкий человек, который всегда был рядом, но не на виду. Помогал, поддерживал, был опорой, и вот раз – и нет его. Даже не попрощался, ушёл и всё.

– Предали мы его. Он к нам приходил, спрашивал, как мы поступим, а мы предали его, развесили уши перед чёртовыми агитаторами, – сказал Антип.

– Эх, вы!

– А зачем он всё спалил? – вдруг спросил Фирсанов.

– Чтобы мы не передрались, да не перегрызли друг другу глотки при делёжке. Не доверил нам даже это.

– А я думаю, что пожалел, – настаивал Никодим.

– Не стоим мы его доброты, вот и спалил. А ты, Никодим, чего на поле делал-то?

– Как чего, хлеб убирал. Как и все.

– А ты пришёл бы ко мне да поделил всё, и горбатиться не надо. Слушай побольше агитаторов, они наговорят.

Так и исчез Егор Петрович Камышлеев. Никто и никогда не видел его больше. Только осталась названная его именем деревня и её осиротевшие жители. Говорили, что видели будто Николу в Тайшете. Да, видно, обманулись или просто соврали. Вскоре уехал из деревни Мыльников. Собрал вещи, забил досками окна и двери и, поклонившись людям, уехал. Его тоже больше никто не встречал.

34

В октябре произошла ещё революция, всё окончательно запуталось. Тайшет и близлежащие сёла бурлили, выбирались депутаты в разные Советы. Непрерывно проходили съезды этих самых Советов, митинги, разные мероприятия. Работать было некогда.

Народ ликовал. Теперь жизнь наладится, теперь не надо будет гнуть спины на кровососов – промышленников.

Только от этой красивой лёгкой жизни исчезали с прилавков продукты. А что ещё оставалось, возрастало в цене во много раз. Когда стали учинять расправы с торговцами, вовсе исчезло всё. На деньги никто не продавал, всё менялось на товары, и то небольшим количеством. И побрели городские жители в деревни, стараясь обменять разные вещи на продовольствие.

В Камышлеевку тоже стали приезжать на лошадях разные люди. Меняли всякие товары на хлеб, крупу, брали сало, мёд, шкуры овечьи и коровьи. Предлагали ткани, керосин, нитки, иголки, разную мелочь. Это были спекулянты. Селянам не приходилось выбирать, лавки закрылись, купить ничего нельзя, а тут привозили прямо в деревню. Стало больше разных специалистов появляться в деревне. Приходили люди, жили в деревне, мяли кожи, выделывали овчины. Другие шли следом, шили шубы, полушубки, душегрейки. Потом следовали сапожники и тачали обувь. И так весь последний год.

– Вот тебе и народная власть, – говорил Антип.

– Раньше не было такого, не ходили, не просили хлеба. Теперь всё поделили, работать некому, а жрать хотят все.

Трифон Суренков, Кузьма Захаров и Лаврен Кузьмин часто собирались в кузнице в свободную минуту. Старики были в растерянности от случившегося. Камышлеев исчез, спросить бы у него, как быть, да только не понадеялся Егор Петрович на сельчан, уехал. Все чувствовали себя виноватыми. За это и наказание, видно. Хорошая жизнь жиром затягивает глаза, уши, душу и совесть. Быстро позабывали добро. Теперь все тянутся к ним, к старикам, а что они могут, какой дать совет? Вот и собираются вместе, будто от людей прячутся. Сказать нечего, так и на глаза не стоит попадаться. Теперь и в глаза другим не смотрят, опускают взгляд, как будто это их вина. Вот дожились на старости лет, хорошо хоть не плюют вслед. А за что? Работали всю жизнь, помогали другим, чужого не брали, своё берегли. Где им, старикам, разобраться в переменах. Понимали, что не всё ещё закончилось, что самое плохое ещё впереди. Если народ работать не будет, чем кормиться станет. И решили старики сказать своим сельчанам, чтобы без нужды хлеб не продавали, настанут ещё времена лихие. А с хлебом в любые времена проживёшь. Поначалу люди посмеивались, а потом одумались, да

ещё спасибо говорили. И стали припасать не только хлебушек, но всё, что можно и нужно.

Зимой 1918 года в Тайшете установилась власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Что это была за власть, в Камышлеевке точно никто не знал. Из деревни ездить люди опасались, а новости приносили случайные путники. Деревня стояла в стороне от железной дороги и больших сёл. Иногда из Туманшета приходили новости, а туда – из Тинской, но эта была не своя сторона.

В конце марта стали возвращаться фронтовики. Приехали шумной толпой Захаров Петр, Морозов Сашка, Кузьмин Илья, Мехонов Макар. У каждого на груди награды, видно, неплохо воевали земляки. Похудевшие, повзрослевшие, окрепшие ребята первым делом взялись за гульбу. Неделю деревня праздновала приход своих героев. Потом понемногу всё улеглось, стали заниматься своими делами, по которым тоже наскучались. К Захаровым пришла Бутьянова Татьяна спросить про сына Василия.

– Жив, здоров Василий. Не навоевался только. Пошёл за революцию воевать, – ответил Пётр. – Звали мы его домой – не поехал. Собрался с мировой революцией приехать. Там ему мозги запудрили разные говоруны. Мы все про себя решили, что поедем домой, а он решил по-другому. Тётка Таня, приедет Васька. Не такой он человек, чтобы сгинуть. Так что жди.

В начале лета пришли ещё фронтовики, которых забирали позже. Прибыли не все, некоторые остались устанавливать Советскую власть в стране.

А осенью в деревне сразу отгуляли шесть свадеб. Пока парни «околачивались» на фронте, девчонки подросли и заневестились. Некоторым женихам, как Петьке Захарову, было уже под тридцать. Жениться надо было давно, но так распорядилась судьба. Слава Богу, что пришёл здоровый, не раненый, не травленный газами. Повезло. Из всех деревенских, призванных на фронт, один Пашка Погодин погиб, да трое раненых. В других деревнях много хуже.

Свадьбы оживили деревню. На лицах появились улыбки, люди на улицах появляться стали, ходить по вечерам к соседям. Появилась надежда на завтрашний день.

Девятнадцатый год перепутал всё с самого начала. В конце февраля деревенские мужики у деревни Шиткино постреляли

солдат армии адмирала Колчака, которые направились по деревням пограбить да пошкодить. Не любит сибирский мужик, когда к нему в хлев забредают какие-то бродяги, пусть и в солдатской форме, и забирают его скотину. Берут без спроса, нагло и безнаказанно. Вот и доразбойничались солдатики. Устроили им засаду мужики и постреляли, а скотину, которую гнали грабители, забрали по домам. Понимая, что за это придётся отвечать перед частями регулярной армии, мужики ушли в лес. Их неожиданно поддержали жители соседних деревень: Еловки, Конторки, Нижней Заимки и других деревень. И завертелась карусель. В большинстве своём охотники и таёжники, мужики успешно воевали с регулярными войсками, в лесу они были, как дома. Белые ездили за продуктами большими группами, но и это мало помогало. Потери у солдат были большие, такое положение приводило в бешенство командование. Снарядили карательный отряд, чтобы поставить население на место. Каратели выдвинулись на Шиткино, но ушли недалеко. Неожиданно были атакованы партизанами. Потеряв несколько человек убитыми и ранеными, ретировались. Бежали назад усердно, страх перед стреляющим лесом переходил в панику. Партизан стали бояться серьёзно.

В Тайшете один только слух, пущенный неизвестно кем, что партизаны захватывают село, вызвал такую панику, что стрельба угомонилась только через час. Не одни солдаты, но и офицерский корпус растерялся. Партизаны стали выходить из леса, вредить на железной дороге, останавливая движение поездов. Шла настоящая война. Только воевали русский с русским. Разве что белочехи, которые зверствовали повсюду, были врагами нерусскими, да небольшое количество румын. Белочехи расстреливали заложников, взятых из тюрем.

Второй карательный отряд был сформирован из белочехов. Под прикрытием броневика они выдвинулись к деревням Конторка и Бирюса. Бой длился целый день. Горели обе деревни, полыхали церкви. Из броневиков стреляли снарядами с удушливым газом, но мужики упёрлись. И не смогли ничего сделать войска против охотников и крестьян. Лишь немногие крестьян прошли школу войны, которая недавно была прекращена. Этого хватило. Нахрапом сибиряка не возьмёшь, и стрельбой не напугаешь тех, кто с рогатиной на медведя хаживал.

За весну и лето девятнадцатого года Тайшет и сёла Бирюса, Еловка, Конторка, Баероновка, Шиткино и другие были освобождены от белых войск. Странным образом, но все эти бои не коснулись деревень, стоявших в верховьях Бирюсы и Туманшета. Туда не добирались и продовольственные разъезды белогвардейцев. Слишком далеко и страшно, глухомань и только. Там знали о боях по рассказам и слухам. Что было правдой, что выдумкой – никто не разбирался. Послушают, покачают головой, да идут по домам, делов хватает и без стрельбы. Всё рассказанное было, как интересная сказка. И, когда приехал Васька Бутьянов и заявил всем, что он будет устанавливать Советскую власть в деревне, никто не возмутился. Хочешь устанавливать, так кто ж тебе мешает – устанавливай. Лучше бы крышу поправил на хлеву – провалилась совсем от снега. Если власть важнее, чем крыша в хлеву, Бог тебе в помощь. Когда же Васька попытался заставить считаться с собой криком на сельчан, но все просто разошлись. А вечером к нему в дом пришли бывшие фронтовики, которые воевали вместе с ним.

– Ты, если не навоевался и не накомандовался, воюй где-нибудь подальше от деревни, – сказал Макар Мехонов.

– Я по поручению властей, – и Васька потянулся за какой-то бумагой.

– Подотрись ей, – буркнул Петька Захаров. – Если ещё хоть раз посмотришь косо на сельчан, неважно, на кого, мы ещё не забыли, как учили офицеров на войне. Не доводи до греха.

– Мне надо открывать сельсовет! – взвизгнул Васька.

– Открывай.

– Я открою его в Мыльниковском доме, он большой!

– Если Мыльников вернётся, ты ему дом освободишь.

– Он – мироед и контра! Как и Камышлеев. Успел, гад, скрыться.

– Он наш односельчанин и многим помогал, что не скажешь про тебя, – сказал Илья Кузьмин, – и не позорь мать, ей и так не сладко.

– Про Камышлеева заткнись тоже,– сказал молчавший до сих пор Никита Кузнецов.

– А ты слышал, что он своих рабочих убивал после расчёта, а денежки присваивал?

– Все эти годы убивал? Как он скрывал злодейства, что в деревне никто ничего не знает?

– Да! Убивал! Тем и нажился!

– Так у него всегда работали мужики из соседних деревень, все они дома. И можно спросить у них, как он их рассчитывал. Ну и курва ты стал, Васька.

– А я чего, я ничего, – струхнул Васька. – Что слышал, то и говорю.

– От кого слышал?

– Не помню. Давно слышал.

– Запомни крепко: у нас в деревне мироедов не водится и не водилось. Запомни навсегда. Предупреждать больше никто не будет. Запомни, гнида, мы кровушки повидали, если что – рука не дрогнет и концов не найдут.

Все молча вышли, но представитель власти понял, что со своими мужиками так разговаривать нельзя, вредно для здоровья.

На другой день Васька отодрал доски с окон и дверей мыльниковского дома и устроил там сельсовет. С этого дня новая власть установилась и в Камышлеевке, ума хватило не малевать вывеску на дом. Но власть эта как-то не касалась сельчан. В сельсовет приезжали какие-то представители, бывало, и ночевали там, писали бумаги, читали разные распоряжения и прочее. Лишь однажды приехали вооружённые люди, долго разговаривали с Васькой. Потом он бегал по домам и просил дать немного хлеба голодающим в Тайшете. Сердобольные сельчане собрали голодающим две подводы зерна, крупы и других продуктов. Потом Васька бегал с гордым видом по деревне, словно сделал что-то особенное. И невдомёк ему было, что хлеба дали не потому, что он попросил, а хлеба дали голодающим. Ещё многие в деревне помнили, что такое голод.

И невдомёк было людям, что хлеб был не для голодающих, а для партизан, успешно воевавших против белой армии. Видно, не было веры у народной власти в народ, раз не сказали правду. Так потом и хитрили друг с другом – власть и крестьяне.

Весь девятнадцатый год вокруг Тайшета и в самом селе то вспыхивали, то гасли схватки партизан с белочехами, с румынами, колчаковцами, с теми, кто пытался свалить народную власть. Бои шли с переменным успехом. Но Шиткинский и Тайшетский фронты вели самую активную борьбу в Иркутской губернии.

Только единственный день дохнул в лицо камышлеевцам холодом гражданской войны.

35

15 января 1920 года был обычным зимним днём, если бы не этот случай. К концу дня в деревню прибежал подросток из Туманшета, парнишка искал дом Антипа Кузнецова. Не сельсовет, а дом обычного крестьянина, который пользовался большим авторитетом, чем новая власть. Никита, коловший дрова во дворе, завёл мальчишку в дом.

– Мне нужен Антип Кузнецов, – заявил подросток.

– Ну, я Антип Кузнецов, – вышел из-за стола хозяин. – А ты чей будешь?

– Меня дядя Игнат послал, велел записку лично тебе передать. Не брешешь, что ты Кузнецов?

– Кобель брешет и то не всегда, давай писульку.

Парнишка вытащил из шапки записку.

– Это Комов Игнат? – уточнил Антип.

– Да, он.

– Мать, накорми-ка почтальона.

Игнат писал, что с Тинской идёт Белая армия Каппеля, будет проходить по нашим местам. Ведут себя по-звериному: режут скот, забирают хороших коней, насилуют молодых девок. Если не хотите большой беды, примите меры.

– У вас в деревне всё спокойно? – спросил Антип мальчишку.

– Ничего. К дядьке Игнату прискакал кто-то, чуть собак не затоптал, а так тихо.

– Останешься ночевать у меня. Игнат просит в ночь тебя не отправлять. Я и сам понимаю.

– Я добегу, – попытался спорить мальчишка, но Антип поднял руку и сказал:

– Утром побежишь, как развидняет. Волки в округе балуют, ночью могут скараулить. Никита, позови «власть». И мужиков надо созвать.

Бутьянов прибежал быстро, он был немного растерян. Чего ему наговорил Никита, Антип не стал допытываться:

– Васька, я понимаю, что белые тебя не пожалуют, вот и запрягай коня, который получше, да уезжай на неделю подальше от дерев-

ни. Белая армия идёт, что делать будут, не ведомо. Если, не дай Бог, разузнают про тебя, могут и расстрелять.

– Откуда вести? – Васька взял себя в руки и стал рассуждать здраво.

– Сообщили. Ты не жди утра, уезжай прямо сейчас. Пока на Перевоз, а там уже – твоя власть, в обиду не даст. Если точно не узнаешь, что никого нет, не возвращайся. Авось, мать-старуху не тронут. Это я тебе на всякий случай говорю, верю, что в нашей деревне иуда не живёт.

Васька уехал вместе с младшим братом. Мужикам Антип предложил собрать хороших коней и угнать их на дальние покосы. Там есть сено невывезенное, можно прожить несколько дней. В копнах и переночевать удобно, не замёрзнешь.

– Коней погонят фронтовики, мужики сильные, опытные. Вы, ответственные за артельное добро, на вас вся надёжа, давайте собирайтесь и собирайте коней. Оружие припасите: волки бродят кругом.

Когда фронтовики ушли, Антип сказал:

– Специально их отправил. Не утерпят чего – устроят бучу, тогда постреляют их всех. Лучше пусть там поживут, целей будут, жизнь не завтра кончается. Вот ещё что, мужики. Девок молодых спрячьте, внучек ваших и дочек, от греха подальше. Просьба всем вести себя достойно, с разумом. Из-за мелочей в склоку не вступать.

– Вот и наступила хорошая жизнь, – проговорил Кузьма Захаров, – бороться от своей армии приходится. Давно ль в ней наши сыны были, что же такое творится. Боже мой, как же так?

Селяне, нахлебавшиеся горькой жизни до отвала, не хотели понимать и принимать происходившее вокруг безобразие. Красные, белые, большевики, меньшевики. Что за масти такие? Кричат про народную власть, чтоб народу лучше жилось, а как хлеб без труда вырастишь? Легко ничего не даётся. Значит, врут те, кто обещает лёгкую жизнь. А многие поверили.

Просидели старики допоздна, проговорили, да так до конца и не поняли ничего.

Хороших коней угнали ещё ночью. С утра прятали всё, что могли, да поглядывали на окраину деревни, откуда должна появиться армия. Ждали, ждали и дождались. Ближе к вечеру появились верховые с винтовками за спиной, за ними на санях везли имущество и раненых солдат.

Третья армия Колчака под командованием генерал-лейтенанта Каппеля после предательства генерала Зиневича с тяжёлыми боями прорвала окружение под Красноярском и двинулась на восток, в сторону Иркутска. Пробираться приходилось по руслам замёрзших рек. Двигаясь по реке Кан, генерал провалился в воду, но никому ничего не сказал. Когда его через несколько дней осмотрел врач, оказалось, что уже поздно: на ногах развивалась гангрена. Смертельно больной генерал не покинул свои войска, продолжал ехать на коне, привязанный к седлу. В Тинской войска разделились. Часть во главе с Каппелем пошла по Московскому тракту. Остальные с генералом Сахаровым во главе пошли в обход Тайшета – через Саранчет, Туманшет и Камышлеевку. Прошли в районе деревень Тальской и Благодатской, дальше через Тымбыр вышли на Замзор. Там соединились с основными частями армии, удачно, без боёв проследовавшими Суетиху и Тайшет. Шли не через сам Тайшет, а южнее, через Луку, Авдюшино, Луговское, Андреевку. Армия в большинстве состояла из пленных красноармейцев, которые при случае переходили к противнику или дезертировали. Условия похода были очень тяжёлые, морозы доходили до пятидесяти градусов. Все деревни вдоль тракта были пусты, поэтому пришлось разделиться. Практически небоеспособная, голодная, с большим количеством обмороженных и простуженных солдат, армия ползла на восток, по пути занималась мародёрством и грабежами. Заходили в нетронутые гражданской войной деревни, забирали хороших лошадей, оставляя в лучшем случае полуживых, резали скотину, забирали тёплые вещи. О таких её подвигах весть летела впереди армии. Кто успевал, старались попрятать всё, кто не смог спрятать, теряли нажитое.

Вот такие войска входили в Камышлеевку шестнадцатого января 1920 года. Вся колонна расползалась по деревне, заходя в дома и располагаясь на ночлег. Кто-то из солдат сразу шёл в хлев, били кур и овец, то, что можно было быстро сварить. Хозяева молча наблюдали за грабежом. Солдаты всё делали без разговоров, ничего не спрашивая, ничего не говоря, пристрелили несколько собак, рьяно охранявших хозяйское добро. Правда, пожалели коров, но посмотрели коней. Кое-каких забрали, оставив взамен худых и измождённых. В котлах варили мясо, тут же съедали и варили

ещё. Что оставалось, забирали с собой, никто не знал, что будет завтра. Сельчане не препятствовали мародёрам, поэтому обошлось без насилия, никого не тронули. В каждом доме хозяева сидели где-нибудь в уголке и безмолвно наблюдали. Так было до полуночи, потом всё понемногу угомонилось. Ни офицеров, никакого руководства не наблюдалось. Обезумевшие от холода и усталости, солдаты словно никого не видели, а утром, с рассветом, солдаты стали грузиться в повозки, и уже к обеду в деревне не осталось никого. Многие не досчитались своей скотины, но никто не лил слёзы, могло быть и хуже. Ещё трое суток мимо тянулись редкие повозки с ранеными, но в деревне больше никто не остановился. Через три ночи пригнали лошадей, которых удалось сохранить. Всё обошлось. Деревенская власть, Васька Бутьянов, приехал только в начале февраля, опять запёрся в своём сельсовете и никому не докучал. Его матери, которая лишилась всех кур, собрали с десяток хохлаток с тех дворов, где все сохранились. Татьяну Бутьянову в деревне жалели. Мало, что вдова, так и сыны: один недотёпа, а другой бумажки перекладывает в сельсовете, про домашнее хозяйство и забыл.

36

Вот так и прошла гражданская война мимо деревни. Не разозлила, не сделала врагами камышлеевцев. Наступала весна двадцатого года, наступала новая жизнь. И деревне было чуть уже больше двадцати лет. Тогда, в двадцатом, когда ещё продолжалась гражданская война, сельчане верили, что в будущем станет только лучше. Никто ещё не знал и не догадывался, что уже через семь лет деревня одной из первой в Тайшетской волости, после Конторки, станет колхозом. Даже и мыслей не было, что через десять лет кучка активистов, понукаемая властями, начнёт раскулачивание своих соседей. Часть из активистов будет принимать решения и выполнять план по раскулачиванию, другие после собрания будут предупреждать своих соседей о беде. Раскулачивали из-за хорошего дома, который после освобождения тут же занимали активисты. Из-за хорошей коровы, не беря во внимание, что в семье много детей. И стала деревня разъезжаться. Раскулаченные уезжали в Тайшет, Суетиху, Юрты, бросая всё, что нельзя было забрать. Большой

план был спущен активистам, много домов осталось брошенными. Многих рабочих рук лишились колхозники. Хорошо, хватило ума, или не хватило смелости пролить кровь односельчан.

А план по производству сельхозпродуктов никто не уменьшал. И уже в конце тридцатых выбранные люди опять поехали вербовать на жительство в Сибирь крестьян из центральной России, где сполна познали голод. И снова в тридцать девятом году приехало много поселенцев в Камышлеевку. Заселили брошенные дома, вступили в колхоз. И снова радовались, что хоть здесь наелись хлеба досыта, вкус которого они уже и забыли в родных краях. Хотя и не было помощи, как первым переселенцам, но многие удержались, остались, потом прижились и не желали места лучшего. Несмотря на все невзгоды, на все беды, в деревне остались доброжелательные отношения среди жителей до самого конца. До тех пор, пока разными экспериментами над деревней не выжили всех жителей с обихоженной земли.

В семидесяти километрах от Тайшета в южном направлении есть на дороге место, обозначенное знаками «д. Камышлеевка» начало и «д. Камышлеевка» конец. Все дома: и те, что были построены самыми первыми поселенцами и возведённые в последующие годы, развезли по округе. Ничего не напоминает о прошлом, кроме некоторых развалин и черёмух, посаженных возле домов. Только в самом начале деревни, откуда она пошла, стоят три дома как укор, напоминающий, что не так давно здесь было около восьмидесяти дворов и жило более четырёхсот человек. Не радуют взгляд изъеденные мелкими оврагами и заросшие молодыми соснами да осинами поля за речкой, которые пришлось раскорчёвывать не один год. Осталась жива берёзовая роща, только постарела, сникла. И подрубают уже деревья, чтобы набрать соку по весне. Высохли и упали все тополя, украшавшие улицу напротив мыльниковской усадьбы.

Иногда встретятся бывшие односельчане в городе на рынке, вспомнят прошлое да разойдутся. Немного их уже и осталось.

Надежда Дегтярёва

Дегтярева Надежда Петровна родилась в 1957 году в Тайшете.

Сразу после школы пришла на завод по ремонту дорожно-строительных машин. Окончила техникум, затем Братский индустриальный институт по специальности «Строительные и дорожные машины». За двадцать лет работы прошла путь от слесаря-сверловщика до конструктора технологической оснастки. Эти годы считает заслуженно интересными, с ностальгией вспоминает о родном предприятии, где прошла молодость и становление ее как личности.

К сожалению, за годы перестройки завод пришел в упадок, жизнь изменила траекторию, пришлось переквалифицироваться в чиновники. В 1994 году пришла на работу в администрацию города Тайшета, в 2006 году – в администрацию Тайшетского района.

По натуре она оптимист, человек увлеченный, не равнодушный, свою жизнь сама делает интересной. Имеет первый спортивный разряд по стрельбе из малокалиберной винтовки, третий разряд по шахматам, с 2010 года является председателем Тайшетской шахматной федерации. Постоянный участник спортивных соревнований разных уровней. Очень любит путешествовать, побывала во многих городах России и за рубежом. В своих поездках никогда не расстаётся с фотоаппаратом, вокруг неё много интересных людей, общение с которыми она очень ценит.

С особым вдохновением занимается литературным творчеством. Стихи пробовала писать ещё в детстве, но более осознанно стала заниматься эти в 30 лет. Появилась тетрадка, вторая, третья. Позже, в 2006 году написала первый рассказ, опубликованный в местной газете под псевдонимом Анастасия Мишина.

С 2009 года – член объединения «Тайшет литературный».

Печаталась в региональных и местных газетах, в литературном альманахе «Новый Енисейский литератор», № 4, 2012, № 5, 2012, № 2, 2013.

Лауреат конкурса ежегодно проводимого «Новым Енисейским литератором» в номинации «Рассказ года-2012».

Ее рассказы не оставляют человека равнодушным, они глубоко психологичны, основаны на конкретных житейских историях. В них внутренний мир человека, его душа, мысли, переживания, настроение.

Город, где ты живешь

Тайшет. Тебе исполняется семьдесят пять. По человеческим меркам – это почти вся жизнь, а для тебя, как города – только начало. Своим рождением ты обязан железной дороге. Это она, протянувшись через всю Россию, дала тебе возможность дышать. Ты появился на перекрестке дорог, вернее, тропинок. Ты принимал и усталых кандальников, и первых переселенцев, долгие месяцы добиравшихся до твоих благословенных просторов в поисках лучшей доли. Первые твои улицы назывались незамысловато – 1-ая Зеленая, 2-ая Зеленая. Наверное, из-за обилия черемухи и сирени. Ты еще мало что умел делать, но маленькая станция разрасталась, вбирая в себя пристроенные на твоих окраинах домишки, первые лавки с товарами, первую лесопилку. И ты рос. К тебе уже приезжали из окрестных селений за товарами, что-то продать, что-то купить. Время было бурное, революционное: одна война переходила в другую, но ты пережил, выстоял, деля вместе со своими жителями, заботы, беды и разруху. Потихоньку начинало развиваться производство, пусть мелкое, но разнообразное. Транссибирская железная дорога, как огромная артерия, снабжала тебя людьми, новостями, техникой, и ты строился, как и вся страна. Ты уже не был маленьким, и тебя, как возмужавшего, приняли в общество

городов. Это был очень важный момент в твоей жизни, очень важная ступенька. Ты примерил на себя это звание, расправил плечи и почувствовал себя совсем взрослым. Тем более, тебе предстояло протянуть железнодорожную ветку на север, где местами даже не ступала нога человека. Но с одним тяжело тебе было смириться – с колючей проволокой лагерей. Суровые, жесткие реалии жизни кандалами висели на тебе. Но ты не в силах был что-либо исправить…

Война не дала тебе возможности крепко встать на ноги. Пришлось провожать своих жителей на смерть, отрывая их от мирных дел. Слезы по погибшим навсегда останутся в твоей памяти…

Срочно пришлось принимать предприятия, эвакуированные с запада, расселять и кормить людей, оставшихся без крова, вновь отправлять сыновей и дочерей на войну. И работать, работать, работать.

Но окончилась и эта страшная война. Мирное время, а затем и перемены в жизни страны, дали тебе второе дыхание. Фронтовики, истосковавшиеся по семьям, уставшие от разрухи, голода и смертей, взялись за строительство, сельское хозяйство, учебу. Это было самое светлое время в твоей прожитой жизни. Выравнивались дороги, возводились дома, прихорашивались улицы. Появлялись новые предприятия, школы, магазины. Исчезла колючая проволока, часть бараков разобрана на дрова, а в других разместились вполне житейские предприятия. Ты повеселел, засиял окнами, зазеленел черемухой. Ты стал мастеровитым и рабочим городом. С рассвета и до позднего вечера ты работал: ремонтировал технику, отправлял поезда, строил дома, учил детей, делал множество всяких нужных дел. Ты жил. К тебе приезжали новые люди, оставались здесь, связывая свою судьбу с тобой, а кто-то и уезжал, рассказывая о тебе по всем уголкам Родины. У тебя были планы, идеи, были силы, все это выполнить.

Как тяжелая эпидемия, тебя подкосили перемены. Так и не заработал Тайшетский комбинат стройиндустрии, сталелитейный цех, на которые ты возлагал большие надежды. Постарайся простить за это страну: вот такая она у нас не предсказуемая. Все города находились в таком же положении.

Ты враз подряхлел – это был удар под самое сердце. Но ты выдержал, не умер, не сдался. Долгие годы ты медленно возвращался

к жизни. Сменилось поколение твоих жителей, их стало меньше, молодые уезжали в поисках своей судьбы в чужие стороны. Каждый выживал, как мог. А тебе пришлось учиться по-другому смотреть на мир, по другому планировать свою жизнь. У тебя не стало крепкого помощника-рабочего класса, у тебя почти не стало своих товаров, своих предприятий. Ты стал все привозить из соседних городов, быстро приспособившихся к новым условиям. Тебя спасла железная дорога: поезда продолжали ходить, возить пассажиров и грузы – ты был ей нужен. Ты стал нужен и богатым владельцам предприятий: твое расположение на железнодорожном узле оказалось очень выгодным и заманчивым для алюминиевой промышленности. Тебе стали обещать выполнить многие твои просьбы. Ты знаешь эти предложения: новые рабочие места, новые стимулы развития, твой дальнейший рост как города. Но тебя волнует и другая сторона. Ты прекрасно понимаешь, что тяжелое производство – это гибель твоих легких, грязный воздух, твои больные жители. Будь мудр, будь принципиален принимая это решение. Тебе еще предстоит прожить много лет, сделать много дел. В тебе есть силы для реализации задуманного. И мы верим в тебя, наш город!

Дом

На краю небольшого городка жил-был дом. Не маленький и не большой. Обыкновенный дом. Необыкновенное в нем было то, что он слышал. И не только звуки ему были доступны, но и запахи, настроение, душевное состояние. Таким вот его построили. Сам момент строительства он не помнит – маленький был. Да и не сразу понял, что обозначают звуки и запахи. А подрос – и понял. И оценил, что и у него есть душа. А как иначе? Чем же он тогда чувствовал настроение своих домочадцев?

Дом знал, что в нем живет молодая семья. Вот тяжело, по-хозяйски, по-мужски значимо, прошел Хозяин. Дом чувствовал, что Хозяин – главное лицо в доме по части основных решений. Где что крупное делать, тяжелое – это он. А вот легкие шаги хлопотуньи – Хозяйки. Как только ее шаги послышатся, значит скоро загудит пламя в печи, запахнет вкусненьким, польётся негромкая песня. Шаги хозяйки напоминали танец, казалось, половицы не скрипнут под ними. Эти шаги были самыми первыми утром, и самыми последними вечером. Дом слышал, что перед тем как лечь, Хозяйка обходит все комнаты и проверяет, все ли в порядке. И дому казалось, что Хозяйка также слышит его, как он слышит её.

Немного погодя к шагам Хозяина и Хозяйки добавились новые шаги: шаги-топотушки. Дом до их появления обратил внимание

на какие-то странные звуки: то ли мяуканье, то ли разговор. Но его жизненного опыта было явно мало, чтобы разобраться, что к чему. И вот когда стал слышен этот беготок босых маленьких ножек, Дом все понял. Никогда не испытанное чувство, которому он и не знал названия, заполнило его до крыши. Новая жизнь бегала по дому, колупала стенки, стукалась об углы, спотыкалась на пустом месте. И часто орала. Но Дом тихонько посмеивался чистыми окнами и, как мог, смягчал ушибы Маленького Хозяина. Именно так Дом звал обладателя быстрых ног.

Особое отношение Дома было к печи. Она жила своей жизнью, а ее тепло было жизнью для всех остальных. Дом относился к печи с удивлением и почтением. Очень трогательно. Он ощущал печь как свое сердце: как сердце гонит кровь по венам, так и печь своим теплом наполняет комнаты. И летом, когда протапливали очень редко, Дом чувствовал, что печь, хотя и отдыхает от зимних забот, но тоже скучает по теплу.

Дому было приятно слушать, как, остывая, потрескивают кирпичи, как гудит ветер в трубе; ощущать, как задиристо пахнут смолевые полешки. С печью были связаны и вкуснейшие запахи борща и хлеба, ватрушек и жареной картошки. Дом вдыхал эти божественные ароматы, мечтательно потягиваясь своими венцами.

Шло время. Здесь, в Доме, оно было то стремительным, то тягуче монотонным. Зимой, под тяжестью снега, съежившись от морозов, Дом своим телом прикрывал обитателей, печь от выстуживания, ленивого наглого кота и даже шебуршащих мышей в подполье. И время текло какое-то стылое, неторопливое. И только детские голоса взбудораживали Дом от сна и сумерек, когда, накатавшись с горок, напрыгавшись по сугробам, обледеневшие, но хохочущие ребятишки вваливались в тепло. И тогда Дом расправлял стены, отогревал это неугомонное племя и сам вместе с ними даже молодел.

А приход весны Дом ощущал по хлопотам. Он знал, что есть такое время – Пасха, и к этому Празднику Хозяйка всегда в баке разводит известь, подсинивает ее, и начинается веселая кутерьма – побелка. В доме раскрывались окна, все суетились, лишнее выносилось из дома, все чистилось, стиралось, мылось… Дому всегда было щекотно, когда Хозяйка белила его стены, он стеснялся этого, как бы сказать, интимного действия, но испытывал такое радост-

ное чувство от чистоты, что готов был терпеть побелку каждый месяц. После этого наступала Весна. И Дом радовался жизни, теплу, солнышку, зелени. Воробьи скандалили под крышей, дождь стучал по листьям стоящей рядом с Домом очень старой черемухи, окна и двери хлопали беспрестанно, городок своим шумом не давал скучать. Дом жил. И время бежало стремительно, как весенний ручеек.

С годами шаги Хозяина становились все более тяжелыми, а в шагах Хозяйки появились шаркающие звуки. Шаги же Молодого Хозяина приобрели уверенность взрослого мужчины. Иногда Дом даже путал его шаги с шагами Хозяина. А затем Дом перестал слышать молодые шаги. В Доме поселилась странная скучная тишина, и все чаще по ночам Дом будили вздохи Хозяйки: она скучала по уехавшему сыну. Дом смирился. Он не имел права вмешиваться в жизнь людей, да и не мог.

Шло время. Случилось непоправимое. Беду Дом почувствовал ночью. Хрип, звук упавшего тела, быстрые шаги Хозяйки, слезы. Он понял: случилось то естественное, но такое нехорошее, с чем примириться всегда невозможно. Были чужие люди, были слезы, тихие разговоры. Вновь Дом услышал шаги Молодого Хозяина. Или уже просто Хозяина? Дом притих, в одиночестве переживая людскую смерть. А через несколько дней тишину нарушали только шаги Хозяйки. Они стали совсем неслышными, и такие тихими, слабыми, одинокими. Перестало по утрам пахнуть свежими ватрушками или драниками, да и запах борща появлялся гораздо реже. Печь топилась немного, иногда через день. Дом ощущал, как в углах пауки стали плести свои тенета, на полу скапливалась пыль, занавески на окнах потихоньку теряли свою белизну. Впервые Пасху и Весну Дом встретил без побелки.

А затем снова раздались шаги Хозяина, была какая-то стыдливая спешка, что-то упаковывалось, выносилось. Дом сначала ничего не понял, и, лишь когда послышались резкие торопливые удары молотка и наступила темнота, Дом забеспокоился, заволновался. Но ничего сделать не смог. Ни спросить, ни удержать. Наступила тишина. А Дом надеялся, он ждал, он верил.

Прошло лето, наступила осень. Никто не топил печь, никто не утеплял окна и стены. Мыши прогрызли свои ходы в стенах, ветер скрипел открытой чердачной дверцей, сквозь чумазые пыльные

окна едва пробивался свет уходящего дня. Взамен запаха хлеба появился запах плесени, сентябрьские дожди размыли крышу и в углу, где раньше стояла кровать Хозяйки, тихо закапала вода. Это плакал Дом. Он все понял. Он умирал…

Собаки

Крупный пес, по кличке Рекс, рыже-желтого окраса, лениво дремал в тени забора. Жизнь у него удалась: от матери лайки ему достался ехидный предприимчивый характер, светлый окрас и независимость. От отца, случайно забежавшего в нужное время овчара – крупный размер. Если бы не он, то порода лайки осталась бы чистой, и бегать ему бы сейчас по лесу за соболем или еще каким зверем. А так, забраковав породу, отдали его просто сторожить дом. От чумки в детстве хозяева выходили, на цепь не сажали, и бегал он по ограде в свободном полете.

Кроме него была еще одна собака в доме, овчарка Дана, крупная, но в детстве забитая и обиженная старыми хозяевами до состояния некой трусливости и пакостности. К нынешним хозяевам попала раньше Рекса и поэтому чувствовала себя хозяйкой. За все годы уже безоблачной жизни отъелась, но патологическое чувство голода, оставшееся от прошлой жизни, заставляло ее есть пищу жадно, давясь кусками, есть без разбора всё подряд. Когда у Рекса оставался в чашке хоть малюсенький кусочек, она тянулась к нему и, если не могла дотянуться, смотрела жалобными глазами до тех пор, пока хозяин, бурча, не подпинывал чашку поближе. Все куски она затаскивала в будку, там же вечно болталась её чашка.

Дана сидела на цепи постоянно. Вначале её изредка отпускали побегать, но это оканчивалось «убегом в пампасы», её приходилось долго ловить, закапывать нарытые ямы, причём оклики и команды она не воспринимала абсолютно. И потом ее даже на улицу, на травку, выводили с цепью. Хозяин уже было подумывал, как от неё избавиться, да как-то, учитывая желания кобеля, всё оттягивал момент.

Щенков они рожали два раза в год. А всё начиналось со спектакля. Представление заключалось в том, что Рекс был ревнив. Ревнив до визга, до голодовки, до жути. Как только Рекс улавливал от Даны флюиды готовности к любви, он не отходил от неё ни на

шаг: загонял её в будку, забирался туда же сам и закрывал выход, не выпуская супругу оттуда. Он караулил, когда она ела, караулил, когда она спала, он сидел около будки ночью, охраняя её. Засыпал сидя, и голова его потихоньку опускалась всё ниже и ниже. Чуть не падая, он просыпался, резко вздрагивал, оглядывался по сторонам, и снова начинал подремывать. Если кто-то проходил мимо Даны, он с повизгиванием старался оттеснить её от проходящего, покусывал ее за холку, теснил телом. Эта была только его женщина!

Хозяева, наблюдая за собаками в окошко, смеялись:

– Ну, ты посмотри на него, весь на измене!

– А если бы тебе только два раза в год разрешалось исполнить свой супружеский долг, ты бы тоже также прыгал!

Проходил период, собаки успокаивались. Дана становилась все вальяжнее, степеннее, раздавалась габаритами. Рекс, похудевший за время голодовки, отъедался, отсыпался. Он теперь не сходил с ума от ревности, просто играл с Даной, чистил ей уши, облизывал морду, шерсть. Обихаживал. Та довольно щурилась, чувствуя себя на высоте блаженства. Впрочем, это не мешало ей иногда и огрызаться, показывая свой нрав. А Рекс прощал ей эти капризы, как любящий мужчина прощает своей избраннице мелкие требования.

Собачья семья и пакостила вместе. Пакость заключалась в том, что они иногда зимой или осенью, в редкие случаи когда Дану спускали с цепи, лазили по соседским огородам. Причем, когда Дана зависала на калитке, Рекс, со своей природной сообразительностью, просто подталкивал ее с этой стороны под зад. А когда она лезла обратно, подтягивал ее за ошейник. Этот фокус надо было видеть своими глазами, иначе поверить в него просто невозможно. У Даны вообще была способность именно лазить, а не прыгать. Как овчарка, она должна брать барьеры с разбега, но, так как ее никто не учил этому, а кровь требовала, она искала варианты. Ей ничего не стоило перепрыгнуть забор, предварительно запрыгнув на крышу автомобиля, старый стол. Вот за свою эту пакость она и сидела на цепи, которую уже дважды рвала.

Рекс обязанности отца выполнял с удовольствием. Как бы кобелям и не принято участвовать в воспитании щенков, а может просто их не бывает рядом, но, когда щенки начинали расползаться по ограде, часто можно было видеть такую картину: Рекс лежал

на спине, щенки лазили по нему, кусая за морду, играя с хвостом. Папашка довольно щурился, скалился, терпеливо перенося все покушения. Когда приходили за щенками, Рекс, в отличие от Даны, рвался из-за загородки, куда его загоняли в этот щекотливый момент, лаял то угрожающе, то с жалобным визгом. Позже, освободившись, он покусывал супругу, как бы упрекая ее за не убереженных детей… У собак были человеческие чувства….

Тень уползла в сторону и кобель встал с нагретых досок. Покосился на Дану: та, в ожидании материнства, вырыла очередную яму, улеглась на сырую землю – видно, так ей было легче. Рекс повел ушами, понюхал воздух: за оградой опять шли два человека, проходившие вчера уже несколько раз. Они не жили рядом, они были чужие, и запах от них шел тоже чужой, грязный, с примесью угрозы. Вчера они подходили к калитке, позвонили, но хозяева днем были на работе, и Рекс с лаем кинулся к подворотне: «Не лезь! Я охраняю!». Потоптавшись, они ушли, на прощанье сквозь дырку в заборе осмотрев ограду. И вот сейчас они снова шли по улице. Рекс злобно залаял, предупреждая об опасности. Улица была односторонняя, на окраине городка, но невдалеке стояла железнодорожная эстакада, где круглосуточно дежурили проверяющие вагонов, ночью всегда горел прожектор, и хозяева как-то и не беспокоились. С одной стороны соседи жили постоянно, а с другой была дача, там никто не жил и приезжали только по огородным делам. Но зато и забор был повыше.

На этот раз чужие как раз и подошли к пустующему соседнему дому, открыли старенькую калитку. Собаки рвали на чужаков, захлебывались в лае, им вторили собаки округи. Но улица, пустынная в полдень, никак не реагировала на переполох; жители, малочисленные на этой улочке, привыкли к пустобреху.

Два парня, по виду типичные безработные наркоши, покопошившись со стороны дачи, взгромоздились на забор. Теперь они были не видимые с улицы; они знали, что дача необитаемая, а в этом доме все на работе. Две собаки, одна на цепи, другая свободно бегающая, не остановили их: ну, та на цепи не в счет, далеко, а для второй есть металлические пруты.

– Лёх, давай, ты с угла прыгай, а я отсюдова. Она к тебе, а я сзади, забьем на фиг, а та пусть лает.

– Слышь, Бекас, а та-то пузатая. Они злые тогда.

– Ну и хрен с ней. Прыгай!

Первым спрыгнул Леха. Прижавшись спиной к забору, он медлил наступать на собаку и просто беспорядочно махал перед собой арматуриной. А Рекс не кидался необдуманно на врага, а, припадая к земле, оскалившись, рычал. Желтые глаза, сузившееся от злобы, следили за руками, просчитывали атаку. Бекас, чуть замешкавшись, тоже спрыгнул с забора и, уже было рванул на помощь подельнику, как Дана, рвавшаяся с цепи, порвала старое истертое звено, и огромными скачками кинулась на него. Помогать Лехе было уже некогда. Развернувшись, Бекас с размаху опустил тяжелый металлический прут прямо на голову собаки. К сожалению, удар был точен и силен... Дана завизжала, закрутилась на месте. Второй удар, попавший на позвоночник, сбил ее с ног, перебив спинной мозг и парализовав ноги. Визг перешел в поскуливание, лапы, уже практически в агонии, скребли землю. Бока заходили ходуном – так и не рожденные щенки звериной интуицией почуяли беду, забились в животе. Рекса захлестнула волна боли. Смерть подруги подкинула мускулистое тело, и Рекс в прыжке рванулся к Лехе. Зубы с силой сомкнулись на руке, прут выпал, брызнула кровь. Второй укус пришелся ближе к шее, Лехин визг заглушил хруст сломанной ключицы. Упав на четвереньки, не переставая визжать, тот забился в угол, закрываясь здоровой рукой. Но Рекс и не стал его загрызать насмерть. Как бы поняв, что это уже не соперник, он бросил его и, повернувшись к Бекасу, приготовился к прыжку. Перед ним был зверь. Рекс ни разу не видел лесного зверя: ни медведя, ни волка; он вырос в городской ограде, в запахах бензина и людского жилья. Но сейчас весь его охотничий инстинкт, все его материнские гены, заложенные в кровь, в душу, однозначно кричали – перед ним зверь. Зверь, убивший его детей и жену, лишивший его простой собачье радости, напавший на имущество его Хозяина. И долг Рекса выйти победителем в борьбе с этим зверем.

Бекас испугался. Секундная расправа пса с Лехой отрезвила его. Какое поживиться, здесь пора было уносить ноги и жизнь. Выставив прут перед собой, Бекас стал пятиться к калитке, не отводя взгляда от пылающих глаз кобеля.

– Леха, слышь, ты, козел, вставай, линяем отсюда! Открывай ворота, сожрет ведь на фиг!

Леха, подвывая, измазывая кровью забор, приподнялся и стал шарить по калитке, отодвигая щеколду. Это их спасло. Был бы замок, навряд ли они смогли бы открыть дверцу. Первым на улицу вывалился Леха, прикрытый Бекасом. А Бекас, на долю секунды отведя взгляд от собаки, чтобы взглянуть, где выход, в этот момент пропустил прыжок Рекса. Он все равно успел уже в полете ударить собаку по боку, но удар не остановил пса. Рекс промахнулся: вместо горла он рванул бок убийцы, и тот, бросив арматурину, вывалился на улицу. Ума хватило захлопнуть калитку, ручка-защелка заблокировала дверь.

– Уроды, развели псарню! Да не вой! Мне тоже попало! Пошли в кусты куда подальше, перевязаться надо. Бешеные псы!

Схватив камень, Бекас в злости кинул его в окно. Звон разбитого стекла только подстегнул лай всех собак в округе. Покусанные грабители, хромая и матерясь, заторопились от места нападения.

Через два дома сосед, отсыпавшийся после ночной смены и проснувшийся от лая собак, вышел, увидел хромающих уже вдалеке парней, набрал номер телефона:

– Слышь, Серега, что-то у тебя переполох дома.

Приехавший через десять минут хозяин, зайдя в ограду, увидел вытянувшееся тело Даны. Ткнувшись носом в остывший бок, пес неподвижно лежал рядом. Его желтые глаза смотрели в никуда….

Через неделю Рекса, вывшего каждую ночь, так и не притронувшегося к еде, похоронили рядом с семьей...

Падучая

Сознание билось в черноте, натыкаясь то на какие-то стены, освещенные багровым огнем, то на какие-то ужасные страшные морды невиданных чудовищ, обрушивалось в бездну. Сердце замирало на вздохе и тут же, чуть не разорвавшись от боли, билось об грудную клетку, ломая ребра и сминая легкие. Белки закатившихся глаз жутко серели из-под густых черных ресниц, по щеке текла сукровица из прикушенного языка, руки, стянутые судорогой, с дикой силой напрягались, делая хаотичные движения.

– Ваня, Ваня, приходи в себя, Ваня, Ваня!

Антоновна, выскочив из дома голоногая, в одних тапочках, стояла на коленях перед сыном, держа его голову руками. Приступ

подкосил его как всегда неожиданно, закрутив тело по спирали и с размаху бросив на землю. Еще хорошо, что сын упал на чистое место, а не на чурки или кирпичи, сложенные в углу ограды. За десятилетие болезни было всякое: и с лестниц падал, и в кровь разбивал лицо об асфальт, да так, что выла она воем над ним посреди дороги, не видя обступивших их людей. Дважды сын опрокидывал на себя кипящий чайник: один раз хоть мало и на ногу, а вот второй раз полный – и прямо на голову. Хоть и смягчили ожог отросшие густые волосы, но без содрогания нельзя было смотреть на лицо, на котором маской ужаса висели коросты кожи. Слава Богу, хоть глаза не выжег себе, а вот на руках до сих пор остались выболевшие рубцы. Никаких бинтов не хватало на него, поразорвала тогда на замотки старые простыни. Сын спасался только юмором: «Ну, я теперь любую мумию сыграю!». Ловить его не всегда удавалось. Иногда, даже стоя рядом, не успевали поймать, протянуть руки, подхватить враз ставшее каменным тело.

Собаки, своим звериным чутьем ощутившие приступ эпилепсии и раньше лаявшие взахлеб, сейчас скулили рядом, тыкаясь мокрыми носами в спину. Антоновна гладила лицо сына, растирала затылок, оттягивала ворот рубахи:

– Ваня, сына, давай, возвращайся! Ваня, Ваня! Дыши! Дыши!

Она твердила сыновье имя в надежде, что оно, как маячок, поможет душе вернуться назад, в тело, чтобы сознание нашло выход из темного тупика, чтоб он как можно быстрее пришел в себя. А еще, наверное, из-за того, что в данный момент она мало чем могла ему помочь…

Приступ стал слабеть, судороги все реже корежили тело, темно-синие Ванькины глаза, хотя еще и невидящие, с сильно расширенными бездонными зрачками, выплыли из-под век, к щекам возвращалась жизнь. Спутанное сознание показывало ему картинки из детства, из фильмов, доносило какие-то звуки, голоса, тело парило в пространстве, но не свободно, а словно кто-то его выкручивал, ломал, гнул и тянул в разные стороны. Ему хотелось высказаться, выплеснуть накопившееся, недоговоренное, доделать недоделанное, убрать то, что причиняло боль. Язык еще не повиновался ему, звуки получались бессвязные, непонятные, сквозь слова прорывался смешок, мелкий, безобидный: так смеются над собой, понимая мелочность ошибки. Руки хаотично что-то счищали с одежды,

царапали, хватали мать за пальцы. Сердце сумашедше колотилось, но дыхание уже становилось без хрипов, помаленьку выравниваясь. Антоновна ворошила ему волосы, теребила, пыталась приподнять с промерзшей ноябрьской земли тяжелое непослушное тело, посадить, затянуть к себе на коленки, переживая, чтоб хоть почки не застудил.

Глаза наконец-то сфокусировались на матери:

– А? Что? А я полежу, – и улыбнулся такой беззащитной, детской улыбкой, какой улыбаются лишь маленькие дети рано поутру распахивающие свои глаза навстречу очередному дню жизни: – А мне хорошо...

Мать заплакала. Заплакала от невыносимой боли за своего ребенка, пусть уже взрослого, но больного, от своего бессилия ему помочь, от невозможности вырвать эту черную болячку и облегчить его страдания. Можно было бы – легла бы рядом! И пусть бы уж ее так колотило! Ей казалось, что она бы смогла победить болезнь, выстоять в этой борьбе с падучей…

До восемнадцати лет Иван и не болел чем-то серьезным: то ключицу сломает, то палец на ноге придавит. Простывал и то редко. Уже и комиссию перед армией прошел. Признали, что годен…. А за два месяца до восемнадцати стукнуло его первый раз. С друзьями грядки копал. Может, от жары, может, еще от чего, но швырнуло его на землю и забился он в судорогах, пугая мальчишек… Они со страху и Антоновне не сразу рассказали. Потом его у сестры прихватило. Та скорую вызвала, увезли его в невралгию, напичкали там лекарствами. Когда мать приехала, сын и имя её не мог сразу вспомнить. Так и пошло – почти день в день, раз в месяц стали Ивана бить судороги. Скорая сначала отвозила его в отделение, а потом и забирать не стала, укол поставит – и всё. Года через четыре ей люди подсказали, что по эпилепсии ему инвалидность положена, да что в областном городе центр есть специальный, эпилептологический. Обратились в больницу. Спросила она лечащего врача, почему, мол, раньше их не направляли, на что тот равнодушно сказал: «Ну, съездите».

Инвалидность ему оформили, но с лечением ничего хорошего не вышло. От лекарств ему становилось хуже, приступы участились, и, хоть и меняли лекарства одно на другое, дошел Ванька с ними до дрожания рук, до изматывающей диареи, до постоянно-

го невыносимого желания сходить в туалет. Практически из дома выйти не мог… А после того, как желтеть начал, со скандалом Антоновна добилась отмены лекарств. И хоть приступы не прошли совсем, но стали пореже, да и общее самочувствие стало нормальным. Вот на перемену погоды реагировал сильно головной болью, плохим настроением да общей вялостью. Вертели его врачи, смотрели снимки, анализы, да ничего не могли толком сказать. «Сложная болезнь, до конца не изучена…» Вроде и спаек, опухолей и каких-либо других отклонений в голове нет, а от чего… Не понятно. Стресс – вот и все.

Бабушки да народные целители кто что говорили: один утверждал, что болезнь из-за того, что у наследство делили, другой видел проклятье по отцовой линии, третья как затряслась: «Дьявол в него вселился!». Да только помочь ни у кого не получалось. И редко кто честно признавался: «Только сам, если займется своей энергетикой, сам выправит ее, уберет зажим – уйдет и болезнь. Ну, или ищите сильного биокорректора». А кто это такой и где ты его найдешь в захудалом провинциальном городишке? А сын устал лечиться, устал ходить по очередям поликлиники, устал надеяться…. Сильно его напрягало то, что он, молодой, внешне здоровый парень, не мог ни устроиться на работу нормально, ни водить машину, даже в реке поплавать для него было опасно.

Иногда Ванька срывался. Редко, правда, но напивался до слез, до скандала. В такие моменты трудно ему было что-то сказать, удержать дома. Его несло куда-то к друзьям, по каким-то делам, а то порывался что-нибудь с собой сделать, то грозился вообще уйти из дома, то плакал наболевшими слезами. А мать ждала его и по ночам молилась, чтоб сын не попал куда-нибудь в новую беду…

Антоновна вытерла слезы, поправила Ивану задравшуюся куртку:

– Все-все, Ваня, вставай! Пошли домой.

Напрягая бабьи силы, помогла подняться сыну, удерживая тяжелое тело. Иван пошел потихоньку, не осознавая еще себя до конца, автоматически переставляя заплетающиеся ноги, стараясь на ходу что-то посмотреть, потрогать, как бы вновь все увидев. Мир открывался перед ним как с чистого листа, все казалось необычным, новым, ранее не встреченным…

Зайдя домой, мать с трудом сняла мокрые от снега куртку, рубаху, брюки, положила сына на диван, прикрыла потеплее. Сейчас он поспит и снова встанет как бы здоровым сыном. Он забудет приступ, что было перед этим, что после. Это время будет стёрто у него из памяти. Он будет недоумевать, почему болят мышцы и тело. И Антоновна расскажет ему. И впереди будет две-три недели, а, посчастливится, то и месяц-полтора нормальной жизни до очередного приступа. И Антоновна снова будет молить Бога и всех святых о выздоровлении, или чтобы приступ случился дома, при ней, или чтобы кто-нибудь оказался бы рядом, чтобы сын не разбился, не обжегся, не пострадал…

Таежный чай

Осень уже уступила свои права зиме, первым заморозкам, первому снегу, выпавшему на той еще неделе столь плотным слоем, умятым как-то сразу по–зимнему сильным ветром, что и мысли не было, что он стает. Деревушка сразу стала пустынной, хотя и так – двадцать дворов – какие уж тут хождения! Родительский дом стоял с прошлого года пустой, закрытый на символический замок, с покосившейся крышей и, с обидой брошенного ребенка, глядел на божий свет маленькими окнами. Илюха открыл дверь, в сенях со света не разглядев, пнул что-то попавшее под ноги и вошел в избу. Свет загорелся сразу, хоть и был не по-городски тусклым. Стол, буфет, две табуретки, на вешалке старые куртки, в углу сапоги – все как было, так и осталось не тронутым, только было ощущение, что смотришь старую фотографию – все застыло.

Если получалось, как вот нынче, Илья всегда старался осенью приехать в деревню. Побродить по лесу, по реке. Как он говорил друзьям, кстати, без иронии и глупой ухмылки, окунуться в детство. Он вырос здесь, любил свой дом, своих родителей, ему здесь все нравилось, ему было что вспомнить.

С утра, попив чаю с городскими припасами, взялся Илья за снаряжение. Лыжи были еще крепки, камус не вышоркался, теплая одежда вся лежала в сундуке целенькая, молью не побитая. Огорчили только валенки. Вытащив их из кладовки, Илья обнаружил на одном из них приличную дырку – мышки баловались. Он поколупал пальцами дырку, хмыкнул, сунул валенки в мешок, потом

пойдет к деду Степану за ружьем (оружие Илья оставлял у соседа, возить из города в деревню не надо, да и из дома на всякий случай убрать – вдруг кто вышарит), он и подошьет.

За готовкой обеда пролетело время, и с гостинцами, и с валенками Илья попал к деду Степану часа в три. Встрече дед обрадовался, Илью знал с пацанов, есть что спросить, есть о чем поболтать. Повертел валенок:

– Да сейчас и не получится сразу подшить, дратва кончилась. Но ежели не торопишься, то сиди, жди. Это у вас в городе для таких вещей корд из шин выпарывают, а здесь вот такая мутотень получается – вручную все надо. Как наши деды делали.

– Подожду, куда мне торопиться – впереди еще неделя, успею.

– Ну и ладненько. Чаю хошь? Наливай сам. Моя старушка вон в печали – разгрипповалась.

– Ну, ты что ж меня списываешь? Мне ить тоже хочется на гостя посмотреть, – раздался голос из маленькой спаленки, – вот так всегда, только приляжешь – сразу и списывают со счетов!

Из комнаты вышла маленькая старушка с детскими кудряшками надо лбом, чистенькая, аккуратненькая, как из доброй сказки, глазами заголубела:

– Илюшечка, какой ты уже взрослый! Большой, и голова уже почти вся седая! А ведь тебе еще и сорока нет, однако?

– Девки его довели! – хихикнул дед Степан, – на детей вон не успевает зарабатывать!

– Что, много уж настрогал? – баба Поля погладила жесткие Илюхины волосы.

– Да нет, баба Поля, всего одна дочь. Уж большая, да редко видимся. Увезла ее первая жена, со вторым мужем уехала в Кострому, вот только по интернету и общаемся. Прошлым летом и видел последний раз.

– Ну-ну, мы-то вот все больше писем ждали в разлуке. А сейчас, видишь, какая благодать: и увидишь, и услышишь.

Дед Степан тем временем достал катушок крепких ниток, кусок вара на куске шлифовальной шкурки, нож-косяк да шило. Закатал рукав рубахи на левой руке, растопырил пальцы и стал мотать нитку на руку: от пальца большого через локоть и дальше, поочередно пропуская нить между остальными пальцами. Нит-

ка наматывалась на руку, оплетая ее как паутина, мелькали руки в странном танце. Намотав одному ему понятную меру, дед Степан разрезал у большого пальца намотанное, сунул кончик в руки Илье и стал разматывать – с руки потихоньку размоталась длинная, в несколько раз сложенная нить.

– Ну вот, сейчас скрутим, варом намажем, мылом намылим и будем шить.

Илья с интересом наблюдал за стариком. Дед Степан был в ногах и руках худощав, лицо – зубы сквозь щеки можно сосчитать, а вот животик – кругленький, плотненький натягивал рубаху с полным ощущением подложенной подушечки. Дед по молодости и войну застал, и кем только не переработал, и где только не был, и, хоть и был без образования, слыл в деревне очень знающим, начитанным и умелым мужиком. Седину он свою брил на лыску, согнулся уже немного от пережитого, но был подвижным, шустрым, спорым на ногу. При мелкой работе цеплял очки на хрящеватый нос. Жену свою уважал, любил, ежели чужих баб и зажимал где в уголке – то без последствий, как он сам говорил: «Для имиджу». Знал множество всяческих баек, анекдотов, историй, мог их рассказывать бесконечно. Матерился очень художественно, но не грубо – его маты были не злыми, не агрессивными, а наоборот – смешными, образными, необидными. Их хотелось слушать как музыку, щурясь от удовольствия. Эдакие словесные кружева. Дед смеялся: – «Это меня Тимка Пуртов научил. Ты б его послушал! Поэт!».

– Что косишься на меня? Соскучился?

– Соскучился! А смотрю просто, дед Степан, вот думаю, а почему вы худой, а живот кругленький?

– Ха, сказал тоже – живот! Это сгусток нервов! От надсады это, милок! Жили-то впроголодь, да много нас было. Ворочать по хозяйству с малолетства пришлось, а вечером капустой набьешь да картошкой, да еще не жуя, пока на столе что стоит, торопишься. Там младше меня росли, было кому лопать. Вот брюхо и растянул, и пуп вылез. Так что по-крупному счету это не пузо, это пуп у меня.

Дед Степан хитро взглянул поверх валенка, выравнивая обрезок старого войлока на подошве, снова запустил руку внутрь, на ощупь цепляя дратву на шильный крючок, затянул шажок. Подши-

вал он не торопясь, но споро, мастеровито, руки делали свое дело легко, без суеты.

– Ты-то что, себе каку бабенку-то не нашел еще?

– Да уже не тороплюсь. Наобжигался.

– Ну, братец, крест-то на этом деле рано ставить.

Илья засмеялся:

– Крест-то не ставлю, жениться не тороплюсь.

– Вы, молодые, видно, жену себе выбирать не умеете. Вона, сколько вас холостых да интересных! Да и бабы все по-одиночке дитев ростят.

– А как вы, дед Степа, женились? Ведь всю жизнь прожили.

– А как, как. С мужиками поспорил. На первое мая на демонстрацию сходил.

– В смысле?

– А что в смысле? Идем на демонстрации с корешами, а впереди такая деваха кренделя выписывает. Ну, я и говорю: «Спорим, женюсь»! Ну и поспорили. Подхожу к ней: «Слабо за меня замуж выйти?» А она: «А вот и не слабо!» Пошли и расписались. В то время ЗАГСы первого мая работали, и можно было сразу расписаться, кому уж очень невтерпеж. Вот и живем.

– Правда, что ли?

– Не веришь, спроси у Полинки. И штамп в паспорте стоит «Первое мая».

– Да уж, сходили на демонстрацию.

– Да я что! Мне вон Мишка Кедров рассказывал, тот вообще, пока в сельсовете работал, взял Зойкин паспорт, печать о регистрации поставил, пришел к девкам и Зойке говорит: «Зойка, пошли жить со мной». Та ему: «С чего бы это?». «Как с чего? Жена ты мне!» И паспортом трясет, мол, посмотри. А время-то было какое – против власти не попрешь, вот и прожили всю жизнь. Да видно нравилась жизнь – одиннадцать детей настрогали.

Дед Степан повертел подшитый валенок с торчащей нашлепкой и, искоса взглянув на Илюху, косяком взялся подравнивать лишнее

– Это вы что-то все примеривайтесь, пристраивайтесь. Сами не верите, что навсегда женитесь. А в наше время как? Женился – живи! Устраивайся, да пристраивайся на здоровье. Ответственность была, за детей, за семью.

– Ну уж, и на сторону не ходили?

– Как не ходили – ходили! Одиноким тоже кусочек счастья отхватить хочется. Но домой возвращались.

Так за разговором и работой время пролетело до сгущающей синевы за окном. Пока баба Поля чаем напоила с лепешками, пока потрепались про городское житье, да деревенское, кто уехал, кто помер, кто женился – стемнело окончательно.

– Что, завтра с утречка побежишь?

– Да, схожу к избушке, заночую, да назад. Избушка-то стоит?

– Стоит еще, здесь ее грабить некому. Город далеко. Витька летом там был, подшаманил чуть-чуть. Свечей возьми, нет наверняка. Пешком не ходи, лыжи возьми. Там хоть в лесу и мало снегу, но на дорогах и пролесках сподручнее будет. Снег уже на зиму лег.

Дед вытащил Илюхино ружье, боеприпасы, проводил его за калитку. Деревня устраивалась на ночь, зажмуривая редкие окна, укутываясь тишиной. Полной, глубокой, обволакивающей. До того она была уютная, успокаивающая, что хотелось свернуться клубочком здесь же, в еще маленьком сугробе, или просто застыть посередине улицы, и слушать, слушать эту тишину, боясь даже легким скрипом нарушить ее благодать. Тишина не давила, наоборот, она поднимала душу, давала ей крылья, заставляя подняться над деревней, лесом, туда, ввысь, к темному небу. Огрызок луны пятном высвечивался сквозь редкие тучи, темнели дома, постройки, деревья. Илья вздохнул, улыбнулся сам себе и неспешно пошел к своему дому.

В путь Илья двинулся уже засветло. Лыжи бежали не то, чтобы легко, снег еще не примялся, лыжня как лыжня еще не проторена, но без них было бы совсем не сподручно. Снег лежал плотный, достаточной глубиной, где ветром выдутый до сухой травы. День был серенький, морозик легкий, ветер умеренный. До избушки надо было идти километров пятнадцать, впереди был целый день, торопиться некуда. Илья углубился в лес, посматривая по сторонам, дыша чистым хрустящим воздухом. Это даже дыханием назвать нельзя было – воздух, как деликатес, просто кусался, елся, смаковался. Его свежесть, чистота ощущалась всеми клеточками тела, легкими, сердцем. И с каждым вздохом уходила из мыслей, из души горечь последних лет и проблем.

Лес стоял вокруг не замерший, березы и сосны стояли еще не укутанные снегом, и лишь на еловых лапах последний снегопад

оставил пока еще маленькие снежки. Под большими елями виднелась земля, незанесенная сугробами, да там и среди глубокой зимы можно было найти кусочек сухой травы. Редкая синичка цвинькала, вспархивая с ветки на ветку, поглядывая на Илюху, краснел шиповник, еще необъеденный и необщипанный никем. Где-то далеко трещал дятел. Больше тишину никто не нарушал, лишь одежда шуршала при движении.

Илья запарился довольно быстро. Сказывалась и полусидячая работа, редкие хождения пешком, да и возраст откладывался по бокам жирком. По спине уже бежала струйка пота, щекотливо пробираясь по ложбинке вниз. Конечно, по накатанной лыжне оно бы было спорее, да не в этом дело, Илья никуда не опаздывал. Он знал, что дальше в соседнем распадке есть ручей, там он и сделает привальчик.

На вершину горы он забрался совсем выбившийся из сил, лыжи пришлось снять в лесу, среди валунов, где снега было мало, они только мешали ходьбе. Тайга притихла перед ним в распадке, топорщась деревьями. Склоны были местами зеленые от сосен и елей, местами чернели березами. Снег уже лежал внизу плотным белым сугробом, который прочерчивала черная кривая ручья. Местами ручей прятался в сугробе, местами выныривал наружу. Серые тучи придавали всей открывшейся картине некую мрачность, напряженность. Природа как бы замерла перед зимой, затаилась, приготовилась к буранам и метелям. Илья присел передохнуть на валежину, смахнув снег с сосновыми иголками. Из трещинки коры закачалась, зазеленела маленькая веточка брусники. Глянцевые листья не потеряли свой цвет от заморозков, лишь только чуть-чуть стали темнее. Уставшие ноги тянуло в мышцах, щеки горели от пота и ветерка, сердце бухало устало. Илья чувствовал себя на вершине горы как на вершине мира: только он, только весь мир внизу, под ногами, а вверху – небо! Огромный купол, серый, в тучах, в редких бледно-сизых прогалызинах, нависал над распадком. Илье казалось: подпрыгни чуток – и сможешь рукой потрогать тучи, раздвинуть их в стороны, очистив пусть зимнее, но все-таки голубое небо! Такое чувство было у Ильи только в детстве, когда он забирался на самый конек крыши. Да и сейчас Илья вдруг почувствовал себя помолодевшим…

По остывшей спине пробежал холодок – пора двигаться дальше. Спуск прошел более-менее удачно, всего один раз Илья поскользнулся, ударился коленом, хорошо, хоть без последствий. Внизу тихо журчал ручей, сопротивляясь ледяным заберегам, чернея темной стылой водой. Это был даже не ручей, а мелкая речушка, приток со странным названием Соломинка. Бившие ключи дали жизнь ей, вот она и старается, рвется сквозь кусты, набираясь сил, все дальше и дальше, чтобы впасть, влиться в более крупную реку. Настырность помогала ей в этой нелегкой борьбе за выживание – только в сильные морозы она покрывалась льдом. Вниз по течению речушки и стояла избушка, куда направлялся Илья. Остаток пути он прошел, снова нацепив лыжи, уже торопясь к месту ночевки. Пока расчистит, пока затопит, а вдруг там что-то налаживать придется или пойдет что-нибудь не так, а в темноте много ли что сделаешь.

Тихо пошел снег. Илья остановился, запрокинув голову, взглядом стал ловить снежинки. Крупные влажные хлопья неслышно падали с неба, из серой бесконечности, таяли на разгоряченном лице, цеплялись за ресницы. Никак не удавалось уследить за тем моментом, когда снежинка выныривала из небытия. Вот ее не было, а вот она уже перед глазами. Распадок спрятался в снежной занавеси, тишина была такая глубокая, что казалось единственный звук – это шуршание падающих ледяных кристалликов…

Избушка оказалась целой. Действительно, народ здесь редок, даже вездесущие туристы видно не знали об ее существовании, а местные берегли информацию. Дрова были в чурках, но высохшие, под навесом, хоть и дырявым, не заметенные. Илья расчистил фанериной снег перед входом, наколол дров, сходил за водой на ручей. Плечи после рюкзака и ружья свободно расправились, снежная сказка вокруг и мысли притягивала сказочные. Думалось, сейчас из-за березы выглянет смешливый снеговичок-лесовичок, или из-за угла избушки появится повозка Снежной королевы.

– Ну, вот мне сюда еще снежной женщины не хватало! – вслух засмеялся Илья своим мыслям. И потянулся крепким своим мужским телом, подумав, а что, пошла бы с ним сюда, в таежную глушь, по такой тропе, в эти «антисанитарные условия» его городская пассия? А ведь если б пошла, выдержала, не ворчала, то, наверное, женился бы он, поверил.

Печка немного подымила, попыхтела обраткой, да и разгорелась жадно, жарко. Илюха поставил чайник, здешний, избушкинский, в своем котелке воду на кашу, открыл банку тушенки, очистил луковицу. Подмел голиком пол, проверил нары – выдержат? Не завалятся ночью? Вышел, нарубил еще дров на ночь и утро – в избушке тепло, пока топится железная печка. Зато и греется быстро. Вечер наливался синевой, ночной темнотой. Дым из трубы разгонял снежинки, нехотя поднимаясь ломаными зигзагами в небо. Илья не боялся ночевать в лесу один, без друзей, без собаки. В лесу, главное, чтоб самому не повредиться, ну там, не сломать ногу или чтоб болячка какая не хватанула, чтоб медведь шатун не наткнулся. А людей здесь, в тайге, зимой, бояться странно – если кто и попадется, то свой мужик-охотник. Это в городе гораздо опаснее, неизвестно какую обколотую шантрапу встретишь за углом.

Зажженная свеча, толстая, специально для длительного горения, разогнала по углам темноту, высветив торчащий мох, темные, топором тесанные бревна, не застеленный маленький столик. Стекла в оконце сразу потемнели, в них как в зеркале отразилось Илюхино лицо. Пламя свечи на фоне черноты заиграло радужным свечением, заискрилось, так, наверное, аура играет у какого-нибудь Будды. Разварившаяся гречка с тушенкой, с луком так запахла, что Илья торопливо стал резать хлеб, доставать кружку под чай – ел он только утром и есть хотелось уже очень сильно. «Ну и аппетит нагулял!», – подумал Илья, черпая первую ложку. – Вот почему в городе такую же кашу и есть как-то не так, вкус не тот. А здесь, где зола попадет, где мошка или веточка какая – ну нет ничего вкуснее! А чай на костре? Сказка! Из лесной лужи зачерпнешь при случае, шелупонь сдунешь, заваришь покрепче – и в прикуску! Или с карамелькой! Видно, дух природы вкус добавляет!»

С ужином он справился быстро, незаметно. Черпал кашу, черпал, пока не почувствовал, что все, хватит. А вот с чаем надо только неспешно! Подкинул полешко, сел у раскрытой дверцы, держа в руках большую металлическую кружку из новомодных, с двойной стенкой. Подарок второй своей жены. Если первый брак у Ильи был по молодости скороспелым, сейчас трудно разобраться – вообще была ли это любовь, или просто студенческая влюбленность, или просто пришлось жениться, то второй вроде развивал-

ся уже по всем правилам, никем не писанными, с приглядками, с чувствами, объяснениями. Первая жена года через три, почувствовав зыбкость отношений, сначала поплакав, потом, найдя второго мужа, уехала с ним, забрав дочку. По ней Илья больше всего и страдал. Хоть она и маленькая была, когда разводились, но все равно эта была его кровь, его кусочек сердца. Он по жене так не страдал, как по дочери, и с годами эта боль была все горше. Тем более что второй его жене Бог детей не дал, и она, за восемь лет превратившись из нормальной женщины в зацикленную залеченную бабенку, решила уйти из его жизни. Что его тоже устраивало. Хотя, если бы она осталась веселой, бодрой и жизнерадостной, то он и не разводился. В конце концов, у него дочь есть, а материнскую любовь всегда можно направить на племяшей или творчество какое-нибудь. Или на него, любимого мужа! Илья разменял трешку, жене приобретя хорошую квартиру в центре (все- таки он ее жалел, как человека, как женщину), а сам жил теперь в старой однокомнатной квартирке. Он был уверен в себе, в своих силах, зарабатывал наладчиком на нефтекомплексе он неплохо, ну, там годтри, добавит да улучшит свои условия. Если женится. Он не был пуританином, мужиком был видным, не алкашом каким, женщины глазки ему строили, он и отвечал, но выборочно. Но Илья хотел нормальную семью – с родней, с друзьями, с двойками сына, с дочериными бантиками, с плюшками по утрам, с ласковой любимой женой по ночам. Ну и пусть она там с возрастом и пополнеет, морщинки появятся, он тоже старости уступает, куда ж ты денешься! Зато он будет знать, что его руки желанны, ласки не противны, что дети будут переживать за папку, а там и внуки топтаться по спине. И он хотел такой жизни, простой, основательной, семейной. Ему не нужны были миллиарды Абрамовича, не нужна была власть Путина, ему нужна была эта спокойная семейная жизнь, эти радости отцовства, эти глаза любимой женщины. Именно они, эти радости, были первоистоками всей жизни. И так хотелось просто жить, без стрельбы по телевизору, без убийств на соседней улице, без бомжей и насильников, без грызни на политическом олимпе. И было дико жаль, что жизнь становилась, наоборот, еще более жесткой, лживой, страшно неправильной.

Илья выплеснул шару из кружки, поставил ее на столик, качнув пламя свечи, и вышел из избушки. Снег перестал идти, тучи

ускорили свой бег по небу, где-то вверху дул верховик, но здесь, среди деревьев, в ложбине да в чаще, ветра не ощущалось, было тихо, спокойно, будто лес оберегал человека в момент его размышлений. Мороз был нежный, не кусачий, так, первая проба. Илья присел на чурку, оперевшись спиной на стену избенки, прикрыл глаза. Тишина и покой неслышно подошли, заполнили душу, внеся умиротворение и гармонию. Уходили прочь проблемы, нерешенные вопросы, отступала боль одиночества. Именно из-за этого Илья и шел сюда, именно это он и хотел почувствовать, ощутить, пережить. Мы все частички природы, именно к ней мы и приходим плакаться, да лечить раны души…

Сидел Илья долго, не замечая времени. Мысли тягостные тихонько куда-то попрятались, уступив место легкому, светлому состоянию. «Причесались», – улыбнулся он сам себе, потянулся, взглянул на часы и зашел в тепло избушки. Подкинул еще в печку, подпер маленькой кочергой дверцу. Снял валенки, приспособив их на торчащие из стены колья, чтоб просохли, не застыли на полу, и взгромоздился на нары, сдвинув ружье к стенке. Свечу уже погасил, улегшись, поерзал, устраивая большое свое тело на лапнике, прикрытом старым чьим-то покрывалом, подоткнул куртку за спину и закрыл глаза. Усталость взяла свое быстро и бесповоротно: Илья уже не слышал, как мышки скреблись, забираясь на стол поживиться крошками, как, ухая, пролетел филин над застывшим лесом, как луна, на минутку выглянувшая из-за туч, заглянула в оконце. Он спал.

Ночью пришлось дважды вставать, подкидывать в печку – к утру мороз уже поджал по-серьезному. Когда засветлелось в окне, Илья уже и проснулся. Поставил чайник, разогрел остатки каши, позавтракал. Увидев следы мышкиных следов на свечке, на пакете с хлебом, засмеялся – тоже жить хотят! Высыпал остатки крошек горкой на столе – пусть побалуются – зима длинная. Прибрал за собой, сложив по-аккуратнее запас дров в угол за печку, оделся и вышел, подперев за собой дверь зимовья. Небо было высокое, солнце пробивалось сквозь кисею облаков бледным стылым пятном. Легкий ветерок обещал разогнать и эту преграду. Заря уже отцвела, уступив место дню. Мороз бодрил, хотя и не был по-ноябрьски свирепым.

Назад Илья шел долго, отдыхал чаще. Вчерашний свежевыпавший снег спрятал след от лыж, прикрыл валуны, укутал кусты.

Любая ошибка в выборе места для шага могла оказаться чреватой и опасной. На ручье, перед подъемом на гору, Илья тормознулся. Не выдержал – желание развести костер и вскипятить чай пересилило его опасения вернуться затемно. Он быстро вытоптал площадку, наломал веточек, бересты, пристроил котелок с водой, разжег костерок. Пол-литра воды вскипели быстро, чай вышел запашистым, вкусным, обжигающе горячим в первые минуты. Карамелька топырила щеку, разбавляя сладостью горечь заварки, сухарик хрустел на зубах. Дым маленько щипал глаза, но Илья не отворачивался, ему будет приятно потом еще долго вдыхать запах дыма, заплутавший в куртке, в свитере. Он старался запомнить и этот вкус чая, и этот запах костра, и красоту всего лесного окружения. Выплеснул остатки чая, остудил котелок и спрятал его в рюкзак, завернув в пакет. Ногой нагреб снега на костер, чисто по старой привычке тушить его, и снова двинулся в путь.

– Вот скажи кому-нибудь, что я шел в лес просто попить чаю – засмеют. А кто-то поймет.

Голос звучал в тишине странно одиноко, звук не вписывался в лесную сказку, в кружево снега и красоты. Вынужденное молчание не тяготило Илью, он считал – иногда и надо помолчать. На подходе к деревне, километра за три, спугнул зайца – не выдержали нервы у косого, когда Илья почти прямо на него наткнулся. Подпрыгнул, бедолага, резко и пошел размашистыми прыжками в сторону, в глубинку леса. Илья даже ружье не стал снимать из-за плеча – пусть бежит! Пугнул его свистом в след и заторопился дальше. Некогда!

Подошел к первым постройкам в сумерках, когда солнце уже спряталось за горой и, хотя еще не было темноты, в редких окнах зажигались огни, трубы курились дымом, собаки лениво лаяли. Деревня готовилась ко сну.

Дед Степан лопатой скреб тропинку около дома.

– Дед Степа, ты что это, на ночь глядя, в темноте снег чистишь?

– Да это я себе заделье искал, тебя вот жду. Знаю, должон вернуться, вот и переживаю, вдруг какая-то русалка с ручья тебя умыкнет!

– Да кому я нужен!

– Но, но, но! Не говори так! Такими мужиками раскидываться! Заходи, моя милая там драников напекла. Ждет тебя. За дом не

переживай – подтопил я его тебе, чтоб не замерз совсем в одинокой постели!

Дед Степан пропустил Илюху в ограду, засуетился, открывая двери в сени. А Илюха… Что Илюха? У того защемило сердце – как все-таки здорово, когда есть кому тебя ждать, переживать, и ради тебя печь драники…

Дедушка

С утра давило виски, сердце стучало тяжело, с напрягом. Господи, не сдохнуть бы раньше времени! Выспаться бы, полежать по-стариковски на старом, но привычном диване. Но будильник резким скрипом заставил потянуться и выключить его. Надо вставать, собирать внучку в садик. Алексей Иванович не обижался на судьбу, он был ей благодарен за это маленькое чудо – Вареньку. Но следом за волной любви накатывала волна боли, дикой тоски, от которой сердце вообще останавливалось и падало куда-то вниз. Почему именно ему досталось пережить такое, что не пожелаешь и врагу! Первый брак не назовешь ни удачливым, ни счастливым. Как у всех? Может быть. Как у многих? Похоже. Многие переживают развод, ни это страшное. Единственная дочь осталась с матерью? А какой вариант мог быть в начале девяностых, когда ребенку пять лет? Была обида, что он так и остался непонятым своей женой, ну не смог он принести ей в клювике большие деньги, достаток и норковую шубу. Последней каплей и была эта шуба – для Марии символ красивой жизни. Как говорят сейчас молодые – зациклило ее на ней. Наверное, перестроечные годы, когда одним многое, другим малое, пустые магазины и поставили жизнь довольно успешной учительницы с ног на голову. А Алексей как-то смирился, ходил на свой завод, ждал зарплату и несильно-то дергался. Потом стал работать на частника, считал, что другие живут еще хуже, и им еще и ничего. Крутым он себя никогда не ощущал, да и не хотел ощущать. В стороне от всего этого жил своей тихой размеренной жизнью и суетиться не пытался. Поэтому к уходу жены отнесся философски, уговаривать ее не стал, скандалить тоже. Чем как то обидел Марию, видно, все женщины любят уговоры и слова. Она ушла к своему знакомому, который пообещал ей весь мир к ее ногам; надо отдать должное, часть этого мира ей

и досталась. Но автокатастрофа, случайная или смоделированная, мутная какая-то, оборвала возможность для Марии воспользоваться другой частью всех благ. Она осталась одна, в большой квартире с роскошной мебелью, с дочерью подростком и….. нищей. Кто-то из друзей нового супруга устроил ее в свою фирму что-то там считать и она была ему за это очень благодарна. А место рядом с Алексеем было занято. Прожив несколько лет один, он так же тихо сошелся с Валентиной, прожил с ней спокойно, сколько было отпущено сверху и так же тихо похоронил ее три года назад. Душевность этих лет залечило горечь развода, пенсии ему одному хватало с приработком от сторожевания на соседней стройке, и он уже собирался доживать свой век как все старики. Хотя шестьдесят пять – какой еще старик! А после новогодней суеты в прошлом году приехала дочь. Здравствуй, папа, это я! Они встречались за все годы несколько раз, в день похорон Марииного мужа, в день восемнадцатилетия дочери да еще несколько раз, так как Мария препятствовала встречам, хотя и не скандалила. Так что дочь он признал, выслушал рассказ про внезапную смерть Марии от инсульта, историю, про то, как у дочери отобрали за какие то материны долги квартиру, поверил во все это и принял как должное. Дочь его, внучка его – полная семья. Все не один. Внучка была устроена в садик, дочь целыми днями искала работу по-денежнее, надо же внучку растить! Даже странные пропажи малых сумм он списывал на свой склероз, не замечая этой странности. Глаза ему открыли соседи по квартире жены, куда он поехал после суточного отсутствия дочери. Переживая, что случилось с ней, куда она пропала, думая о всяких страшных вещах, могущих случиться вечерами в крупном городе, он поехал туда, где жила раньше Мария. Здесь он и узнал, что жена умерла уже больше полгода назад, и что он, по словам дочери и к своему немалому удивлению, даже отказался быть на похоронах, что дочь его – наркоманка с немалым стажем, мать тянулась на ее, а затем внучка, которую она любила, оттягивала момент резких разборок. Как бывает часто, резкий перепад от достатка к безденежью оказался для подростка сильным ударом судьбы, она и сломалась. Дурь казалось для нее панацеей от всех проблем, а другое она и не хотела замечать. Вступив в наследство, дочь продала квартиру, очевидно, долги-то были ее, а не Марии. Прождав несколько дней, Алексей Иванович написал заявление

об исчезновении дочери, ежась под пофигисткими взглядами дежурного; окончательно замкнулся в себе, и оттаивал лишь от говорильни внучки. От дочери не было никаких известий, дважды его вызывали на опознание, но ничего общего между синими трупами, найденных в подвалах, и его дочерью, к счастью, не было.

Жизнь вдвоем с внучкой научила его разбираться в таких деликатных вещах, о которых он и понятия не имел. Качество детских колготок и зависимость от этого их цены, варка каши, ночные вскакивания, мытье ребенка – все это не давало ни минуты покоя и тишины. В вопросах детско-женской гигиены и здоровья ему помогала соседка по площадке, моложавая женщина, у которой свои дети мягко заменились на внуков. Она и снабжала Алексея Ивановича детскими вещами, оставшихся от своей ребятни, то книжек подкинет, то игрушек. Она и оставалась с Варюхой, когда была необходимость. Варя, за этот год почти забыв мать, иногда спрашивала деда: «А тетя Катя тоже моя мама?» А что ей ответишь? Опекунские маленько сдерживали финансовый кризис семейного бюджета, но как они достались Алексею Ивановичу, он не любил вспоминать. Если бы не соседи, не смог бы осилить все хитросплетения казенных хождений, сдох бы где-нибудь на пороге очередной конторы. То нельзя ему брать опекунство, то старый, то пенсия маленькая, а отдать в детский дом – это было вообще свыше его сил.

Алексей Иванович встал, прошлепал старыми тапочками на кухню, включил чайник, достал масло из холодильника. В ванной умылся, поскреб щетину и неожиданно пришла мысль, что за это время, сколько он уже растит Вареньку, он ни разу не болел. Лицо, конечно, и выглядит старым, но в глазах появился какой-то целеустремленный блеск, да и общее состояние было помолодевшее. Интересно, он уже считал Вареньку до того своей, что в разговоре мог «вспомнить» такие подробности, что могли быть только с дочерью. Тихонько смеялся этому, радовался.

Сначала он хлебнул сам чаю, потом пошел будить внучку. Присел перед кроватью, осторожно взял своими грубыми руками ее тоненькие пальчики. Накатила тихая радость, что здесь, рядом, бьется крошечное сердечко маленького существа, самого родного, самого-самого… Тонюсенькая ниточка, что удерживала его на этом свете, смысл почти всей его жизни, его главное богатство.

Одна мысль, одно желание было у него – вырастить, увидеть ее взрослой, доброй, ее мужа, ее детей. Только об этом молил Бога, думал ночами. Не мог слышать, что кто-то бросил своих детей, продал за бутылку, убил, избил, выгнал из дома. Чувствовал, попадись ему такой урод, долго бы бил, насколько хватило б стариковских сил…

Взглянув на часы, Алексей Иванович осторожненько убрал прядь волос со щеки внучки, потеребил нежно ушко:

– Доча, вставай, в садик пора!

Резко открылся озорной глаз, сначала один, потом второй, расцвела улыбка:

– Дедушка, а сегодня мама придет?

Памятка бабы Аси.

Жизнь

Баба Ася курит сигареты, вставляя их в старый пожелтевший мундштук. Курит она с войны, и часто напоминает, чтобы не забыли положить сигареты и мундштук ей в гроб. Она маленького роста, сухонькая, недавно обрезала свою большую косу, которая стала сильно мешать. Руки болели так, что не было сил расчесать волосы. На лице выделяется лоб – высокий, мыслительный, глаза маленькие, голубенькие, за стеклами очень сильных минусовых очков посверкивают острыми льдинками. Образования как такового у нее нет, всего семь классов, но, проработавши всю жизнь то писарем в армии, то машинисткой, уже после войны, всю жизнь читающая запоем, баба Ася отличается эрудицией, начитанностью, знаниями из всех областей жизни и науки. Пусть и понемногу. Несмотря на свой возраст, распечатавший девятый десяток, она молодежь не хает повсеместно, в курсе их проблем, но любит иногда и поговорить на тему: «Молодежь-то какова, и поступки, и слова!» Правда, при этом не обвиняет молодых во всех грехах. Речь ее с юмором, с присказками, зачастую и матерок вставит, но так, для связки, без злости; встречаются и новомодные слова и обороты. Это уж телевизор, бубнящий весь день, внес свою лепту.

Баба Ася сидит у окна с книжечкой, с сигареткой, с остывающей чашкой чая, круто заваренного, но с молоком. Сидит стран-

но, поджав под себя одну ногу и держа вторую столбиком – по-бурятски. Взгляд устремлен в окно, на заснеженный огород и дома соседней улицы. Дым от сигареты плавно тянется струйкой, окутывая ароматом и сизостью бабу Асю.

– Любви не надо стыдиться, ею гордиться положено. И ласковых слов не жалейте. И уж без любви не соглашайтесь, блюдите себя. А то вон девки, совсем охренели – уже в 16 лет, видите ли, не модно быть девочкой. Дуры, одним словом. Любовь, она как росток цветочный: чтоб зацвела – надо ее вынянчить, душой выстрадать, уважением проверить. Вот тогда она и отблагодарит тебя. Радостью, желанием, долгой жизнью, верными чувствами. А вы, нынешние свиристелки, увидели, «ах, люблю!» себе втемяшили, тут же «какой он козел!» – и разбежались. И потом, с видом светской львицы – «Да где она, эта любовь! Выдумали все». Да она от вас сбежала, чтоб вы ее не уханькали! Вам же лень ее растить, вас и в сексе, видно, только так, техническая сторона привлекает, «гля» количества!

Дети у бабы Аси выросли, внуки тоже, живут кто где, заходят проверяют, помогают. В основном она сама справляется с топкой печи, с варкой немудрящих супов. Дни ее тянутся в книгах, воспоминаниях-памятках и вот в таких рассуждениях, если будет слушатель.

– Циники вы, молодежь! Душой загрубели. Любовь тоже разной бывает. Что в наше время была у каждого своя, что сейчас у вас. Но мы как-то больше за нее бились. Может, жизня такая была?

Она заскорузлым пальцем сбивает пепел в чеплашку (кто уже помнит, откуда она взялась, эта старая то ли крышка, то ли какое-то блюдце от детского сервиза), прихлебывает чай и продолжает, как-то меняя тему разговора:

– Жизнь вообче штука до ужасти интересная. Посмотришь: сколько людей – столько и жизней, у каждого своё. Как говорится – в каждой избушке свои игрушки.

Баба Ася встала, выплеснула остатки шары, сполоснула стакан и стала наливать новую кружку своего красивого чая.

– А что мы в детстве своем видели? В Чите тогда буфер был, слышала, наверное? А по тем меркам отчим был «богатым» человеком – лошаденка у него была. Он на ней «таксистом» работал, или, как тогда говорили, выезд имел. Нас трое было, еще брат и се-

стра, мать ходила по домам, стирала. Меня-то лет в шесть нянькаться отдали, девчонка горластая была, я вечно засыпала на ходу. Правда, мало я с ней понянчилась. К китайцам ходили грядки полоть. Китайцы же огородники от Бога, часов в шесть уже бегали по Чите с зеленью: «Кому петрушку, лук! Кому петрушку, лук!!» Вот почему их все звали «Ходя»? Что быстро бегали-ходили? Платили копейки, но и они в дело шли. Но вот такусенькую травинку видели! Строго спрашивали!

У нас богатые родственники были. Вторая ветвь – забайкальцы исконные были, хаба, однако! Что такое «Хаба»? А кто ж его знает? Всех местных так звали: и бурят, и дерсуузалов. А-а, может, и матершинно что-нибудь! Матушка всегда говорила, что они потомки князей Гантимуровых. Да кто ж проверял? Голубая кровь, золотой Керулен! Они с нами не знались. Там и образование было, заграницы и все, что хочешь! Двоюродные сестры и брат так через Владивосток и уехали в Париж, где-то жизнь их мотала по миру, потом, уже после войны, ведь вернулись же в Москву, а их и сослали на поселение под Караганду. Брат умер, а Надя и Таня еще в 80-е в Саранске жили, в однокомнатной квартирке, по пять языков знали, хоть и древние старушки – да в день платье меняли не раз – в одном нельзя ходить! Даже на одних себя стол старались сервировать! Шили всё себе на руках, шажочки мелкие-мелкие, и не скажешь, что иголкой, как на машинке. Там уж хоть и жили на одни пенсии, но все чинно, аккуратно. Куда уж нам, с сермяжной мордой! Мы-то сами десятый хрен без соли доедали. Надо матушке должное отдать: сама грамотная была, читать-писать умела, и нас учила. Тянулась, да учила. Когда я подросла, мне год добавили, чтоб на работу взяли. Почерк был у меня каллиграфический, на службу на метеостанцию устроили. Мать мною очень гордилась. Она нравом суровая была, раз сказала – делай. Плохо сделаешь – так подкинет, бегом побежишь переделывать! Как мы в домике все умещались только! И всем места хватало. А там и племянники жили с нами до самой армии. Бывало, посадит меня с сестрой суп хлебать, чашку одну поставит. Мы начнем каждый к себе ее наклонять да тянуть. Как ложкой брякнет по лбу! Обеим, чтоб неповадно было! А потом посредине чашки воткнет щепочку – у каждой своя сторона, на чужую не лезь!

Я маленькая была, толстопятенькая. Одна коса в руку толщиной ниже пояса болталась. Восемнадцатый год пошел – посватал меня один военный, я и не знаю, в каком чине был. Солидный такой. Я напугалась, что мне было-то, пигалица! Убежала. А мать меня за косу вытащила. Не пошла я за него, шибко смешно у него нос шевелился при разговоре! Я и засмеялась. Глупая была, а он обиделся. Да и мне в отцы годился. Это мне по тем меркам так казалось. Потом уже в двадцать лет вышла замуж за Алексея. Тоже был меня старше намного, офицер. Хозяйственный очень, все проверял: сколько мяса в супе, как я оделась, как чай завариваю. Он, конечно, опытней меня был, я у него как сестра младшая и была. Или как дочь даже. Любил он меня, оберегал. Заботился. Да по тем временам у меня туфель несколько пар было, на выход. И пальто было, я и выглядела как «мадама в модном туалете». Старшая дочь-то от него. Я ж ее в поезде собралась рожать, меня с поезда и сняли. Алексей только и успел мне солдата на месяц оставить, сам поехал к месту назначения дальше. Война уже была. В чужом городе, без денег, без документов. Солдат месяц мне помогал, а потом тоже на войну поехал, я его и имени не помню. А меня в лагерь отправили на Урал, где всяческий народ, войной и жизнью разбросанный, ждал своей участи. Я там до середины зимы и торчала, пока документы да офицерский Алексеевский аттестат не пришли. Потом только в Читу попала. Это вы сейчас по три года сидите с ребенком. А тогда – родил и пошел работать. Матушка сидела с ребенком, а меня отправили в Монголию, писарем я там при штабе служила. Ой, это уже под конец войны было, а так и в эвакогоспитале пришлось бинты стирать, и на метеостанции работала, и трудповинность отбывала – дрова заготавливали с такими же девчонками. Норма была – два куба дров срубить, напилить, сложить. В Монголии со вторым мужем и познакомилась. С Алексеем судьба развела нас, незачем тебе знать, что и как, дело прошлое. Разные мы были. А второй был красивый, черноглазый, шоферил при штабе. На мою косу глаз и положил. Подъехал к дому на своем студебеккере (или как там его драндулет звали), ткнулся в стену мотором, а машину не выключает. Мать напугалась, выскочила, а он ей: «Отдашь дочь за меня? А то дом снесу» Матушка руками замахала – забирай! Да и мне он очень понравился, имел обхождение. Это уж потом жизнь наперекосяк пошла. К дочери от-

носился, как к своей, меня любил. Дочь общая родилась в 47 году. Что там, рядовой шофер, какие деньги! Он до них не жадный был, если что помогал кому, то так, за «спасибо». А тут и депутатом его выбрали – фронтовик, честный, работяшший. Вот тут и началось – то поездки, то куда его на встречи разные, там застолье, там дамы вертихвостки. И загулял, моя радость! Клялся: «Поехали ко мне, там дом, там пить не буду!» И уговорил ведь, дурочку! В Чите-то жить негде было. Поехала я за ним. А здесь – дом-то материн, жить тоже негде, еще и младшие подрастают. У нас-то, в Чите, еще две дочери родились; раньше-то, после войны, аборты запрещали, приходилось всех рожать. А старшая, общая, простыла, умерла, шел ей всего четвертый год. У матери жить пришлось, ютились за стенкой, среди мышей и тараканов. Вы, молодые, правильно делаете, что самостоятельно жить хотите, может, и мы на квартиру куда ушли бы, по-другому бы все и пошло. А здесь я ко двору не пришлась, мать и жужжала ему в уши: «Кого взял!» Уж побегала я с детьми от него по соседям! Свекру спасибо, человек хороший был, защищал меня. Подкармливал, когда мог. А младшая родилась, в пятьдесят седьмом, вообще ужас что было! Она ж рыжая была, как огненная вся, и глазищи голубые! Все, от пожарника нагуляла! Сколько раз с ней под крыльцо забьюсь и вою молча, пока не уснет. Пил уже тогда порядочно, редкий день нервы не мотал. Раз пьяный матери бросил мимоходом: «А, пусть сдыхает! Таких, как она, вон, уйма!» А уходить не уходил, все про любовь говорил. Бог, наверное, мои молитвы услышал – младшая в полгода почернела вся, глаза карие стали – копанная свекровь, даже в ее отца пошла. Затихли тогда его пьянки, вернее, меньше стало их. Он ее, младшую, из всех детей выделял. А она картавая была, ни хрена не понять было. Стихов много знала, а что рассказывала – и не разобрать, одни «тюляти»! А он понимал, переводил. Перед ней почти мертвый ребенок родился, девочка, пожила часа два. Последним единственный сын у нас был – тот вообще полчаса прожил. Видно, не до детей мне было, да шпынял он меня, толчки и нервы сказались. Младшая-то тоже родилась, кандидат на тот свет. Лежала, молчала да вздыхала. Родила я дома, стирала в тот день, а помощников, как всегда, не было. Вот и натаскалась ведер с водой. А докторша, Надежда Дмитриевна, приехала, хорошей души человек, дай Бог ей долгих лет и здоровья, взвешала ее безменом в платке носовом –

кило сто пятьдесят! Все удовольствие! Просить стала отдать, мол, она врач, выходит. Да я не отдала. Говорю, угодно Богу – выживет. А как своего выпорка отдашь? В честь ее и назвала. А она вот, выкарабкалась. Так и жили, чужие обноски донашивали. А как-то прибежала ко мне на работу старшая с плачем: «Бабка на улицу выгнала». Я домой. А она и детей, и вещи все какие немудрящие были, на улицу в ограду выкинула. Дождь шел, а детишки как цыплята под стол забились, друг к другу жмутся. Хоть вой, хоть вешайся вместе с ними. До вечера у соседей приютились, а там мой пришел, пошел против матери, да и свекор заступился, пустили в дом. Так пикнуть боялась, и куда денешься? Назад? Их вон, мал мала меньше, некуда ехать. Да и стыдно было, мужняя жена, сиди молчи…Тем же летом дом стали строить. Сам строил полностью. Какой там, домик, как бы раньше сказали – флигель. Четыре на шесть может и было. Но и то – ого-го! А что? Печка была, крыша – выжили. Крыша еще плохо была закреплена, торопился к осени дом закрыть, и как-то в сильный ветер ее приподняло, развернуло и сверху грохнуло. Она на две половинки-то и развалилась. Дети одни дома сидели как раз, испугались, конечно. Младшая потом неделю по ночам блажила. Старшей вообще досталось больше всех, садики тогда же редко были, она и нянчилась с мелюзгой. То понос, то золотуха. Пришлось школу уже вечеркой заканчивать. Последним-то полегче жилось. Жизня наладилась, в магазинах вешши стали появляться. Народишко вздохнул.

Баба Ася иногда нарочно выражалась таким вот «старческим, деревенским» языком, ей нравилось выискивать редкие словечки из книг, выдумывать самой. В доме жили такие слова как «ховых», обозначавший нечто бесформенное, начиная от старой тряпки до пьяного мужика, а в реальности это слово пришло из книжки про ненцев или эскимосов, сейчас уж и не вспомнишь, и вроде бы обозначало шугу на реке. Была «харьхуряшка» – старая одежонка, вещи, вообще неизвестно откуда появившееся слово. Было слово «обуй» – обувь, и следом появилось уже местное словечко «одуй» – одежонка. Была фраза: «Уды опрал?» – «Руки вымыл?», а про значение фразы «А тайный уд опрал?» – догадывайтесь сами. Причем, последние фразы были вычитаны в книжке, там монах с будущим иноком разговаривал. Со временем эти слова из дома пошли кочевать по знакомым и друзьям, прижились и там. А баба Ася

также легко умела завернуть фразу и «вумную», с техническими терминами, вычитанные из все тех же бесконечных книжек и журналов.

Отличалась баба Ася оптимизмом, той житейской мудростью, которая выделяет русского человека от многих других. Себя называла «Старой скво», как хозяйку вигвама, одну из дочерей, вечно чем-то озабоченную, надутую на мир, скрытную в чем-то – «Дутый бобик», другой дочери, страдающей растрескавшимися пятками, прилипло «Рваная пятка». При этом обид не было, смеялись все сообща. А когда выросли, то самую старшую, бывшую партийным секретарем в своей организации и пытавшуюся к тому времени уже учить жизни бабу Асю, звала «Партайгеноссе» и «Партконтроль», чем доводила ее до обид. Правда, больше за глаза. Она, старшая, действительно была самая бескомпромиссная, все должно было быть «как она сказала», а остальное – неправильное. Видно, забота о младших с детства выработала у нее такую непримиримость.

С младшей у нее отношения были, наверное, самыми близкими. Та была такая же мечтательница, читала также запоем, тоже сочиняла стишата, больше всех жалела. И, главное, – понимала. Может, их сблизило то время, когда старшие уже разъехались по учебным заведениям, а младшая, выбрав заочное обучение, была с ней рядом, на правах и подружки, и сына, делавшего мужскую работу, когда благоверного не было дома. Младшая принимала ее «неумение жить» как вполне нормальное. Ну и что, что нет сберкнижки, ну и что, что не гонялась за мебелью модной или тряпками, ну и что, что любила мать покупать что-нибудь из чтива, или, пусть двести грамм, но хороших конфет, детям. «Пусть хоть попробуют! – говорила она в такие моменты. – Хоть вкус знать будут». Зато понимала детей, никогда не ругала их, не обвиняла в своих трудностях. А может младшей и нравилась та материнская тяга к жизни, то умение преодолевать все трудности и при этом радоваться каждому дню.

Сухонькие ручки бабы Аси, переделавшие в своей жизни тьмутьмущую всяческой работы, к старости совсем высохли, левая, ломанная в далеких 60-х, была заметно тоньше, вечерами частенько ныла. На спицах баба Ася вязать не умела, а вечерами, в появившееся на закате лет время, обвязывала крючком платочки, делая их из старых лоскутков всех мастей и форм. Платочки выходили та-

кие жизнерадостные: круглые, треугольные, овальные, в цветочек, в полосочки, обвязанные цветными нитками в причудливую вязь.

– Да-а-а, а году в 63-ем выделили мне, как многодетной, квартиру. Это были хоромы! Брусовой дом на два хозяина, три комнаты, сарай! Чудом получили, в профкоме за меня женщины слово сказали, видели, как я бьюсь. Переезжали-то как! Мой на санках все перевез-то! Что там, харьхуряшки одни! Да черепки. Мебели не было на что покупать, сам все делал. Все-таки руки у него умелые были. И буфет, стол, комод, этажерку – ножки точеные сам точил, сам строгал. Банешку потом построил собственную. Заместо шифоньера – сундук был, около печки стоял. Настоявший «шишанер», как мой говорил, купили, когда уж младшая школу окончила. В тот же год я и на пенсию пошла. На пенсиёшке-то очень не забалуешь, да хватало на жизнь. Я ж за полгода до пенсии пошла, пришлось вот. Средняя моя после института на практику уехала да через год вернулась. Что почто и не рассказывала, насупится и молчит. Уж когда живот на нос лезти стал, скрывать-то уже не скроешь. Сейчас-то вон и осуждать некого, через одну рожают без мужа. А тогда еще стыдно было. Да, девка умная, кому там поверила, так и не рассказала. Старшая даже ей предлагала усыновить мальчонку. Не отдала. Внуку месяца три было – место подвернулось ей. Она на работу – я с внуком сидеть. И, знаешь, обидно ведь было, что на пенсию не проводили. Мой внука все резидентом да подпольщиком дразнил за то, что долго молчала. А так-то любил его, воркотей называл. Своих сыновей не было, а он всегда сына хотел. Да вот дурил парень по молодости. Так полжизни и проболтался. Уж за тридцать лет нынче. Уж выла я, и упрашивала, и материлась! А Бога сколько просила за него! Да видно Бог все ждал, пока он сам не попросит… А раз сам не хочет, что толку? Так полжизни своей и прогадил.

Баба Ася тряпицей вытерла набежавшую от воспоминаний слезу, приподняв старые, не единожды ломанные, очки. Тяжело и больно знать, что твой внук так вот нелепо губит свою жизнь, и помочь ему, ой как, невозможно…. Но, видно, нахлынувшие воспоминания переполнили ее душу, ими надо поделиться, чтоб не затопили. Баба Ася, тяжело вздохнув и помолчав, продолжала:

– Мой-то уже при Горбачеве помер. Всего год на пенсии и прожил. Пил последний год по-дикому, перебрался на летнюю кухню,

там и жил. Хохотальником звал свое лежбище. Звала я его, звала, да видно шлея под хвост попала. А летом простыл, в больнице месяц полежал, а потом уж дома доходил. Туда-то попал мужиком, а выписали стариком. Печень не выдержала. Все равно жаль, свой был, хоть и хреновенький, да свой. А сейчас мне вот одной как? А так, глядишь, все бы по дому шараборился, где посмеялись бы, где и поматерились.

Оставшись одна, баба Ася, как ни странно, очень скучала по своему супругу. Одиночество сменилось дикой бессонницей и разговорами с умершим…. Одной из дочерей, жившей через два дома, пришлось переезжать к ней. Здесь и места было больше, да и теплее, да и легче управляться в одном доме, чем жить на два. Баба Ася успокоилась, жизнь продолжалась.

– Вот, смотри. Четыре дочери, а все разные. Все выучились, у всех по двое детей. Старшая и младшая как вышли замуж, так и жили спокойно всю жизнь. И в основном сами управлялись с семейством своим. А средние – по два-три раза успели выйти. Все что-то не получалось, хоть и помощи им больше досталось. Вроде одинаково воспитывала, никого не выделяла. А век доживать-куковать вот с предпоследней пришлось. Не-а, она добрая, куском никогда не попрекала, да и девки её меня не обижали. А что зять, так он у нее недоделанный. Как баба, гундявый, руки от задницы растут. Все с тычка только и делает. Она сама по дому с хозяйством полощется. Мент, одним словом.

Баба Ася немного лукавит. Зять, хоть и правда, неумелый, действительно, ни топор насадить, ни ограду почистить без напоминания не мог, всю трудовую деятельность просидевший в охране, все-таки не совсем уж пропащий был. Дочь не обижал, пил умеренно, без напрягов; тещу боялся. Чуть что, и правда, гундел обиженно – у него всегда находились причины: кто-то всегда был виноват в его проблемах. То у него радикулит, то изжога. Но все это не мешало им иногда с тещей и по сто грамм мирком распить; выкурить по сигаретке, или, как говорила баба Ася, трубку мира. Правда и то, что доставалось ему от тещиного острого язычка предостаточно…. Другой, быть может, давно теще показал бы, кто в доме хозяин. Да, видно, хозяином он себя не считал…

Эти годы были самые спокойные. Дом есть, никто не обижает, присмотр имеется. Пенсия, растущая вместе со старостью, была

уже «вообче жить можно»! Подкосили бабу Асю два инсульта, стукнувшие ее через два года один от другого. Ее оптимизма хватило от инсультов оклематься, через две недели она уже ползала по дому, как она называла свое передвижение. Чувство юмора помогало ей пережить свою немощность. Когда старшая дочь спрашивала ее: «Мама, ну что вам принести или приготовить?» Она, мечтательно закатив глазки, могла на полном серьезе перечислять: «Так, мне рябчиков в белом соусе с ананасом, жульен из белых грибов….» А дочь сердилась, ей шутки в таком материном состоянии казались неуместными…. Хотя, как на нынешнее изобилие, так были бы деньги, хоть рябчиков, хоть ананасов проси!

Беда грянула, когда баба Ася, не хотевшая беспокоить дочь и звать ее с огорода, сама пошлепала в кухню за чаем. Переоценила она свои силы – старая нога подвернулась и хрупкая кость в бедре не выдержала ушиба. С этого дня баба Ася не вставала. И, если вначале она хоть иногда присаживалась на кровати, позволяя перестелить бельё, поменять положение тела, то со временем это делать становилось все труднее и труднее. Самое невозможное, это было уговорить бабу Асю лечь в больницу. Ехать ни на рентген, ни на анализы, ни в больницу она не захотела, вплоть до крика, до ругани. Лежа на кровати у печки, она со временем устроила свою ломанную ногу как ей удобнее, стараясь ее не двигать. Перелом зарос хрящом и нога, потерявшая способность двигаться, оттопырилась в сторону. Так она и лежала почти год. Речь полностью к ней не вернулась, но она все равно любила поговорить. Интересно, что простые слова иногда она даже не могла произнести, а матерные выскакивали легко. Это упрощало общение! Пласталась, в основном, дочь, жившая с ней, да внучки, ее дочери. Остальные приезжали, помогали, кто чем, кто как, скидывались на лекарство и памперсы, привозили что-нибудь вкусненькое – и всё.

Видно, в заботах о матери, дочь где-то и упустила себя. Вечером переволновалась, отправляя свою младшую на учебу в Иркутск, а утром, встав с кровати, упала в коме от гипертонического криза… Не дожила она чуть-чуть до пятидесяти…. Три дня, пока она находилась в больнице, пока был шанс на жизнь, пока не остановилось ее сердце, бабе Асе ничего не говорили. Но смерть дочери не утаишь от матери, не возможно ее обмануть … Молча, стиснув впалый беззубый рот, плакала баба Ася. Уже потом, когда

ее, такую маленькую, высохшую, с больной скрюченной ногой, принесли на руках к гробу, она, нет, не кричала, шептала: «Это же я должна была умереть».

С похорон дочери и угас огонек в глазах бабы Аси. Казалось, она лежит и просто ждет смерти, ждет своего часа, торопя этот самый, что скрывать, близкий час, ждёт из последних сил, когда и она улетит туда, где уже ждут ее…

Телефон

Поезд тяжело вздохнул и тихо тронулся в нескончаемый путь. Пассажиры расталкивали свои сумки по полкам, рассаживались, раздевались. Проводница шла по вагону, раздавая постельное, отрывая корешки от билетов. Ольге Осиповне досталась нижняя боковая, других уже не было. Она застелила полку, долго промучившись с полиэтиленовой упаковкой, которая не хотела разрываться, и села, поджав ноги. Последний раз она ездила лет сорок назад, сейчас ей все казалось необычным, чужим. Она боялась сделать что-то не так, вдруг смеяться начнут над ней, старухой: вот, мол, бабка в путь собралась, дома не сидится. Да вот и сиделось сорок лет, не нужда бы, может и еще с десяток просидела бы в своем городке. В поезд ее посадил сын, объяснил ей, что и как, затолкал небольшую сумку под сиденье и убежал, торопливо, как бы стесняясь, поцеловав в увядшую щеку. В Иркутске ее должен встретить внук от младшей дочери, и отвезти в областную клинику, да потом отправить назад. Поездки она не боялась, силы еще были, да и с ума еще не выжила. А ситуация где-то ее и забавляла, она даже гордилась собой – знай наших! Села и поехала, несмотря на свои восемьдесят!

Ольга Осиповна развернулась, посмотрела на сумерки за окном, проплывающие огни, темнеющие строения. Мысли побежали, заворочались, вызывая воспоминания о прожитой жизни. Неожиданная мелодия где-то под боком вывела ее из задумчивости, заставив вздрогнуть. Не сразу поняла, что этот звук относится именно к ней. Ольга Осиповна засуетилась, зашарив по карманам, нащупала тонкую плиточку сотового телефона. Стесняясь обращенных на нее взглядов, она, наконец, вытащила телефон, поднесла к глазам. «Господи, что тут нажимать? Не напутать бы! Так, вот эту зеленую. Дочь беспокоится».

– Мама, вы едете? Все нормально?

– Да нормально, нормально. Спать ложусь.

– Мам, вы сумку с документами под матрац положите, будьте осторожны!

– Да ладно, ладно. Спрячу. Вроде все люди рядом хорошие, не украдут.

– Мама, не будь такой доверчивой! Ты просто давно не ездила. Мам, тебя Мишанька встретит, ты главное жди его на перроне, в случае чего, никуда не отходи, чтоб не разминулись.

– Куда ж я пойду? Ждать буду.

– Как Мишка встретит, пусть перезвонит обязательно, все ли в порядке!

– Да что со мной случится, доеду.

Весь незамысловатый разговор слушали близ сидящие пассажиры, даже не скрывая интереса. Ишь, старуха, а туда же, с мобильным. Прогресс!

Дочь отключилась. Ольга Осиповна посмотрела на старый потертый телефон: «И что только люди не напридумывают! И проводов не надо, как рядом дочка». Спрятала телефон в карман кофты. Тут, заметив улыбки попутчиков, сочла своим долгом всем сразу объяснить: «Дочь переживает, волнуется, как я еду!» Но пассажиры ограничились улыбками и вернулись к своим делам.

Свет в вагоне помигал и стал ночным. Старая женщина улеглась, затихла. Во всём теле чувствовалась усталость, накопленная возрастом, трудом, болячкой, что вызвала эту поездку. Сон и не думал приходить. Перед глазами мелькали картинки прожитых лет. Она не обижалась на жизнь. Дети выросли, все встали на ноги, есть внуки и правнуки. Сама проработала немалый срок дояркой, руки артритом покорежило; Петр, муж, механиком при колхозе был, вон спину сорвал. Не сидели без дел, без хлопот. С мужем вначале все хорошо было, женились по любви, по согласию, детей желанных родили. Да потом что-то слишком рано пошли проблемы. Трудно сказать из-за чего, но как-то огонек общения угас. Хотя и возраст был еще не критический. Это сейчас и книги, и журналы, и телевизор. Подскажут, научат, в картинках покажут. Смотри да учись. А им в то время, кто что скажет, тема была запретная. Она не обсуждалась. Петр попытался гульнуть, да видно любовь действительно была, вернулся, но стал пить все чаще и больше.

Хоть запойным и не был, но ей его пьяные лобзания совсем отбили последние желания. Бить не бил, но нервы мотал то ревностью, то придирками. Расходиться не хотелось: дом, дети, хозяйство. Да и жалко было его той бабьей жалостью, что заставляет русских женщин терпеть и молчать. Муж есть муж, все мужик в доме. Когда совсем было невтерпеж, плакала. Дети уговаривали уйти, старшая уже самостоятельно жила, младшая дочь и сын учились. А когда муж умер, едва уйдя на пенсию (печень не выдержала), даже говорить плохо про него никому не давала. «Вот Петенька был бы жив, вот мой Петенька, Петенька хороший был». Видно все познается в сравнении, одной под старость лет несладко оставаться. Пока могла, крутилась одна, дети помогали. Они были хорошие, отзывчивые, трудолюбивые, но все равно длинные долгие вечера принадлежали только ей одной. А потом, когда болячки прижали, старшая Мария забрала ее к себе. Ольга Осиповна в городе сразу почувствовала себя старой и лишней. Городская жизнь (хоть городок и был маленький, не Москва, не Иркутск, но все равно районный!) ей казалась вихрем, в центре которого крутятся сильные и молодые, а такие, как она, развалины, по сторонам должны отсиживаться, молча терпеть свою участь. Она не обижалась, к кухне и главенству в доме не рвалась, делала по дому, что могла, любила внуков и правнуков. К молодежи тоже относилась с понятием, они всегда крутились что в ее доме, что в доме детей. Она видела их, сравнивала с собой, той, молодой и такой уже позабытой; ей все казались такими умными, шустрыми, красивыми. Они помогали узнавать этот чужой городской мир, который последние годы врывался своими новшествами. Ей иногда даже казалась, что молодые и говорят на каком-то другом языке, особенно внуки и правнуки. Эти вообще, еще пигалицы, а туда же: то они колбасятся, то все у них фигня, то какую-то Клаву выкинули. Она когда услышала этот разговор между правнучкой и ее подружкой, сначала подумала, что это бабушку подружкину из дома выгнали. Не вытерпела, спросила. Как они хохотали!! Ну, компьютер-то она видела, да не лезла к нему, даже близко не подходила. Но поди ж ты, сообрази, что «Клава» – это клавиатура! «Выросла я без него, состарилась без него, а уж сейчас и подавно без него обойдусь!» Хотя, когда ей подарили фотографию, где она, в модном платье почти как у царицы, на фоне Эйфелевой башни стоит, долго не верила

в возможность этого «компа», все рассматривала тайком и удивлялась чудесам. Вот и с сотовым так получилось. Не ехать, вообще бы не взяла. Всей толпой уговаривали. Жила без него, да и куда ей звонить? А тут болячка прицепилась. По возрасту, конечно, время всему цепляться. Но боль в правом боку и очень уж какой-то противный запах, от которого она не могла избавиться даже после ванны, заставили ее согласиться походить по врачам. Дочь поводила по кабинетам, где ее помяли, покрутили, брали какие-то анализы, водили по животу какой-то холодной скользкой штукой (УЗИ называется. Внутри даже видит!). А потом дочь сказала:

– Мама, в Иркутск собирайся, на диагностику, в областную поликлинику!

– Господи, да что я там забыла? Зачем?

– Ма, не переживай, мы тебя отвезем, ну пусть там посмотрят, не могут здесь правильно диагноз поставить, а там все-таки врачи поопытнее.

– Да ну. Еще на меня деньги тратить, ну помру, так помру. Не поеду никуда. Долго уговаривали и обе дочери, и сын, и внуки. Ольга Осиповна подумала … и согласилась. Даже скорее из-за того, что приятны ей были эти хлопоты – заботы вокруг нее, суета, чувство нужности. Да и охота ей было посмотреть крупный город, областной центр. Единственно, в чем сопротивлялась, чтоб кто-то сопровождал ее. У всех своих дел много, а раз там встретит Мишаня, то и не нужны лишние расходы. В дорогу ей дали сотовый, уж чей, она не поняла, кто-то из внуков себе новый купил, а этот, простенький, потертый, ей вручили. Показали две кнопки, сказали про основные номера: Марии, Любы, Григория. Внучка проехалась:

– Бабушка, что ты телефон держишь, как Кобзон свой микрофон! Ты его к уху прикладывай.

Им хорошо над старухой хихикать! Вот сами старые будут, тогда и посмотрим!

Ольга Осиповна повернулась на другой бок, чувствуя, как боль грызет изнутри. Она смирилась с ней, понимая, что в ее годы смерть – понятие философское. Все помрем, никто не живет вечно, слава Богу, что столько прожила. А если рак, ну и что. Та же смерть. Вон соседка Татьяна еще в силах была, молодая, едва за сорок пять перевалило, а шла домой, споткнулась, напоролась на

старую железяку. И спасти не успели. Заражение крови, как объяснили. А ей бы жить да жить. От рака, от железяки – смерть есть смерть. У каждого свой срок, и его надо достойно прожить. А свой век чужому не подаришь и чужой себе не заберешь. Единственно Ольге Осиповне было жаль, что расходы на лечение, если не дай бог рак признают, будут большие, и боли будут сильные. И молила она у Бога только легкой смерти, если в Иркутске ей врачи уж подтвердят диагноз. И хотя ни местные врачи, ни дочь про рак не говорили, Ольга Осиповна видела, что этот рак был сплошь и рядом. Говорят, экология, стрессы.

Так ночь в думах и пробежала. Вагон просыпался. Пассажиры потянулись к туалету, сворачивали постели, кто и чай успевал налить, кто лапшу эту, китайскую, заваривал. Поезд подходил к Иркутску, прогрохотал по мосту, мелькнула река, крыши. Заскрипели тормоза, все потянулись к выходу. Кто, торопясь, кто помедленнее. Ольга Осиповна осторожно спустилась с решетчатой подножки, попрощалась с проводницей, поправила платок на голове. Мишки, сорванца, не было. Рядом толкались проходящие мимо пассажиры, задевая ее довольно бесцеремонно. «Бабка, не щелкай клювом!» – пробурчали подростки, обходя ее с двух сторон. Ей это, что ли? Ну, отойду. Она отошла от вагона, крутя головой по сторонам, выискивая старческим глазами внука. Зазвонил в кармане сотовый. Так, сначала подправить очки на носу, затем поднести поближе. Мишаня звонит. Ольга Осиповна нажала полустертую зеленую кнопку, едва попадая пальцем – такое уж все махонькое:

– Бабуля, я задержусь, маршрутка в пробке! Ты стой, никуда только не уходи! Подожди меня, я через минутку подскачу!

И отключился.

– Да куда уж я денусь, – проворчала Ольга Осиповна в никуда, больше сама себе.

Потерявшие гибкость пальцы, держа сотовый, нашарили карман в кофте, да промазали: сотовый выскользнул из непослушных рук и, блеснув на солнце панелькой, с подскока упал за край платформы, прямо под колеса летящей электрички.

Сердце аж захолонулось:

– Да что же это такое? Разбила! Такую вещь!

Она резко наклонилась к краю платформы, но сильный рывок назад чуть не уронил Ольгу Осиповну:

– Ты что, старая, совсем сдурела? Или жить надоело? Из-за сотика под поезд бросаться!

Здоровый молодой мужчина, оттянувший Ольгу Осиповну от мелькавших вагонов, укрепил ее на дрожащих ногах, поддерживая за плечо.

– Совсем с ума сошла. Сейчас достану я его тебе, пройдет электричка.

– Да разбился он, наверное. Вещь ведь хрупкая. Да как же это так вышло? Ох, растрепа я!

– Да фиг с ним, бабка! Дети новый купят. Не стоит он все равно твоей смерти. Вот смотри, целый даже, удачно упал. Да слезы вытри, не реви. Сама могла быть под колесами. А он тьфу – железячка.

Мужчина вложил телефон в дрожащие руки и торопливо пошел к ожидавшей его женщине.

Слезы сами лились неторопливыми горошинками по морщинкам, застилая мир.

А по платформе бежал, махая рукой, смешной и родной Мишаня.

Нежность

– Т-сс!

Мужская рука, нырнув под одеяло, пощекотала пяточку, поползла вверх по ноге теплого женского тела. Люба спросонок отдернула ногу, свернулась калачиком и засмеялась, просыпаясь от ласки мужа. Рукой в темноте нашла лохматую голову Алексея, потрепала за ухо:

– Ох, ты и шалунишка! Внуки ведь спят.

– Да они в дальней комнате, а мы тихонечко, по-стариковски.

– Что, и кричать не будем?

– Ну, уж, лапушка, что поделаешь, в другой раз.

Алексей тихонько засмеялся и, стараясь не шуметь, залез к жене под теплый бочок, обнимая ее, такую домашнюю, уютную, мягкую…Люба пододвинулась, пуская мужа к себе, ощутив его родной запах, запах чистого тела с легким налетом вчерашнего березового веничка.

– А то вчера такая вымытость пропала! Уж, извини, уснул рано.

– Да ладно, сама устала за день.

Супруги были в том возрасте, когда с интимными радостями и расставаться еще не хотелось, но и не всегда такой шанс выпадал. Они ценили эти моменты, стараясь напоследок жизни не пропустить их, ценили общение друг с другом, радость обладания, ласковую нежность. Не сказать, что жизнь их была вся такая гладкая, и что они в ней были ангелами. Все было: размолвки, ссоры, недовольство друг другом. Но мелкие обиды проходили мимо, не оставляя крупных душевных ссадин. На первом месте всегда стояло уважение и понимание. Даже когда, лет через пятнадцать семейной жизни, был у них очень напряженный период, можно даже сказать «кризис», они поняли друг друга и пережили всё без обвинений и оскорблений. Прощать тоже надо уметь. А сейчас, когда стаж семейной жизни подходил к 35-летию, они и понимали друг друга с полуслова.

Алексей уже посапывал после «трудов праведных», обняв жену и прижав ее к себе, а Люба, тоже уже засыпая, крутила в мыслях свои дела на завтрашний день. Слегка улыбаясь, слушала дыхание мужа, а сон уносил ее на своих ладошках в сказочные дали…

Луг какой шикарный! Огромная поляна, вся в цветах, ветерок теплый-теплый, ни комаров, ни мошки нет. На синем небе облачка плывут, как барашки! И все это в движении. Даже цветы постоянно меняют свои очертания, цвет, форму, как в мультике под рукой талантливого художника. И неизвестно, что появится из-под его кисти в следующее мгновение… Вот река появилась, большая, величавая, под солнышком искрится. Вода манит к себе, зовёт войти, поплавать. И в воде дышится легко, глаза не больно открывать, и все-все видно: стайку рыб невиданных, песочек на дне, каждый камушек, травы какие-то рядом колышутся. Можно по воде ладошкой шлепнуть – и тысяча маленьких солнышек и радужек веером брызнут во все стороны. А еще вода уносит с собой все проблемы, болячки и невзгоды с души и тела, вымывая каждую клеточку. В теле-то легкость какая! И можно взлететь. Я лечу-у-у! Я – птица! У меня есть два мощных, сильных крыла, я ощущаю потоки воздуха, поддерживающие меня над землей. Ветер посвистывает в перьях моих крыльев, ерошит волосы, он послушен мне, а далеко внизу проплывает земля, вся в первозданной чистоте, без заводов,

городов, дорог.. Такую её, наверное, создал Господь Бог в начале начал… И я такая же сильная, как этот ветер. Я опускаюсь на берег реки, под ногами песочек, стопа погружается в него, оставляя мои следы, я чувствую материнское тепло земли, ее силу, которая наполняет меня всю, от пяточек до макушки, а невидимый художник уже рисует лес, весь из гигантских деревьев, интересных и необычных. Встречаются березки, сосны, рябинки, но листья, в основном, узорчатые, плоды непробованные, веточки фигурные – я таких и не видывала. Корни уходят глубоко в землю, насосами тянут студеную воду из подземных хранилищ вверх, все выше и выше, в буйную шелестящую крону. Прижавшись щекой к смолистому стволу, я слышу, как вода превращается в сок этого странного дерева, поднимаясь по капиллярам. Сок перетекает в меня, наполняя целебной влагой, делясь со мной силой и непонятными знаниями. А рядом возник костер, огромное пламя языками вздымается к небу с тигриной грацией и свирепостью. И, хотя огонь не обжигает меня, я чувствую его разрушительную силу. Огонь временно укрощен человеком, но это лишь временно… Маленький лепесточек огня миролюбиво спрятался у меня в ладошках, мурлыкнул крошечным котенком и затих, согревая мою душу, освещая дорогу…

Будильник разрушил сказку, вырывая Любу из объятий сна. Алексея уже не было рядом, видно, встал раньше, не стал ее будить. А она и не слышала, как он вставал. Ночь пролетела в одно мгновение, оставив от сна ощущение чего-то необычного, сказочного, такого детского и уютного… Хотелось продлить сон, увидеть снова этот луг с его фантастическими цветами, полетать в прозрачном синем небе!

Люба встала, накинула халат, вышла в зал. На кухне горел свет, Алексей заваривал чай. Она прижалась к его спине, обняв за плечи:

– Доброе утро!

– Доброе, ты так сладко спала, что я тебя не стал будить.

– Знаешь, такой сон снился! Просто сказочный. Я себя даже вновь молодой чувствую.

– Ты и так у меня молодая.

– Ну уж, не подлизывайся. Паспорт-то не обманешь.

– Да ты, главное, душой такой же оставайся. А морщинки – переживем.

Алексей, раскинув в сторону руки, занятые чайником, потерся щекой о Любино плечо, улыбнулся:

– Ладно, давай пить чай. Надо идти по хозяйству управляться.

Начинался еще один день. День забот, хлопот, домашних дел. Встанут внуки, перевернут всё в доме, чем-нибудь озадачат, чем-нибудь рассмешат, заглянут в душу своими детскими любопытными глазами. Такие разные между собой и такие родные. И, главное, такие необходимые…Тоненькие ниточки между молодостью и старостью…

Монолог

Фигу им, а не квартиру! Захотели на готовенькое. Я им устрою жизнь по интересам! Жил бы дома, а то жениться решил. Привел тут выдру тощую, да еще и с ребенком. Не захотел слушать меня, вот и пусть сами все себе купят. Задурила мальчику голову, вот и пусть испытает, что я испытала. Ха! Жить захотела в областном городе. Приехала тут, провинция зачуханная. А ты помучайся, как я. Это сейчас у меня и квартира, и машина, муж, правда, уже бывший. Два образования высших, да и талантливая я. Квартиру здесь купили – кто ремонт делал, контролировал? Я. И рисовать могу. Хоть и не Левитан, но все говорят – неплохо получается. Замуж вышла, сына родила, мужа вечно ждала после его бесконечных вахт. Мне кто помогал? Сама все: на работу, с работы, все одна и одна. А жить приходилось, где попало. За ним уж поездила по России. Он на вахту, а я где-нибудь рядом. Работы нет – и шила на людей, и в школе труды вела, короче, где устроюсь. Сыну отгорожу в углу, что он там делает – потом разберемся! От одиночества хоть на стенки лезь! Все годы молодые тоскливые были. Нет, когда он приезжал, все как бы и было нормально, что зря наговаривать, он спокойный, серьезный мужик, пост на предприятии не малый заработал. Деньги были хорошие, хоть тогда, хоть сейчас. Правда, сейчас уже деньгами другая распоряжается…. Да и черт с ней. Это уже потом отвыкли, видно, друг от друга. Погуливал. Сначала тихо, так, от скуки. Я тогда сына уже подросшего его матери и подкинула – пусть старуха водится. Сын большой уже был, 13 лет. А что, она образованная, музыку преподавала, на пенсии делать нечего, вот пусть и воспитывает. Она его муштровала, он

и на гитаре научился играть, и школу с красным аттестатом окончил. В институт поступил, тут и мы квартиру купили. С нами стал жить. Большой вырос, видный, умный, диплом красный, муж его к себе устроил. Вроде семья еще и была. Я тогда и пожила в свое удовольствие! Деньги трачу, сколько хочу! Зарплата мужа и сына большая была. Хотела – на курорт ехала, на любой концерт ходила, машину вожу сама, куда хочу. А вот работу свою потеряла пока квартиру ремонтировали. Да и не в этом вопрос – деньги же были. Я на мужа с сыном ишачила, ради них все терпела, вот пусть они на меня сейчас и работают. Откуда эта девка на мою голову свалилась? Ну, мальчик уже большой, секс нужен, когда он привел ее, я к ней нормально отнеслась: понимаю, гормонам выход нужен. А они через полгода поженились. Надеялись в моей квартире жить? Но и что, что трешка! Дайте мне пожить для себя, без ваших тут носков и тряпок. Так сразу им и сказала. Думала, расстанутся, а сын, глупый еще, взял и в общагу к ней ушел. Ну, напугал. Вот и пусть в общем туалете в очередь постоят. У свекрови полторашка, да и та старая. Не пошли к ней. Или она не пустила? Да вроде, поговаривала, что отпишет квартиру внуку. Муж мой у нее один был из детей, и у нас один сын, кому ж еще. Пожениться и то не смогли по-нормальному. Ее родители, видите ли, не могли приехать – сватьин брат умер. Без них похоронили бы. Потом уже приехали. Да и хорошо, что один раз и были. И не надо поважать, а то привыкнут в гости ездить. Сватья, правда, потом еще приезжала. Один раз, когда внук родился, но я тогда специально уехала из города. Решили жить в ихнем Задрюпинске. Приехала она помочь – внука забрать. Я сказала сыну, как хочешь и где хочешь. Лучше вам там – бога ради. Мне спокойнее. А второй раз – что-то там со здоровьем было. Встретила ее, увезла в больницу, а дальше мне некогда было с ней возиться, сама уехала. Но это еще ладно. Все равно, я им и подарки делала, книжку большую ее дочери подарила. Это уже позже я сорвалась – года полтора внуку было. Приехали все вместе, что-то там у внука случилось, на консультацию направили. Сына дома не было, эта, пятилетняя, прыгала по дому. Видно, голова у меня и разболелась. Я все и высказала. От одного нагуляла, второму голову закрутила, а все ради квартиры и денег. Ни рожи, ни кожи, ни рубашку постирать. Та побледнела, что-то попыталась сказать, да я ей не дала. Стоит, молчит, губы кусает. Невестушка!

А эта пигалица из рук рвется: «Мама, почему она на тебя орет? Пусти, я ей в лоб дам!» Ну-ну! Воспитаньице! Вечером уехала с детьми в свой городишко, больше я ее и не видела, а этот глупыш ушел ночевать к друзьям, ему еще надо было дела делать. Ну, не хочет по-хорошему, будет по-моему. Хренушки, проживу и без вас. Назло ему бабкину квартиру продала, когда та померла. Разменяла на две и в аренду сдаю. Зато проблем нет с деньгами. Мой к этому времени уже открыто жил с другой, денег не присылал. А когда сама сдохну – там пусть, что хотят, то и делают. И с этой квартирой, и с теми двумя. Вот уже семь лет внуку, знаю, приезжают сюда, да останавливаются у друзей. Сын заскакивает иногда и всё. Настырный. В ипотеку квартиру купили, скоро переедут сюда. Была я у них раз в пустой квартире, там надо было встретиться по документам со строителями. Сын попросил подъехать. Я что? Приехала, поприсутствовала, и снова к себе, в тишину и покой. Последние лет пять и муж дома был всего раза два. В другом месте ему интереснее, другая, видно, слаще и понятливее. А я одна, в тишине. Ну и что такого, что коньячком пахнет. А почему бы и нет. В меру, по рюмашке иногда, меня пьяной никто и не видел, контроль не теряю над собой, кому какая разница. Стены давят, вот и налью себе. С кем говорит-то? С собой и разговариваю, все доказываю свою правоту. Я же ведь должна ее доказать, я же права! Я проживу! Вот они пусть проживут! Пусть я сдохну в этой квартире, но просить прощения не буду! Ни за что! Не перед кем! Потому что я одна…. Потому что я никому не нужна…

Владимир Рапацевич

Рапацевич Владимир Иванович родился в 1964 году в деревне Трактово-Курзан Тулунского района Иркутской области. После окончания школы-интерната № 2 в Тайшете поступил в Свердловское СГПТУ-46, получил рабочую специальность фрезеровщика по работе на станках с числовым программным управлением. По семейным обстоятельствам вернулся в Тайшет, устроился в инструментальный цех по специальности, в дальнейшем освоил много смежных профессий.

Завод сформировал его как личность, дал ему профессиональный, жизненный и нравственный опыт. Активно занимался общественной работой, разными видами спорта – лёгкой атлетикой, атлетизмом, гиревым спортом, борьбой самбо. Из-за занятий спортом ухудшилось зрение, и в армии служить не пришлось, о чём до сих пор сожалеет.

В начале 90-х годов, оказавшись без работы, занялся собственным делом – организовал первую в городе службу ритуальных услуг, а в 2004 году перешёл во вновь созданное муниципальное предприятие «Некрополь», которым руководит в настоящее время.

В декабре 2010 года рукоположен архиепископом Иркутским и Ангарским Вадимом в дьяконы. В свободное от работы время (суббота, воскресенье) служит в православном приходе святителя Иннокентия в г. Бирюсинске.

Первый рассказ «Свидание с Родиной» написал в 2009 году. Затем «Баба Катя», «Курзан» и другие. Особенно дорого его сердцу биографическое повествование «Поездка за братом».

В основу его историй легли воспоминания далёкого деревенского детства. Они о его родословной, родных и близких людях, земляках, односельчанах.

Автор сумел передать детский, наивный, но в то же время ностальгический тёплый взгляд в прошлое.

Все эти воспоминания, прежде всего, писал для себя, для внука и земляков, среди которых прошло его детство.

До настоящего времени не печатался, просит читателей не судить строго.

Член объединения «Тайшет литературный» с 2013 года.

Свидание с родиной

Было это на самом закате перестройки. Госзаказ на товары народного потребления, составлявший почти всю деятельность нашего кооператива, как говорится, «накрылся медным тазом». Чтобы как-то выжить, мы начали заниматься торговлей, благо в эпоху тотального дефицита раскупалось практически всё. Получив два пятитонных контейнера с книгами, мы обнаружили, что ушлые москвичи, вместо оговоренного и уже оплаченного заказа, прислали нам книг на ту же сумму, но в весьма урезанном ассортименте, добавив при этом, примерно на четверть явного неликвида.

Немногочисленные книжные магазины Тайшета, не блиставшие в то время изобилием, готовы были принять товар, но продажа такого объема грозила затянуться надолго, и потому было принято решение раскидать книги по соседним райцентрам – в Нижнеудинск и Тулун.

Погрузив упаковки книг в кузов газика, я и водитель Николай – мой ровесник, рано утром отправились в дорогу. В командировку, помимо всего прочего, на текущие расходы нам была выделена почти полная пятилитровая канистра отличного гидролизного спирта. Деньги деньгами, а с такой валютой при любой поломке можно было жить, как у Христа за пазухой.

Путь наш пролегал через мою малую родину – деревеньку Курзан, расположенную в 23 километрах от Тулуна. Это обстоятельство очень меня радовало, так как я не был там уже более десяти лет.

К обеду мы разгрузили половину товара в Нижнеудинске и двинулись дальше на восток. Настроение было отличное оттого, что товар взяли охотно, и по пути «загнали» по хорошей цене больше половины спирта, так что денег хватало и на прокорм, и на бензин.

С Колей договорились, если в дороге все будет нормально, то заночуем у моего дальнего родственника Петра в Курзане, а с утра отправимся в Тулун.

На полпути к Тулуну асфальт закончился, и потянулась пыльная и жесткая гравийка. У меня с непривычки спина задеревенела, а дерматиновое сиденье было мокрым и липким от пота. Белобрысый Колька посмеивался надо мной, сверкая белыми зубами на запыленном, веснушчатом лице.

– Ничего, приедем в Курзан, в речке искупаемся, выпьем, поужинаем, отоспимся на мягкой постельке, – я старался описать все прелести предстоящего отдыха не столько Николаю, сколько себе.

Наконец показалось Будагово – поселок, находящийся в шести километрах от Курзана.

– Вот и начинаются мои родные места, – рассказывал я Кольке. – Здесь родились мои старшие сестра и брат.

Дорога тянулась вдоль окраины поселка. Вскоре открылась небольшая площадка, посреди которой, прямо в пыли, широко раскинув руки, спал пьяный мужик. Машины аккуратно объезжали его с разных сторон.

– Ни хрена себе, у тебя родственники! – подколол меня Колька.

– Ну, не родственники – земляки. Устают, видать, сильно на работе, – вяло отбивался я от хохотавшего шофера.

Преодолев последние километры, мы подъехали к железнодорожному переезду, за которым сразу начиналась моя родная деревня. Возле переезда висела закрепленная на двух столбиках табличка с названием «Трактово-Курзан». Это название мне с детства казалось неправильным. Деревню никто так не называл, особенно местные жители. Если спрашивали, откуда ты, то отвечали: «Курзанский» или «с Курзана».

Название деревне дала речка Курзанка, которая протекала на противоположном краю деревни, под крутой горой, тоже гордо именуемой Курзанской. На горе слева разместилось кладбище, и вокруг него петлей располагался объезд, потому что напрямую подъём настолько был крут, что часто машины не могли его одо-

леть даже в сухую погоду, а на спуске, бывало, водители не справлялись с управлением, и дела иногда заканчивались даже смертельным исходом. Любой дальнобойщик, хотя бы раз, проезжавший по трассе М-53, хорошо помнит эту гору.

Курзанка петляла и извивалась, одним берегом огибая деревенские огороды, а другим круто уходя вверх. Вода в речке все лето была теплая, и поэтому раньше, когда в деревне было полно ребятни, возле моста не смолкали голоса, визг и смех. Речка в этих местах неглубокая, берег песчаный, да и на виду у деревни, которая заканчивалась, поворачивая вместе с дорогой к мосту.

Взрослые тоже купались около моста, но, когда случалось гулять на берегу компанией, то уходили подальше, к месту, которое называлось «Голубой Дунай». Никто не помнил, откуда родилось такое дивное название. Речка здесь была хоть и не голубая, но глубокая, и можно было даже нырять. У этого места было одно интересное свойство: все лето сюда не наведывались ни комары, ни мошки, хоть и лес был рядом, и трава росла высокая...

Петр только что приехал с покоса. Бывший колхозный бригадир, механизатор и орденоносец, он оставался одним из немногих крепких и хозяйственных мужиков, живущих в медленно умирающей деревне. Увидев нас, он обрадовался, а когда, обнявшись с ним, я сказал, что хотим у него заночевать, улыбка стала ещё шире.

– Ты где там возишься? – окликнул он жену Валентину. – Давай накрывай на стол.

Валентина, полная жизнерадостная женщина, шла с огорода, переваливаясь на больных ногах как утка, и, приставив ладонь козырьком ко лбу, пыталась разглядеть приехавших.

– Неужто Вовка? А я смотрю: машина какая-то остановилась. Надо к соседке за пол-литрой сбегать, а то у нас в магазине крепче томатного сока ничего нет.

– У нас с собой есть, – подошел, здороваясь, Николай. – Мне тут ваш родственник все уши прожужжал, какая у вас речка теплая. Искупнуться бы, а то пылища дорогой…

Петр предложил поехать на «Голубой Дунай», мы взяли с собой закуску, и, посадив в коляску мотоцикла Валентину, вихрем понеслись к речке. Солнце уже садилось, а мы всё купались, выпивали и закусывали, и, вправду, никакие комары нас не докучали. А может, это нам так казалось, потому что была у нас кроме заку-

ски пластмассовая канистра с остатками взятого в командировку спирта. Когда уже совсем завечерело, продолжили гулянку у Петра в летней кухне...

Деревня уже погрузилась в сон, и в низине, возле речки, начал собираться густой туман, когда мы вышли посидеть на лавочку у ворот. Ночную тишину внезапно разорвали звуки баяна, и пронзительный голос запел «Молодость моя – Белоруссия». Петр играл на баяне на удивление хорошо, держа баян огромными руками и бегая по клавишам толстыми заскорузлыми пальцами. Петь он не умел, зато я отвел душу. В кабине газика мирно спал сбежавший от нас водитель Колька. Валентина негромко подпевала и в перерывах между песнями уговаривала нас идти спать.

…А утром было хреново... Но надо было ехать дальше.

Свидание с родиной закончилось.

Баба Катя

С самого детства, как помню, я знал, что мой дед по отцовской линии, Иван Игнатович, был расстрелян в 38-м году. Двое деревенских мужиков «настучали» на него куда следует, что он польский шпион и вредитель и готовился к диверсии на железной дороге, где служил обходчиком. Что уж он им такого сделал, не знаю. Может, просто поругались. Но деда забрали той же ночью и дали, как тогда говорили, «семь лет без права переписки». Означало это, что деда приговорили к расстрелу.

Много лет спустя, мне стали известны точные даты ареста, приговора и расстрела, но тогда, в конце шестидесятых, об этом как-то не распространялись. Баба Катя, папкина мать, была уже в преклонных годах, чтобы помнить какие-то подробности, а отец на эту тему разговаривать не любил, наверное, потому что сам из-за этой истории чудом не «загремел» следом. Служил он в это время в Забайкальском военном округе штабным писарем по контракту, как вольнонаёмный, поскольку человеком был по той поре грамотным – закончил Тулунский техникум народного хозяйства.

…До сих пор перед глазами его почерк – мелкий, убористый, весь в завитушках. Никогда ни до, ни после этого, мне не приходилось видеть такого. Из-за этой эксклюзивности мне никак не удавалось подделать его подпись в дневнике ни в начальных клас-

сах, ни в старших. Но это уже другая история. А тогда отца просто уволили из Красной Армии по-тихому, чтобы самим не угодить за «потерю бдительности»…

Однажды, уже учась в школе, я пристал к отцу с расспросами, за что расстреляли деда. Тогда отец и рассказал мне историю о пьяных «стукачах». О том, что те оклеветали деда.

– Но следователи-то должны были разобраться, что дед не виноват!

– Когда лес рубят – щепки летят, – ответил мне отец известной поговоркой «вождя всех народов».

Обидно было осознавать, что дед – одна из таких «щепок». Хотелось доказывать отцу его неправоту. Я недоумевал, почему не написали жалобы, не требовали встречи с прокурором, ведь так не может быть, чтобы на глазах у всей деревни осудили невиновного. Но отец больше на эту тему разговаривать со мной не стал.

Спустя много лет, уже на закате перестройки, мне стало ясно, каким наивным я тогда был…

Дедова фотография висела в рамке над бабкиной кроватью. Рядом висела точно такая же её. Дед в железнодорожной фуражке и форменном кителе поверх косоворотки, усатый, с нахмуренными бровями. Бабка простоволосая, в костюме, тоже очень серьезная. Рядом с фотографиями тикали ходики с маятником и двумя гирьками, а под ними стояла тумбочка с патефоном – ярко красным чемоданчиком, шершавую поверхность которого так приятно было гладить.

Когда мы приезжали с матерью в Курзан из Умыгана – села, которое было центральной усадьбой колхоза «Верный путь» и куда мы переехали после назначения отца бухгалтером, первым делом мы шли к бабе Кате – Рапацевичихе, как мы её все звали. Бабка выставляла на стол нехитрую снедь, мне наливали козьего молока, необычайно вкусного, с жареной на сале картошкой. Появлялась заначка – бутылка вина или банка с бражкой, и начиналось застолье, в процессе которого мне разрешалось открыть патефон, достать коробку с пластинками. Накрутив завод ручкой, я потихоньку ставил огромную патефонную головку с иглой на пластинку. После непродолжительного шипения патефон начинал петь о том, как «гулял по Уралу Чапаев-герой», или о том, «как родная меня мать провожала». Бабка обычно просила меня поставить песню

«Лучше нету того цвету» и начинала петь сама. Говор у неё был ярко выраженный белорусский, особенно смешно было слушать, когда она пела: «Ой, попалась птичка, стой, не уйдешь из клети», которую заканчивала, слегка переиначив, словами: «Мы дадим табэ канфет, чаю с сухарами…»

Через некоторое время бабка начинала вспоминать деда следующими словами:

– Загубил маю моладась. Тока пожанились – нада ехать в Сябирь. Я уже на сносях была, а яму у Сябирь. Усе едуть и яму нада. А после гражданской гаварыла яму – иди у калхоз! Нэ-е, яму жалезную дарогу падавай. Яды не была, хадили пабираця у Курзан. Павесю рэбятишкам сумки чераз плячо и йдуть удоль дароги до дярэвни. А у их самих жрать нечаво. Но вся равно давали, где адин кусок вынясет, где другой дась...

– А патом кагда яго самога забрали, – продолжала бабка, – харашо, што Мишка явже у дярэвни жил, дак к яму усе перэбралися. А так хож садися да памярай…

Мишка – это старший сын бабы Рапацевичихи, родился в 10-м году на станции Тайшет, когда дед Иван, баба Катя и дедова мать добирались переселенцами из западной Белоруссии в Сибирь, имея предписание остановиться в Тулуне.

Женившись на молодой и красивой чалдонке, Михаил вскоре уехал на заработки, но молодая в одиночестве не скучала, и однажды, приехав домой из Слюдянки, где работал на строительстве железнодорожного тоннеля, застукал женушку с хахалем и тут же выгнал её из дома. Позже он сошелся с другой женщиной – Нюрой, с которой и прожили до глубокой старости, родив троих детей…

…Главное, что в деревне был у них свой огород, небольшой, конечно, но после домика путевого обходчика, где почти все пространство занимала русская печка и умудрялись разместиться мать с отцом, старая бабка и шестеро детей, теперь уже места хватило всем, тем более что Ванька, (в будущем мой отец) служил уже в Красной Армии.

Воспоминания бабки о том, как нищенствовали, относились, однако, к более раннему времени, к периоду гражданской войны и разрухи. В те жутко трудные годы родился третий сын, Василий, который потом тоже пошел по стопам своего отца – деда Ивана, и всю свою жизнь проработал на железной дороге. Войну прошёл

сапёром, был сильно контужен и в последние годы жизни очень страдал от сильных головных болей, терял речь, долго лечился по разным больницам: и в Иркутске, и даже в Москве – да всё безуспешно.

Правда, по счету он был не третий, а пятый, так как кроме пацанов было в семье ещё и две девчонки.

Отец рассказывал как-то, что в разруху получил однажды дед Иван зарплату – больше миллиона рублей. Принес домой целый мешок денег – да только что на них купишь? Невесело посмеялись с женой о том, что лучше печку топить этими деньгами или стенки обклеивать. А на завтра стали собирать детей в деревню за милостыней.

Как-то раз, в те времена, принес дед домой мешок сахару. Уже никто не помнит, каким чудом ему перепало это счастье, но мешок спрятали под кровать, и старая бабка, мать деда Ивана, не спускала с него глаз ни днем, ни ночью, чтобы дети не распотрошили его и не вытаскали всё богатство. Однако, мой отец, которому было лет пять, и его семилетняя сестра Пашенька, заползали ночью под кровать и потихоньку сосали сахар через толстый крапивный мешок…

Жизнь начала налаживаться только ближе к войне, то есть к сороковым годам. Тогда-то и появился у отца патефон, а перед самой войной вообще богатство – велосипед.

Обо всем этом вспоминала баба Рапацевичиха, да о том, каково было жить в войну. Отправив всех четверых сыновей на фронт и получив похоронку на самого младшего Колю, она сильно страдала, но сердцем не ожесточилась. За глаза, да и в глаза, любой при случае мог припомнить ей прошлое деда и указать «на своё место» жене врага народа.

А теперь, когда уже можно было нормально жить (есть небольшая пенсия, не совсем еще вросла в землю та самая Мишкина изба, да лет десять назад пришла официальная бумага о реабилитации мужа), совсем не стало здоровья, стали появляться провалы в памяти. Дети разъехались.

Старший Михаил поселился в Усть-Илимске, Василий – в Нижнеудинске, Иван, правда, за двадцать верст в соседнем селе, так ему и заехать к матери всё некогда. Рядом только Пашенька, глухонемая дочь – инвалидка, всю жизнь работавшая как лошадь, выянчившая многих своих племянников, в том числе и меня, а сама

так и не испытавшая семейного и материнского счастья. Хорошо, что хоть невестка Дуся иногда приезжает. С ней можно и посидеть, и попеть, и поплакать…

В Курзане

После обеда, когда уставшая баба Катя ложилась прикорнуть, мы с мамкой шли на край деревни к переезду. Там, в железнодорожных казармах, жила двоюродная мамкина сестра тётя Валя. Мать её называла сеструшка. Сеструшки были очень сильно похожи между собой лицом и фигурой, да и некоторыми привычками. Обнявшись и слегка всплакнув, сеструшки шли «сбрызнуть» встречу в дом, а мне разрешалось сбегать на переезд в будку дежурного по переезду. Это было очень интересное занятие.

Во-первых, у дежурного можно было наблюдать, как во время приближения поезда что-то начинало звенеть и мигать глазками в железных ящичках, привешенных к стене. Тогда дежурный и я за ним следом, шли к шлагбауму, где он крутил большие ручки механизма, опускающего и поднимающего шлагбаум. Иногда и мне доверялось покрутить эту ручку. Затем нужно было перейти на другую сторону переезда, наискосок и повторить процедуру с другим шлагбаумом.

…Впоследствии шлагбаумы заменили на автоматические, но я помню еще те, старые, с двумя большими зубчатыми шестернями…

Во-вторых, когда подходил поезд, дежурный выставлял вперед на вытянутой руке желтый флажок, свернутый в трубочку, а машинист поезда подавал сигнал свистком локомотива и приветствовал рукой. Мне казалось, что рукой он машет именно мне, и я радостно махал ему в ответ. Когда локомотив удалялся, флажок переходил ко мне в руки, и я держал его, пока не пройдёт поезд. Потом шлагбаумы поднимали снова.

Пока не было поездов, дежурный угощал меня крепким чаем с карамелькой или просто с сахаром, а сам расспрашивал у меня, как жизнь в Умыгане, сколько мамка зарабатывает, и когда папке надоест в конторе «на счетах ляпать» и он пойдет работать, как все нормальные мужики, например, комбайнером.

Мне бы и самому хотелось, чтобы отец на комбайне работал, а я мог бы иногда покататься с ним, когда идет уборочная. Тем

более что я видел у него почетную грамоту с портретами Ленина и Сталина за успешное окончание школы комбайнеров. Но отец был комбайнером, когда меня ещё и «в проекте» не было. Так что я помню только, как он работал в Курзане учетчиком, ездил по полям на коне, запряженном в маленькую одноосную тележку-«таратайку», в которой всегда лежала деревянная складная сажень, похожая на огромный циркуль. Еще у него была полевая кожаная сумка, в которую умещались какие-то бумаги и взятый из дому обед, состоявший обычно из краюхи хлеба, куска сала, да головки лука, а также бутылки молока, заткнутой вместо пробки туго свернутым куском газеты. Больше всего мне нравились остро заточенные карандаши, торчавшие из специальных гнезд в этой сумке. Я страшно завидовал своему брату Валерке, который ходил в школу, и у него была почти такая же сумка, только кирзовая…

Переезд в Курзане был вымощен с обеих сторон большими булыжниками. Говорили, что мостили тракт ещё каторжники при царе. Я ни разу не видел, чтобы хоть один камень откололся или вывалился из полотна дороги. Делали каторжники свою работу на совесть…

Потом, забежав к тете Вале, я просился у мамки назад к бабе. И, оседлав подходящую палку, галопом нёсся вдоль дороги вниз по деревне. А, бывало, тетя Валя, сунув конфет, давала старый обод от велосипедного колеса, который здорово было катить впереди себя прутом. Правда, колесо было обещано под «чессное» слово вернуть.

По пути нужно было пересечь проулок, но я был уже большой и этого не боялся. Дело в том, что в проулке жил старый-престарый дед, которого звали «дед Змей». У него была большущая седая борода, в руках всегда находилась большая суковатая палка, и он все время сидел возле дома на скамеечке. Дед Змей был колдуном!

Это я сейчас знаю, что взрослые придумывали разные страшилки, чтобы мы не убегали далеко от дома, а тогда дети боялись, что он увидит кого-нибудь одного, сразу заколдует или превратит в лягуху. Слухи эти никем не опровергались, наоборот, при маленьких детях рассказывались всякие небылицы…

Дальше – бывший наш дом, почта, и вот огороженный штакетником памятник не вернувшимся с войны жителям деревни. Я уже сам мог прочитать фамилию папкиного брата – дяди Коли, погибшего перед самым днем Победы. А всего фамилий было примерно

двадцать. Постояв немного, погордившись дядькой, убитым «погаными фашистами», я вприпрыжку бежал дальше.

Сколько себя помню, по деревне ребятишки перемещались только бегом. Те, кто в школе учились, ходили нормальным шагом, но если никто не видел, переходили на рысь…

Попадались по пути пацаны, но в разговоры с ними я не вступал – что с них, курзанских взять. Я-то в самом Умыгане живу, можно сказать в центральной деревне, которая именуется селом. У нас и школа – восьмилетка, и клуб, не сравнить с курзанским, библиотека, да и улиц целых четыре, центральная – все три километра. А ещё огромный машинный двор, пилорама, птичники, телятники, свинарники, коровники, молоканка!!! Речки, правда, нет, но зато есть огромный пруд, который спускали недавно, когда на день молодежи утонул парень.

Парень этот был товарищем моего старшего брата Шурки, и бывал у нас дома. Как раз утром, в тот день, он в шутку укусил меня за палец, больно, так что я не удержался и из глаз покатились слезы. Ох, и сильно же я на него разобиделся. Пообещал из-за печки, показывая кулак, что он еще получит… А на следующее утро по селу разнесся слух, что парень этот утонул. Честно говоря, я струхнул. Мне показалось, что это случилось как раз из-за того, что я ему грозил.

Парня этого нашли только на третий день, когда обмелевший пруд прочесывали от берега к берегу человек двадцать парней и мужиков. Ну, а мы, шпана, когда трактористы спускали пруд, раскопали в одном месте дамбу и вдоволь наловили карасей и гальянов старыми тюлевыми шторками, вычерпывая их прямо у разрытой плотины, куда устремилась вода из пруда…

Так что на бывших земляков я посматривал свысока. Хотя был в Умыгане один большой недостаток – не было железной дороги…

Про брата Шурку, Назаркина Кольку и черемуху без косточек

Старшим среди братьев был Шурка. Потом Валерка, а уж я родился последним. Мать рассказывала, что когда меня привезли из тулунского роддома, Шурка с Валеркой твердо заявили, что, если в пелёнках девчонка, то пусть её увозят обратно. И только, когда

пелёнки развернули, убедившись, что перед ними пацан, они снисходительно разрешили: «Ладно, пусть остается»…

Первые моменты своего детства я помню с трех лет. Шурке тогда было уже пятнадцать, Валерке – восемь, ну а старшие сестры вообще были для меня взрослыми тетками.

Шурка был сухощавый, невысокий и шустрый.

Я его очень любил, потому что с ним всегда было весело. Он на ходу сочинял разные небылицы, сказки, и когда рассказывал их нам с Валеркой, то смеялись и взрослые, а я заходился смехом так, что мать начинала покрикивать на Шурку, чтоб он маленько унялся: «…а то Володьку не откачаете, вишь как закатился…»

В Шуркиных сказках были перемешаны времена года, настоящие и вымышленные события, происходившие в деревне и округе. Главными героями всех историй вместе со сказочными персонажами, были и реальные жители деревни, среди которых выделялись Колька Назаркин, его жена Любка, и живущий неподалеку от нас мужик по прозвищу Помидорка.

Так их звали, конечно, за глаза, но все – и взрослые, и дети. У Николая фамилия была Скулин, а Назаркиным прозвали еще в детстве. Отца все звали Назаркой, а потом и всех его детей – Назаркиными. Любка приходилась моей мамке троюродной сестрой, или, как она её называла, – сеструшкой.

После войны, закончив училище, Колька работал кочегаром на паровозе. Рассказывали, что однажды поздней осенью, когда его состав притормозил в Курзане, Колька по-быстрому спрыгнул с подножки, обнял молодую жену, дежурившую на переезде, схватил приготовленную Любой сумку с харчами и снова побежал к уже тронувшемуся паровозу. На ходу вспрыгнул на подножку, но руки соскользнули по покрытым инеем поручням, и ноги попали прямо под колеса…. С тех пор Колька остался с культями до колен. Помимо пенсии подрабатывал тем, что подшивал обувь, шил тапочки и зимние шапки. По дому он ловко перемещался, опираясь на руки, а когда надо было во двор или на улицу, то брал в руки обитые комбайновым ремнем деревяшки. А для поездок по деревне у него был самоходный трехколесный агрегат.*

В народе это чудо получило меткое и звонкое имя – «пердючая жила». Когда Колька собирался в гости на другой конец деревни или просто проехаться до переезда, он пристегивал протезы, са-

дился в коляску и, перемещая поочередно рычаги руками, двигался вперед. Частенько вокруг него бежали ребятишки, не упускавшие такого зрелища. «Смотрите, смотрите, Колька Назаркин на «пердючей жиле» едет!», – летело впереди процессии. Колька не обращал на это никакого внимания, лишь иногда издавая звуки похожие на частое чихание. Мамка говорила, что когда ему отрезало паровозом ноги, то повредились какие-то нервы, поэтому он и чихал, когда волновался. Или когда лишнего с мужиками выпивал…

С Помидоркой все было проще. Это был невысокий полный мужичок, с постоянно красным, как будто от натуги, лицом. Говорили, что у него повышенное давление, однако это не мешало ему частенько быть крепко навеселе. Никто не помнил, кто его так назвал, но прозвище прилипло насмерть…

Назаркины жили недалеко от моста через речку Курзанку. Этот конец деревни все называли Барабушкой. Сразу за мостом Московский тракт вздымался на крутую гору, слева от тракта находилось деревенское кладбище и огибающая его объездная дорога для тех, кто не мог въехать в гору напрямую…

Одна из Шуркиных историй начиналась примерно так:

– Как-то летом, в страшную жару, поехал Колька Назаркин на своей «пердючей жиле» за ягодами и грибами в лес через Курзанскую гору. Уже почти поднялся на самый верх, но тут вдруг чихнул-пернул, тормоза отказали, и «пердючая жила» полетела вниз с горы. Колька целился-целился и промазал мимо моста, полетел в речку, упал головой прямо в прорубь, а Любка в это время шла за водой к проруби. Увидала она, что Колька её в проруби торчит вверх ногами, принялась его вытаскивать. Тащила-тащила, позвала дочку Надьку…

Дальше была история, похожая на сказку про репку, только тащили Кольку намного интереснее. В итоге сбегали за топором, чтобы вырубить Кольку из проруби. Пока вырубали, случайно отрубили ему яйца… А вечером Помидорка пошел на речку с бутылкой, присел под кустом на травку, выпил, а закусил случайно не куриными яйцами, а Колькиными… Ну и так далее…

Мы с Валеркой просили, чтобы и про нас в сказках было что-нибудь. Но для этого Шурку надо было чем-нибудь задобрить. Если что-либо покупалось в магазине для нас из сладостей, то делилось поровну. А сказочнику и от нашей доли перепадало.

Еще Шурку украшали шрамы. Один от аппендицита, а другой – на правом боку, под ребрами. С аппендицитом всё было понятно – ну повезло парню, как и некоторым другим везёт. А вот второй шрам был самый, что ни на есть боевой…

Было это, когда Шурка учился в пятом классе. Весной после уроков пацаны и некоторые девчонки тоже играли в войнушку, поделившись на два отряда. Один возглавлял Шурка, другой – его постоянный соперник Сёмка, который был старше его на год. У всех было оружие – самодельные деревянные автоматы и ружья. У Шурки был «магазинский» железный револьвер, редкая по тем временам штука, а у Сёмки к деревянному ружью был примотан проволокой настоящий штык. Штык времен гражданской войны был найден Сёмкиным братом и подарен ему, когда пришла пора уходить в армию.

Отряды разошлись по разные стороны от школы и по условленному свисту понеслись навстречу друг другу – командиры впереди.

Из-за угла вылетели одновременно, столкнулись, и ржавый Сёмкин штык легко вошел Шурке в бок.

Мать находилась возле нашего дома, буквально метрах в пятидесяти от школы.

И сама увидела бегущих в разные стороны ребятишек, кричащих: «Шурку убили!!!»

Она рассказывала:

– Бегу, а ноги ватные. Думаю, может, понарошку кричат. Подбегаю, а он белый весь лежит, за бок держится, а руки все в крови. Хватаю его на руки, выбегаю на дорогу, а тут «Скорая» идет из Будагово в Тулун. Молю Бога, чтоб только кишки целые были. А до Тулуна двадцать километров. Дорога – колдобина на колдобине. Привезли в Тулун и сразу на операционный стол. Хорошо с почты дозвонились до больницы, передали, что раненого везут.

Операция прошла успешно. Повезло, что штык прошел наискосок, почти насквозь, только слегка процарапав печенку и больше ничего жизненно важного не задев.

Наутро врач, делая обход по палатам, подошел к Шурке:

– Ну, что, герой? За кого воевал, за белых или за красных?

– За немцев, – вздохнул Шурка.

– Вот! Больше за немцев никогда не воюй! Будь только за русских!

На этом геройская история моего брата закончилась, и через две недели он был уже дома…

Пришло время, когда Шурка поступил учиться в Черемховское ФЗУ. Я помню, как собирали его в дорогу, укладывали в вещмешок продукты и новый костюм, а я тянул его за гачу и плакал, не хотел, чтобы он уезжал. «Не плачь, Володька! Я на каникулы приеду, привезу тебе черёмуху без косточек, крупную как виноград. Такая черёмуха только в Черемхово и растет! Потому так город и называется».

…Потом приходили письма, в которых каждому персонально передавался привет, а для меня обязательно была нарисована картинка, например, как Шурка проходит практику учеником токаря на карусельном станке. Слово «карусельный» мне очень нравилось, и я никак не мог дождаться, когда же Шурка приедет на каникулы и все сам расскажет. В ответ родители писали письма, в которых обязательно на последнем листочке мне обводили карандашом правую ладошку. Шурка обязательно её пожмет, когда получит письмо.

И, наконец-то! Шурка приехал!!! Все толпятся вокруг него: и мать, и отец, и я пытаюсь пролезть к нему между Валеркой и сестрой Надькой. И вот Шурка подхватывает меня на руки.

– Черёмуха!!! Где черёмуха? – пытаюсь я перекричать всех.

– Какая черёмуха? Что ты мелешь? – смеются взрослые.

– Без косточек! Как виноград!!! – на моих глазах наворачиваются слёзы.

– Ты же обещал! – поворачиваюсь я к Шурке.

– Знаешь, я ведь тебе вёз эту черёмуху. Вправду вёз. Целых полведра. Но когда проезжали через станцию Зима, вся черёмуха помёрзла и пришлось её выбросить…. Да ладно, ты не переживай, вечером я тебе сказку расскажу.

– Про меня? Длинную? – я уже вытираю рукой слезы.

– Да, про тебя, и про Валерку, и про бабу Ягу, как она за Колькой Назаркиным гонялась.

Мне ещё немного жаль пропавшую черёмуху, но, главное, Шурка – вот он! И целых несколько дней будет дома. Эх, скорей бы вечер!

– Чур, я буду с Шуркой рядом спать! – ставлю я последнее условие и, всхлипнув последний раз, слушаю, что рассказывает о житье в далеком Черембассе мой старший брат.

---

*Точно такой был в фильме «Приключения итальянцев в России» у героя актера Евгения Евстигнеева.

Пожар

В начале девяностых я стал часто бывать проездом в своей родной деревне. Как-то попытался найти могилку бабы Кати, обошел вдоль и поперек все кладбище, расположенное на Курзанской горе, да так и не нашел. Не осталось и людей, которые могли бы показать мне это место. Одни уже умерли сами, другие поразъехались, третьи просто спились.

Спустившись с горы к речке вместе с шофером, которого я сопровождал, решили перекусить. В памяти всплыли воспоминания бабкиных похорон. Точнее не самих похорон, а приезд в Курзан с матерью на девять дней…

Было это в конце мая. Отец с нами тогда уже не жил, наверное, около года, поэтому мы приехали вдвоем с мамкой.

В тот день стояла по-летнему жаркая погода. Помянув бабку на кладбище, мать со своей золовкой Пашей накрыли небольшой поминальный стол в доме и позвали соседей. Мою тетку по отцовской линии, глухонемую, очень добрую женщину, все звали попростому – Пашенькой.

Посидели, помянули, соседи начали расходиться по домам. До автобуса оставалась ещё пара часов, когда мы услышали сильный хлопок, а потом крики на улице. Когда выбежали, то ошалели от увиденного.

С западной стороны в полнеба полыхало пламя, надвигающееся на нас.

Мы с матерью кинулись в дом и начали выносить постели и первую попавшуюся одежду на огород, ближе к речке. Пашенька тащила туда же мекающую и упирающуюся козу, привязанную верёвкой за рога. По соседским огородам тоже сновали люди, вытаскивая из своих домов самые необходимые пожитки.

Пожар начался с дома, в котором мы жили до того, как переехали на центральную усадьбу колхоза – Умыган.

Большой пятистенок полыхал вместе с двумя большими тополями, росшими возле него. Оттуда пламя в считанные минуты перебросилось на соседнее здание почты. Корёжилась покрытая толстым железом крыша почты, из-под неё вырывались длинные языки огня.

Из соседнего с почтой дома Назаркиных тащили что-то через дорогу, но удалось спасти самую малость – крыша уже начала гореть, и от жара к дому нельзя было подступиться.

Прилетели три пожарных машины из Тулуна. Полили из шлангов на горящие дома и сразу же улетели на речку заправляться водой. Пламя не уменьшалось. Ещё одна «пожарка» подоспела из Будагово.

По дороге мимо горящих домов невозможно было проехать. Из останавливающихся машин выбегали люди: кто пытался как-то помочь, кто просто поглазеть.

Я тоже терся поблизости вместе с другими ребятишками, сбежав от матери, как только завидел спускающиеся с Курзанской горы пожарные машины…

Темно-оранжевое пламя громадными, закручивающимися в спираль языками, вырывалось вверх и двигалось по ветру на восток. Стоял гул и непрерывный треск. Деревня как бы сжалась перед надвигающейся на неё стеной огня. Через дорогу, наискосок, летели горящие головёшки и снопы искр. Несколько мужиков, облив себя водой из вёдер, лазили по крышам. Они скидывали головёшки вниз, где их заливали водой. Вёдра передавали от колодцев, вставшие цепочкой люди.

Вскоре наладилась работа и у пожарных. Они, попарно двумя машинами, приноровились тушить огонь. Одна отбивала пламя, не давая ему продвигаться дальше, другая поливала крыши и стены соседних домов. Потом им на смену с речки подъезжали другие две машины, и борьба с огнём продолжалось. Эта тактика стала приносить результаты.

Огонь превращался из бушующей, неуправляемой стихии в грозное, но уже контролируемое зрелище. Дым из зловеще-черного становился желто-белым и столбом поднимался вверх. Ветер как будто затих.

Мужики, лазившие по крышам, теперь стояли кучкой возле домов, которые удалось отстоять, курили и громко обсуждали происходящее. Глазеющим на пожар уже было известно из-за чего и как все произошло…

…Двое пацанят решили развести костерок. Раздобыли спички, и, пока родители были на работе, оформили это дело прямо в ограде. Когда полыхнуло, испугавшись, убежали. Соседи пожар заметили, когда рванула почти полная бочка с бензином, стоявшая прямо в ограде. Успели только позвонить с почты в Тулун – вызвать пожарных. Вытащить оттуда почти ничего не успели.

Заживо сгорели привязанные во дворах собаки и свиньи в стайке у заведующей почтой. Остальной скот с утра выгнали пастись в поле. Еще уцелел мотоцикл, на котором хозяин дома загоревшегося первым, уехал утром на работу.

От дома, в котором прошли первые пять лет моей жизни, осталась только баня, стоявшая посреди огорода.

Вскоре пламя сбили настолько, что машины потихоньку начали проезжать по дороге. Пора было ехать и нам.

Забежали к Пашеньке, знаками объяснили, что уезжаем, и бегом бросились к автобусу, стоявшему возле остановки и сигналившему разбежавшимся пассажирам. В автобусе народ подводил итоги пожара.

Полностью сгорели три дома, включая почту, которая была разделена надвое – в одной половине жила семья начальницы, в другой размещалась сама почта. У четвертого дома сгорела крыша и обуглилась стена.

Бабкин дом был по счету шестым…

Спустя два года, на месте сгоревшей почты построили большой брусовой клуб, который стоит там и поныне.

Мой друг Валька

1

В Умыган наша семья перебралась, когда мне было пять лет. Конечно, сразу же пришлось обзаводиться новыми друзьями. И первым другом стал для меня Валька Никаноров. Никанором

звали его отца, и поэтому всех в семье называли Никаноровы, и только гораздо позже я узнал, что фамилия у Вальки была Бернацкий. Было Вальке в ту пору лет около сорока, но, знакомясь со мной за руку, он сказал, чтобы я звал его не «дядя Валя» а Валька, так как теперь я его друг, а у друзей отношения должны быть простые. Впрочем, все на селе, от мала до велика, так его и звали.

Жил Валька с родителями – дедом Никанором и бабой Варкой, которая приходилась теткой моей матери.

Дом Никаноровых был просто потрясающим. Большой пятистенок с колодцем- журавлем перед домом. В палисаднике было полно цветов, в ограде стояли кони, в сарае находился здоровенный ткацкий станок, на котором баба Варка ткала половики из цветных тряпочек. В доме громко тикали большие часы с маятником, бившие через каждые полчаса, а кровати были застланы большими яркими лоскутными покрывалами, на которых вздымались пирамиды из подушек.

В то время мой друг работал конюхом на конном дворе, который находился прямо через дорогу от их дома. И я, конечно же, стал приходить туда к нему – «помогать».

В один прекрасный день я, как обычно, пришел к нему на работу, заскочив сначала к бабе Варке, которая угостила меня пирожками, такими горячими, что пришлось их держать в бумажке, дуть и откусывать маленькими кусочками. Кое-как справившись с двумя, я побежал к другу, который чистил коня. Я, конечно, робел, а ну как лягнет или укусит, но Валька дал мне кусок хлеба, и я, отворачиваясь, потихоньку протянул коню руку и тут же почувствовал мягкие теплые губы, которые осторожно этот хлеб забрали с моей ладошки. Конь благодарно всхрапнул, и я стал чесать его щеткой вместе с моим другом.

Время приближалось к обеду, и я засобирался домой. Тут мой друг говорит:

– Ну, раз ты мне помогал, принимай гостинец. И повел меня за сарай. За сараем лежала голова дохлой лошади с примотанной к ней проволокой. В глазницах копошились мухи, и запах от неё был не очень. Я хотел отказаться, но Валька говорит:

– Ты что! Я специально для тебя приберег! Давай тащи домой, пусть матка с неё холодец варит.

Делать нечего. Перекинув проволоку через плечо и упираясь, что есть силы, я потащил голову через распахнутые ворота конного двора. Пока дотащил до дороги – упарился. Тут распахнулось окошко, и баба Варка, выглянув, крикнула мне:

– Ты куда это голову тащишь?

– Мамке на холодец. Мне друг её дал.

– Ах, ты, едрит твою!

И баба Варка загнула такой виртуозный мат, который относился уже не ко мне. Я оглянулся и увидел своего друга, который, схватившись за живот, согнулся пополам и то ли смеялся, то ли рыдал…

2

Во время войны Валька был подростком. Однажды он с соседскими ребятишками и с сестрой Любой возвращался в деревню. Забрели потихоньку на край поля и давай рвать руками колосья пшеницы и запихивать под рубаху. Есть хотелось постоянно, а дома хлебом давно не пахло, вот решили тайком нарвать, чтобы потом обшелушить и, растерев в ступке, сварить похлебку.

Но в этот раз им не повезло. Тут как тут объездчик. Выстрелил два раза по ребятишкам, без всяких там окриков и предупредительных. Соседский пацан умер, пока дотащили до дому, а Вальке заряд крупной дроби пришелся по ноге. Долго лечили рану, но Валька так и остался инвалидом.

Объездчика судили и дали три года лагерей. Потом говорили, что забрали в штрафбат, там его вскоре и убили. Ребятишки избежали наказания за хищение колосков с колхозного поля, так как им не было 14 лет.

Такая вот простая и жуткая история.

…Валька одно время работал механизатором, но как-то раз, по пьянке, спал в гараже на лавке, возле железной печки и не почуял, как загорелись на нем ватные штаны, как раз на покалеченной ноге. После этого работать на тракторе уже не мог, работал конюхом, но пить меньше не стал.

Жениться как-то не получилось, так и жил с родителями бобылем. Когда не пил, все в руках его чудесным образом превращалось в различные вещи для дома и хозяйства. Деревянные сани, топори-

ща, бочонки, снеговые лопаты и много еще чего. На большой части деревенских колодцев висели металлические ведра, склепанные Валькиными руками.

Мне он сделал санки – салазки из алюминиевого уголка, точь-в-точь, как магазинные. Только вот не успел покрасить деревянные брусочки в яркие цвета – ушел в запой. Так и катался я на салазках с некрашеными планками.

3

История эта приключилась примерно через год после случая с лошадиной головой.

Баба Варка была не только искусницей в ткацких делах, но и варила лучший на селе сыр, делала домашнюю колбасу и еще много всяких вкусностей, которых сейчас уже и не попробовать, например полевку и ледник.* А еще она готовила непревзойденную самогонку, как для своих нужд, так и для односельчан, которые специально просили ее сделать доброе дело к какому-нибудь знаменательному событию: юбилею, свадьбе или поминкам. Приносили сахар, дрожжи или другие составляющие, (смотря на чем заводилась брага) и договаривались, к какому дню всё должно быть готово. За работу часть товара оставляли изготовителю.

Главной опасностью при этом был не столько участковый или еще какой ответственный товарищ, сколько собственный сын Валька, норовивший и бражки нацедить, а потом и самогонки отлить. Куда только ни прятали готовый напиток – Валька всюду находил, поскольку нюх у него на это дело был как у хорошей охотничьей собаки.

В тот раз баба Варка выгнала самогонку для личных нужд. Не шибко много – неполную алюминиевую флягу. До события, где продукт в торжественной обстановке должны были потребить, оставалось дня два. Вальке баба Варка сказала, что отдала самогон на хранение в надежные руки, а сама решила съездить в райцентр за «магазинским» провиантом. Утром на автобусе уехала в Тулун. А Валька, покрутившись для вида на конном дворе, решил устроить генеральный обыск. В то, что мать отдала самогонку кому-то на хранение, он сильно сомневался. Дед Никанор был на работе, и Валька приступил к делу.

Сначала обыскал амбар. За мешками с комбикормом и зерном, в ларях, в подполе и на чердаке – нету. В сарае, где стоял ткацкий станок, перевернул все половики, кучи тряпья, вокруг сарая – нету. В стайке, в загоне для коней искал. Щупом истыкал насквозь весь зарод сена, потом и кучу навоза за стайкой. Прошмонал весь огород в сорок соток. На всякий случай в бане проверил бочку с водой. И еще две копны сена на задах. Покурил. Разулся и давай обыскивать дом. Время стремительно бежало, а продукт все не находился. Началась легкая паника. Пошарился в палисаднике. Поискал за поленницами дров. Ну, ведь не бутылку же искал! Флягу! Куда её можно спрятать? В будке собачьей нет. И под ней тоже. Облазил всю крапиву на задах дома, где раньше шкурили бревна.

Солнце жарит. Во рту пересохло. Зачерпнул воды из ведра – теплая. Решил достать холодненькой из колодца. Откинул крышку и, перебирая руками шест, погнал ведро вниз. Хлопок ведра об воду, рывок, а теперь ведро почти само поплыло назад. Перед самым верхом в колодце сруб оброс льдом. Зимой его скалывали пешней, а летом вверху ровно подрубали, получался небольшой ледник. Молоко ставили, масло – если много сбивали. Поэтому когда ведро поднималось к самому верху, ход замедляли и доставали потихоньку, чтобы не цеплялось ведро об лед.

Показалось ведро. Взялся Валька за дужку, потянул на себя. Вдруг в груди что-то ёкнуло. А может?.. Нагнулся, глянул внутрь. Стоит! Запотевшая, для страховки привязанная веревкой за вбитую в сруб скобу!!! Ну, мамка. Это ж надо придумать! Чуть ли ни на глазах спрятала. Главное, что вчера воду в баню носил и в дом и не видел!

С автобуса баба Варка шла быстро, хотя и несла, перекинув через плечо, две связанные меж собой сумки. Издали увидела напротив дома, прямо на дороге, какое-то оживление. Неприятно шевельнулось в груди предчувствие. Подошла поближе и увидела «картину маслом». На дороге открытая фляга, на ней висит ковшик, вокруг несколько деревенских мужиков, пьяных в мат. В пыли, прижавшись к фляге и подложив руки под голову, лежит Валька. Возле дома на скамейке расположились мужики и дед Никанор, приехавший с работы и успевший догнать других. Все курят и пытаются что-то петь. Во фляге осталась от силы треть…

Историю эту я не раз слышал от самих очевидцев, и, хотя в дальнейшем она превратилась в легенду о щедром Вальке Никанорове, все здесь описанное – истинная правда.

---

* блюда национальной белорусской кухни.

Поездка за братом

Наверное, у каждого из нас бывали в жизни моменты, на первый взгляд, самые обыкновенные и ничем не примечательные. Проходят годы и даже десятилетия, а эти моменты живут в нашей памяти. И мы, остановившись порой в стремительной и суетливой нашей жизни, вдруг замираем, боясь спугнуть ту далекую, но такую близкую сердцу картинку, выплывшую из глубины нашего сознания. И хотя прошло много лет, но видишь ясно и красочно те места и людей, слышишь голоса и звуки, чувствуешь долетающий до тебя через время легкий порыв ветра, от которого вдруг сжимается сердце.

События эти уже никогда не вернуть, но и ничто в мире не сможет их у нас отнять…

1

Над деревней занимался рассвет. Иссиня-бордовая заря разрасталась и светлела, рассеивая липкую летнюю темноту, через которую все четче проступали серые контуры домов, тянувшиеся с обеих сторон пыльной, остывающей от летнего зноя дороги…

В третьем от края деревни доме скрипнула дверь, и на крыльцо вышел мальчишка лет девяти, одетый в легкую куртку и кирзовые

сапоги, с небольшим вещмешком за плечами. Вслед за ним из дома вышел мужчина , его отец, тоже с рюкзаком и в плаще.

Пока мужчина навешивал на двери замок, из будки показался пушистый щенок. Зевая и потягиваясь, он удивленно смотрел на хозяев, которые собрались куда-то в такую рань.

Щенок, месяцев четырех от роду, имел все, что полагается настоящему псу: просторную будку, ошейник, от которого к будке тянулась легкая цепочка, миску для еды, и носил звучное имя – Космос, данное ему маленьким хозяином.

Мальчик налил в миску свежей воды, положил возле будки несколько вареных картофелин и потрепал щенка по макушке, получив в ответ благодарность в виде теплого щенячьего поцелуя и виляния куцым хвостом.

– Ну ладно, хватит. Сторожи дом. А нам – в поход. Пап, а кто его кормить будет? – мальчик повернулся к отцу.

– Тетя Галя будет кормить, не беспокойся. За четыре дня ничего с ним не случится.

Вышли на улицу. Во всей деревне не светилось ни одного окна. Электричество от старенького дизельного генератора подавалось только с шести часов утра и в двенадцать ночи отключалось.

Отец и сын направились к поскотине – изгороди, которая окружала деревню вокруг и служила преградой для скота, чтобы не выбрался из деревни в лес. Деревенские называли такую изгородь «заплот», впрочем, как и всякую другую изгородь. Лес начинался сразу за огородами и простирался на многие сотни километров.

Подойдя к поскотине, мужчина приоткрыл привязанную проволочной петлей воротину:

– Проходи, да смотри, на «мине» не подорвись,– отец имел в виду коровьи лепешки, в изобилии лежащие то тут, то там на дороге. Через эти ворота каждое утро пастухи выгоняли деревенский скот на выпас, а вечером возвращались со стадом обратно.

Путь предстоял неблизкий: нужно было в течение дня добраться до райцентра. Сделать это можно было двумя способами: пройти восемнадцать километров пешком до соседнего села, а дальше - на автобусе до города. Первую часть пути можно было упростить, так как дважды в неделю на почту отправлялся почтальон на лошади, но не всегда на телеге, бывало, ездил и

верхом, так что надеяться на это было рискованно, тем более, что можно было опоздать на автобус, ходивший из райцентра не каждый день.

Поэтому, взвесив все за и против, приняли решение двигаться другим путем, через железнодорожную станцию. Здесь предстояло пройти чуть более двенадцати километров, по пути переправившись через реку Пойму, отделявшую область от соседнего Красноярского края. А затем на поезде, ходившем один раз в день, до станции Нижняя Пойма, а там - переход на станцию Решоты и на электричке до Тайшета. И хотя добираться приходилось на перекладных, однако, двенадцать верст пешком – не восемнадцать.

Для мальчишки это был первый настоящий переход, поэтому готовились к нему со всей серьезностью.

2

…В свои девять лет парнишка был вполне самостоятелен. Минувшей зимой ему приходилось дважды жить одному. Один раз - неделю, а другой раз - все две. Отцу как главному бухгалтеру колхоза приходилось уезжать с отчетами в районное сельхозуправление.

Ко времени этих командировок сын был обучен всему необходимому: правильно растопить печь, сварить суп или картошку, не говоря уже о том, чтобы принести воды по полведра или дров из-под навеса. За всем этим, конечно, был контроль со стороны соседки тети Маши, живущей через дорогу, которая предлагала парнишке ночевать у неё, но отец с сыном решили, что он справится самостоятельно.

Чтобы печь хорошо растапливалась, главное – не жалеть лучинок. Их отец заготовил на целый месяц вперед. А чтобы правильно сварить суп, была написана подробная инструкция. Когда варили суп с отцом, все было понятно и просто, но когда впервые варил сам, не обошлось без казуса.

Вначале нужно было поставить воду в кастрюле на плиту и, когда закипит вода, опустить пару кусочков мяса. Сделано. Пока варится мясо, почистить две картошки. С этим делом тоже кое-как, но справился. Картошка почему-то чистилась плохо. Кожура сре-

залась не как у отца – тонкими длинными ленточками, а толстыми ломтями. Поэтому почистить пришлось не две, а четыре. Дальше – покрошил на кусочки, но перед картошкой по рецепту нужно отмерить рюмку перловой крупы.

Вот с этой перловкой у отца в рецепте, по-видимому, вышла ошибка. Наверное, надо было написать стакан, потому, что высыпанной крупы в кастрюле совсем не было видно. Пришлось высыпать еще почти стакан. Потом опустил картошку, добавил столовую ложку соли без верха, немного сушеного лука, и осталось только ждать, когда сварится.

Прикрыл неплотно крышкой кастрюлю, сдвинул к краю плиты, чтобы не сильно кипело, и засел за уроки. Сначала письменные. Русский язык – готово. Теперь математику. Но математику сделать не успел, так как из кастрюли на плиту с шипением стал вылезать суп. Именно вылезать, а не выплескиваться. Открыл крышку и ахнул! Полная кастрюля не супа, а перловой каши, с картошкой и мясом. Ну, каша так каша. Все равно получилось вкусно.

Ели кашу три дня вместе с собакой Белкой, а на четвертый Белка доедала её одна, а мальчишка, наварив картошки, уплетал её с молоком, которое брал у тети Маши по литровой банке в день.

Собака с виду была похожа не на белку, а скорее на лису, только хвост потоньше. На ночь мальчишка запускал Белку в дом, чтобы было веселее. Включал радио или слушал пластинки, которых было великое множество. На пластинки отец денег не жалел. Выписывал раза два в год через базу посылторга. Были здесь и фронтовые песни, и эстрадные, и детские сказки, и радиоспектакли. Ложась спать, мальчик закрывал дверь на крючок, делал радио потише и оставлял в кухне горящую лампочку, чтобы не было страшно.

В полночь радио отключалось, как впрочем, и свет, но парнишка к этому времени уже видел десятый сон. Проспать он не боялся, так как занятия в школе были во вторую смену, и можно было спать, пока не рассветет.

А утром - ноги в валенки и бегом, накинув пальто и шапку, в уборную, а после первым делом затопить печку, и уж потом умыться и почистить зубы, макая щётку в коробочку с зубным порошком…

3

Путники шли не торопясь, старший подстраивался под младшего, и, чтобы тому не было скучно, наставлял его всяким житейским премудростям, почерпнутым из личной жизни. Вообще он редко что рассказывал о войне, но некоторые поучительные истории из военного прошлого отца сыну довелось услышать.

Вот и сейчас на просьбу сына вспомнить что-нибудь про войну стал рассказывать:

– Летом 42-го отступали с боями по направлению к Сталинграду. К утру занимали оборону, окапывались. Днем отбивались от немцев. От самолетов по узким выкопанным щелям прятались. Тут уж, если поленился, окопчик плохой вырыл, считай - труп. Был я тогда минометчиком. На себе приходилось носить и винтовку, и вещмешок, и скатку, но самое главное – расчет таскал на себе миномет с боекомплектом. Один тащит ствол, другой - лафет, остальные – ящики с минами. Как только темнело, снимались и шли на восток, боялись, как бы немцы с флангов не обошли и не отрезали.

– Так вот, один раз ночью шли колонной, я шел с краю, лафет - на спине. Спали прямо на ходу. И вот дорога свернула в сторону, а я, как шел прямо, так и ушел. Степь ровная - сколько прошел, не знаю, пока не запнулся за какой-то бугорок. Упал, а лафетом сверху так припечатало, что спросонья сразу ничего сообразить не мог. Оглянулся вокруг – никого. Погода хоть и ясная, а в новолуние ничего не видно. Сообразил, что идти нужно назад, от того направления, куда упал головой. Подхватил на горбушку свою железяку и бегом назад. Выбежал на дорогу, а не могу сообразить, в какую сторону идти. Вот тогда вспомнил, как мать в детстве мне говорила: «Послушай, Ванька, где земля гудит».

– Упал я на дорогу ухом и слышу: с правой стороны тихонько гул идет. Подхватился и снова бегом в ту сторону.

– Ну и не торопился бы, – вставил свое мнение сын. – Утром бы догнал.

– Утром меня бы уже дезертиром объявили. Кто там разбираться будет: случайно отстал или нарочно.

– Ну, а дальше?

– Дальше… Дальше, ранило меня вскоре в бедро. Два осколка рядышком вошли, хорошо кость не раздробили. Мина недалеко

разорвалась, двоих из нашего расчета убило, а я легко отделался. Только вроде на поправку в лазарете пошел, как подцепил тиф. Вшей у всех хватало, хоть и белье в госпитале пропаривали и обстригали налысо. Одыбал только к концу зимы.

Мальчишка видел у отца две большие вмятины на правой ноге, когда мылись в бане.

– А больно было, когда осколки вырезали?

– Больно конечно. Сунули палку в зубы, руки и ноги к столу ремнями. Вот и весь наркоз. Дядьке твоему, Ивану Королёву, ногу наживую ножовкой отпиливали. Он мне потом рассказывал, что от боли просто сознание потерял.

Иван Афанасьевич во время войны служил в артиллерии, и в бою был ранен разрывной пулей в ногу, чуть выше колена. С войны пришел без ноги, на костылях, но работал не хуже любого здорового мужика. Женился, нарожали с женой Полиной троих детей и вырастили их стоящими людьми. Помимо работы в колхозе, шил на машинке всё: от трусов до пальто, а на руках - шапки и унты. В тайгу на охоту ходил на костылях, играл на гармошке на гулянках, держа костыли подмышками и приплясывая на единственной ноге.

Таким его и запомнил мальчишка, приезжавший иногда вместе с матерью к ним в гости. А, бывало, дядя Ваня с тетей Полей приезжали сами на маленькой инвалидной машинке с мотоциклетным двигателем и брезентовым верхом, выданной бесплатно

как фронтовику-инвалиду.

4

Стало совсем светло. Птицы, сходившие с ума на восходе солнца, немного поутихли. Кое-где в ложбинках таяли последние клочки тумана. На траве вдоль дороги сверкали и переливались тысячами искр капельки росы.

Дорога шла по верху небольшой горы, огибая её слева. По обеим сторонам росли стройные высоченные сосны. Темные снизу, выше они светлели и становились янтарного цвета. Казалось, что стволы светились насквозь под лучами утреннего солнца. С другой стороны дороги росли кусты, уходившие вниз, а вдали лес сливался и казался не зеленым, а голубовато-синим.

Мужчина вдруг остановился, сложил руки воронкой у рта и громко протяжно крикнул. Через пару секунд послышалось ответное, не такое звучное, но долгое эхо.

Детский голос тут же подхватил эту перекличку, и эхо тоже звонко ответило ему.

Отец громко запел одну из своих любимых песен:

Когда в поход товарищ улетает,
За ним родные ветры вслед летят.
Любимый город в синей дымке тает,
Знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд.

Повтор припева он пропел специально громче, делая паузы, и эхо вторило ему.

Потом отец пел «Тучи над городом встали…» и «Я люблю тебя, жизнь…». Сынишка тоже подпевал ему в тех местах, где знал слова, а где не знал, просто мычал, подтягивая мотив.

Наверное, будь кто рядом, посмеялся бы от души такому пению, но путники получали от этого явное удовольствие.

Наконец, отец скомандовал:

– Привал! Личному составу облегчиться и приготовиться к приему пищи.

– Есть облегчиться и приготовиться! – отрапортовал сын.

Остановились на подходящей полянке, возле мостика из поперечно лежащих бревен. Под мостиком струился небольшой ручеёк.

– Снимай сапоги, пусть ноги отдохнут. – Мужчина и сам, присев на траву, стянул сапоги и повесил на них портянки, чтобы обдувались ветерком.

Умылись и стали доставать из отцовского рюкзака еду: вареная картошка в мундирах, бутылка молока, лук вместе с головками, кусок желтоватого соленого сала и вареные яйца.

– Молоко и яички нужно съесть сразу, а то пропадут, – отец отрезал от буханки пару ломтей, развернул тряпицу с солью. – Налетай.

Хлеб выпекали сами. В магазин раз в месяц завозилась мука, и деревенские ее брали в основном по два мешка – белую и второго сорта. Отец обычно смешивал её, и хлеб получался «средний» –

так его называл сын. Для собаки выпекали отдельно, с добавлением вареной картошки прямо с кожурой, и еще каких-то отрубей. Когда хлеб доставали из печи, то этот, «собачий», пока был горячим, казался мальчишке вкуснее обычного, особенно с холодным молоком, и уплетался за обе щеки.

Как правило, хлеб выпекал отец раз в неделю, но если было некогда, просил соседку испечь и для них булки три. У соседки хлебные формы были большие, и булки получались огромные, а отец где-то раздобыл себе маленькие, и булки хлеба получались небольшие, как в городском магазине.

– Пап, расскажи еще что-нибудь, – попросил сын, прихлебывая молоко из кружки. - Интересно, а много ты немцев убил?

– Ну, положим, ничего в этом интересного нет. Сколько-то, наверное, убил. Когда выписывался из госпиталя , вербовщики набирали солдат в зенитчики. У меня был только один вопрос: будут возить или опять на себе все тягать. Когда сказали, что будут возить, да еще и на машине, то согласился, не раздумывая, лишь бы снова миномёт не таскать.

– А кто такие вербовщики?

– Да это такие офицеры, которые набирали солдат из других частей или из госпиталей для новых подразделений. У них было на это такое разрешение. И вот я стал наводчиком крупнокалиберного зенитного пулемета ДШК.

– Сколько самолетов сбил?

– Да ни одного. Один как-то подбили, но он на свою сторону дотянул, не знаю, разбился или сел там, у своих. Главная задача у нас была, чтобы не дать немцам точно отбомбиться.

– А фашистов близко видел? Врукопашную дрался?

– Врукопашную тоже не пришлось, слава Богу. После госпиталя вообще находились во втором эшелоне, как и все зенитчики.

Такие ответы мальчишку разочаровывали: как же так, три года воевал, ни одного фрица не придушил, самолетов не насбивал, вообще никаких подвигов не совершил.

– Но у тебя же орден Славы и медаль!

– Всем давали, ну, и мне тоже, – и немного помолчав, продолжил. – Знаешь, сын, часто подвиг приходится совершать, чтобы исправить чье-то разгильдяйство или чью-то халатность, и не дай Бог, чтобы эта халатность была твоя. На войне много людей поги-

бало именно по этой причине, а еще чаще по собственной глупости. – Отец аккуратно сложил остатки еды снова в рюкзак.

– Когда мы возвращались с войны, то плыли на пароме из Болгарии дня три. Несколько наших солдат погибли из-за того, что перепились. Некоторые утонули, некоторые травились спиртом или денатуратом. А война уже месяца три как закончилась. Дома их семьи ждали или невесты…

– Ладно, хорош рассиживаться, давай обувайся. Портянку наматывай другим концом, тем, который был внизу, пусть уходит наверх.

Мальчишка уже достаточно хорошо овладел этим важным умением – правильно наматывать портянки, правда, иногда допускал небрежность, если торопился. Но предстоял еще длинный путь, и небрежность здесь не допускалась.

Сполоснули пустую бутылку, набрали в неё воды из ручья. Куртка сына и плащ отца теперь были упакованы поверх других вещей в рюкзаках. До Поймы оставалось примерно половина пути. Солнце уже припекало, но зноя еще не было. Легкий ветерок играл листьями осин и берез и ласково гладил лица путников.

5

Часа через два после привала спустились к реке. На противоположном берегу расположился небольшой хуторок, или, как раньше в Сибири называли, заимка. В данном случае это были два жилых дома и разные хозяйственные строения. Тут же стояли два зарода из свежескошенного сена. От домов к реке шла натоптанная дорожка, оканчивающаяся небольшими деревянными мостками. Чуть ниже привязаны на цепь две лодки. Людей возле домов не было видно.

Мужчина сложил рупором ладони и громко прокричал:

– Перево-о-оз! – и,чуть подождав, снова повторил: Перево-о-оз!

Кричать пришлось несколько раз. Лишь минут через пятнадцать показался вышедший откуда-то из-за домов мужик. Махнул рукой, дескать, слышу, и зашел во двор. Вскоре появился с веслами, спустился к реке и, отвязав цепь, столкнул лодку в воду, ловко прыгнув в неё.

Лодка пошла вниз, но перевозчик, усевшись на скамью, буквально в два гребка развернул её против течения и, налегая на весла, поплыл вверх и чуть наискосок к противоположному берегу. Со стороны казалось, что лодка стоит на месте, только с каждым гребком чуть приближается к путешественникам.

Вскоре лодка уткнулась носом в песок, и сначала мальчишка, а затем и его отец, чуть оттолкнувшись от берега, вскочили в неё. Расселись – мальчишка на носу, отец пробрался на корму, и лодочник, развернув судно против течения, погнал его точными и сильными гребками обратно. Ближе к берегу чуть сбавил ход, и лодка, развернувшись носом вниз, точно причалила к мосткам.

Взрослые разговорились, а мальчишка занялся тем, что начал пускать «плисточки» по воде плоскими камушками, коих на этом берегу было великое множество.

– Коли вы к поезду, то что-то рано пришли, – говорил лодочник, который заодно был и лесничий, и пасечник в одном лице. – Почитай еще три часа до поезда.

– Да вот с мальцом первый раз, далековато, вдруг ногу натрет, или с перевозом долго задержаться придется, вот и вышли на всякий случай пораньше, лучше уж на станции подождем.

– Ну, вы покуда посидите в тенечке, – хозяин показал рукой на стол со скамьёй, стоящий возле палисадника, под густой черемухой, – я сейчас мед качал, угощу.

Пасечник понес весла в ограду и вскоре вернулся, держа в руках миску с медом и кринку с молоком.

– Сейчас подождите, кружки захвачу, – он снова сходил в дом и принес кружки, хлеб и прямо в деревянной рамке соты, полные меда.

– Тебя как звать? Володька? Ешь, Володька, сколько влезет, не стесняйся, – угощал пасечник, вырезая соты ножом из рамки.

Мед с молоком и хлебом – это объеденье! А мед в сотах до этого мальчишка видел лишь на картинке. Откусываешь вместе с воском и жуешь. Мед растворяется во рту, а воск, пожевав, выкладываешь на стол. А потом запиваешь это все добрым глотком холодного молока. Вначале казалось, что можно съесть весь кусок одному, но почему-то быстро пришло насыщение, хоть глазами и хотелось еще, но больше не влазило. Взрослые посмеивались над ним, мол, слабак, а сами макали хлебом в чашку с медом и, запи-

вая, в промежутке делились друг с другом новостями, рассуждали о житье-бытье.

Пасечник был крепким и жилистым мужиком, носил небольшую бородку на скуластом загорелом лице, возрастом примерно лет сорока. Официальная должность у него была лесничий, а остальное, как он выразился, было в нагрузку.

Жена с сыновьями с утра были на покосе, примерно в километре от заимки. Сена на зиму требовалось много – две лошади, коровы, бык, не считая мелких овец и коз. В прошлую зиму еще и косуль подкармливали.

Между собой мужчины были знакомы года два и в разговоре друг друга называли по именам: лесничий называл путешественника Иваном, а тот его -Василием. Познакомились они, когда Ивану приходилось добираться этим же путем после назначения его на работу в колхоз имени комиссара Бича главным бухгалтером…

Когда мальчишка спустился к речке отмывать липкие от меда руки, Василий спросил:

– Раньше-то что-то один был, а сейчас с мальчонкой.

– Да, вот вдвоем теперь живем. От жены я ушел, не мог уже терпеть её скандалы, как выпьет. Чем дальше, тем больше. Договорился с председателем, он меня по-тихому уволил, дал расчет, а вещи я заранее в контору унес. Машина в райцентр шла, я с ней и уехал. Короче говоря, сбежал. Часть зарплаты оставил и письмо попросил передать на следующий день. Очень не хотел скандала. Приехал в Тулун, первым делом поехал к брату жены – Ивану Афанасьевичу. Рассказал, что и как. Ну, о многом в нашей жизни они сами знали. А на следующий день – на поезд и поехал по друзьям-однополчанам. Полстраны объехал; с кем переписывался – у всех побывал. В Москву заехал к племяннице, в Узбекистан – к родственникам жены. Потом назад , в Сибирь. В Тайшете у меня ещё один однополчанин живет – Лелеко. Приехал я к нему, а дальше ехать некуда. Вот он меня и устроил главбухом в колхоз. Здесь я маленько пришел в себя. Деревня глухая, и люди хорошие. Потом через дочку старшую договорились с женой, что Володька у меня будет жить, а Валерка с матерью пока. Теперь вот еду его встречать. Втроем теперь жить будем. Ему восьмой класс осталось закончить, а там можно в училище поступить или еще куда. Другие уже самостоятельные.

– Ну, удачи вам! Обратно как добираться будете?

– Из города удобнее на автобусе до Тремино. А можно и на «кукурузнике». К школе еще надо кое-чего прикупить, – отец встал из-за стола. – Спасибо за угощение, не будем отвлекать от дел, и так час почти потратил на нас.

Мужчины пожали друг другу руки. Мальчишка тоже попрощался по-взрослому, за руку, и двинулись дальше.

6

Вскоре показалась окраина поселка: огороды, здания леспромхоза, какие-то еще строения, – но железной дороги не было видно. Отец объяснил сыну, что здесь по железной дороге ходят тепловозы, а потому признаков железной дороги – электрических столбов – здесь нет.

– Сейчас на вокзале билеты купим, и можно будет покемарить.

Вокзалом оказались три двухосных вагончика, сцепленные между собой и стоявшие на узких невысоких рельсах – узкоколейке. Вагоны эти отец назвал «столыпинскими». Примерно в таких его родители вместе с земляками проделали большую часть пути, переселяясь из Белоруссии в Сибирь в начале века.

В одном из вагонов, с крупно написанным на боку названием станции, находились касса и что-то вроде станционной конторы, другой был предназначен для рабочих – отец назвал его «тепляк», а третий выполнял функцию зала ожиданий. В нем были устроены столики, деревянные сидения, верхние откидные полки. В общем, как и в современных поездах, только не обшиты дерматином.

Стекла в вагоне в последний раз мылись, вероятно, еще при Столыпине, и были настолько мутными, что разглядывать через них окружающий пейзаж было совсем неинтересно. Поэтому мальчишка вскоре обратно спустился по ступенькам из вагона и стал прохаживаться вокруг, изучая окрестности. Станция представляла собой небольшой разъезд. Помимо основного пути были еще два, один из которых уходил в сторону. По нему доставлялись вагоны с лесом. Собственно, станция и была ради этого построена. Основной рабочей силой были зэки – заключенные, и химики – те же зэки, только бесконвойные.

За вокзалом находилось самое необходимое сооружение – уборная, к которой вел деревянный настил шириною в две доски. На дверях уборной, побеленной известью, имелись необходимые для такого строения крупные буквы «М» и «Ж». Других достопримечательностей поблизости не наблюдалось.

За час до поезда пришла кассир – женщина предпенсионного возраста необъятных размеров. С трудом протиснувшись в дверь кассы, она начала продавать билеты, внимательно изучая пассажиров.

Билеты представляли из себя небольшие продолговатые картонные карточки с отверстием посередине. На билетах наших путешественников была напечатана надпись «ст. Тиличеть – ст. Ниж. Пойма» и стоял серийный номер.

Люди потихоньку подходили и подходили, и к прибытию поезда набралось человек тридцать.

Дремавший на столбе алюминиевый громкоговоритель вдруг громко щелкнул и на простом деревенском наречии объявил: «Пасажирский поизд Карабула – Нижняя Пойма прибываить на второй путь! Будьти астарожны!», – и еще раз повторил. Народ дружно повернулся в сторону прибывающего поезда. Вскоре показался дымящий и рокочущий чумазый тепловоз, тянувший за собой несколько пассажирских и пару грузовых вагонов.

Хрипло свистнув, локомотив обдал жаром дизеля толпящихся пассажиров.

– Я тебя подсажу, и ты быстро в вагон и занимай место на себя и меня, понял?

– Понял! – ответил сын и, ухватившись за поручни, сумел первым нырнуть в вагон мимо еще не успевших выйти приехавших.

Когда все разместились, стало понятно, что поторопились не зря. Некоторым нерасторопным места не хватило, и они стали ходить из вагона в вагон, отыскивая, где посвободней.

Духота в вагоне была невыносимая, и все с облегчением вздохнули, когда поезд, наконец, тронулся. В приоткрытые окна врывался воздух, хоть и не прохладный, но все-таки освежающий…

Мужчина задумчиво смотрел в окно, за которым тянулась тайга. Мальчишка спал, облокотившись на рюкзак. На одном из разъездов долго стояли, пока не прошел встречный товарный порожняк, освободив путь. И снова перестук колес, и нахлынувшие воспоминания…

7

Жизнь неслась мимо, как проносится за окном пейзаж. Скоро уже шестьдесят, а что сделано? И сколько еще осталось? Вроде бы и сделано немало, да только самое главное не сложилось – семья. Хотя было все: и жена, и дети, и дом. Детей родилось шестеро, один маленьким умер. Наверное, где-то недоглядели, и в возрасте девяти месяцев сгорел от воспаления легких буквально за три дня.

…Все было как будто вчера. Вернулся из армии, ровесники уже все давно переженились. На вечерках бывал редко, возраст уже не тот, да и бойкостью с женским полом не отличался. Так, приходил иногда, сидел где-нибудь с краю, наблюдал. И как-то стал ловить себя на том, что взгляд все время ищет молоденькую Дуняшку Королёву, шуструю, бойкую на язычок. Попробовал как-то проводить, но та, озорно сверкнув глазами, под хохот подружек выдала такую частушку, что в пот бросило. Так и ходил, как телок, не решаясь объясниться, а к концу зимы, была – не была, заслал сватов.

Как ни странно, но сватовство удалось. И хотя молодая замуж не собиралась и встретила сватов со слезами, спрятавшись за занавеской, отец её, Афанасий, проявил волю. Стукнул кулаком по столу: «Цыц! Пойдешь, как миленькая! Какова тебе жениха ещё нада? Грамотный, не бедный – вон патефон даже есть. А мы тут с голодухи только пухнуть перестали. Забыла, как лебеду в хлеб подмешивали, да тюрю на обед хлебали? А за им будешь как за каменной стеной!» И добавил: «Стерпится – слюбится».

В общем, весной расписались. Свадьбу громкую не делали, родители невесты благословили иконой, и все вместе пешком отправились в сельсовет, а потом устроили скромную гулянку. Жить стали отдельно, купив маленькую старую избенку. Вроде стало все налаживаться. Жену молодую любил, как умел, жалел, и вскоре она оттаяла.

А через год – война. Призвали, правда, в марте 42-го. Сначала учебка на станции Мальта. Те два с половиной месяца показались бесконечными. В учебке – школе младшего командного состава, совсем почти не кормили. Как объяснил командир: «Солдат должен быть злым! А сытый солдат злым быть не может. Вы должны быть не просто злыми, а люто ненавидеть фашистскую гадину, напавшую на нашу священную Родину!». А пока, за неимением

фашистов, приходилось люто ненавидеть своих командиров, гонявших до изнеможения. Так что получение сержантских лычек и отправку на фронт встретили с радостью, главным делом из-за полагающегося фронтового пайка.

На фронте тоже хорошего было мало. Сыну сегодня рассказывал, как приходилось, отступая, на себе все таскать. А немцы на машинах, и у большей половины автоматы. А нам сразу, как прибыли на фронт, – одна винтовка Мосина на троих и к ней две обоймы патронов, на ногах обмотки, и миномет на себе – и все пёхом. И только после госпиталя стало полегче.

Сыну вот интересно, как немцев убивали. Конечно, в книжках и в кино все красиво описывается – подвиги, героизм. И в памяти всплыл день, когда показалось, что все – конец. Самое удивительное, что случилось это уже в конце войны, в марте 45-го, в Венгрии, недалеко от озера Балатон…

Немцы, собрав в единый кулак танковую и полевую армии, а также имея в своем составе венгерский танковый корпус и другие, более мелкие части, встречая ожесточенное сопротивление наших войск, за несколько дней боев прорвали глубоко эшелонированную оборону, пытаясь выйти к Дунаю.

Укрепления зенитчиков, в которые входил расчет Ивана, находились более чем в десяти километрах от линии фронта, на небольшой возвышенности. От линии фронта к ней шла дорога, в низине проходившая по невысокой дамбе между небольшим заросшим озерком и болотом. На третий день жестоких боев, около полудня, со своих позиций зенитчики увидели появившихся мотоциклистов и за ними следом грузовики с пехотой. Сразу и не поверилось в реальность происходящего, не может быть, чтобы немцы прорвали такую оборону!

– К бою! Расчеты, по машинам – огонь! – пронеслась команда.

Пока развернулись и приготовились, немцы проскочили дамбу и начали подниматься к высотке. Первая выпущенная очередь прошла выше мотоциклистов и попала по грузовику, от которого в разные стороны полетели щепки, и через несколько секунд он заполыхал. Солдаты рассыпались, как горох по склону, и залегли. Другие грузовики остановились, и из них тоже выпрыгивали солдаты. По ним ударили второй и третий расчеты. Мотоциклисты, резко развернувшись, рванули к кустам. Но успели туда не все.

Через прицел зенитного пулемета Иван видел, как разлетались в разные стороны части тел: руки, ноги и какие-то ошметки, – когда в них попадали крупнокалиберные пули. Тем временем немецкая пехота открыла ответный огонь из автоматов и ручных пулеметов. Но «шмайсеры» были практически бесполезны на таком расстоянии, а вот пулеметы сильно напрягали. Вскоре подключились немецкие минометы, которые начали бить из-за дамбы, но мины, к счастью, немного не долетали до позиций зенитчиков.

Решили бить из ДШК по залегшим немцам, чтобы вынудить их отойти. Пули шли по самой земле, взрывая её, срезая кусты и мелкие деревца. Было видно, что когда они достигали цели, то тела даже подкидывало от земли. Немцы, не выдержав мощного перекрестного огня, начали отходить вниз.

На какое-то время бой стих. Но тут из-за дамбы послышался гул, и вскоре, дымя выхлопными газами и разбрасывая грязь, показались с десяток танков. Это были средние и тяжелые танки «Тигр-2» и «Пантера».

Ближе к дамбе танки вытянулись в колонну, пехота стала подтягиваться за ними. Бронированные машины двигались уверенно и не спеша, наверняка зная, что никаких серьезных оборонительных укреплений у русских здесь уже нет.

Дали длинную очередь по переднему танку. Пули, попадая по броне, рикошетом отлетали в стороны, не нанося тяжелой машине никакого вреда. Правда, пехоту отсекли, и та залегла.

Вот в это время и показалось – хана! Сейчас проскочат дамбу, развернутся с обеих сторон, и будут, даже не стреляя, просто утюжить позиции зенитчиков. А кто уцелеет, того добьет пехота. И ни одной противотанковой гранаты. Эти мысли, помимо воли, вихрем пронеслись в голове, но вдруг произошло что-то необъяснимое.

Позади позиций зенитчиков, немного в стороне, из-за одиноко стоявшего полуразрушенного сарайчика раздался пушечный выстрел. Через три-четыре секунды перед передним «Тигром» разорвался снаряд, взметнув столб земли, комья которой вместе с осколками застучали по броне. Танк замер и начал, как бы удивленно, вращать башней вправо-влево, выискивая неожиданного наглеца. Ствол начал подниматься вверх, в сторону сарая, но не успел. Второй выстрел пришелся прямо под башню, и она неестественно накренилась наискосок, а через мгновение раздался мощ-

ный взрыв, которым башню подкинуло вверх, и она, перевернувшись в воздухе пару раз, шлепнулась об землю. Это от детонации рванул танковый боекомплект. Остальные немецкие танки начали пятиться назад.

Послали бойца к сараю посмотреть, что за спаситель объявился. Вскоре солдат вернулся назад и доложил, что там находится наша самоходка, у которой была неисправна топливная система, вышедшая из строя, когда они двигались к передовой в составе артиллерийской бригады к линии фронта два дня назад. Получили разрешение остаться и, отремонтировавшись силами экипажа, стали догонять своих, но не успели. К счастью для зенитчиков.

Разбитый немецкий танк перекрыл весь узкий проход по дамбе, и как немцы не пытались объехать его, или спихнуть – не получилось. Пытались оттянуть его, зацепив тросами уже по темноте, но самоходка сделала пару прицельных выстрелов, и немцы эту попытку оставили. Ограничились тем, что обстреливали позиции обороняющихся из танков и самоходок, но серьезного вреда не нанесли. А к концу следующего дня подошли наши резервы, артиллерия произвела мощную артподготовку, и немцы были отброшены.

До конца войны попыток наступлений немцы больше не предпринимали. А советские войска двинулись к столице Австрии – Вене. В её пригороде и встретил Иван Победу.

8 мая, ближе к ночи, вдруг раздались автоматные очереди, солдаты выскакивали на улицу, и, сообразив в чем дело, тоже начинали палить вверх, орать что-то бессвязное и обниматься – война закончилась.

8

– Пап, давай поедим, – Ивана вывел из раздумья голос проснувшегося сына. Достали хлеб, сало, остатки картошки. Перекусив, отец принес кипяток в пол-литровой банке от проводника и, насыпав туда немного заварки, накрыл банку железной крышкой, чтобы тот запарился.

– Горячий чай в жару – самое милое дело. Жажду хорошо утоляет.

Затем достал добрый кусок комкового сахара и, держа его в ладони, несколькими ударами ножа расколол на кусочки.

– Давай вприкуску, – и отлил чай из банки в кружку сына.

Макая сахар в чай и посасывая, мальчишка начал швыркать из кружки, издавая характерные звуки. Попутчики с улыбкой смотрели на это действо, некоторые, соблазнившись, тоже пошли за кипятком.

Проехали канифольный завод, и вскоре показались вырубленные просеки, огороженные участки, проселочные дороги, огороды и постройки.

Поезд прибывал на конечную станцию. Народ засуетился и потянулся по проходу в тамбур. Показался небольшой деревянный вокзал с надписью «Нижняя Пойма», стоявший высоко на пригорке.

С удовольствием покинули душный вагон, на ходу разминая затекшие ноги. Примерно половина приехавших двигалась в одном направлении – к станции Решоты, расположенной на основной железнодорожной ветке Транссиба, соединяющей Владивосток с Москвой и другими городами необъятной страны.

– Сейчас возьмем билеты на электричку и через полтора часа будем в Тайшете.

– А когда прибудет электричка? – в голосе сына были нотки усталости.

Отец посмотрел на часы:

– Да минут через сорок. Так что успеем дойти, взять билеты и в туалет сходить.

По улице вдоль железной дороги дошли до решотинского вокзала. В отличие от нижнепойминского, этот был просто красавец. Обшитый тесом, покрашенный в зеленый и желтый цвета, а под крышей ажурные карнизы. Виадук на другую сторону железной дороги и заасфальтированный перрон и платформы. Все вокруг побелено: и бетонные ограждения, и кусты акаций, черемух, тополей. Даже имелась пара ларьков, в которых продавались пирожки, мороженое и газированная вода в бутылках.

Купили два мороженого и бутылку лимонада в дорогу. Настроение у мальчишки резко улучшилось. Сын просил купить с собой еще и пирожков, но отец сказал, что пирожки будут вечером в Тайшете и гораздо вкуснее магазинских. Едва успели доесть мороженое, как объявили электричку, прибывающую на второй путь.

Весело посигналив, она приближалась к платформе и, казалось, улыбалась красным полосатым ртом на веселой глаза-

стой морде. Раздвинулись двери вагонов, выпуская приехавших и тут же принимая обратно новых пассажиров, которые дружно рассаживались по деревянным скамейкам, закидывая сумки и чемоданы на небольшие багажные полки или просто оставляя их у ног.

«Пригородный электропоезд Иланская-Тайшет отправляется со второго пути от перрона», – объявили на станции. А внутри вагона голос подтвердил: «Осторожно, двери закрываются, следующая остановка «Лесная».

Замолотил под вагоном компрессор, двери с шипением закрылись, и электричка, длинно свистнув, тронулась, быстро набирая ход и издавая звук, похожий больше на звук набирающего скорость автомобиля. Ехать в электричке было намного веселее, хотя она часто останавливалась, иногда даже там, где и домов не было. Кое-где вместо названий объявлялись длинные номера километров.

– Сейчас снова будет Тайшетский район, и время там - иркутское, – сказал отец.

– Точильный. Следующая остановка Урало-Ключи, – подтвердил динамик.

По-хозяйски рассматривая пассажиров, не спеша, подошла кондукторша в черном железнодорожном костюме и, проверив билеты, дырявила их железным компостером, похожим на небольшие кусачки. Входившие на остановках покупали билеты прямо у неё.

Солнце приближалось к горизонту и уже не было жарким, а через открытые окна врывался приятный ветер. Пассажиры входили и выходили на остановках, ближе к Тайшету их становилось все больше, и вагон постепенно стал полным. На соседнем сиденье четверо играли в «дурачка», положив на колени чемоданчик, взрываясь иногда смехом и азартными возгласами: «А ну-ка, вот эту побей! А козыря! Дай ему еще!» – и слышались громкие шлепки карт о чемодан. – «Ну, куда ты в масть даешь? Не видишь, что у него одни пики! Эх, ты, игруля! Вот и меси теперь колоду сам!»

В дальнем конце вагона компания молодежи, напевала под гитару незнакомую мальчишке песню, припев которой ему сразу же запомнился:

А я еду, а я еду за туманом,
За туманом и за запахом тайги…

Потом знакомую:
Под крылом самолета
О чем-то поет,
Зеленое море тайги…

– Смотри, сейчас будет Бирюса! – сказал отец. Все прильнули к окнам, хотя многие ездили через реку часто, а некоторые чуть ли не каждый день, и все равно вид реки завораживал. Электричка загрохотала по мосту, и компания молодежи тут же подхватила:

Там где речка, речка Бирюса,
Ломая лёд, шумит, поёт на голоса,
Там ждет меня таёжная,
Тревожная краса…

Электричка подошла к небольшому вокзальчику с надписью «ст. Бирюсинск». Из разговоров входящих и выходящих мальчишка услышал часто повторяющееся слово «Суетиха».

– Пап, а кто такая Суетиха?

Отец улыбнулся:

– Раньше так поселок назывался, а лет пять-шесть назад стал городом. Теперь называется Бирюсинском.

Когда поехали дальше, почувствовался очень неприятный запах. Справа по ходу поезда дымились какие-то темно-коричневые кучи.

– Это лигнин – отходы гидролизного производства, – пояснил отец.

– Как же здесь люди живут? – удивился сын, – наверное, в противогазах ходят.

– Человек ко всему может привыкнуть, хотя здоровья от этого не прибавляется.

Еще минут через десять поезд замедлил ход и, огибая холм, прокатил мимо переезда, на котором с обеих сторон перед шлагбаумом стояли машины. Электричка, покачиваясь, заскрипела на стрелках, справа по высокой насыпи в попутном направлении шел товарняк, затем показались какие-то строения.

– Это из Абакана поезд идет. А ещё из Тайшета идет ветка на станцию Лена, только она с другой стороны. Так что Тайшет – это перекресток железных дорог.

9

Вот и вокзал. Самый большой из тех немногих, которые мальчишка видел в своей жизни. Впервые он оказался здесь прошлой осенью, на ноябрьских каникулах, когда тайком удрал от матери и рванул к старшей сестре, живущей в Тайшете. Решился на это не сразу. К зиме мать с отчимом обещали купить новое пальто или хотя бы телогрейку. Ну, и на ноги что-нибудь. Но уже прошел Покров, и когда стало ясно, что и с этой получки ничего не будет, созрел план.

В старой телогрейке в школу ходить стыдно перед пацанами, да и девчонками, руки чуть не по локоть из рукавов наружу торчат. Кое-как дотерпел до каникул, все прикинул. Адрес сестры в Тайшете был. Решил доехать до неё, пожаловаться на мать с отчимом, ну и она, наверняка, что-нибудь купит. Да и побывать в городе с таким красивым названием Тайшет – почти Ташкент – тоже хотелось. Воображение рисовало его красивым и большим, тем более слышал, что это станция самая крупная в области, после Иркутска.

Вечером на автобусе нужно умыкнуть до Курзана. Ни у кого из попутчиков это не вызывало подозрения, мол, поехал к тетке – глухонемой Пашеньке. Главное, чтобы брат Валерка ничего не пронюхал. Утром - на электричке из Тулуна, только бы не проспать. А та без пересадки идет до Тайшета. От вокзала через виадук и на улицу Матросова. Вот и все дела. Сестра писала, где живет, как приехать и как найти. Звала в гости мамку. Но мать в гости так и не собралась, зато адрес пригодился и был вызубрен наизусть.

Записку матери о том, что уехал, нужно оставить так, чтобы не наткнулись сразу, а только когда начнут искать, куда Володька запропастился. Дело оставалось за малым. Для осуществления всего плана нужно было как минимум три рубля на электричку и автобус.

Сначала хотел стырить у матери, но у них с отчимом деньги от получки уже разошлись, а что осталось, было друг от друга надежно заныкано. Тогда решил сделать вот что: «Попрошу у бабы Лены Ивановой, вроде, как мамка попросила одолжить до получки. Ну, а там семь бед – один ответ».

В том, что план сработает, был твердо уверен. Мать иногда действительно посылала занять в долг до получки, и баба Лена

занимала, когда рубль, а когда три. Деньги нужно было занять под вечер в день отъезда, а то вдруг баба Лена мать увидит и начнет про долг расспрашивать.

В небольшую холщовую сумку сложил кой-какие пожитки. На себя решил одеть не телогрейку, а легкую куртку, более-менее приличную, и зимнюю шапку. В автобусе тепло, в поезде тоже. Только, если электричку долго ждать, есть риск задубеть, но там можно и в будку на переезде зайти и погреться.

Часа в четыре пошел до бабы Лены. Та была дома, растапливала печь. Когда услышала просьбу занять денег, сказала твердо, как отрезала:

– Не займу! И пусть больше не посылает. Опять пропьют на пару с Сашкой. Пусть хоть обижается, хоть нет. Не дам!

План, еще пять минут назад, казавшийся твердым и продуманным, рухнул, как карточный домик. Мальчишка не мог прийти в себя, на глаза навернулись слезы. Баба Лена внимательно посмотрела на него, придвинула табурет:

– А ну-ка, садись и все рассказывай.

Всхлипывая, как маленький, рассказал все: и про план, и про сестру, и про телогрейку.

– Я не хотел обманывать. Мамка все равно бы долг отдала.

– Собрался значит, ну, ладно. Попей пока молока, – баба Лена налила в кружку из стоявшей на столе банки, предварительно размешав ложкой, скопившуюся сверху густую сметану. Достала накрытую полотенцем круглую булку домашнего хлеба и, прижав её к груди, ножом отрезала краюху. – Давай пей.

Сама прошла в горницу и вскоре вышла, принеся завязанный узелком носовой платок.

– Смотри, матке ничего не говори. Ни сейчас, ни потом, когда вернешься, – и протянула синенькую сложенную вчетверо пятёрку.

Парнишка не верил своим, широко раскрытым глазам.

– Спасибо… Я потом отдам, – смущенно забормотал он.

– Отдашь, отдашь, куда ты денешься, – улыбалась губами баба Лена, вытирая кончиком платка попавшую в глаз соринку или слезу. Мальчишка этого так и не понял – ему было уже не до этого. Выскочил, не допив молоко, ноги сами понесли домой. Проскочил в пустую стайку, где была припрятана сумка, и огородами до проулка. А там, не спеша, как бы прогуливаясь, до Новой улицы,

ждать автобус, когда он пойдет уже из села назад в город. Записку еще после обеда положил за «Божничку» – икону, стоявшую в переднем углу в комнате. Иконой этой родители когда-то благословляли молодых – отца и мать. За ней всегда хранились самые важные документы и квитанции. Лишь бы не наткнулись на неё раньше времени.

Дальше все пошло по плану. В Курзане сестра отца, которую все звали Пашенька, обрадовалась приезду младшего племянника, она любила его больше всех и нянчила, когда был совсем маленьким, пока мать работала в колхозе от зари до зари. Шепотом Пашенька могла говорить некоторые имена и слова, повторяя их по два раза. Всех женщин звала «Танька-Танька» и руками показывала приметы – округлости груди или живота – «такая». Или мужчин «папа-папа» и показывала, к примеру, воображаемые усы или погоны на плечах.

Глухонемой она стала в возрасте шести лет, так что многие слова помнила. Особенно хорошо – матерные. Мальчишку она звала «Волота», что было достаточно хорошо похоже на – Володя. Его братьев – «Туля» и «Тинка», родителей мальчишки – «Ванька» и «Уська» – Дуська.

Знаками объяснил ей, что едет утром на электричке к сестре Людмиле, которую Пашенька звала на свой лад – «Тука». Теткин язык парнишка знал хорошо с пеленок и бойко с ней общался.

Завели будильник пораньше, поужинали жареной картошкой на сале, попили чаю с леденцами, и, уставший от всех пережитых за день событий, мальчишка, чуть коснувшись головой подушки, провалился в глубокий сон.

Утром, едва зазвонил будильник, вскочил, быстро оделся. Поднялась и Пашенька. Заставила выпить молока с хлебом и сунула в карман тряпицу с припасенной мелочью, копеек тридцать. Копеечки эти – от копейки до пятака, она частенько откладывала, получая сдачу в магазине, вместо гостинца. Обнялись, и мальчишка, осторожно ступая в потемках, вышел на улицу. Огней в окошках почти не было, только вдалеке ярко светился огнями переезд. Идти к нему пришлось быстро, не потому, что поджимало время, а потому, что поджимал морозец. Градусов двадцать было точно. На переезде, поздоровавшись, зашел в будку. Дежурный по переезду посмотрел неодобрительно на одежду, но ничего не сказал, только бросил коротко:

– Грейся. Электричка минут через десять будет.

В жарко натопленной будке мальчишка согрелся быстро, и уже начало клонить в сон, как вдруг коротко затренькала и замигала матовой лампочкой сигнализация на стенке.

– Нечетный, – сказал, вставая и потягиваясь, дежурный. – Наверняка, электричка.

Вышли наружу. На платформе уже прохаживались, поеживаясь несколько человек. Вскоре подошла электричка и, приняв ожидающих в полупустой вагон, покатила дальше, постукивая колесами по стыкам рельс.

Мальчишка выбрал сиденье, под которым был установлен электрический подогрев, прислонился к стенке. За окном было еще темно, и разглядеть что-нибудь было трудно. Но до Нижнеудинска ехать еще два часа, и от Нижнеудинска до Тайшета не меньше трех. Насмотреться можно досыта.

Подошла проводница, и критически осмотрела парнишку.

– С кем едем? И куда?

– Мне до Тайшета, – сказал тот, протягивая деньги. – Я один еду, к сестре, – и для убедительности показал конверт с адресом.

– Мамка заболела и меня одного отправила, – пришлось слегка приврать.

– Ладно, смотри не шляйся по вагонам, а то высажу и сдам в милицию. Билет тебе дам до Нижнеудинска, а там другая бригада меняется, у них и купишь до Тайшета. На вокзал покупать не ходи, сиди в вагоне, а то еще под поезд попадешь.

Проводница оторвала длинную ленту билетов от висевшего на сумочке рулона, отсчитала сдачу, и, ворча себе под нос, пошла дальше…

…Сказать, что сестра удивилась приезду младшего, значит, ничего не сказать. Даже вначале принялась ругать, но потом, порасспросив о житье и малость остыв, сказала:

– Ладно, пока посиди дома, вон телевизор можешь посмотреть, а мне на работу надо идти на ночное дежурство. А утром что-нибудь придумаем.

С работы ей удалось дозвониться отцу и вкратце обрисовать ситуацию. Отец с ходу предложил забрать сына к себе. Запрос можно сделать в школу, где учился, чтобы выслали документы, а пока можно договориться с директором школы, походит и так.

А через пару дней объявился сам. Купили самое необходимое из одежды и учебники с тетрадками и на следующий день собра-

лись в дорогу. Короткое письмо матери сын написал сам. В нем попросил прощения за побег и сообщил, что пока будет жить с отцом. Письма пишите на такой-то адрес.

На автовокзале опустил письмо в почтовый ящик. Впереди ждала новая жизнь, новые друзья, новые радости и печали…

10

…Электричка остановилась и с шипением раздвинула двери. Приехавшие дружным потоком хлынули на перрон. Здесь часть из них двинулась через виадук, а с ними и наши путешественники. Спустившись с перехода, вышли к скверу и по тротуару мимо Дома пионеров пошли по улице Матросова, в конце которой находился постоялый двор.

Постоялым двором его прозвали Черчетские командировочные, иногда жившие здесь, или просто деревенские, которым нужно было переночевать и ехать дальше. Дом располагался в глубине маленького огорода и представлял собой небольшой пятистенок. Хозяйкой была добродушная пожилая женщина Ксения Иосиповна. Увидев идущих через огород мужчину и мальчика, она распахнула калитку и приветливо улыбаясь, пригласила гостей в дом.

В доме стояло несколько кроватей, аккуратно заправленных, на каждой из них горкой располагались подушки, пахло наваристым борщом и чем-то еще домашним и вкусным.

– Умывайтесь с дороги, а я пока на стол накрою, – хозяйка начала собирать на стол, – Хорошо, Иван Иваныч, что предупредили о приезде, я уж поджидала к ужину. Сегодня одни будете ночевать. Деревенские вчера уехали. – И она стала перечислять, кто был у неё накануне, зачем приезжали и что купили. Пока гости умывались и распаковывали вещи, на столе появились тарелки с борщом, белый, нарезанный крупными ломтями хлеб, чашка размером с небольшой тазик, полная пирогов.

– Кладите сметану. Сейчас я самовар поставлю.

Насчет пирогов отец не обманул. И хотя после борща есть уже совсем не хотелось, но парочка – один с капустой, другой с луком и вареными яйцами – ушли «за милую душу».

– Какие планы на завтра? – расспрашивала Ксения Иосиповна отца.

– С утра пойдем к дочке в гости, и вы пожалуйте с нами.

…В том, что старшая дочь Людмила стала жить в Тайшете, была большая заслуга Ксении Осиповны. Дочь приехала в гости к отцу из Самарканда, где жила у тетки по материнской линии. Отец, приехавший ее встречать, остановился, как обычно, на постоялом дворе. Туда же на огонек заглянула хозяйкина подруга Анна и, увидав Людмилу, молодую, красивую, очень похожую на актрису Варлей из фильма «Кавказская пленница», пришла и на следующий день. О чем-то пошептались с Ксенией Иосиповной и в результате зазвала Людмилу с отцом к себе в гости. Оказалось, что у нее есть сын Николай, «засидевшийся в девках» крепкий парень, работающий в милиции, но в отношениях со слабым полом дитя дитем. В общем, приехавшая в отпуск городская модница, возле которой вились тучей поклонники, через неделю была «окручена», сосватана, а чуть позже стала носить новую фамилию…

– Оттуда все вместе пойдем к электричке встречать сына Валеру. Будет у нас восьмилетку заканчивать. А послезавтра надо к школе прикупить кое-что, да и домой собираться, – и, повернувшись к сыну, клевавшему носом, добавил, – вот брат приедет, веселее будет. Давай в уборную, да ложись спать.

Минут через пять мальчишка уже сопел носом в кровати, а взрослые не торопясь пили чай и беседовали.

– Вот смотрю я на тебя, Иван Иваныч, мужик ты вроде положительный, не пьешь, не куришь. Работа тоже хорошая. Как же так получается, что живешь без жены. Я давно хочу тебя расспросить, да все как-то неудобно. То люди вокруг толкутся, мешают, то еще что, – Ксения Иосиповна налила еще по чашке чая. – Ты только прости за любопытство, можешь и не говорить, если не хочешь.

– Да нет, отчего же. Как раз пока поездом ехали, я и сам над этим размышлял. Вот я тебе, Ксения Иосиповна, расскажу, а ты сама делай вывод, кто прав, кто виноват.

11

… До войны мы прожили всего год. Жена была моложе меня на целых семь лет, ну и стеснялась поначалу, дичилась. Потом ничего, вроде стала привыкать. Она работящая, любую работу могла

делать, что по дому, что в колхозе. Когда война началась, у меня «бронь» была, а потом все равно призвали в марте сорок второго.

С войны пришел уже осенью сорок пятого. Начали жизнь вроде как заново налаживать. Вскоре Люська родилась, потом Надька. Жена в декрете не сидела, как сейчас принято, а чуть отлежалась - и в колхоз. Дети - с бабкой или с сестрой моей Пашенькой, а то и одни. Мы с утра до вечера на работе. Старшей три-четыре года было, она уже с младшей оставалась одна. Да многие тогда так жили. А мне все на одном месте не сиделось. Счетоводом поработал, потом в магазин пошел работать, закончил курсы, вроде полегче работа. Перебрались в деревню, где я родился.

Стал я заведующим магазином. А через год - ревизия и недостача. Выбор такой: либо всю вину на себя беру, либо и меня, и бухгалтера, и еще продавца с техничкой по групповой. Это уже другая статья и другой срок. В общем, «пошел паровозом» и дали мне четыре года с конфискацией имущества. За полгода перед этим старший сын родился. Мы его Шуриком назвали в честь брата жены.

Так вот: меня за решетку, все из дома забрали – корову, теленка, поросят. В доме всё описали, только одну кровать оставили, стол да две табуретки. Шубу хорошую и то забрали, я уж не говорю про велосипед. Евдокия как-то успела спрятать сепаратор, кажется, у соседей. Она потом рассказывала, как через год пришли взимать неуплаченный налог – недоимку по сдаче шерсти, масла, молока, яиц. Скотину всю конфисковали, а налог начислили. Зашли проверяющие в дом, и один из комиссии – мордатый, в новом белом овчинном полушубке и хромовых сапогах, постукивая сложенной плеткой по голенищу сапога, начал глумливо выпытывать, что да как, почему налог вовремя не заплачен. На слова о том, что платить нечем, скотины-то нет, бросил коротко:

– Нас это не касается. Чем можешь покрыть неустойку?

И тут его взгляд упал на сепаратор.

– А это что? Сепаратор! Значит, молоко у вас есть! Где корову прячешь?

Дети маленькие ревут. Жена ему:

– Нет у нас никакой коровы, вон с пол-улицы людей носят молоко сепарировать, да и оставляют за это кружку молока с ведра. Видишь, у пацана рахит.

А у Шурки годовалого живот раздутый и ноги кривые – стоять не может.

А этот мордастый:

– Тогда изымаем сепаратор в счет недоимки.

Дунька хватает топор и спокойно так ему говорит:

– А ну, попробуй! Башку тебе враз раскрою, пусть потом и меня сажают, а детей в детский дом – государство воспитает!

Люська, ей тогда шесть лет было, упала перед этим боровом на колени:

– Дяденька, не забирайте сепаратор, у нас Шурик от рахита умрет!!!

Тот видит такое дело, другие не ввязываются – стыд, наверное, какой-то остался, назад к дверям:

– Ладно, скажи вон дочке своей спасибо, а то сейчас бы и тебя определили.

Хлопнул дверью и пошёл со двора. А налог потом списали, как ошибочно начисленный.

Так вот мне в лагере сытнее жилось, чем им дома. Хоть и на лесоповале тоже не сахар. Ну, отбыл я в Хабаровском крае три года – за хорошую работу год скостили.

Вернулся домой, жена плачет, обнимает, а сама костерит, на чем свет стоит. В магазин работать идти нельзя, запретили на пять лет работу в торговле. Окончил я курсы комбайнеров и стал механизатором работать. Но шило в одном месте так и осталось. Все казалось, что там хорошо, где нас нет. За пятнадцать лет переезжали шесть раз с места на место по всему району. В итоге, на второй круг оказался я продавцом в том же самом сельпо. Опять перевез семью, к тому времени Валерка родился, а перед ним малыш грудной еще застудился и от воспаления легких умер.

Стал я опять заведующим в том же самом магазине и наступил опять на те же грабли, но уже с другой стороны.

Помолчал немного и, отпив остывшего чаю, продолжил:

– Жена стала требовать, чтобы устроил её в магазин техничкой. Ревновать стала меня к той, которая там работала. Не отстала, пока своего не получила. А в скорости стал я замечать, что к концу дня жена навеселе. Момент улучить всегда можно, тем более вино на разлив продавалось. А как немного попадет, начинает скандалить, жаловаться, что жизнь ей всю поломал. Как я

только ни пытался её контролировать, по-хорошему пытался разговаривать. Так продолжалось года три, и эту войну я проиграл. Пришлось уйти из магазина, снова стал сельским хозяйством заниматься.

Правда, домашнее хозяйство держалось крепко. Корова, бык, свиньи, утки, куры и даже индюки. Евдокия хозяйка была хорошая, и когда не злоупотребляла, то все в руках горело. Начальство, когда из района наезжало, в Умыган или в Будагово, на обратном пути частенько к нам заглядывало. И все бы хорошо, но снова застолье, а после этого- опять ругань.

Потом меня устроили бухгалтером в правление колхоза. В Умыгане год я жил, домой приезжал на воскресенье только. Хотя я внутренне уже и готов был развестись, оставить все жене и жить отдельно, но потом вместе решили продавать дом и опять переезжать, хотя надежды спасти семью уже не было. Как трезвая – все нормально, а как попало ей что, так домой с работы как на войну. Дошло до того, что иногда в контору уходил ночевать. Брал младшего, – здесь Иван кивнул в сторону спящего сына, – он ещё в школу не ходил, и шли с ним в контору. Сторож откроет, поработаю для виду с бумагами, а потом на стол газет постелю себе и сыну и спим. Утром пораньше встану, сына до дома доведу, а сам, не заходя, обратно.

В итоге не выдержал я и сбежал. Советовали мне некоторые доброжелатели, чтоб я её поколачивал – и будет как шелковая. Мол, многие так делают. А я бить её не мог, хотя несколько раз не удержался и ударил. А один раз чуть ножовкой не зарубил, пилил что-то во дворе, ну, а она любила из себя выводить. Вот и подумал, либо убью как-нибудь и детей сиротами оставлю, либо надо уходить. Ну, а как именно в Тайшете оказался, я уже как-то рассказывал.

Вот и думай теперь, кто виноват, что дети то без отца, то без матери живут. Она теперь сошлась с мужиком каким-то. Сын рассказывал, что как получка, так на пару с неделю пьют. Здесь все-таки мы оба с ней виноваты.

– Да-а. Что тут скажешь? – молвила Ксения Иосиповна, которая ни разу не прервала монолог и только вытирала время от времени глаза уголком накинутого на плечи платка. – Детям-то все одно без матери тяжело.

– Вот и я о том же. Раз у нас с тобой пошел такой откровенный разговор, то и я задам вопрос. Я ведь тоже к тебе, Ксения Иосиповна, давно пригляделся. Хоть лучше родной матери для ребенка и нет, но… – Иван замешкался, подыскивая подходящие слова.

– Да ты, Иван Иваныч, никак предложение мне делаешь? – Ксения Иосиповна смущенно улыбалась.

Предложение Ивана было ей приятно. Ей и самой хотелось иногда на склоне лет иметь рядом надежное плечо. И хоть, будучи хозяйкой такой домашней гостиницы, скучать не приходилось и общения с людьми хватало, но хозяин – он хозяин и есть. И как человек Иван ей нравился. На деревенских мужиков совсем не похож, скорее интеллигент, образован, и даже материться не умеет, а скорее всего не может. В его присутствии и другие как-то себя культурней ведут.

– Ты только не обижайся, Иван Иваныч, но вопрос уж больно серьезный. Даже если бы я и согласилась, то на кого я оставлю все это. Дети разъехались давно, а внуки иногда бывают. Да и в деревню чужую на старости лет ехать! Я хоть многих из деревни знаю – кто уж у меня только не ночевал, а только свое, оно свое и есть. Да и дети твои как к этому отнесутся? Понравится им с мачехой жить?

– Ты вот через пару лет на пенсию уже выходишь, вот тогда и потолкуем. Может, что и сладится, – Ксения Иосиповна взглянула на ходики, – ой мамочки! Уже третий час ночи.

– Все-таки будем считать разговор не оконченным!? – полуутвердительно промолвил Иван, вставая из-за стола, и вдруг легонько приобнял хозяйку за плечи.

– Всё-всё, Иван Иваныч, – отстраняясь от него на самую малость, смущенно промолвила та, – уже поздно, пора спать…

12

Назавтра всех ожидала приятная неожиданность. Людмила, правда, знала об этом, но помалкивала. Когда встречали с электрички Валерку, то оттуда вывалила целая куча гостей: старший сын Александр, его молодая жена Ольга со своим отцом Николаем и еще племянница Ольги Леночка, лет шести. Оказывается, они совершали целый круиз: из Улан-Удэ, где жили, приехали в Курзан к сестре Николая, побывали в Умыгане у матери и, захватив Валер-

ку, все вместе отправились дальше – в Тайшет. Людмиле отбили телеграмму, но та отцу ничего не сказала – сюрприз!

Для младшего Вовки день пролетел в счастливом угаре, особенно, когда узнал, что все вместе едут в Черчет, да еще до Тремино на самолёте. Отец дозвонился до конторы и договорился, что за ними в Тремино пришлют колхозную машину.

С Ленкой быстро нашли общий язык.

– Я тебе покажу всю деревню. Там у нас штаб за огородами. И еще где старые комбайны гусеничные стоят, мы там в войнушку играем. А спать будем на сеновале, с Шуркой, он нам сказки будет рассказывать. А еще к нам недавно медведь приходил ночью, прямо в деревню, все собаки со страху чуть не обделались, а охотники его прогнали выстрелами, – Вовка взахлеб делился с новой подружкой деревенскими новостями.

– А завтра на кукурузнике полетим. Ты летала на самолете? Я тоже нет, но ты не бойся, это совсем не страшно, сорок минут и мы на месте, мне папка рассказывал…

Еще через день самолет местных авиалиний Ан-2, который в народе все называли кукурузником, принял в свое нутро двенадцать пассажиров, большую часть которых составляли наши герои и их гости, и, ревя двигателем, вырулил на взлетную полосу. Черно-белая «колбаса», болтающаяся на шесте, висела почти неподвижно, обозначая своим видом почти полный штиль. Развернувшись вдоль взлетной полосы в сторону поля, самолетик взревел еще сильнее, покатившись все быстрее и быстрее, подпрыгнул и резко пошел вверх и влево на север, все выше и выше.

Пассажиры прильнули к небольшим круглым окнам и смотрели вниз, на дома, дороги и машины, которые вдруг на глазах превращались из настоящих в игрушечные. У летевших впервые поначалу были не очень приятные ощущения, но это только в самом начале, когда самолет набирал высоту. А затем – чувство эйфории.

Внизу проплывали улицы города, появилась железная дорога и поезда, которые медленно тянулись по ниточкам рельс. Вскоре город остался позади, а внизу проплывали поля и перелески, переходящие в леса, небольшие деревеньки, озерца и маленькие речушки, очень прихотливо изогнутые.

Казалось, что самолет плыл по воздуху медленно, но если смотреть на тень от него внизу, то видно, как быстро она скользит по деревьям, сверху похожих на кучерявую траву.

Пассажиры, делясь впечатлениями, что-то показывали пальцами друг другу в иллюминаторах, пытаясь перекричать рев двигателя. Показалась большая река с протоками, заливами и островами, и вскоре самолет, сбавив обороты двигателя, начал снижаться и поворачивать. Лес стал увеличиваться, река расширяться, а дома деревни превратились сначала в спичечные коробки и тут же выросли до настоящих реальных размеров. Замелькали деревья, уже не внизу, а напротив, и самолет, коснувшись земли, тряско побежал по полосе, взревев реверсом двигателя. Потом развернулся и медленно подъехал к небольшому зданию аэропорта. Перелет закончился.

Возле аэродрома стоял дожидающийся пассажиров колхозный газик. Посадили в кабину попутчицу – пожилую женщину, сами, покидав вещи в кузов, расположились на них же. Постучали по кабине: «Трогай!» и покатили в Черчет…

Вместо эпилога

Черемшанское кладбище находится сразу за деревней, в которой осталось всего несколько домов. К нему от дороги через лужайку по едва приметной тропе, в сухую погоду можно вплотную подъехать на машине. В Троицкую родительскую субботу дожди случаются редко, вот и сегодня на небе ни облачка. В небольшом, но очень густо заросшем лесочке нашли себе последний приют бывшие жители не только этой, но и соседних деревень, которые стойко пережили две мировые войны, коллективизацию, но не выдержали укрупнений и колхозных преобразований и потому были стертых с лица земли еще в советское время. Оставшиеся из них – бывший поселок Точильный и сама Черемшанка – доживают последние годы и вместе со своими уже немногочисленными жителями медленно умирают.

По привычке, сложившейся в советские годы, люди на кладбище ходили в самый день Троицы, до обеда, а не накануне, прибраться на могилках, подновить краску на памятниках и оградках да помянуть родных. Посидев возле своих, шли проведать и дру-

гие знакомые могилки. Встречались с бывшими когда-то односельчанами, приезжающими теперь раз в год, а то и того реже, обнимались и разговаривали, потом шли в деревню. И тогда, то в одном, то в другом дворе начиналось веселое, уже не поминальное застолье.

Вот и завтра будет здесь относительно людно, хотя и не так, как было лет двадцать или даже десять назад. А сегодня на кладбище тихо, и только в одной из оградок прибирался мужчина. Сначала убрал нападавшие за год сучья и сухие ветки, потом граблями вычесал из травы прошлогодние листья. На кладбище нежарко: солнце не может пробиться через густую листву берез и черемух, обильно разросшихся вокруг.

Закончив уборку, мужчина перешел на другой участок, находившийся метрах в двадцати. Здесь ограда большая, частью сохранившаяся кованая, с крестами поверху, частью – новодел. Это братская могила солдатам, ехавшим в 1905 году на Дальний восток воевать с японцами, но погибшим при крушении воинского эшелона на разъезде Точильный. На большом мраморном памятнике, установленном через год после крушения, - фамилии четырнадцати погибших солдат, покоящихся здесь. С другой стороны – фамилии тех, чьим усердием был сооружен сей памятник, и слова из псалтири: «Человек яко трава, дни его яко цвет сельный; тако отцветет...».

Год назад памятник выровняли рабочие-путейцы из Решот. Сверху закрепили небольшой деревянный крест, взамен когда-то стоявшего там чугунного. В оградке убрано, только несколько свежих упавших веток. Возле памятника - небольшая иконка Спасителя.

Мужчина убрал ветки, положил к памятнику букет цветов, зажег лампадку и, достав молитвослов величиной с ладонь, прочитал заупокойную литию о «…Зде лежащих и повсюду православных христиан». Перекрестившись и сделав последний поклон, он пошел обратно к месту, где тридцать с лишним лет тому назад был похоронен его отец, последние годы свои проживший в Точильном. На могилку положил цветы и достал из пакета, висевшего на оградке, пригоршню конфет и небольшую фляжку. Отвинтив пробку, еще раз поклонился и, сделав добрый глоток коньяка, закусил конфеткой. Осторожно стряхнул бежавшего по скамейке муравья, присел и задумался. Где еще, как не здесь, подумать о жизни своей,

родителей и предков. Уже много лет в этот день он приезжал сюда и любил сидеть вот так один и вспоминать.

Многое, что было в детстве, память уже не сохранила, но всегда перед его глазами - идущие в вечности проселочной дорогой по утреннему сверкающему лесу отец и сын. А в сознании звенит уносящаяся в высь песня:

– Я люблю тебя, жизнь!!!

И надеюсь, что это взаимно…

Сергей Стахеев

Стахеев Сергей Петрович родился в 1952 году в Чите.

Окончил филологический факультет Иркутского госуниверситета.

Работал учителем русского языка и литературы в Куйтунском районе.

Первую половину 80-х посвятил партийно-советской работе. Был заведующим отделом культуры в посёлке Куйтун, переехав в Тайшет, на родину жены, некоторое время работал заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации.

А с 1986 года снова школа и уже навсегда. Сначала № 14, а затем № 1, в настоящее время преподаёт в профессиональном училище № 21.

Филолог по образованию, педагог по призванию, своим самовыражением он выбрал слово.

Сергей Петрович – мастер коротких, но ёмких по содержанию рассказов, новелл, миниатюр, для которых характерен свой особый стиль изложения, философский подход к осмыслению бытия.

Ироничные и романтичные, они о нём, о его близких, друзьях, знакомых, любимых учениках.

А ещё он пишет стихи и песни, которые сам исполняет под аккомпанемент гитары. Участник многочисленных сибирских бардовских фестивалей.

Словом, он из породы людей, не перестающих удивлять своим энтузиазмом, неиссякаемой энергией, творческой активностью и многогранностью увлечений.

Первый рассказ написал в 1974 году, опубликовал в цикле «Школьные пылинки» в Куйтунской газете. Затем были победители региональных конкурсов рассказы «У-совет-у» и «Аллергия».

В местной газете неоднократно печатались его стихи и короткие рассказы.

Публиковался в сборнике «Литературный клуб «Бирюса». Тайшет, 2002, в литературных альманахах «Новый Енисейский литератор», № 5, 2012, «Сибирские огни», № 1, 2013.

Член объединения «Тайшет литературный» с 2003 года.

Считает, что главные его стихи и рассказы, – впереди!

Речки моей рассказки.
Рассказка первая – сказочная

Долго ли коротко жила-была речечка-крохотулечка, по-людски – Переплюечка, от неба – Богдаринка.

Текла, как могла, то в бору дремучем, то в болоте стоячем, то мимо хат горелых, то мимо скал белых. Текла, как могла, сама по себе, сов желтоглазых да хайрюзов яркоперых радуя. Не знали люди про нее, не ведали. И она про них – понаслышке только. Текла она верст неведомо сколько, мокла годов и вовсе незнамо. Однажды утречком упала в нее с ветки белотала Капелька маленькая, но ясная, как солнышко, легкая, как перышко. Ну, упала и упала. Так нет, упала и пропала, затерялась в бочагах глубоких, в рукавах да старицах, в шиверах плескучих. Понесла речка Капельку ох! да к синему морюшку. Легко сказке – она сама сказывается, душу греет да сердце радует, а рассказку выписывать надо, чай пить, мозгой шевелить. Так вот и добежала бы крохотулечка эта сама по себе до самого студеного морюшка, а с ней и Капелька. Только люд, стал нынче больно лют. Ни житья, ни покоя от него – одна морока. По весне заезди да морды ставят, по лету запруды роют, зимой пешнями да ломами колют, к осени – у самой сил уж никаких нет. Только наладится, было, речка, дождями теплыми умоется, росою утрен-

ней освежится, чайку со смородинкой пошвыркает – смотри ты: ондатры бережок подрыли, ветром елку-вековуху свалило, воровалы двадцать кедрюшек тонконогих запехотили, сохач-рогач телка своего в старице кинул, хайрюзы да гольцы по шиверкам расшалились. Глядь-поглядь, а Капелька-то настоящей Каплей заделалась. Ой, игручая, ой, форсистая!

И только ночью, когда укроет речечку туман-лохматун, а косматый батюшка Сумрак высветит изголовье бочагов глубоченных Вегой – звездой да споет песнь свою комарам-мухам и рыбьей мелочи матушка Осинушка, устроится Капля-дочь возле водопада крутого и давай вспоминать ветку родную, с которой упала она еще утром ранним. А водопад тоже сам себе рад! Ему долгопятому что? Падай и падай, алмазными брызгами радуй. А ночью уснет он и вся округа сном летним, недолгим

Снится Богдаринке, что вовсе она не дите малое, неразумное, а солидная тетка-речка. И плывет по ней белоснежный красавец теплоход. И она целует, целует его в конопатый нос, обнимает его крепкие борта, брызжется в него студеной водой, рассыпая вокруг мириады радужных капелек. И вместе они, Богдаринка от бога, теплоход белый-пребелый да Капля, что упала с ветки, долго-долго, до самой Игарки, а, может, еще дальше.

Вторая рассказка

А моя-то речка и вовсе без имени проживала. Рыбаки залетные, каким не лень ноги в руках таскать, Чащовкой прозывали, на картах – Чащеватой значилась, ученики мои Стахеевкой стали звать. И то хлеб, хоть и без масла. Пришли однажды:

– Дозволь, учитель, без твоего догляда на твою речку смотаться? – жалобно так, в три голоса да наперебой.

– Чего вам приспичило, кажись, суббота не за горами. Вместе и поедем. Да и какая она моя, речка-то? – буркнул я.

– Ты привел нас туда, тропы показал, как хариуса научил поймать, пусть будет Стахеевка, – резонно заметил старший.

– На ночевку в избушку свою пристроил. Рыбу мало поймать, сохранить теперь сможем, – добавил младший.

– И посолим, и повялим, и на рожне в любой дождь пожарим, – выдал третий.

– Речка казенная, избушки – лесничего главного. Собрались – езжайте! С тропы – не дальше ста метров. Реки держитесь. Не жадничайте, мелочь выпускайте, – напутствовал я мальчишек.

Мальчишки баловались. Я учил их русскому языку и литературе, и сам словечки старорусские да диалектные начал вставлять в разговорную речь. Вот и щеголяли они передо мной, распихивая словеса, куда надо и куда не надо. В пятом классе, дабы исполнить вековую мечту педагогов и родителей соединить детей и природу, я взял их на свою речку. Это был опрометчивый ход. Симбиоз таежной речки пополам с рыбалкой определил воспитательную работу с классом на последующие пять лет. Усложнялось это тем, что между субботне-воскресными вылазками нужно было проводить пионерские сборы, собирать лом и макулатуру, заниматься общественно-полезным трудом (нам почему-то всегда доставалось разгружать тормозные колодки) и еще кучей пустых, но очень важных дел. В пятницу к третьему уроку второй смены начиналось:

– Иванов, придурок! Ты хлеб купил? – спрашивал Андрюшка Ющенко.

– Я-то купил, а ты червяков накопал? – в свою очередь налетал Иванов.

– Я-то накопал, а вот Бычка отпрашивать придется у матери.

– Чего его отпрашивать, надо записку от Петровича показать.

– Ага, показать! Где ее взять?

– Самим написать, – заявляет Иванов.

– Ты собираешься, почерк классного руководителя подделывать? – восхитился Ющ.

– Шарик, ты балбес! Маман Бычка только его роспись видела. Почерк его она знать не знает, – успокаивает всех Иванов. – Боярин! Игореха, бери листок и ручку.

Так появляется на свет записка: «Уважаемые Борис Григорьевич и Надежда Петровна!

Убедительная просьба отпустить вашего сына Диму со мною на рыбалку. Сохранность ребенка гарантирую. Кл. руководитель вашего сына».

Стахеев С. П.

Была еще одна заковыка. До седьмого класса мы брали с собой девочек. Но с некоторых пор они стали стесняться, когда я их осматривал, и однажды, бегло осмотрев мальчишек – клеща ни-

кто не словил? – я велел им подойти к костру. Они стайкой стояли поодаль и о чем-то перешептывались. Ко мне подошла одна Ольга Иртуганова и попросила развести им костер отдельно от мальчишек. Я сразу не понял. Дел перед ночью было еще невпроворот: заготовить дров на всю ночь, почистить рыбу и картошку для ухи, устроить ночлег, и еще один костер в мои планы не входил. Я смотрел на свою «хорошистку», а она не знала, с чего начать Заходящее майское солнышко осветило точеную фигурку Ольги в профиль и…, боже мой, я увидел. Разангидрит твою перекись марганцево-кислую маму! Выросли мои девчушки-пятачушки. Стесняются своих округлившихся форм, меня, дятла безголового.

– Богданов, иди сюда! За поворотом речки разведи костер поярче. Девчонки, бегом туда! Осмотрите перед ночью друг друга получше.

– А кого искать-то нужно? – деловито осведомилась заноза Яковлева.

– Смотрите клещей, кого ж еще на тебе найдешь? Разве что Баженова, – ядовитенько хмыкнул Питаев

– Знать бы еще, какие они? – сердито буркнула Яковлева, – и обалдуев наших к березам привязать.

– Ты ж первый, Питаев, замочную скважину начнешь глазами полировать. Нет что ли?

Мальчишки стояли рядом с костром. От реки тянуло вечерней свежестью, но я велел верхнюю одежду снять. На плече рыжего Баженёнка обнаружилась пара клещей: малюсенький черный самец и более крупная с красным пятном на спинке самка. Она-то и была самой опасной в этой паре. Я знал: в разные годы эта микроскопическая тварь отправляла на тот свет двух-трех рыболовов и любителей даровой черемши и столько же становились калеками. Животные были благополучно сняты сплеча Олега и водворены в спичечный коробок. Рассиживаться они в нем долго не будут и, вручив деревянную тюрьму…м-м… девушкам, я громко скомандовал:

– Перетрясите все верхнее и нижнее белье. Особенно внимательно осмотрите шею, ямочки за ушами и другие «нежные» места. В чем сомневаетесь, – родинки, бородавки, прыщики, прилипший мусор – тащите сюда, разберемся!

Я присел на толстенный сосновый сучок, машинально поворошил костер и, может, впервые за несколько лет увидел себя со стороны. Уже не новичок в школе, отец двоих своих мальчишек я перетаскал на свою речку столько ребятни. Зачем? Противное время – только-только упала вода после паводка, отошло топкое и вонючее болото, породив несметные полчища летающих и ползающих, жужжащих и молчаливых кровососущих Отвратительное место – пять километров след в след по узкой тропе. Дико переходный возраст детей: без авторитетов и комплексов, без умений и навыков, без элементарных знаний. Зато у них был я, мужественный и умелый! Они верили в меня, как верили в древних богов. Их учитель русского языка и литературы – мужчина, единственный в городе, а, может, и в мире! Не хило? И пришел в школу не откуданибудь, а из милиции. Это круто! И в поход они пошли первые и единственные. Это ва-аще!

Я улыбнулся, вспомнив первый поход. И переправу через Байроновку – трое, переходя по вибрирующей ели, окунулись благополучно в реку. И первую ночевку – долго не могли уснуть: было столько впечатлений, требующих немедленного обсуждения. Первого пойманного хариуса – редкий экземпляр, еще в брачном наряде, которого, визжа и размахивая руками, всем хотелось поцеловать в ледяные губы. Видимо, все до единого боги взялись тогда мне помогать. Никто не заболел, никого не покусал клещ, никто не сорвался с дерева, руки, ноги и головы остались целы. Больше всего ребятишки любили вечера, а, если быть точным, то границу между вечером и ночью. Костер помаленьку затухал, звезды становились ярче, голоса тише, круг все уже. Другими были мальчишки. Вон Пашка Богданов! По школе – без остановок, мальчишек толкает, девочек дергает, обзывает. Здесь сидит, насупился – «наухился», Ольге руку подал, когда через ручей переходили. Картоху чистил, дров больше всех притаранил – молодчина, что скажешь. Девочки тоже другие. Мальчишек по именам зовут, да и друг с другом почти не спорят. Только рядом со мною сразу все сесть захотели. Трусихи! Честно сказать, не в очень веселое место я их притащил. Толстенные пихты и вековые ели, заросшие седыми бородами, под ними громадная поляна черемши – дикого чеснока, а вдоль темнеющей речки отцветающая верба, с десяток тоненьких, как наша Ольга, березок. Сонно плескалась рыба в нижнем перекате.

Я встал и отошел три шага за ветками, расшевелить костерок. Тьма сразу проглотила меня, зато сидящие возле огня стали видны, как на ладони.

– А вдруг Петрович не придет, бросил нас? – раздался мальчишечий голос.

– Да ну, он чо совсем! – усомнился девичий

– Совсем не совсем, а вдруг? Заблудился, например! – настаивал первый.

– Пацаны! А хоть кто-нибудь обратно дорогу запомнил? – я узнал голос старосты Ольги Иртугановой.

– Мальчишки, да вы кончайте нас пугать! – взвизгнула Натка Дыдыкина. – Итак, страшно.

Я вышел из своего убежища, подкинул прихваченные ветки в полупогасший костер и присел на корточки.

– Все! Заканчиваем посиделки. Кому нужно, сходите в кустики и по палаткам, – никто не двинулся с места. Пассажиры Земли отчаянно трусили, – мальчики, за мно-ой! Девочки, мы ушли.

И мы, действительно, ушли. Со мной мои пацаны никого и ничего не боялись и все знали. Почти все. Они уже знали, что прямо над головой у них сияет самая яркая звездочка в северном полушарии – Вега, что завтра мы наловим хариусов и наберем черемши и что, пока я с ними, ничего плохого не случится.

Третья рассказка

По речкиным мочажинам, по заливным луговинам от Урала до Владика растёт лилийка. Мало кто знает, что она лилия. Да и зачем сибиряку это знать. Он знает, что эта травка, пахнущая чесноком, – знатная закусь. Вон, смотри под разлапистой пихтой сразу два пучка по полтинничку. Собирай, не забудь пару-тройку яиц покруче да в пирог! Стрескаешь за милую душу и губами подавишься: такая вкуснятина. А уж, если изловчился в речке пяток хариусов изловил, потроши да соли, будто впрок, но не торопись в туесок берестяной складывать. Разведи костерушку пожарче да забудь про неё на время. Рыбочек оберни листьями черемши, обмажь глиной. Как нет глины? Да бог с ней, с глиной. Оберни в два-три ряда мокрой газетой. Смотри, а костёр-то прогорел.

Нам того и надо. Клади рыбу, нагребай на неё угольки. Нет, перекур рано устраивать. Расшевели огонь сушняком мелконьким, котелок воды черпани. Чаёк должен вместе с рыбой поспеть. Да не ленись! Впемя ещё есть. Оглянись вокруг, лес послушай, выйди из своей человеческой оболочки.

А лес, принизанный голубым светом с редкими белесыми клочками тумана, звенит на все голоса. На ближних подступах звенит Комар-комарович. Так в тайге величают тепло и посвойски хор имени Пятницкого, который со всеми родственниками до пятого колена, детьми и внуками кружит над твоей головой, изредка пикируя на оголённые участки тела, дабы пополнить запасы продовольствия. На стоящей поодаль столетней сухой сосне дятел-красноголовик устроил свою кузницу и то и дело рассыпает весёлые сытые трели. И голова же не болит у птички! Речка булькнула, стукнувшись головой о камень; сосна о сосну трётся, поскрипывает; лёгкий ветерок пробежал по верхушкам осинок, ещё не тронутых зверем. А всё вместе – радостная симфония начала лета.

Впрочем, уже готова рыба. Черемша поделилась с рыбой своим бесподобным запахом. Слюной истечёшь, пока дождёшься царского угощенья. Даже и без ста граммов отлично пойдёт. А уж если есть…

Юрка не пришёл на речку вместе с нами. Он потным, лохматым и матерящимся метеоритом принёсся на неё. Уже второй год на горе, через которую нам нужно было перейти по дороге на речку. Стоял вагончик заготовителей леса. Они регулярно продавали в городе дрова, пили водку и сутками дрыхли в вагончике. Они не были нашими конкурентами. Но у них было четыре собаки, четыре здоровенных овчарки. Впечатление было такое, что эти лохматые сторожа, только нас и поджидают. Они не давали нам прохода, а чувствуя наш страх, готовы были выпрыгнуть из шкур. Мы вынуждены были обходить с позором дальней тропой или идти напрямую через лес по завалам и кочегурам. Сегодня Юрка, припозднившись на электричку, решил идти через гору. Это он зря так решил! Свора очень хорошо умела считать до трёх и прекрасно видела, что Атмакин один. Пришлось бежать, отбиваясь удочкой.

– Суки! – запыхавшись, коротко констатировал он.

– Не все, – тонко подметил мой младший сын. – А что ж вы хотели, уважаемый Юрий Анатольевич, собаки – они и в Африке почти шакалы.

– Спать по утрам меньше надо! Отдышись, отдохни и … за хворостом: будем ушицу налаживать, – я улыбнулся своему напарнику. – Кстати, Юра, позвольте вас поздравить с праздником. Сегодня День рыбака, страна приветствует своих героев.

В миру Юрий Анатольевич работал педагогом по классу баяна в музыкальной школе. У него и учился мой младший сынок. Строгий и серьёзный учитель, он был страстно влюблён в Речку. Опыта таёжного у него было маловато, но человек он был надёжный. Азартный? Да! Настырный? Несомненно! В одно лето он освоил рыбацкие хитрости и стал ловить почти вровень со мной, а иногда и облавливал. Левша, он рыбачил с правого берега, закидывая удочку в доступные лишь ему места. Я поднимался левым берегом. Забрасывая с правой руки. «Поднимался» и «забрасывал» – глаголы прошедшего времени, но несовершенного вида. Сколько же, выгибаясь ужом, нужно было потратить сил, чтобы подраться сквозь урему и, жонглируя и балансируя, положить мормышку с наживкой в нужное место. Положить да не зацепить за сучки и ветки вверху. Положить да не зацепить за корягу или камень на дне. Ну, а уж взял хариус, вытащить его из Речки было целой проблемой.

Солнце ласково целовало нас в макушки. Комара почти не было: поляна-то открытая. Уха доходила на угольках. Готова была и закуска: добрый пучок свежайшей черемши, сальце, жареное на прутиках смородины, черный хлеб крупными ломтями. Не было одного – ста граммов. Н нет и суда нет! Юра взял котелок и пошёл к Речке за водой для чая. Его истошный крик кинжалом рассёк таёжные завалы.

– Петрови-и-ич, помога-ай! – кричал Юрка, держа обеими руками удочку, перебирая ногами по берегу. – Скорее! Ну, скорее же!

Мы с сыном бежали через поляну, а в голове бился немой вопрос: «Кого он там зацепил? В моей Речке нет такой рыбы!» Лёгкое таловое удилище трепетало в руках Юрки. Странным образом изгибался у удочки тонкий кончик. Когда мы подбежали к берегу, удачливый рыбак сделал последнее усилие и. наконец, вытащил на берег … бутылку «Столичной». Вот это добыча! Вот это пода-

рок ко дню Рыбака! Юрий Анатольевич виновато моргал глазами и лучезарно улыбался. Шутка удалась на славу. А «добыча» мирно лежала на траве, поблёскивая стеклянными боками. Рыбалка сложилась удачно. Надо отметить!

Рассказка четвертая

В газете «Известия» я нашел коротенькую информацию о полном солнечном затмении, которое произойдет не далее как в нынешнее воскресенье. Собственно затмение меня интересовало мало. В своей жизни я их наблюдал: солнечные, лунные, да и в моей светлой голове они стали происходить с завидной регулярностью. Что некоторых наблюдальцев меня, – мало сказать, настораживало – пугало. В заметке было сказано, что рыба клюет немного до и офигенно после затмения. А в короткий момент самого затмения – практически пешком выходит на берег. Остается ее, миленькую, собрать в мешок. Какую хочешь, на выбор, а главное, сколько твоя жмотская душа пожелает.

Команда моя (три моих ученика) готова была тронуться в путь в любую минуту, в любую погоду и в любом направлении. Я научил ее не обременять себя длинными удилищами, огромными рюкзаками с массой снастей и провиантом на неделю. Черемуховое удилишко-коротыш, сумка под рыбу, котелок для чая. Из снастей – десяток мормышек, пара мушек и метров пять лески. По опыту команда знала: нам предстоит пройти добрых два десятка километров по такой уреме, что лишний килограмм будет в тягость.

Воскресенье выдалось обычное. Никто не опоздал на вокзал, умытая электричка подошла вовремя и по расписанию отправилась в сторону Чуны. В первом вагоне ехали рыбочесы – рыболовы, которых мало волновал процесс ловли. Они больше любили околорыбацкую возню. В нее входило часовое ожидание электропоезда с колкими поздоровками, дружная и неспешная посадка, всенепременнейшее остограмливание с продолжением и скоростным закусыванием, показ старых уловистых снастей и новых, которые вот сегодня перевернут сабанеевские устои рыбной ловли, постукивание места на руке чуть выше локтя – словом все то, что заставляет отдельных особей мужского пола плюнуть на заросшую сорняками картошку, завести будильник на «пять» – край полше-

стого и умчаться в страну непуганых хариусов и большесковородочных лещей.

Нас эта суета интересовала мало. Мы давно знали, что половина говорунов вернется домой с пустыми руками в отличие от нас, небольшая часть утешится десятком ельцов, если ездили на Бирюсу, или карасей, если ездили на Борисово или Костомарово озера. Один-два рыболова будут стеснительно поправлять хвост солидного карася, торчащего нарочито из ведерка или крупного подлещика. Мы свою речку знали, верили в нее, как в себя. Без хариусов мы не вернемся. На их количество не может повлиять даже погода. Вот разве что затмение!

На нашей рыбалке все было рассчитано по минутам. По крайней мере, у меня.

У мальчишек еще не все и всегда получалось. Но этих пацанов я таскал по всем речкам с пятого класса, и они раз от разу совершенствовались. Начинали мы всегда от первой «избушки», которую на одной из первых рыбалок показал мне метранпаж нашей районки Генка Кушков. Настоящий вампиловский метранпаж! «Избушка» была скорее землянкой, которую в пятидесяти метрах от речки выкопали местные охотники. Выкопали, сделали накат – закрыли круглыми ошкуренными и просмоленными бревнами, устроили небольшой столик и нары. Печкой служила половинка бочки. А что? Можно подсушиться, отдохнуть и перекусить, если, конечно, выкурить полчища комаров и прочих кровососущих. От первой «избушки» до первого «мостика» я обычно ловил два-три десятка хайрюзов, потрошил и подсаливал рыбу, варил первый чай. Это обычно. А сегодня – до затмения оставалось еще два часа – речка, словно в нее бросили маленькую атомную бомбу, была пуста. И не только речка. Лес тоже умер! Стихли птицы, затупили свои пилы кузнечики, мошкара забилась в траву и листья. Природу вместе с нами с головой макнули в вакуум. Казалось, трава прильнула к земле, листья – к веткам. До полного солнечного затмения оставалось десять минут.

Я пока не выказывал никакого беспокойства: менял мормышки и наживку, пробовал ловить на мушку, пробовал со дна и по верху. В речке все было глухо, как в танке. Даже коряги перестали цепляться. Мы ждали одиннадцати. Вот сейчас из-

под каждого камушка выберутся, из-за березы-утопленницы покажутся, среди придонной травы мелькнут здоровенные хариусы-марсовики и начнут, обдирая бока и жабры, бросаться на пустую мормышку. Ровно в одиннадцать не случилось ровно ничего. Не померк свет, не заиграл духовой оркестр. Рыбы тоже не было. Странно, что соврала заметка в газетке. А, может, и не соврала ни сколечки. Мы привыкли воспринимать мир, существующую реальность через хороший, но наш, отечественный объектив «Индустар – 65». Он видел то, что видел человеческий глаз. Вода была водой, зеленое – зеленым, кривое дерево оставалось кривым до полена в печке. А сегодня в одиннадцать дня на хороший объектив нацепили зачем-то немецкий цейсовский светофильтр «ЖС-17», и мир окунулся в чернильницу, где чернила оказались серого цвета. Все разом поблекло, потеряло оттенки, и переходы смазались:

– Классно! – хором возопили мальчишки.

– Как будто Земля в грязно-серую паутину со всего маху вляпалась, а выбраться никак не может, – грустно констатировал Ющ.

– Запомните, мальчишки эту минуту! Любое затмение, особенно, если оно в голове, не меняет сущности предметов, а приземляет и видоизменяет лишь форму того, что мы видим и что о нем думаем, – загнул я несколько туманно.

– Да понятно! Чмо он и в Африке чмо! – подытожил Димка Бычков.

– Речка – осталась речкой. И у нас по третьему глазу не открылось. А затмение, вон смотрите, – я показал в сторону горизонта, где ярко зеленели листья березового и осинового подроста, освещенные краешком уже показавшегося солнца, – заканчивается.

Я осторожно обогнул разлапистую ель, лежащую поперек тропы, и с руки отправил мормышку с наживкой в голову небольшой песчаной ямки. Хариус молнией вылетел из-под густого куста черной смородины, а уже через секунду бился своей непутевой головенкой о стенки дерматиновой сумки.

Его земное, а, точнее, водяное существование закончилось, а наше продолжалось. Что поделаешь? Мы ведь на вершине пищевой цепочки! Рыбочесам утерли носы. К концу дня у меня без трех было полторы сотни хариусов, причем большая половина уже готовая к употреблению.

Рассказка пятая – зоологическая

Хорошо, сидя на мягком одеяле, с балкона разглядывать звездных Медведей. Вот они. Большая Медведица – семь звезд, а рядом Малая – пять. Интересно с кружкой чая почитывать на сон грядущий внуку Киплинга. У него медведь – большое, умное, а, главное, очень доброе животное. Доброе, но справедливое. Для всех Мауглей, потому что одной крови. Косолапых в зоопарке и цирковых Потапычей мне лично было всегда откровенно жаль: какие-то облезлые, грустные и вечно голодные. Картинка пятилетней давности все время перед глазами: мимо нашего города проезжал зооцирк, остановился, решили покормить зверье. Плоскому и плешивому медведю швырнули булку хлеба. Вот ей богу не вру, он плакал! Ел хлеб и плакал. В артистической нынешней жизни, видно, редко перепадало ему такое счастье. И картина сорокалетней давности иногда неожиданно ассоциативно выплывает из прошлого: отец оставил меня на попечение престарелой тетки в Байсах. Он здесь родился. В Байсах Малый Амалат – быстроногий правый приток Витима – ударяется о гранитный утес и, словно испугавшись, поворачивает на сто восемьдесят градусов, то есть бежит и спотыкается на шиверах в обратную сторону. Престарелой тете – бабушке Пушихе – было уже за сто. Считали всем гамузом – за сто! Но удивительное дело! Она была в свои сто востроглаза и легконога, как все женщины ороченки, хотя к этому народу ни боком, ни раком. Просто три лета подряд нижнее стойбище ставили мужики-орочи на ее дальнем покосе, а ушли вверх по Витиму – остались отцовой тетке заузевшие зоркие глазки, лодка оморочка, служившая ей верой и правдой, да вечно прижмуренная доча Галька, проживающая ныне в столицах Бурятии. Это ее Пушихи уверенность и мое студенческое легкомыслие помогли тогда толково и без убытка разойтись в тайге с лохматой фауной, она же научила олуха царя небесного немного ведать и столько же любить флору лекарскую, а равно и всю остальную. На мой шутливый вопрос, обитают ли здесь медведи, она, пыхнув трубочкой, строго ответила:

– Не они к тебе в город приехали, ты – к ним! Не суетись попусту, не лезь в их дела, не трогай их еду. Наука нехитрая!

– Блин! У вас тут, как на зоне – три «не»! – улыбнулся я.

– Не знаю, как на зоне, а в тайге так. И только так! – твердо закончила она.

Советам я внял, через неделю за мной заехал отец. Три встречи с медведями на их поле завершились вничью: по нолям. С этими знаниями о косолапых жить в городе можно. И даже легко. Сорок лет я жил, наблюдая медведей в фильмах Тимофея Баженова, в мультиках и сказках своих внуков. А вот вчера…

Я тихо-мирно рыбачил на своей речке Стахеевке. Свои «подписанные» хариусы уже были пойманы. Один я ловил наверняка, без зацепов и сходов, никуда не торопился. Нет, вру! Один сход все же был, но я сам его инспирировал: решил снять процесс вываживания. На яме, которую я называл Лукавая, в оранжевую «верховушку» вцепился добрый хайрюзина. Правой рукой сделал подсечку, а левой достал фотоаппарат. Но заснять не успел, так как приличный бурун ясно показывал, что «доедать» мою мушку рыба будет на дне под корягами. Я поймал себя на том, что не испытываю обычного волнения после схода крупной рыбы. Нет, опять вру! Волнение было, но поверх него прижилось еще одно чувство. Оно угнездилось чуть выше паха где-то между печенкой и селезенкой, но на теле я не смог бы показать где. И назвать я его тоже не мог.

Просто нечеловеческим, а скорее собачьим верхним чутьем я ощущал еще чье-то присутствие. Я знал чье, но старался даже мысленно не называть, чье присутствие я ощущал. Говорят же: черта помянешь – он тут как тут! Но помятые местами кусты и трава, разворошенные муравейники, ягода не оборванная, а жамканная прямо на кустах говорили более чем красноречиво: оно здесь!

Я решил сделать привал: попотрошить и подсолить рыбу, развести костерок и вскипятить чай. Делал я это всегда, поэтому через десять минут весело хрустел малосольным огурчиком, запивая ломоть хлеба с маслом горячим чаем со смородиной. Я сидел спиной к речке на крошечном полуострове. Мне казалось, что так все будет видно и слышно. Собственно, видеть можно было не дальше пяти-семи метров, все остальное представляло сплошное нагромождение сгнивших и еще живых деревьев так хитроумно переплетенных, что несведущий мог спросить: а идти-то здесь где. Звуки существовали в этой уреме сами по себе, как-то отдельно друг от друга. Речка булькает на шиверке, ниже по течению всплеснул,

заигравшись, хайрюзенок, сосновая шишка летит, ударяясь о сухие ветки, уголек в костре сипит от натуги, поджигая несгоревшую кедровую веточку.

Поэтому шепоток травы за спиной поднял мой загривок. Я инстинктивно подобрался и медленно, словно в рапиде медленно, начал поворачивать голову туда, откуда был слышен шорох. Я поворачивал голову и привставал одновременно. Сжались под кепкой даже луковки волос, готовые выпасть. На той стороне речки метрах в десяти от меня из высокой травы медленно поднимались две лохматые головы. Медведи! Точнее, медвежата-пестуны. Если бы кто-то четвертый посмотрел на нас со стороны, сказал бы, что у всех троих отпали челюсти. Я был внутренне готов к этой встрече, но не ожидал, что так быстро и так близко. Что думали две отнюдь не бурые, а скорее желтые башки на той стороне, я не знаю, но «какого хрена здесь?» в четырех настороженных глазах я читал определенно. Дальше все было на автомате и вопреки. По поваленной через речку березе я медленно пошел навстречу гостям ли, хозяевам ли, а на полпути неожиданно для себя и зверей присел и хлопнул себя по бокам руками, потом сунул в рот два пальца и по-разбойничьи свистнул. Свистнул так, что чуть в речку не свалился. Косолапые бросились наутек вверх по речке. «Где-то недалеко должна быть мамаша! – почему-то подумал я и тоже вопреки генным знаниям побежал, только в другую сторону.

– И что все бросил и убежал? – спросил какой-то «левый» подросток в электричке не из рыбаков.

– А я тебе сто раз говорил – доходишься на эту задолбанную речку! – запальчиво с искоркой истерики ввернул Колька Иванов. Его самого весной там пуганула медведица.

– Правда, все бросил? – еще раз спросил дед Саня, заядлый и счастливый рыбак, который несколько раз просился со мной на речку.

– Да нет, добежал я до горы, остановился, сел перекурить да и в боку кололо. Думаю удочка и рыба – хрен с ними. Очки жалко! Новые! Вчера только взял. Еще даже не расплатился. Свалил березку, выточил кол.

– А кол-то зачем? Надо было рогатину! – снова встрял подросток

– Какую рогатину, балбес? Летом медведи сытые: и человеками не питаются.

– Кол я так вытесал, для спокойствия. Ну, вытесал и пошел. Иду той же дорогой, что и убегал, а ноги что-то не особо выражают желание двигаться.

– Не в жисть бы не вернулся! Провались оно все пропадом! – взвыл еще один Саня, сторож из вечерней школы.

– Нет, дошел я спокойно. Сумка с рыбой на елке висит, удочка и очки на месте. Только желание рыбачить пропало почему-то, – с улыбкой закончил я.

– Навсегда или только на сегодня? – с ехидной улыбкой спросил.

– Поживем – увидим!

…А чего здесь смотреть? Уже в следующую субботу я бодро шагал по утренней росе все туда же, на свою речку Стахеевку. Рядом также бодро шагали два моих ученика, еда, так сказать, в ассортименте. О своей встрече на речке я им ничего не рассказал. А чего зря пугать ребятишек.

Букет для выставки

Светлой памяти друзей, подруг не нашедших…

Говорят, два цветка не ставят или ставят покойнику. Я поставил. Попрощался… Попрощался с летом… Со своими друзьями… И, как оказалось, с букетом… Долгими путями я к нему шел. Остался шлейф безумия и восторга, и даже фотографии нет. Это трудно было назвать букетом. Скорее это была область перстоуказующего Всевышним.

…В клуб любителей луковичных я попал в конце августа не случайно. Я в него сам пришел. В газете бесплатных объявлений прочитал: собираются, учатся, делятся, размножаются, покупают, обмениваются… начало в 17.00. Думаете, заинтриговало «размножаются»?

Не угадали! Я сегодня был платежеспособен. У меня был «стольник». Я, разумеется, знал, что на него укупишь разве что пару самых захудалых луковок тюльпашек-сорняков, привезенных прямо из ареала их природного обитания. Из Казахстана,

например. Сортовой «махряк-попугайчик» стоил добрую пару тысяч. Хождение по этажам в поисках указанной в объявлении комнаты с № 147 меня чуть было не сподвигло бросить затею к чертовой матери. Но тут я уперся взглядом в дверь. Табличка сообщила: я пришел туда, куда так старательно шел. Постучался – тишина. И я распахнул дверь…

Голов шестьдесят любительниц луковичных растений, покрытых растительностью странных окрасок, одновременно повернулись в мою сторону. Средний возраст молодящихся особей женского пола был тоже далеко за шестьдесят.

– Можно! – я, как мог, широко улыбнулся. – Кажется, здесь любят луковичные?

– Проходите, молодой человек, проходите. Вот сюда присаживайтесь! – расплылась в такой же улыбке, на мой взгляд, излишне полноватая ведущая и показала на место во втором ряду рядом с невысоким подиумом.

– Здравствуйте, девочки! – бодро приветствовал я (молодой по сравнению Мировой революцией) собравшихся. Головы «девочек» поворачивались за мною, словно это была сборная России по синхронному плаванию, только сорокатрехголовая. Голов оказалось именно сорок три. На лицах застыло нечто средне между, «зачем ты привел в женское отделение городской бани верную подругу и соратницу вождя мирового пролетариата Надежду Константиновну?» и «из зерна пшеницы «Элит-Донская 2009» нового урожая на экспериментальных делянах Академии Наук проклюнулись дружные ярко-зеленые всходы …конопли» Любительницы смотрели на меня сурово, но с любопытством.

Я прошел и сел туда, куда указали. А дальше все напоминало театр абсурда. Отдыхай Эжен Ионеско! Что бы и как ни говорила ведущая, оказавшаяся руководителем любителей чипполино, минут десять я был похож на финский сервелат за 840 рублей, на который смотреть можно, а потрогать или попробовать – только за свои кровные. На разных по форме и содержанию грудях белели бейджики. Я покосился на рядом сидящую грудь и внутренне ахнул: «Член-корреспондент Академии сельскохозяйственных наук Караулова Лидия Николаевна». Захотелось немедленно приколоть на свою впалую грудку лейбл типа «Межгалактическая ботаническая селекционная станция имени Калибана Хукера».

Говорили о разном: о победах и неудачах, о суперфосфате и «калийке», о черенковании абаканской смородины «Уголек» и «вялых» почвах Заобья. Говорили обо всем, кроме луковичных. Говорили без перекуров. Говорили, и, похоже, домой не собирались. Говорили хриплыми прокуренными голосами и фальцетом. Говорили с трибуны и с места. Но главным было не то, о чем говорили. Перед тем, как предоставить слово очередной «говорунье», назывались все ее регалии: должность в Филиале и звание, главная работа в растениеводстве (так называемый вклад в российскую, а равно и в зарубежную науку) заслуги перед отечеством.

А я, оказывается, втоптал свою жизнь в грязь! Тридцать лет в школе. Ну, кому это надо? Ни заслуг. Ни званий. Ни регалий. Просто любитель. Большой поклонник луковичных. В моем плебейском огороде росли репа, горох, морковь, капуста. А во все свободные клочки земли я втыкал, а по-другому и не скажешь, луковки цветов: первыми выстреливали голубыми слезами пролески и мышиные (гадючьи!) гиацинты, потом шли желтыми и алыми куртинками нарциссы и тюльпаны, еще после распускались разнообразные лилейники и лилии и завершали цветение луковичных роскошные, всех цветов и оттенков кавалеры-гладиолусы. Собрав энергию дождей и солнечных лучей, впитав энергию земли и мою собственную, мои луковичные цвели соседям на диво. И ухода особого не было, и земля не ахти на моей городской дачке, но мои луковичные были крепки и устойчивы в срезке, давали, как правило, много деток, хоть и раздаривал я их направо и налево.

И вот долгожданная выставка-распродажа! На стенах и специально изготовленных стендах во весь богатырский рост и отдельно цветок красовались выпестованные и взлелеянные руками и умами академиков от ботаники детища. Отдыхай Господь, когда советская академическая аграрная наука шествует на свой праздник в конце августа. Отдыхай Амстердам и Брюгге – главные поставщики разноцветной пахучей продукции.

– Молодой человек! Вы-вы! Подойдите сюда. Ну, смелее…– басом подзывала меня гренадерского сложения, усатая тетка. – Посмотрите, какие красавчики!

– Ко мне. Ко мне подойдите – не пожалеете! – надрывалась другая в белом переднике.

– У меня можете пощупать даже! – я с сомнением оглядел обструганную, словно лиственничный пасынок, старушку Изергиль.

– Ко мне, у меня, красота, мущщина, самые, разве дорого, 1500, потрогайте, это инвентарный номер, районированный сорт…– неслось совсех сторон.

Меня хватали за полы пиджака, всовывали в руки луковички и визитки с номерами телефонов и непременными регалиями, шептали в уши названия и сорта, сроки выброса первого цветка и сроки полного цветения.

А луковицы лежали, упитанные, гордые собою и своими хозяйками в больших коробках из-под финской обуви, разделенных на более мелкие ячейки. Каждая была аккуратно подписана на русском и латыни, упакована в целлофан, а главное – оценена по достоинству. А вот ценителей было маловато. Ходили, все трогая и тщательно ощупывая, две мадамы средних лет. Спрашивали, но не покупали. Тетка в сиреневых рейтузах, не обращая внимания на конец августа, пыталась наладить мелкий опт.

А дальше случилось вот что. «Усатый гренадер» в женском обличии выбралась из-за своих лотков и первая громко заявила, на ходу отдирая ценник с пакетика, в котором лежала огромная луковица.

– А не надо денег. Так берите. Вот мой сотовый. У вас седьмая климатическая зона, у нас – пятая. Как проклюнется – звоните! – она протянула мне здоровенную луковицу гладиолуса, а из-под усов сверкнула виноватая улыбка. – Мой! Сорт называется «Подари мне улыбку». Пусть растет.

Это был сигнал… Со всех сторон ко мне потянулись руки Шершавые от вечной возни с землей, горячие от великой любви к своему делу и к нам, простым смертным, с синими узлами вен от несусветой работы. Мое мужицкое сердце дрогнуло. Мне стало стыдно. Словно я – болван устроился не паперти, как положено, а в нарушение всяческих инструкций на крыльце Госдумы, и вот депутатский корпус вместе со спикерами верхней и нижней палат, перед тем, как усесться в черные лакированные авто ослюнявливает мне, кто сколько может, а могут они …до фига.

Зима в этом году тянулась, как бийская жвачка образца 1980 года. Казалось, весны не будет и вовсе. Но небо становилось все синее. Земля на припёке курилась паром в теплые дни. Луковицы-

подарёнки от нетерпения быть бережно закопанными в плодородную почву гнали стрелки, вялые и блёклые,и лопались по бокам. «Подари мне улыбку» лежала отдельно и ждала своего часа, но весенняя суета сует вынула все луковки из пакетов, напрочь перепутав надписи с именами и сроками.

Весенние хлопоты сменились заботами не менее важными: прополоть грядки, распикировать, пропасынковать, огрести, пересадить, укрыть и просто полить. Успевай поворачиваться! Огород у меня английский – растения усаживаются на землю, где пожелает левая пятка хозяина. По всему плодово-овощному покрытию законной площади высаживаются цветы и кустарники согласно никому не известным его художественным замыслам. По десять раз все выкапывается и переносится в другое, ему одному известное место, чтобы на следующий день снова быть выкопанным в его лысой голове-то все давно цветет и колосится! Соседи впадали в ступор от моих посадок.

– Вот сейчас, Петрович, ты что садишь? – обламывая прожилины могучим туловищем, спрашивала с любопытством Марина – соседка слева.

– Лук-сеянку, – отвечал я, поворачиваясь циркулем вокруг собственной оси.

– Грядка-то круглая будет что ли? – это уже Галка – соседка справа.

– А кто тебе сказал, что они должны быть прямоугольные?

– Так мама ж… И люди так! – как-то неуверенно промямлила Галка.

– А лунка-дырка в середине зачем? – не унималась Марина.

– Здесь будет жасмин королевский! Чубушник по-вашему…

– А мы так посадим – вырастет? – раздвигая доски забора, напирала уже в моем огороде Галина.

Я выпрыгнул из своей круглой грядки на дорожку и, подхватив из коробки крепкий саженец, успокоил соседок.

– Если есть связи с Никитским ботаническим садом, пробуйте. У вас девочки непременно вырастет и зацветет.

Летние дни бегут быстро. Внуки пробовали первую малину, щипали горох и бобы по всему огороду. Отцвели и лежали засыхающими головами пионы. Лилейники и лилии вспыхивали и угасали то в руках проходящих девчонок, то в вазах на моих столах

и подоконниках, то просто на земле. Громадная датура – дурман обыкновенный – развесила такие же невероятных размеров бело-фиолетовые плафоны, когда в грядке чеснока расцвел первый гладиолус. Светло-зеленые стебли-ножи раздвинулись и пропустили первый цветок. Где потерялась моя «улыбка», сказать было трудно. Да я и не искал. Сердцу художника расцветок и форм было достаточно.

И вдруг…Нет, не правильно! В ботанике ничего не бывает «вдруг». Вдруг – в человеческих ощущениях. Я запомнил этот день, потому что пропали… люди. Их на нашей «деревенской» стороне было и так не очень много, а тут средневековая чума прогулялась. Момент трех первых цветков на «улыбке» я пропустил. Ну, не кричать же ему: «Стахеев, смотри! Вот! Вот же я… Да не туда смотришь!»

Я увидел его в субботу в шесть. Крест во все брюхо, я не заметил, как рот мой потащило в стороны. А он – «Подари мне улыбку» – стоял рядом с двумя «желтяками», с полувзгляда даря, что было обещано именем. Оторваться было невозможно. Теперь вижу, что и слова бессильны описать его красоту. Семь крупных цветов в колосе, уменьшаясь к вершинке, были иссиня-белыми. Помните раньше, когда бельё кипятили и добавляли синьки, оно после сушки в морозный день, приобретало точно такой же оттенок. Лепестки, слегка гофрированные, складывались в великолепной формы чашечку. Но самым поразительным был алый шлейф на верхнем. Мазок неуклюжего ребенка, добравшегося до папиных красок или маминой помады и решившего раскрасить бесцветный рисунок. Мазок был на элегантной чашечке настолько «топорным», что вызывал невольную улыбку. Все вместе производило неизгладимое впечатление. Природа в соавторстве с усатым гренадером подарила мне и миру флористический шедевр.

А дальше все было «до не моги» смешно. Я побежал за фотоаппаратом. Цифровой агрегат – во, точно – гад! – выдал мне, что все занято. Когда я лихорадочно сбросил, не глядя, кадров десять, он бесстрастно сообщил, что разряжена батарея. Скоростной поиск новых – ни к чему не привел. От растерянности я гладиолус… срезал. Поставил в одну из самых красивых вазу – кисловодский белоснежный фарфор. Ваза сразу стала ночным горшком – не в обиду мастерам сказано. Я метался по квартире, не зная, что

предпринять. Взял вместе с вазой и помчался в …школу, где работал. Странно! По дороге мне не встретился ни один человек.

Суббота. Вечер. Техничек уже нет, кочегаров еще нет. Об учениках и учителях и говорить не приходится. Кто-нибудь! Ну, посмотрите на это чудо! Пошел медленно домой – никого. Сегодня в девять везут от станции юных натуралистов букеты в область. Надо срочно вазу. Перепробовал все свои. Не то! Нужно что-то особенное, достойное. А что если пластиковую бутылку. Наитие. Кураж. От пятилитровой отваливается голова. Теперь полоски пошире. А три широких поуже. Огонь! Нужен огонь. Свечку. Вот! Полоски прихотливо извиваются и замирают. А укрепить как? Кирпич с дырочками пополам. И еще пополам… на дно его.

Воды в бутылку. Встал, как с этой бутылкой произрос. Нужно сюда еще что-то. Оттенить! Усилить впечатление! По дороге из школы видел в грязном кювете репей. А что, если попробовать. Бегу, вырываю весь куст. Так! Почистим перышки ему. Три движения секатором, и репей уже щетинится модным «бобриком». Ну, пробуем… Оно. Им только вместе. Роскошная, элегантная «улыбка» и подсохший, но еще колючий, репей. Принц и нищий. А что? Так и назову букет – «Принц и нищий». Я передаю букет оторопевшей руководительнице юных натуралистов и говорю своей «улыбке» – в добрый путь! Скольким людям еще подарил улыбку цветок и мой букет – неизвестно. Но знаю, уверен – подарили.

А в конце сентября мне передали с моими учениками диплом участника областной выставки: «Цветы в нашей жизни».

Пигалица

Учительница начальных классов Елена Александровна села и, вздохнув, открыла журнал:

«Вперед и с песней!».

– Анучина Валя! – она подняла глаза на класс.

– Здесь! – чуть привстала плотная девочка с большим голубым бантом и вдруг неожиданно низким голосом добавила. – Куда я на фиг отсюда денусь?

– Ты не можешь без своих вечных приговорок, Валя? Бондарев!

– Я! – улыбаясь и корча страшные рожи, по-солдатски резко вскочил шустрый быстроглазый мальчишка.

– Витрук!

– Ту-уточк-и-и, – растягивая слово, словно резину, ответил увалень с третьей парты.

– Хорошо. Только не «туточки», а здесь надо отвечать, – учительница со вкусом называла фамилии обучающихся. Начиналась третья совместная осень в жизни первоклашек. Сентябрь чуть-чуть поджелтил листья тополей в школьной ограде, клумбы украсил нарядными астрами и душистыми левкоями. Центр небольшой рабатки напоминал парикмахерскую перед праздником. Над пестрой мелкотой возвышались три огроменных георгина, которым вот-вот должны были сделать укладку. В прозрачном воздухе невесомо реяли серебристые паутинки, бесследно исчезая в умопомрачительной синеве неба. Если быть до конца честной, то ей, молодой учительнице начальных классов, было невероятно трудно сегодня переключиться с летней беззаботной жизни на рабочий лад. Она медленно продолжала перекличку.

– Осокина Таня здесь?

– Угу!

– Что это за «угу»? Я же сказала, как нужно отвечать, – осерчала учительница. – Перескокова?

– Здесь я, – крышка парты приподнялась, стукнула, и из-под нее выкарабкалась премалюсенькая девочка-пичужка: глазища-блюдца, виноватая улыбка.

– Я здесь. Вот я, – она обеими руками показала на себя. – Не видите что ли?

Весь класс покатился со смеху. Учительница тоже рассмеялась. А уже через минуту 3 «А», галдя и толкаясь, понесся по школьному коридору на улицу: перед рисованием они а десять минут выходили на прогулку. Это была валеологическая заморочка, которую предусматривал поурочный план. На самом деле эти десять минут были ярким доказательствам того, что в сентябре бывает тепло и солнечно, что, что дети могут кричать и бегать на воздухе просто от полноты чувств, а броуновское движение – вовсе не выдумка.

Елена Александровна, сунув руки в карманы новенькой «джинсовки», наблюдала за своими сорванцами. «Вон Руська

Бадмаев. Вытянулся, загорел. Носится-то того и гляди –разобьется. Лебедев с Марковым! О чем это они спорят? Поругиваются, но без ярости. Настя Козлова. Вот кому все времена года хороши. Всегда смеется. Валя Перескокова, пигалица, рассмешившая всех. Что это с ней? А Валя на цыпочках, подняв ладони перед собой – внимание все! – крадется к старой акации. За нее вдоль низенького заборчика следует весь класс. Учительнице остается двигаться за всеми. Она ни-че-го-шень-ки не пони-ма-ет! Никто не понимает, что мог увидеть ТАКОГО этот большеглазый ребенок, лишенный материнского тепла и заботы и отцовской твердой руки, девчушка-кнопочка, опекаямая чужой бабушкой. Учительница смотрела вместе со всеми во все глаза. Ничего! Потом присела рядом с Валюшкой и проследила, куда указывает пальчик ребенка. Проследила и… онемела, застыла в восхищении. Потом, как Валя, подняла перед собой ладони – внимание все! – и жестом заставила присесть остальных ребят. В гамаке из полупрозрачной паутинки, растянутой меж забором и акацией, покачивалась, сияя и переливаясь на солнце, жемчужная капелька. Она легонько раскачивалась на невесомых качелях.

– Вау-у! Вот это да! – кто то прошептал над ухом учительницы.

– Красоти-ища-то какая! – почти хором выдохнул класс.

– Здоровски! Класс!

– Невероятно! – подвела черту учительница.

Вот он – момент истины. Теорию она в свое время сдала на «отлично». «Бывают ли чудеса в педагогике? – спрашивала себя и сражу же отвечала. – Крайне редко». А сегодня все сошлось! Малопонятный Чюрленис и по-сократовски мудрый Пришвин, великий детолюб Чуковский и Мицар с Алголем в Большой Медведице – она все несла в клюве своим детям. Её ученики сейчас видели прекрасную картину мирозданья. Не увидели – поняли, и Великим своим Пониманием готовы были поделиться. Учительница смотрела на неожиданно повзрослевших учеников и тоже понимала – на её глазах рождаются Творцы.

А Руська Бадмаев взял палку, провёл ею вдоль забора, и жемчужная капелька вместе с невесомой паутинкой исчезли, как и не было. И только возле забора стоял, опёршись на корявый сучок, далёкий потомок Чингиз Хана.

Три важных открытия!!!

Я все помню, ЛЮБА!

Я с трудом оторвался от ее губ – они пахли майскими ландышами!

– А давай поженимся, Люб! – я держал ее за руки и смотрел в глаза. Глаза были жутко-зеленого цвета, чуть подслеповатые и какие-то беззащитные. – Я совсем не могу без тебя.

Без нее я до сегодняшнего дня мог. Даже легко. Но день сегодня был странный. Зачем я открыл эти дурацкие качели? Без ключей. Какой-то отмычкой! Мы лежали на жухлой траве, а полуголые парковские кусты и деревья взмывали вверх и, пританцовывая на лету, плавно опускались вниз. Казалось, к горлу подступало все, что было съедено за месяц! Как и ее глаза, зеленые черти умирали со смеху. А потом мы вскарабкались на парашютную вышку! Видели кино? Два придурка-филолога танцуют вальс «Под небом Парижа» – пам-падам-падам! – на вышке, почти на небе Иркутска. Это горизонтально-вертикальное качание-кружение выкинуло нас на набережную Ангары, заставило перейти по бетонному мостику на остров «Юность» и присесть на поваленную и уже никому не нужную нырялку. Возле реки остро пахло водорослями. Я уловил едва различимый еще какой-то запах, но не придал ему значения. Сначала мы замерзли… Потом обнялись… Потом…

«Потом» наступило в семь часов утра – на небе, как в кинотеатре лампочки, гасли звёзды.

– Давай! Я тоже без тебя не могу, – твёрдо сказала Люба.

Три очень важных открытия я сделал за эту коротенькую ночь. Соструганы мы были друг для друга. Там, где у неё были выпуклости, у меня – впуклости, где у нее – бугорки, у меня – ямки. Это первое! Вторым открытием было то, что обнимать и целовать любимого человека можно бесконечно долго. А вот третьим был запах! Запах ТВОЕЙ женщины. ОН проникал в каждую пору тебя, заполнял пустынный берег Ангары и все мировое пространство. Он волновал, тревожил и дарил надежду! Мы говорили. Мы болтали всю ночь! Оказывается, можно разговаривать губами и руками. Впрочем, каждая реплика этого божественного сценария прописана. НИКАКИХ ЛИШНИХ СЛОВ!

Пятьдесят семь лет прожила Люба без месяца на белом свете. И уже три года в моём сердце. Я все помню, Люба! Дела, слова, движения, взгляды. А еще любимый запах…

Так пахнут, Люба, наши внуки!

Лови момент

Светлой памяти ясноглазой жены моей Любы.

Мысль я все же поймал. Правда, она всё равно крутилась, обрастая какими-то мелкими левыми маслятами, жирела от невероятных подробностей и тут же хирела, теряясь в необъятных планах на день, тусклых, подернутых паутиной воспоминаниях, крутой и несваримой каше всего того, о чем думает заурядный учитель русского языка и литературы, основ безопасности жизни и технологии в одном флаконе. Расписание на сегодня: первый – второй русский – литература в 9«а», третий – дыра, четвертый – пятый ОБЖ в 7-х и снова дыра. Во второй смене два первых урока труда и 5 «б», 5 «а» – ОБЖ, четвёртый – окно и пятый-шестой ОБЖ в восьмых классах. Не слабо! Как там, у классика: «…и такая дребедень целый день». А 2-е февраля вовсе не простой день в моей, да и не только в моей, жизни. В этот день я сдавал государственный экзамен по артстрелковой подготовке. Этот экзамен – событие планетарного масштаба. Конечно же, от того, как стреляют филологи-пятикурсники, напрямую зависела обороноспособность великой страны. А ещё и потому, что их осталось-то из трёх десятков, пятеро. Пятеро, но каких!

И третье: АСП мы сдавали Черепу – так ласково прозывали студенты своего преподавателя абсолютно лысого и абсолютно глухого подполковника Телегина. Это из-за его предмета вылетали с курса или переводились на заочное будущие Боровики и Песковы. Это сам Телегин родил поговорку: «Сдал АСП – можешь размножаться», что и хотел я этим же днём благополучно сделать. К пяти часам я должен был успеть на регистрацию, то есть экзамен я должен сдать всенепременно. Да, заморочку господь мне придумал симпатичную! В девять – начало экзамена, в пять – регистрация, в шесть нас ждал банкетный зальчик ре-

сторана «Ангара», а потом… Вот до этого «потом» мне нужно было поразить три цели из гаубицы калибра 122 мм. образца 1938 года. Только стреляли мы не из орудия, а теоретически – на приборе управления огнём. По теории вероятности, которую придумал блестящий физик Энштейн, неплохой лирик Стахеев должен был поразить все цели с первого раза, но по дурацкой теории «бутерброда» я в неё не должен был попасть вообще. «Бутерброд» сработал: толи порох в седьмом заряде отсырел, толи я не учёл доворот на деривацию, но мой первый снаряд улетел на двести метров левее и на добрых полкилометра дальше. Я занервничал. Видно, рано мне жениться, если с первого раза в цель попасть не могу. Телегин пожал плечами: «Перезаряжай!» Уменьшил прицел, довернул правее двести метров, учёл поправку, поменял заряд…

Экзамен я сдал в половине третьего дня. Сдал на «отлично», но был выжат, как лимон. Я летел по Маркса на Фурье, не чуя ног, за свадебным костюмом. Догадайтесь с трёх раз, успели его сшить к моему приходу? Правильно! Не успели! Мы же тогда ещё жили пятилетками. Прямо на мне за отдельно взятую плату застрочили прорехи и со словами: «Ну, в добрый путь!» ласково, хорошо не взашей, вытолкали на улицу. В этом одноразовом «уэтовище» я помчался в общежитие, где томилась в ожидании моя избранница-однокурсница и одногруппница. Она, в самом деле, томилась: «Сдал ли, взял ли, успею ли?» Сдал, взял и, разумеется, успел. Иначе не появился бы этот рассказ.

Не раз сам себе говорил: лови эмоцию! Поймал – тащи её. Вытащил – на крепкий кукан посади. Обрадовался или опечалился, засмеялся или заплакал, заставь себя сесть и записать. Это и есть надёжный кукан. Тащи за волосы себя, как великий Барон, к компьютеру, тетради или простому листку бумаги. Хватай ручку, огрызок карандаша, печатай, если умеешь и успеваешь. Не обращай внимания на ошибки, описки и опечатки. Это всё поправишь после. А вот саму мысль уже не поймаешь, не догонишь. Упустил! Ломай теперь голову, вспоминай. Утром позвонил сын:

– Привет, па! – отрадно было слышать его голос, тем более что две предыдущих ночи потрачено на то, чтобы у тридцатипятилетнего ребёнка в голове был порядок, а в душе покой.

– Рад тебя слышать, сын мой, – обрадовался я.

– Я тебя поздравляю вроде как с праздником, – басил в трубку великовозрастный сынок.

– Это, с каким же? – прикинулся я валенком. – С днём сурка что ли?

– Сегодня же второе февраля. Сурка блин! Вы же с матерью поженились второго, – в голосе сына было лёгкое удивление.

– Да нет, сынище, я всё помню, хорошо помню, досконально, до мельчайшей подробности. Рад несказанно, что и ты помнишь, какому дню ты обязан своим появлением. Спасибо тебе, – я, действительно, был тронут его словами и его волнением.

Я положил трубку, и вновь тот пасмурный день в начале февраля 1974 года предстал, как на телевизионной картинке. Если бы ты знал, сынок, от скольких кажущихся сегодня незатейливыми мелочей зависело твоё появление! Твоя будущая маменька твоему будущему папеньке ещё на первом курсе залепила такую оплеуху! И кто была она, и кто был я? Она член факультетского бюро ВЛКСМ, член профсоюзного комитета университета, заместитель председателя студсовета общежития, слушатель факультета общественных профессий и участница Театральной студии. Б-р-р! Перед ней трепетал весь факультет. Я же был простой читинский парнишка, не отягщенный великими знаниями, общественными поручениями и какими-либо комплексами. Её я УВИДЕЛ ещё тогда, когда она щёлкнула по носу моё самолюбие. Удивить, сын, твою мамочку, это надо было обладать семью пядями во лбу. Видимо, они у меня были эти семь пядей. Вначале второго курса я прописался в том же общежитии. В конце второго – я стал общежитским Глобой. Студентки четырёх факультетов (в их числе и филологини) записывались за месяц вперёд погадать: что было, что есть, что будет и чем сердце успокоится. Записалась и она. Верх взяло женское любопытство:

– Мне сесть или как? – я открыл глаза. На будильнике было семь. Передо мною стояла твоя мамахен с новой колодой карт и бутылкой «Столичной». Она, оказывается, знала таксу, значит, интересовалась?

– Лучше сразу лечь! – дерзнул я схамить скорее от растерянность и буркнул вдогонку, – Членам КПСС женского пола не ворожу! Мне стало почему-то невыносимо стыдно.

Я плохо её знал. Точнее, совсем не знал. Её изумрудно-зелёные глаза вспыхнули каким-то непонятным светом, но, на удивление, робко (она знала про себя, что было, знала, что есть, но ей, как и всем, страстно хотелось узнать, что будет) сказала.

– А ты попробуй! Говорят, у тебя классно получается, – кинула она подлещика.

– я не смогу тебе, Люба, погадать, – её голые коленки смотрели прямо на меня.

– Почему? – она машинально дёрнула платье.

– По хрену да по кочану! – ответил я любимым её выражением. – Не знаю почему! Не могу и всё!

Ну, не мог же я ей сказать, что у тех, кто гадает, существует поверье: нельзя гадать любимой и на любимую – плохая примета. Уже семестр я садился на лекциях так, чтобы видеть её в любую минуту. Уже четыре спектакля по пьесе Гольдони, где она блестяще, на мой взгляд, играла служанку, ей разные неизвестные личности преподносили (это я их просил) кроваво-красную розу. Уже пару месяцев, разливая «Портвешок» по стаканам или сдавая карты на партию покера, я прислушивался к голосам в коридоре. Но главное начиналось ночью. Ты представляешь, сын, куда могли ночью занести твоего папика филологические фантазии? Мы сдавали в это время «зарубежку»: Дюма-отец, Дюма-сын, Бальзак и прочие, а жили в женском общежитии, где мужских комнат было не больше десятка.

– Ты прости, Люба, не могу. Попроси своих девчонок, у них тоже получается, – я не мог смотреть в её пронзительные глаза.

– Жаль! А я в тебя верила, – знала бы ты, сколько лжи ещё между нами встанет. Она бросила на кровать нераспечатанную колоду, аккуратно поставила на тумбочку водку и, не прощаясь, вышла.

Многое ещё должно случиться и столь же многое не должно случиться, чтобы появился ты, жданный, долго жданный, наш любимый сынок Санька. Ещё будет немыслимый вальс на железной крыше парашютной вышки в парке Горького. Ещё будет сумасшедшая ночь на пустынном пляже острова «Юность». Ещё будет впереди жареный на вертеле кролик-заяц на берегу Байкала в Лиственичном. Ты ещё пока мечта, мираж обретший имя. Лови момент, сын! А 2-е февраля пусть, действительно, будет твоим и твоих детей праздником. Он подарил вам жизнь!

Когда на улице – 45

Когда на улице – 45, я ваяю! Когда двадцать и другие градусы мне некогда, а когда –45, – ваяю. Я В А Я Ю Б-О-Р-Щ! Не варю, не забрасываю походя ингредиенты, а именно ваяю. А сегодня мы делаем это вместе.

Ну, первым делом вода! Хорошо Ю.Высоцкой: у неё всё всегда под рукой. И вода в том числе. Да нет! Нет, колодезная не годится! Жестковата. Не отдаст ей ни мясо, ни овощ свои бездны вкуса. У меня для такого случая заготовлена (чего ей сделается!) водица с Моей речки. Свиная косточка уваривается за урок. Проверено. Урок-то прошел, а ты ждешь. Дальше картошка. Можно вместе с косточкой, но тогда круглая. Иначе, пока суть да дело, разварится. Мясо на дуршлаг, но сито лучше. Опять стоишь? Неси капусту, доставай шпик, лук, морковь, свеклу. Не торопись! Убери огонь и всыпь горсть сушеных белых грибов. Да, можно-можно другие. Соленые, маринованные… Маслята, опята… Но ты же не варишь – ваяешь! Тогда жменьку БЕЛЫХ СУШЕНЫХ. Дай им раскрыться, дай, а пока слегка смой капусту. Это не щи. Смывай и – в кастрюлю! Крышкой прикрой. Тебе хруст капустный убрать нужно. Да не стой! Режь шпик и потоньше. Еще тоньше. Как малышу пальчики из белого каррарского мрамора. Во-от! Годится. На сковородку его. Нет-нет! Эта мелковата и маловата. Овощи, овощи не пропусти. Ты сейчас Вагнер Лав из ЦСКА в штрафной площади «Эвертона». Не суетись! Овощ пополам. Один варится, другой жарится. Показываю один раз.

Финт. Шпик выжарился. Морковь туда. Чуть корочка!

Обводка. Свекла пошла. Ставь на шестерку. Чуть корочка!

Еще финт. Лук! Ну, где лук? Вовремя. Чуть корочка!

Ф-фу! Перемешивай и снимай. Быстрее снимай. Все! В сторону. Это верный гол! Ставь снова кастрюлю, убирай огонь. Налей себе чаю, перекури, отдышись, осмотрись. У тебя две минуты. Можешь взять ложку. Попробуй. Тонкий-претонкий аромат белых грибов? Есть! Со специями не торопись. Все загубишь. Выливай тогда в унитаз и начинай по новой. Можно было все покидать и перед готовкой. Да сожрать и не такое можно, если приспичит. Все, соберись! Ты – Акинфеев, и тебе бьют пенальти! Куда специи? Мы ваяем БОРЩ! Снова овощи. Вторая половина. Тонко, но крупно.

Можно целиком. Вот такие оранжевые и бордовые кругляшки. Свекла отдаст цвет, морковь больше для антуража. Если есть соленый или свежий помидорчик – не помешает. Но ничего не добавит. Разве что оттенок алого. Это как в симфоническом оркестре вторая первая скрипка. Вот специи пошли: петрушка, лаврушка, укроп, перец. Пять горошин душистого. Теперь из сковородки в кастрюлю и дай закипеть. Все, убрал с плиты. Ставь снова сковородку. Зачем-зачем? Откуда я знаю? Внутренний посыл! Вдохновение, если хочешь. Горячая? Черпани ложку мучки. Смотри, сразу коричневеет. Запах хлеба чуешь. Мешай, отскребай ложкой. Все! В кастрюлю её. Смотри! Взвеси отрываются от коричневых островов и медленно тонут. Да, это не для цвета. Закрой крышкой. Ничего, что сто раз. Пусть постоит минут десять. Не бойся, не остынет! Режь хлеб, доставай сметану. Перец молотый можно, кто любит поострее. Не забудь пару зубчиков чеснока.

Наливай в глубокие тарелки. Нет, возьми белые из корейского фарфора. Да-да, эти. Так, клади сметану! Почему ложка стоит? Домашняя для такого случая. Пробуем.

Класс! Ни один уникальный вкус не высовывается из общего вкуса БОРЩа. Все тонко, как соловьиные языки и звонко, как его песня. Когда есть? Ну, ты сдурел. Это же произведение искусства. Мыслимо ли, чтобы Роден съел своего «Мыслителя»?

Я ваяю только когда на улице – 45!

Баргадайская дуэль

Становятся старики со временем дураками. Или совсем детьми, глупыми и несуразными. Хотя, если посмотреть на эту историю, глазами детей…

Александра – дочка моего старинного приятеля – тинейджерка и отличница, ученица двух школ, большая оригиналка с огромными глазищами стала невольным свидетелем и третейским судьёй в нашем стариковском извечном споре.

– А ты, Отец, в лоб его! По-другому его не уймёшь, – тряхнув челкой, закрывающей глаза, сказала ехидно она, – и твоя победа!

– А вы, дядя Сережа, очки ему расхлещите! Он же себя любимого даже потом не увидит, и победа будет за Вами, – глаза её задорно сверкали.

– Вот что, дедушата, господа-товарищи взрослые! Чего ж от жажды умирать над ручьём? Дуэль… Пусть будет дуэль! РасхОдитесь на двадцать шагов и вспоминаете или придумываете веселую весеннюю историю: о любви без секса, о весне без грозы в начале мая, о девочке, которая на шею… О небе, цветах и птицах. О чем хотите… Чья история меня больше рассмешит до слез или взволнует до мурашек на шкуре сердца, тот и победил. Короче, я бросаю монету. «Орел» – ты, Папочка, первый. У вас – полчаса. Только не умирайте до срока, пожалуйста!

В этот весенний день мы втроем бродили в окрестностях небольшого городка, подставив яркому солнцу две замшелых лысины и мелированную головку с прямой челкой. Говорили обо всем: о вечном, о школе, о дорожающей не по дням, а по часам энергетике, о Бирюсе и Оке, которые откроются этой весной раньше положенного срока. Фразы летали от дерева к дереву сами по себе, никого ни к чему не призывая и не требуя ответных реплик. Отечественный красноголовый дятел, выискивая сухие сосенки, торопливо выстукивал морзянкой послание своим европейским собратьям: «Сюда, пернатые! Тук-тук! Короедов валом! Тук-тук-тук! Дятлы всех стран, объединяйтесь! Тук!»

– Дуэль… Что ты, ребенок, знаешь о дуэлях? – сердито засопел Отец.

– Пушкина на дуэли Дантес… того…ранил. Лермонтова – Мартынов. Нам наша Клава еще осенью рассказывала. А тебе что-нибудь не нравится? – девочка училась в девятом классе и, конечно, знала, что два наших великих поэта погибли на дуэлях.

Я присел на поваленную ветром или старостью полусгнившую березу. Присел и задумался. А что, собственно, я знаю о дуэли? Знаю, что это одна из форм сатисфакции, или удовлетворения. Но требовать ее от старого друга я не собирался. А еще можно попросить прощения. Но за что? Я не оскорбил ни словом, ни действием его самого, его жену и детей. Я не «наезжал» даже на его произведения. Сказать было ему что, но случая не представлялось. А наши пикировки, где проскальзывали иногда дикие и домашние животные, это была наша обычная привычная ироничная форма общения. Так повелось с момента нашего знакомства и по-другому не мыслилось.

Дуэль… Была в моей долгой жизни таковая, которую и сейчас вспомнишь – легким морозцем шкуру подирает.

– Я готов, мадам, и согласен на все ваши условия. Зови папахена и бросай монету!

– А я никуда и не уходил. Вот он я. Но, скажу сразу, у меня давление, а завтра на работу… Так что при любом раскладе, я – в воздух!

– Привык на своем «Химпроме» воздух вечно портить и здесь тоже, – буркнул я и, не торопясь, начал…

…Зеленые мы были, как советские «трёхрублёвки». Студенты-филологи второго курса. Вы думаете они целыми сутками учили грамматику старославянского языка или рыдали, читая запоем о злоключениях славного идальго, рыцаря печального образа? Были, разумеется, и такие. Но той весной 197… года мы были захвачены Игрой. Нет! Мы не расписывали «пульку», не надевали «шубы» и не загоняли «хорька». Мы играли в «Три листика». Невинная забава, которая могла оставить и без того маленькой стипендии, и без штанов (я извиняюсь – без брюк!) Пока все понятно?

Поехали дальше… Комнаты, лица игроков, ставки менялись, как в калейдоскопе. Проигравшие уходили куда-то, искали и занимали мелочь и садились снова. И снова проигрывали… И снова уходили… Народ был разный, но основу составляли журналисты, филологи, биологи и химики, проживающие в общежитии. Приходили и чужаки: политехи, медики, геологи. Иногда бывала у нас и околобогемная молодежь. Этот пришел в воскресенье, назвался Володей, актером н…ского театра, но не сел за три вечера ни разу, ни разу не поставил на кон. А на третий вечер, когда основная масса желающих испытать судьбу схлынула, он выставил бутылку марочного «Портвейна» и предложил:

– Может, перейдем ко мне? Я тут недалеко… Немного повысим ставки, интерес будет другой! У меня есть растворимый кофе и куча соленых сушек…

Надо ли говорить, что за растворимый кофе студент «семидесятых» пошел бы пешком через весь город, хоть в Пивовариху, хоть на Синюшину гору….Вопросов нет? – обратился я больше к нашему неподкупному рефери.

– Пока все ясно! Весна и азарт есть, посмотрим, что дальше! – скромно потупилась, нарочито хлопая длиннющими ресницами девушка.

…Встретила нас хозяйка, гостеприимно распахнула двери. Благоустроенная квартира была со вкусом обставлена мебелью.

– Проходите, не стесняйтесь, будьте, как дома, – произнес дежурную фразу хозяин и скрылся на кухне.

– Татьяна! Можете просто Таня, – улыбнулась девушка. – Мы с Володей играем в одном театре и даже в одном спектакле. Театр собирается на гастроли, и мне нашли дублёра. Так сказать второй состав. По совместительству я его жена.

Молодой женщиной мы были очарованы. Глубокий, редкого оттенка голос. Роскошные темные, с какой-то замысловатой заколкой волосы. Удивительно тонкого рисунка было лицо. Она еще раз щедро нам всем улыбнулась, сверкнув великолепными зубами, сделала странный, какой-то легкомысленный книксен. При этом её драконово-павлиновый халатик распахнулся, отчего наши четыре сердца забУхали гулко и в унисон. Мы…это я и Генка Лебедев, два заурядных филолога, Гена Погорелов, который учился на химфаке, был рыж и нагл до чрезвычайности, и будущая надежда журналистики Гриша Гильбург.

– О-о-о! Появляется интрига! Гильбург… Гриша… Странно! – сверкнул очками мой друг-писатель.

– Зря иронизируешь, Александр! Гриша – это гимн мужским красоте, здоровью и силе. Девушки общежития № 2 выстраивались в очередь к Григорию и отнюдь не стихи его послушать…– сказал я и продолжил свой рассказ.

Татьяна произносила свой монолог и улыбалась нам всем, но ощущение было такое, что говорит она только Грише, спрашивая глазами: «Кто последний?..»

Ставки мы подняли, но не очень. Не было смысла. Володя все время выигрывал, отвечая на самые высокие и нелепые ставки. Играли уже месяц. Играть было у молодых артистов приятно. Мы попивали кофе, говорили о театре и актерах, о просмотренных спектаклях. Володя играл блестяще, амплуа его были, казалось, безграничны. В одну из суббот он объявил, что театр завтра (то есть в воскресенье!) уезжает. Но не на гастроли, а на розовский фестиваль ТЮЗов Сибири и Дальнего Востока. Это займет две недели времени, но мы, если того желаем, можем собираться, как обычно. Татьяна остаётся дома, так как ни в одном спектакле Виктора Розова она не участвует.

Ничто не предвещало ничего! Хоть бы ваза какая хрустальная упала с серванта! Мамаша бы Гришкина из Улан-Удэ позвонила бы и попросила бы – Сынок, приедь, а! Приболела что-то я немного. Гроза бы какая, ливень, слякоть. Ведь конец апреля! Ничего…

Сказать, что мы не видели, как Гриша из игры выбыл, не скажешь. Сказать, что мы не слышали шорохов и подозрительной возни, скрипа и вздохов, глупо. Но если бы зрители в Хабаровске сегодня присмотрелись во втором действии к Володьке, где он играл «В поисках радости» главного героя, они бы увидели, что радость герой ищет напрасно и не найдет ее никогда, а на Володькиной голове медленно, но неукоснительно пробиваются маленькие рога, грозящие обрасти все новыми ответвлениями.

Здесь все понятно? Играть мы больше не ходили. Было неловко за нашего беспутого товарища. Студенческие связи, легкие, как весенние ветерки, были, если не основой советского общежития, то занимали в жизни большую часть времени. Мы все были свободные, как те же ветерки, а связи ни к чему не обязывали…Но чтобы покуситься на мужнюю жену…

Володя приехал ровно через две недели, как и обещал. Когда меня вахтерша позвала к телефону, он в трубку сухо и жестко не сказал, скорее приказал:

– Приходите вечером, есть разговор… Сыграем. Приходите все. Обязательно все! – он нажал сначала на «обязательно», а потом на «все».

– Придем! – коротко бросил я. Страшно не было

Пришли вечером все. Отводя друг от друга глаза, толпились у двери. В комнате расселись, кто куда. Мы с Генкой сели на диван, Рыжий-Погорелов присел на корточки возле окна в зале. Гриша подпирал косяк! Татьяны не было видно… В комнате висело напряжение, но страшно не было

Володя тщательно вымыл руки на кухне, чтобы не проходить в ванную и не задеть Гришу. Потом он открыл шеньон плательного шкафа, демонстративно достал белые лайковые (откуда?) перчатки и, скомкав одну, бросил Грише в лицо.

– Я требую сатисфакции! Завтра. На Старой горе в 11, – казалось, у Володи продумано и отрепетировано было каждое слово. – У меня есть ружьё, – отцовский «Зимсон». Татьяна все рассказала… Я принял решение. Вы, Григорий, стреляете первый. Не спорьте! Я решил…

И утром не было страшно. Скорее сумрачно, но как-то по-детски суетно.

Гриша первый взял ружьё и выстрелил с одной руки в воздух. Он улыбнулся гусарской улыбкой и отошел на двадцать шагов, как и договаривались. Володя, не торопясь, переломил двустволку и достал из кармана патрон. Так же не торопясь прицелился. Выстрел и крик раздался одновременно. Крик страшный, леденящий душу…Мы побежали машинально к Грише. Он катался по сухой траве, держа руки меж колен. Впрочем, держаться похоже ему было не за что…

История получила огласку. Большой морально-этической статьёй разразилась «Советская Россия», Гришу месяц латали, а потом он перевёлся на журфак другого вуза. Актерская семья переехала в другой город. На Старой горе расцвели, как всегда подснежники. Расцвели вовремя…

Я закончил рассказ и закурил. Сердце колотилось, как будто на Старой горе расстреливали меня. По лицу моего старого друга пробежала тень и спряталась в уголках глаз. Девочка смотрела на меня широко распахнутыми глазами: «А как ты с этим жил?»

«Жил…Вон сколько жил! Почти сорок лет! Так что дуэль дуэли рознь. Бывает, что рикошетом прилетает и секундантам, жалким и трусливым людишкам. Которые в свое время промолчали…»

Мы все трое вышли к развилке дорог. На развилке дорог стоял столб с указателем «Озеро Баргадай – 5 км»

А Бог шельму метит! – сказала девочка. – Пусть твоя дуэль, дядя Сережа? будет баргадайская…

По совету педсовета

Педагогические советы, как правило. Проводили в кабинетах для начальных классов. Никого не раздражал саркастически поглядывающий на всё происходящее великий отечественный сатирик Салтыков-Щедрин, как в кабинете литературы. Не надо было опускать глаза, как в кабинете биологии, перед ясным всезнающим взглядом творца первых мутантов академика Мичурина. А у «начальников» все просто и мило, хотя и не всегда со вкусом.

– Начнем, пожалуй! – директор строго оглядел взъерошенных учителей первой смены, собранных решительных – второй. – Се-

годня мы с вами должны обсудить Концепцию новой школы в свете выступления Президента. Наталья Николаевна, что вы все время руку тяните? Я же сказал: все вопросы после моего сообщения.

– Александр Васильевич, там мама Томошова пришла! Ивану срочно нужна характеристика в «кадеты». Можно я выйду на десять минут?

– Идите, только быстрее! – недовольно буркнул директории, заглянув в бумажку, твердо начал. – Президент правильно отметил в своем выступлении, что в век освоения и внедрения нанатехнологий негоже вести уроки по-старому. В цивилизованной Европе запущен Большой адронный коллайдер, а наши обучающиеся: Репин, Игнатьева… Ольга Геннадьевна, что у вас там случилось? Отключать нужно телефоны перед таким педсоветом.

– Александр Васильевич, дочка приехала всего на один день! Можно я побегу. Не даст ведь покоя, – учительница химии для убедительности прижала руки к груди.

– Идите, только, пожалуйста, побыстрее! – снова пробурчал директор и продолжил, уже не глядя в бумажку. – Коллайдер уже разгоняет быстрые нейтроны, уже обрабатываются первые результаты и … Галина Михайловна, что за окном гораздо интересней?

– Александр Васильевич, там Ванька Тюхтиков Лебедева в снег закапывает. Живьём! Я можно выйду, разберусь быстренько!

– Разумеется, идите! А лучше бегите. Чем быстрее, тем лучше, рассердился шеф – Результаты обрабатываются… они никуда не годные,… а Репин, Игнатьева… результаты.

– Александр Васильевич, они обнаглели совсем. Можно я выйду и по шее. Вот! Вот, смотрите! Наглецы, какие! Стоят и курят, и улыбаются прямо в окно. Можно, а? – подпрыгивала на стуле учительница математики Наталья Михайловна.

– А подождать нельзя было? Они с пятого класса курят! И выпивают с девятого? – рассвирепел директор. Идите, можете покурить вместе с ними.

– Вот спасибочки-то, сейчас я им задам перцу курякам этим, – обрадовалась учительница математики и классный руководитель 11 «А» и тут же исчезла за дверью.

Директор попытался унять прыгающие щеки, вытер платком лоб, покрытый испариной и протянул руку к «Ежедневнику». Мысли прыгали, как и щеки, путались и рвались. Он собрал

волю в кулак и хотел продолжить заседание. Как вдруг… Смех взрывом пластида прогремел с последней парты, где сидели два учителя-мужчины: истории и ОБЖ, прокатился по классу и, отразившись от школьной доски, выскользнул в замочную скважину и понесся по школьным коридорам. Мужчины покатывались со смеху, заражая безудержным весельем остальных. Откуда-то сверху, видимо из кабинета физики, на прочном бельевом шнуре опускался кусок ДВП, отломанный как попало. На нем красным маркером старательно было выведено: «Эслиф неперивedети Вакарова зарву школу». Ниже стояла размашистая подпись: Вакаров. В это время зазвенел звонок: нужно начинать вторую смену.

Директор аккуратно сложил листки в толстую тетрадь, молча, вышел. Вернувшись в свой кабинет, он включил комп, нашел список 9 «А», нашел фамилию Вакаров В. и нажал клавишу «Делит». Ученик Вакаров из списка исчез, как и не было

Янтарные слёзы Балтики

Цветы должны быть без повода,
Счастье должно быть настоящим,
Дом – тёплым, любовь – взаимной,
Погода… – а без разницы, какая погода…

Не волна – так волнушка, крайняя из последних – подержала на белых ладошках маленький коричнево-желтый камешек, выплеснула его на берег и, сердито шурша, вернулась в сентябрьское море, где её ждали такие же белогривые подружки.

Высокий старик подошёл к тонкой двери, разделяющей крошечный номер на две равных половины, прислушался и, улыбнувшись каким-то своим мыслям, начал спускаться по крутым ступенькам лестницы к морю.

За Нормандской башней начинался закрытый платный пляж. Юрмала… Вот она – Балтика!

Больше тридцати лет прошло с тех пор, когда он стоял почти на том же самом месте: песок, шесть не очень высоких и не очень прямых сосен и … море. Тёмное и холодное, оно было живым. И не было ни отеля, ни узеньких мощёных тротуаров, ни этой крутой лестницы.

Просто давным-давно, очень давно плакали здесь гигантские секвойи смоляными горючими слезами, роняя их в зелёный полог тропических лесов; колючее, угластое Время превращало их в жёлтые и коричневые камни, а бурная и могучая Лета уносила их в огромное Северное море. Шторма и ветры эти камни ломали, вода и песок – шлифовали, а подводные течения разносили по побережью. Собирали их люди: латыши и русские, местные и приезжие, счастливые и … совсем потерянные.

Он присел на выбеленную солнцем и морем корягу-рогач и погрузился в воспоминания…

Меж тем женщина в маленьком номере наверху встала, накинула лёгкий халатик и отдёрнула тяжёлую портьеру. Она до сих пор не могла прийти в себя. Сон её был лёгок и осязаем – он имел цвет, форму и запах. Её сон сидел внизу на берегу моря: серый двубортный пиджак, лёгкие не по сезону серые брюки, мягкая серая шляпа и коричневой замши отнюдь не новые туфли.

Женщина шустрым метеором скользнула по комнатке в душевую кабину, по пути поправляя постель, пунцовые розы на столе и сбившуюся немного странную причёску. В душевой она движением плеча сбросила халат и встала обнажённая перед зеркалом. В зеркале отразилось далеко не юное, но очень славно скроенное создание. Создание украшали влажные, глубокие и сияющие глаза и какая-то детская, довольная и совершенно несмываемая улыбка. Быстрым движением она провела руками по груди вниз живота, как бы закрывая на замок сладкие фанфары её ликующей плоти и, взвизгнув, нырнула в тугие струи воды.

Он слышал звук льющейся воды. «Раздеться и прыгнуть в её мокрые объятия!» – мелькнула мыслишка-шалунья, но она с большим тюрбаном на голове уже шагнула ему навстречу, прильнула ещё влажным телом к нему. Одежда висела на спинке стула.

– Молчи! Мужчины умеют тремя словами всё испортить…– она приложила указательный палец к его губам.

– Как скажешь, родная! – он слегка куснул её за палец и улыбнулся…

– Так-таки и … родная? Не двоюродная? Не седьмая вода на киселе? – она привстала на носки и глаза её оказались на уровне его губ.

– Близких не целуют в глаза, Солнце!

– Почему?

– Так говорят… – он пожал плечами.

Вы когда-нибудь видели ситуацию глупее той, в которой оказались они. Он в костюме и шляпе, набитый за длинную жизнь разными условностями и старческими комплексами, и она, в наряде Евы, с дурацким махровым полотенцем на голове, свёрнутым в тугую… фигу, русская женщина с полувековым латышским менталитетом. Они стояли посреди небольшой комнаты солидного отеля на Балтийском побережье, тесно прижавшись друг к другу.

Глаза в глаза…

Губы к губам…

– Я сегодня вечером… уезжаю, – он смотрел на неё с грустью и нежностью сверху вниз.

– Молчи! Я всё знаю… – она стукнула несильно его кулаками по груди.

– Откуда? Я же тебе ничего…

– Молчи! Знаешь, счастье обладания, всегда короче и слаще счастья… ожидания. И не надо его… укорачивать.

Она легко отстранилась и стала молча одеваться, не стесняясь, медленно и некрасиво.

Молчал и он. Все слова, сначала горячие и страстные, а потом простые и сердечные, были сказаны ночью. Он подбрасывал, перекидывая с ладони на ладонь, жёлтый камешек, который нашёл на берегу ещё утром. Это был янтарёк – подарок осенней Балтики.

Уже одетая и причёсанная, она щёлкнула замком новомодной сумочки и достала нитку янтарных бус и протянула ему:

– Возьми это! Подаришь там… у себя в Сибири… любимой! Это слёзы Балтики… мои слёзы! Пусть она никогда не плачет!

Камешки бус были похожи на тот, который он держал в ладони.

Сто десять метров с барьерами

Так призови меня и награди!
Твой баловень, обласканный тобою,
Утешусь, прислонясь к твоей груди,
Умоюсь твоей стужей голубою…

Б. Ахмадулина

1

Все было вопреки здравому смыслу и времени, которое к середине осени совсем перестало двигаться, и здравому смыслу. Возле ресторана «Огни Тайшета» она, как всегда осторожно, перешла улицу и нырнула в подъезд здания управления образования, где когда-то глубоко и основательно пахала ниву образования. Она поднялась на второй этаж и направилась, было, в конец коридора, где располагались профсоюзы, как вдруг…

Нет-нет, еще не вдруг! Ее одновременно глодали две отрицательные эмоции и одно непонятно откуда накатывающее ощущение. Ощущение чего? С эмоциями – ясно. Разговор с риелтором о продаже квартиры, мягко говоря, огорчал. Ее нужно было срочно продать. И тогда сам собой развяжется узел с мужем. Развелись десять лет назад, но долгое время вынуждены были жить вместе, если это можно назвать жизнью. Результат: съемная квартира. Все разговоры о квартире, и сами риелторы, и даже собственно сделка уже которую неделю поднимали в душе такую муть, сеяли такие тоску и уныние, что в пору бежать за Можай. Вторая отрицательная эмоция – сынок! Собственно не сам сынок, которого она любила, несмотря на то, что он ее скоропалительно сделал бабушкой, а его дорогие в прямом и переносном смысле хвосты. Ему надо ехать – думала она – оставлять жену и маленького ребенка и рубить, рубить хвосты, А ей надо переводить деньги. Много денег. Чем больше, тем лучше. Договорится ли о пересдаче? Где будет жить? Что будет есть? Да мало ли о чем может думать замотанная двумя ставками, старенькой мамой, неустроенной дочкой, сетевым маркетингом, живущая на съемной квартире учителка накануне Дня учителя! Две последних недели особенно донимала одна. Бросить все к черту в городе: дурацкую работу, съедающую мозг без остатка и отнимающую все силы, съемную квартиру, за которую нужно платить ежемесячно бешеные деньги, раздевающийся к зиме грязный и некрасивый город и уехать в деревню, в отцовский дом, уютный и теплый.

А ощущение уже заползло и потихоньку заполняло душу. Не ощущение. Скорее, его предчувствие. Предощущение. Как будто сквозь рев очередного тайфуна, пытающегося смыть несчастных испуганных американцев с полуострова Флорида, сквозь треск телетайпов тысяч брокерских кампаний, кричащих на всех языках

мира о падении курса акций «Крайслера», сквозь шелест опадающей с берез желтой листвы, пробивался царапающий душу не то скрежет, не то шепот

– И-ри-шеч-ка-а-а! Сол-ныш-ко-о-о! Я тебя…

Последние слова, как она не напрягала слух, ей никак не удавалось расслышать.

2

Все было вопреки времени, которое, похоже, осенью останавливалось, и логике, которую он сдал тридцать лет назад на «отлично». Здравый же смысл здесь отсутствовал напрочь. Возле ресторана «Огни Тайшета» он перебежал улицу, как всегда на «красный», и вошел в здание управления образования, факт существования которого он не признавал. Появление между учеником и учителем органа, который ел, пил, спал и требовал от него, учителя, массу никому не нужных отчетов, придуманных показателей, мягко говоря, его огорчало. Две отрицательных эмоции и непонятно где сосущее ощущение обглодали его до костей, так что едва держались брюки. Первая, неотвязная и неотступная, была вызвана смертью жены, которую он похоронил в июле. Прожили они больше тридцати лет. Она родила двух замечательных мальчишек и сгорела от рака.

Вторая – «мент», приносящий уже на третье заседание суда характеристики, что он – «мент» хороший, отличный семьянин, всеми (посмотреть бы на одного!) уважаемый работник. А этот «хороший семьянин» чуть было не оторвал собственному сыну-второкласснику ухо за спрятанную бутылку «Водки». Правда, это в суде никого не волновало: третий раз находились тысячи причин, оправдывающие действия милиционера. К эмоциям такого рода примешивались ощущения, противные и прилипчивые. Остофигели огороды всех сортов и расцветок – думал он. Дизайнер хренов!

Нашел себе забаву на старости лет! Руки-то две уже более четверти века, а ртов – с добрый десяток наберется. Что тебе не хватит на зиму мешка картошки? Сел бы в поезд и – в Ригу. Там дядька! Или в Находку, к племяшке! Какой год уж зовет! Пыль провинциальную с ушей бы стряхнул. А то читает на уроке: «Беле-

ет парус одинокий в тумане моря голубом…», а сам моря-то и не видел за всю свою жизнь. Местное постогородное осеннее ощущение напрямую и крепко было привязано к мировой скорби: не сгорел в Европе под Цюрихом и Женевой тридцатитонный трансформатор большого андронного коллайдера, а, сыто урча, стабильно и исправно разгоняет быстрые нейтроны на благо пра-пра-правнуков. Они разгоняются все быстрее и гудят, гудят. И сквозь этот гул слышно далекое-предалекое:

– Се-ре-жеч-ка! Ры-боч-ка! Я тебя…

Последнее слово, как он не напрягал слух, ему никак не удавалось расслышать.

3

Чтобы им оказаться в нужное время в нужном месте мотив уже был. Был и проблеск смысла в их нежданной-негаданной встрече: слишком длинной, нескончаемой казалась в их жизнях черная полоса, которая стелилась на все четыре стороны, чавкала конторской суглинистой весновспашкой. Слишком долго они были окружены толпами людей: родными и близкими, учителями и учениками, просто прохожими и незнакомыми по форме, а по сути, по гамбургскому счету оставались наедине с собой. Побыть с самим собой бывает полезно, но не в таком количестве. Вечера, а особенно беззвездные ночи, были мучительны, выходные и праздники – невыносимыми. И чего, казалось бы, надо? Социальный статус определен у обоих четко. Она учительница! Мать и бабушка, хотя еще и дочь. Сразу и свекровь, и теща. В браке состояла, но разведена. В партии была, да отлучили. Не владеет, не привлекалась. Удивительно! Но в ней не было жажды противоположного пола. В ней не было ни распутства, ни цинизма. В ней не было даже учительского высокомерия. Из своих учеников она легко, без натуги ваяла маленьких, но основательных человечков: добрых, светлых, как она сама, легких на подъем и общение. Ваяла не с восьми до пяти, а, как ее мать, от зари до зари…

Нет, девчонки в школе не раз делали поползновения, каждый раз все более робкие, познакомить ее, подводили, так сказать, коня, давали ей шанс. Но ловить на такой мизер человеку, обжегшемуся

на молоке… И она дула, усердно дула на воду. Вечером по сложившейся привычке брала в руки женский роман из навороченных серий «Шарм» или «Откровение», а мысли скользили по поверхности сюжета, как камешки по воде. Очередная Джейн, Рони или Барбара сжимала зубы и отдавалась прямо на песке на берегу океана или на инкрустированном слоновой костью ложе эмиратского шейха, а она ложилась на свой диван-трансформер одна на сто десять процентов уверенная, что доцеловать ее плечи никому и в голову-то не взбредет, хотя… Где-то в самом закоулке ее « порочного» сердца (настоящий порок!) жила маленькая – премаленькая и глупенькая-преглупенькая даже не сама надежда, а ее праправнучка. А вдруг!..

4

Конечно, и ему коллеги по учительскому цеху женского пола делали различные, порой скабрезные, предложения, наперебой расхваливая своих сестер и знакомых, размеры их бюстов и достоинства их душ, читательские пристрастия, гастрономичекие и кулинарные способности. Кто в шутку, кто всерьез набивался в свахи, хотя все знали: прошло немногим больше месяца после похорон жены. Именно жены! Официально он был разведен, но все сделал, как полагалось. Бумага – это такая мелочь, которая ничто в сравнении с настоящими чувствами. Болезнь без скидок и прикрас расставила все на свои места. Так бывает, что чужие люди неожиданно становятся дорогими и близкими, родственники отходят в сторону. Рак – странная и малоизученная болячка! Так, на всякий случай.

Удивительно, но их тридцатипятилетнее па-де-де сложилось в великолепный танец, трагический и комический одновременно. Результатом этого долгого танца стали два отличных сыночка, которые давно жили отдельно. Он остался один с кучей невообразимых талантов. Спиртзаводской интеллигент в первом поколении, он преподавал русский язык и литературу в школе, на старости выучился и получил второй диплом – ландшафтного дизайнера (на фига!), вел кружки флористики и стрелковый, писал стихи и песни, резал, пилил, строгал и…страдал. Страдал давно и запоем от одиночества. Чем больше он страдал, тем глубже были запои. Чем

глубже были запои, тем более подозрительным становился он. Он подозревал, что он – Олицетворение Вселенской Совести, которое в условиях полусгнившего общества, не может достойно исполнять свою функцию – пленять и впечатлять, а по сему все прекрасное на земле: стихи, цветы и звезды – есть не что иное, как суета сует. Все поняли: он просто спивался. Догнал его проклятый спиртзавод! Ранил почти на излете!

Не протяни ему руку помощи покойная жена, неизвестно под каким забором нашли бы его косточки. А сейчас он был трезв – подлечился! – и зол на свои ощущения. О новой хозяйке не помышлял. Стоп! Здесь что-то не так! Думал, конечно, думал, но не о хозяйке. Он с гриновским упрямством верил в «Алые паруса». Только с точностью до наоборот. Найдется его Асоль! Придет. Приедет. Приплывет. Не может она. Она не может до него не добраться. Она будет не очень высокая и не самая красивая, но это будет его Асоль, родная и близкая, ближе и дороже которой не бывает. Это была не слепая вера-верочка, не глупая надежда-надеждочка, а не-по-ко-ле-би-ма-я у-ве-ре-ни-ща.

Он брал гитару, левой рукой трогал тугой неподатливый колок и долго-долго гонялся за ускользающей мелодией осени. Мелодия была тихая, светлая и печальная, похожая на эту осень.

5

– Боже, какие люди! – он, рисуясь (кругом же стояли люди), но как-то суетливо ухватил ее за руку и пытался поцеловать.

– Обыкновенные люди, как все! – она почувствовала неловкость (кругом стояли и сидели люди) и смущенно улыбнулась. Получилось это премило.

– Сто лет не виделись! Позвольте облобызать вашу руку? – продолжал он играть, ощущая нелепость того, что говорил и делал.

– Ой, мама! Прямо эротическое кино! – из-за ее плеча вынырнуло улыбающееся лицо директора его школы. И добавил. – Ну, вы даете, ребята!

– А чего? Просто встретились старые знакомые, – поторопился он с ответом, но руку отпустил.

Три неуклюжих фразы, десять незамысловатых слов, два неловких жеста – вот и вся сцена. И не было никакой искры. Через

пару минут все разошлись, куда шли: Директор зашел в кабинет заведующей, она – в профком, а он вышел на задний двор управления образования – покурить с шоферами.

– Ты, старый идиот, зачем заходил сюда? – с какой-то неожиданной злостью подумал он про себя. Про себя он привык думать во втором лице. – Засветиться? Ну, засветился!.. Третий раз принес девчонкам-методистам цветы, поздравил с днем Учителя. Вежливый, блин! Оно тебе надо? А им? Сморщенный, лысый, беззубый придурок с интеллигентскими заморочками! А, может, надо не сколько им, сколько тебе?

И вдруг – еще больше вдруг, чем разозлился – ему захотелось увидеть ее лицо, ее улыбку, снова взять за руку Он через вестибюль управления выскочил на крыльцо и …увидел ее пальто. Секунда, – и она скрылась в толпе. Нет, он не побежал за ней. Он почему-то твердо знал, был абсолютно уверен: она уже никуда не уйдет. Как бы нехотя он перекинулся парой фраз – так, пустяковых – с цветочницами. Они знали его. Три раза в неделю он покупал флоксы! Кому? А им, собственно, какая разница. Берет, платит- значит, надо! Он зашел в магазин. Через стекло витрины увидел ее. Она сделала какую-то покупку. В руке мелькнуло алое – неужели алые паруса! – и скрылось в пакете. А вот сейчас ее надо догнать..

Она нисколько не удивилась, когда он решительно взял ее за руку. Это было не прикосновение твердой мужской руки, требующее однозначного ответа, быстрого и утвердительного, а легкое касание ангелова крыла, от которого пробежали крупные мурашки по внутренней поверхности сердца. Внутри стало жарко, снаружи – зябко, а все вместе складывалось в приятную, сладостную тяжесть. Даже в самых смелых своих фантазиях она не могла предположить, что через три дня две эти руки, горячие и сухие, станут самыми любимыми и будут ее сжимать и гладить, ласкать каждый кусочек ее тела. Все сегодня было вопреки времени, которое к середине осени вообще переставало двигаться, и здравому смыслу.

– Ну, привет! Еще раз, – отдуваясь, произнес он. – Сразу три привета!

– Привет! Сегодня вроде уже здоровались, – она улыбнулась той, очаровавшей его улыбкой.

– Хорошему человеку пожелать здоровья и десять раз на дню не грех.

– Кто это тебе сказал, что ты хороший?

– Сам знаю! – глядя ей прямо в глаза, сказал он.

Он видел ее несмываемую улыбку и понимал, что улыбается она своим тайным мыслям. А она вспоминала совсем недавний разговор с женой того самого директора, которого они встретили в управе. Они обе работали в младших классах, а на перемене, следя за своими сорванцами, успевали обговаривать городские новости, свои большие и маленькие проблемы. И вот неделю назад Вера, открытая и прямая, сказала разговоре то ли шутя, то ли серьезно, что де мол пропадает такой мужик, не пьющий теперь, вдовец, дети выросли, а уж умища-то палата, да и ей жизнь свою пора устраивать. Она тогда посмеялась над такой фантазией Веры, а она, фантазия-то, тут как тут, из плоти и крови. И снова улыбнулась.

– Классно она улыбается, – думал он, – маняще – зовуще – трепетно!

Они шли по центральной улице и болтали обо всем на свете. Она выразила соболезнование, посочувствовала, рассказала о делах в школе и в классе и как-то мимоходом сообщила, что уже десять лет разведена. Алое оказалось красным и не парусом, а новоизобретенной шинковкой для капусты.

– А не попить ли нам чаю? У меня? Здесь совсем рядом! – неожиданно предложил он. – Кстати, есть соленые хариусы.

– Мне через час нужно быть в школе, – сообщила она грустно.

– Мне час назад нужно было быть в школе! – он уверенно повернул к своему дому. И сейчас не было никакой искры. Слова и слова. Но в них столько затаенной надежды, столько тепла и участия, что они не могут уже просто так растаять в осеннем воздухе. Они не растают, не растворятся в череде событий. Они отольются в дела. В добрые дела для них самих и для людей. А над городом стояла фантастическая осень. Березы роняли желтые пятаки, ковром устилавшие землю. Они пахли неожиданно свежо: весной и любовью.

СОДЕРЖАНИЕ

Тайшет литературный.....3

Вячеслав Архипов 5

Повести 7
Искры на воде 7
Камышлеева деревня 79

Надежда Дегтярёва 294

Расказы 296
Город, где ты живешь 296
Дом 299
Собаки 302
Падучая 306
Таёжный чай 310
Дедушка 321
Памятка бабы Аси. Жизнь 324
Телефон 334
Нежность 339
Монолог 342

Владимир Рапацевич 345

Рассказы 347
Свидание с родиной 347
Баба Катя 350
В Курзане 354
Про брата Шурку, Назаркина Кольку
и черемуху без косточек 356
Пожар 361
Мой друг Валька 363
Поездка за братом 369

Сергей Стахеев 403

Рассказы 405
Речки моей рассказки. Рассказка первая – сказочная 405
Вторая рассказка 406
Третья рассказка 410
Четвёртая рассказка 413
Пятая рассказка – зоологическая 416
Букет для выставки 419
Пигалица 425
Три важных открытия!!! 428
Лови момент 429
Когда на улице – 45 433
Баргадайская дуэль 434
По совету педсовета 439
Янтарные слёзы Балтики 441
Сто десять метров с барьерами 443